

ISSN 2220-2404 (печать)

ISSN 2221-1373 (on-line)

№ 2

2026

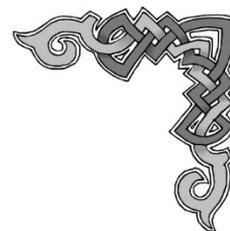
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

**HUMANITIES,
SOCIAL-ECONOMIC
AND SOCIAL SCIENCES**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ



**ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВО «Адыгейский
государственный университет»**



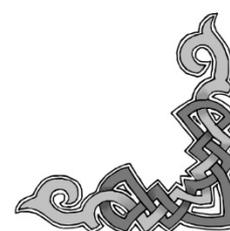
16+

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

**Научный журнал
www.online-science.ru**



**№ 2
2026**





**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**



Сетевое издание / Online edition

№ 2 от 25.02.2026

Выходит 12 раз в год

www.online-science.ru

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 248-12/2025 от 03.12.2025 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВО

«Адыгейский государственный университет»

ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Наука и образование»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

ООО «Наука и образование»; 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

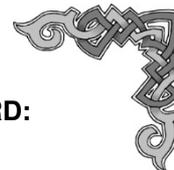
Гапоненко Владимир Федосович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный сотрудник МВД России, действительный член Международной академии наук ООН информационных систем и технологических процессов, действительный член Академии военных наук РФ, награжден Почетным знаком «Международное признание», Академия управления МВД России;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;



EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Head of the Educational and Methodological Department of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir F. Gaponenko, Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, full member of the International Academy of Sciences of the United Nations of Information Systems and Technological Processes, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, awarded the Honorary Badge «International Recognition», Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Sergey V. Ivantsov, Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, и.о. декана экономического факультета Киргизско-Российского университета им. Б.Н. Ельцина, директор Международного аналитического клуба «Иссык-Куль-Большая Евразия», член Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза», отделения общественных наук РАН, член Секретариата координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК);

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук, Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot';

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Acting Dean of the Faculty of Economics at the B.N. Yeltsin Kyrgyz-Russian University, Director of the Issyk-Kul-Greater Eurasia International Analytical Club, Member of the Scientific Council on Social, Political, and Demographic Issues in the Formation of the Eurasian Economic Union, Department of Social Sciences at the Russian Academy of Sciences, and Member of the Secretariat of the Coordination Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium (EIAC);

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Сапрыкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, доцент, директор филиала Российского общества «Знание» в Донецкой Народной Республике;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Lyudmila N. Saprykina, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the branch of the Russian Society «Knowledge» in the Donetsk People's Republic;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

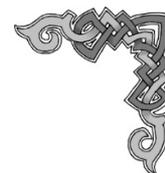
Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Russian Academy of Natural Sciences;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».



ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Вакула И.М., Понеделков А.В. Социально-гуманитарные аспекты развития искусственного интеллекта	13
Акимова А.А., Нурилова А.З. Региональная специфика межэтнических отношений (на примере Республики Дагестан)	19
Барсуков С.В., Терентьева Е.А., Матвеев Д.Г. Спортивно-оздоровительный досуг как компонент повседневной жизни современного российского студенчества: факторы формирования и перспективные направления развития	27
Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин П.С. Сравнительный анализ социально-экономического потенциала городов Ростова-на-Дону и Краснодара в контексте пространственного развития Российской Федерации	35
Копусь Т.Л., Поблагуева Д.Д. Культурная предвзятость больших языковых моделей: методы выявления	43
Коркия Э.Д. Концепт глобального одиночества в сетевом информационном обществе	51
Кузнецов В.В. Формирование туристских маршрутов и программ с учётом развития трансграничного культурного взаимодействия и сохранения идентичности коренных народов Приамурья	56
Муха В.Н., Косивченко Е.В. Технология блокчейн в избирательном процессе: отношение студентов к инновациям в системе голосования	64
Плотников В.В., Самойлов С.Ф. Присутствие как социальный процесс: этнометодологический и микросоциологический анализ эффекта «человека в форме» в общественном месте (на примере сотрудника полиции)	71
Родюкова Т.Н. К вопросу о субъектности во взаимодействии органов власти и населения: проблемы и перспективы	77
Усова Л.В., Лабутина А.В., Усов Е.А. Мультипликационные предпочтения современных школьников как фактор социализации	86

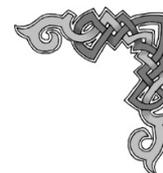
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ахметзянов Б.Р. Применение информационных цифровых технологий при протоколировании следственных действий	95
Иванов Г.Р. Конституционно-правовые механизмы обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в условиях геополитических трансформаций	102
Калякин А.В. Этнокультурная безопасность: понятие, сущность и содержание	110
Кутаева М.В., Лончакова Ю.А. Актуальные проблемы применения процедуры медиации в Российской Федерации	116
Петрова О.А., Руденко А.В. Принципы уголовного судопроизводства как процессуальный фильтр допустимости доказательств	124

Хайруллин И.Ф. Генезис уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов	132
Ходусов А.А. Противодействие хищениям бюджетных средств в социальной сфере с использованием IT-технологий	138
Шилов Ю.М. Предпринимательство как объект публично-правового регулирования в контексте целей социально-экономического развития	144
Якуньков В.В. Теоретические подходы к определению правосубъектности искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья	150

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лакин А.А. Роль инновационной деятельности в усилении технологической независимости экономики	159
Мальцева Ю.А. Медицинский туризм как многоуровневая организационно-экономическая система	169
Терещенко О.В., Гринь М.В. Технологическая трансформация АПК России: вызовы и возможности (часть вторая)	178



CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Ivan M. Vakula, Alexander V. Ponedelkov Social and humanitarian aspects of artificial intelligence development	13
Aida A. Akimova, Albina Z. Nurilova Regional specifics of interethnic relations (on the example of the Republic of Dagestan)	19
Sergey V. Barsukov, Ekaterina A. Terentyeva, Daniil G. Matveev Sports and recreation leisure as a component of the daily life of modern Russian students: factors of formation and promising areas of development	27
Valery V. Kasyanov, Artur K. Manucharyan, Peter S. Samygin Comparative analysis of the socio-economic potential of the cities of Rostov-on-Don and Krasnodar in the context of the spatial development of the Russian Federation	35
Tatyana L. Kopus, Darya D. Poblagueva Cultural bias of large language models: detection methods	43
Eka D. Korkia The concept of global loneliness in a networked information society	51
Vladislav V. Kyznetsov Development of tourist routes and programs taking into account the development of cross-border cultural interaction and the preservation of the identity of the indigenous peoples of the river Amur	56
Viktoriya N. Mukha, Ekaterina V. Kosivchenko Blockchain technology in the electoral process: students' attitudes towards innovations in the voting system	64
Vladimir V. Plotnikov, Sergey F. Samoilov Presence as a social process: an ethnomethodological and microsociological analysis of the «uniform effect» in public spaces (based on a police officer)	71
Tatyana N. Rodyukova On the issue of subjectivity in the interaction between government bodies and the population: problems and prospects	77
Lyubov V. Usova, Anastasia V. Labutina, Evgeny A. Usov Animation preferences of modern students as a factor of socialization	86

JURISPRUDENCE

Bulat R. Akhmetzyanov The use of digital information technologies in the recording of investigative actions	95
Georgiy R. Ivanov Constitutional and legal mechanisms for ensuring state sovereignty of the Russian Federation in the conditions of geopolitical transformations	102
Alexey V. Kalyakin Ethnocultural security: concept, essence and content	110
Maria V. Kutaeva, Yulia A. Lonchakova Current issues of application of the mediation procedure in the Russian Federation	116
Olga A. Petrova, Alexander V. Rudenko Principles of criminal proceedings as a procedural filter for the admissibility of evidence	124
Ildar F. Khairullin The genesis of criminal liability for tax evasion, fees and (or) insurance premiums	132

Alexey A. Khodusov Combating the embezzlement of budget funds in the social sphere using it technologies	138
Yuri M. Shilov Entrepreneurship as an object of public legal regulation in the context of socio-economic development goals	144
Valeriy V. Yakunkov Theoretical approaches to determining legal subjectivity of artificial intelligence in the field of health protection	150

ECONOMIC SCIENCES

Alexander A. Lakin The role of innovation in strengthening technological independence of the economy	159
Yulia A. Maltseva Medical tourism as a multi-level organizational and economic system	169
Olesya V. Tereshchenko, Maksim V. Grin Technological transformation of the Russian Agro-Industrial Complex: challenges and opportunities (part two)	178

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-1>

УДК 004.8



Attribution

cc by

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аверин А.Н.¹, Вакула И.М.², Понеделков А.В.³

*¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,*

²Ростовский юридический институт МВД России,

*³Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. Об актуальности темы свидетельствует то обстоятельство, что искусственный интеллект становится стратегическим направлением, важным инструментом формирования общественного мнения, в России формируется национальный план внедрения генеративного искусственного интеллекта на уровне страны, в отраслях и регионах, организуется штаб по внедрению искусственного интеллекта и руководства этой отраслью. Создание и использования искусственного интеллекта связано с естественными, техническими и социально-гуманитарными науками. Целью статьи является анализ социально-гуманитарных аспектов искусственного интеллекта. Объект изучения – правовой, социально-философский, этический, социологический и экономический аспекты. Данные аспекты выбраны для рассмотрения в связи с наличием таких социально-гуманитарных дисциплин, как право, философия, этика, социология и экономика. В качестве результатов исследования нужно выделить рассмотрение кодексов этики в сфере искусственного интеллекта; этики применения искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья; этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке. Рассмотрено использование искусственного интеллекта в образовании, сервисов для работы с текстами, презентациями, изображениями, для транскрипции с работой с аудио и видео материалами, работы со звуком, стратегии для написания запроса искусственному интеллекту. Представляет несомненный интерес анализ проблемы возможности искусственного интеллекта мыслить. Основной вывод состоит в том, что искусственный интеллект является важным инструментом в деятельности человека, а не полной его заменой, прежде всего, в способности мыслить, как человек. Опубликовано значительное количество работ по искусственному интеллекту. Для примера можно назвать работы по использованию искусственного интеллекта в социальной сфере – методология реализации искусственного интеллекта в высшем образовании с применением дистанционных образовательных технологий, искусственный интеллект в образовании, медицине, в сфере культуры и искусства, искусственный интеллект и межкультурная коммуникация. Учитывая социально-гуманитарные аспекты исследования, нужно указать такие публикации, как теоретико-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в юридической сфере, применение искусственного интеллекта в гражданско-правовых отношениях, искусственный интеллект в правовой культуре и правосознании, право и этика искусственного интеллекта, этика и безопасность применения искусственного интеллекта, искусственный интеллект в экономике, бизнесе, банковской сфере, философия и методология искусственного интеллекта, репрезентация знания в философии и в искусственном интеллекте, философский вызов и онтологический эффект искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, кодекс, мозг, мышление, нормативно-правовое регулирование, образование, психика, сервис, сознание, стратегия, технология, философия, экономика, этика.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIAL AND HUMANITARIAN ASPECTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT

Alexander N. Averin¹, Ivan M. Vakula², Alexander V. Ponedelkov³

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

³South-Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Abstract. The relevance of the topic is evidenced by the fact that artificial intelligence is becoming a strategic direction, an important tool for shaping public opinion, a national plan for the introduction of generative artificial intelligence at the national level, in industries and regions is being formed in Russia, a headquarters for the introduction of artificial intelligence and the leadership of this industry is being created. The creation and use of artificial intelligence is related to natural, technical, and socio-humanitarian sciences. The purpose of the article is to analyze the socio-humanitarian aspects of artificial intelligence. The object of study is legal, philosophical, ethical, and economic aspects. These aspects are chosen for consideration due to the presence of such social and humanitarian disciplines as law, philosophy, ethics, economics. The results of the study include consideration of codes of ethics in the field of artificial intelligence; ethics of the use of artificial intelligence in the field of health protection; ethics in the development and application of artificial intelligence in the financial market. The use of artificial intelligence in education, services for working with texts, presentations, images, for transcription with audio and video materials, working with sound, and strategies for writing a query to artificial intelligence are considered. The analysis of the problem of the ability of artificial intelligence to think is of undoubted interest. The main conclusion is that artificial intelligence is an important tool in human activity, and not its complete replacement, primarily in the ability to think like a human. A significant number of papers on artificial intelligence have been published. For example, we can mention works on the use of artificial intelligence in the social sphere – the methodology of implementing artificial intelligence in higher education using distance learning technologies, artificial intelligence in education, medicine, culture and art, artificial intelligence and intercultural communication. Taking into account the socio-humanitarian aspects of the research, it is necessary to indicate such publications as the theoretical and legal regulation of the use of artificial intelligence in the legal field, the use of artificial intelligence in civil law relations, artificial intelligence in legal culture and legal awareness, the law and ethics of artificial intelligence, ethics and safety of the use of artificial intelligence, artificial intelligence in economics, business, banking, philosophy and methodology of artificial intelligence, representation of knowledge in philosophy and artificial intelligence, the philosophical challenge and the ontological effect of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, code, brain, thinking, legal regulation, education, psyche, service, consciousness, strategy, technology, philosophy, economics, ethics.

Funding: Independent work.

Введение.

Искусственный интеллект включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [1]. Важно подчеркнуть, что технологии искусственного интеллекта могут принимать решения без участия человека. С его помощью можно получить результаты, превосходящие результаты, полученные человеком, или сопоставимые с результатами его деятельности.

Обсуждение. Результаты.

Искусственный интеллект способствует автоматизации в решении рутинных задач, проверке документов, повышает скорость обработки данных, осуществляет прогноз. Он используется в сфере национальной безопасности, экономике,

бизнесе, на рынке труда, в социальной сфере – здравоохранении, образовании, культуре, организации отдыха, управлении, деятельности публичной власти, праве, науке, повседневной жизни при получении различных услуг.

Значительное влияние оказывает искусственный интеллект на образование. Преподаватели и обучающиеся в системе среднего, среднего специального, высшего и дополнительного образования применяют технологии искусственного интеллекта в процессе обучения для получения и использования необходимой информации.

Необходимо особо подчеркнуть, что обучающиеся, используя искусственный интеллект, должны научиться самостоятельно мыслить. В образовании используются различные сервисы искусственного интеллекта. К ним относятся сервисы для работы с текстами, презентациями, изобра-

жениями, транскрипции для работы с аудио и видео материалами, работы со звуком.

Для работы с текстами используются сервисы GigaChat, YandexEPTLIT, Яндекс Переводчик, Нейроэксперт, Всезнайка, Retextai, Кампус, Летучка, Robotext. С помощью GigaChat можно производить текст, изображение, анализировать документ, создать изображение, YandexEPTLIT – генерировать текст, Яндекс Переводчик – переводить текст с одного языка на другой язык, редактировать текст, исправлять ошибки, Нейроэксперт – ориентироваться в большом количестве прикрепленных к сервису файлов и ссылок, Всезнайка – работать с текстами и задачами, создавать картинки, переписывать текст, переводить с одного языка на другой язык, получить отзыв, делать заголовки к тексту, дописать текст, Retextai – перефразировать текст, проверить грамматику, повысить уникальность готового текста, генерировать новый текст, Кампус – решать учебную задачу, написать текстовую работу, Летучка – создать текст на основе учебных материалов, Robotext – написать сочинение, эссе, реферат, статью.

Для создания презентации используются сервисы Presentsimple, Slider, SliderPoint, которые дают возможность создавать и редактировать презентации по теме, тексту, файлу.

Сервисами для работы с изображениями и видео являются Kandinski – генерация изображения, анимации и коротких видео по текстам, запрос пользователя, выбор и изменение стиля изображения, редактирование текста с картинками, создание коротких роликов на основе текстового описания, Шедеврум – генерация, редактирование изображения, презентация, Visper – создание видеоролика, Компьютерное зрение – работа с изображением, AcetoneAi – изменение фона изображения, удаление объекта с изображения, применение обработки на несколько файлов, Benzin – удаление фона с изображения.

Транскрипция и работа со звуком может осуществляться при помощи сервисов Писец – работа с аудио и видео материалами, FollowUP – ведение заметок и протоколирование онлайн встреч, редактирование текста, Zvukogram – озвучка текста и файла.

Для написания запроса искусственному интеллекту можно использовать такие стратегии, как Zero-Shot Prompting, Few-Shot Prompting, Iterative Refinement, Chain of Thought. Стратегия Zero-Shot Prompting предоставляет возможность формулировать конкретные и точные запросы, формировать задачу и контекст, указывать требования к ответу на запрос, Few-Shot Prompting – указывать на что нужно ориентироваться при составлении ответа на запрос, скопировать стиль текста, написать новый текст в таком же стиле, доработать текст, Iterative Refinement – последовательно доучивать модель на материале, который она создала, развивать контекст, дополнять текст, Chain of Thought – поэтапное

рассуждение решения сложной задачи, перепроверка решения задачи.

Пока что искусственный интеллект может решать узкоспециализированные задачи. В перспективе предусмотрено создание универсального искусственного интеллекта [1].

Для анализа социально-философского аспекта несомненный интерес представляет рассмотрение проблемы возможности искусственного интеллекта мыслить. Здесь возникает несколько вопросов. Прежде всего, вопрос о понимании психики человека, в которой выделяют три уровня – подсознательный, бессознательный сознательный. Подсознательное включает установки, навыки, бессознательное – интуицию, воспоминание, влечение, инстинкты, страсти, переживания.

В структуру сознания как высшего уровня психики входят ощущения, восприятие, представления, мышление, эмоциональная сфера, память, воля. Эмоциональная сфера объединяет чувства и эмоции. Если мышление на уровне рассудка оперирует абстракциями в пределах определенного шаблона, стандарта, то на уровне разума творчески оперирует абстракциями, понятиями, суждениями, умозаключениями.

Сознание неотделимо от самосознания, которое существует в пределах сознания. Сознание направлено не только на отражение внешнего мира, но и на осмысление самого сознания.

В самосознании объектом осмысления являются собственные мысли, представления, чувства, переживания, цели, поведение человека. Самосознание – это познание человеком самого себя. Самосознание существует в связи с умением человека оценивать свои поступки, действия, слова, мысли.

Самосознание связано с рефлексией. Рефлексия означает, что сознание является специальной аналитической деятельностью человека. Рефлексия предполагает размышление человека о самом себе, своем внутреннем духовном мире. Будет ли искусственный интеллект иметь навыки, интуицию, эмоциональную сферу, разум, самосознание, рефлексию? Пока это достаточно трудно представить.

В философской литературе дается различное понимание мышления. П.В. Алексеев и А.В. Панин считают, что мышление – это сфера общих понятий, аналитико-синтетических мыслительных операций и жестких логических доказательств [2, с. 158].

По мнению А.Г. Спиркина, мышление представляет собой ступень сознания о целенаправленном, опосредованном и обобщенном отражении человеком существенных свойств и отношений вещей, в творческом созидании новых идей, в постановке проблем и их решении» [3, с. 99]. Под сознанием понимается высшая, связанная с речью функция мозга человека, которая за-

ключается в обобщенном и целенаправленном отражении действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтролировании поведения человека» [4, с. 383].

Согласно другой точки зрения, существует более широкое понимание мышления. В.П. Тугаринов предлагает из определения мышления исключить все специфические характеристики мышления человека. Мышление может совершаться любым субстратом [5, с. 184].

Весьма интересным является вопрос о связи сознания и души, их связи с телом. При одном подходе утверждается о самостоятельном существовании души по отношению к сознанию, при другом подходе душа рассматривается в связи с сознанием; причем, одни философы считают, что сознание есть проявление души, другие философы признают понятие «сознание» по объему шире понятия «душа». Вариантами решения вопроса о связи души и тела являются, к примеру, физикализм, признающий, что душа без тела не существует, и спиритуализм, который утверждает, что душа не является функцией тела и существует само по себе. В контексте с этих точек зрения, возникает вопрос: Будет ли иметь душу сильный искусственный интеллект?

Существование сознания связано с наличием человеческого мозга, который является носителем, субстратом сознания. В этой связи, следует в философском понимании способности искусственного интеллекта мыслить, обозначить такой вопрос, как взаимоотношение психического и физиологического, иначе говоря, связь с психофизиологической проблемой.

С одной стороны, материальные физиологические процессы воздействуют на духовные психические процессы; с другой стороны, психические процессы, будучи духовными, идеальными, оказывают влияние на материальные физиологические процессы.

Социально-философский аспект данной проблемы состоит в признании того, что мыслит мозг не сам по себе, а человек посредством мозга. Мозг функционирует не только как запрограммированный компьютер на основе алгоритмов. Он действует посредством самоорганизации, которая может использовать или не использовать алгоритмы.

Философский аспект включает отношение между физиологией и психикой человека. Он содержит вопросы о материальной природе нейрофизиологических процессов, идеальной природе психических процессов, соотношении физиологического и психологического, переходе материального, физиологического в идеальное, психологическое. Если сильный искусственный интеллект способен мыслить, то как можно будет объяснить психофизиологическую проблему взаимосвязи психического и физиологического?

При ответе на вопрос: Будет ли сильный искусственный интеллект мыслить? — необходимо учитывать социальную природу сознания, которая означает, что сознанием обладает социально развитый человек.

Сущность сознания проявляется не в физиологии мозга, а в общественном бытии человека. Бытие приводит к тому, что в различные исторические эпохи человек мыслит по-разному. Сознание является продуктом человеческого общения, в процессе которого происходит передача мыслей, переживаний, чувств. По-видимому, сам по себе мыслит не мозг. Он становится носителем, субстратом сознания тогда, когда человек оказывается в общественных условиях, которые заставляют его действовать в соответствии с этими условиями. Ребенок, который оказывается в естественных условиях жизни животных вне общества, не научается в полной мере мыслить по-человечески, хотя он оказывается более сообразительным по сравнению с животными.

Этический аспект предполагает контроль человека за принятыми решениями с помощью искусственного интеллекта, соблюдение этических правил при создании, внедрении и использовании искусственного интеллекта.

Созданы кодексы:

- этики в сфере искусственного интеллекта;
- этики применения искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья;
- этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке. [6; 7; 8].

Требуется разработка кодексов и регламентов создания и применения искусственного интеллекта в различных областях общественной жизни, в которых отразить возможные этические проблемы, цели и принципы в работе с искусственным интеллектом.

Правовой аспект означает нормативно-правовое регулирование деятельности, связанной с искусственным интеллектом, обеспечением безопасности при его применении. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года сформулированы цель, основные принципы и направления правового регулирования сформулированы Указом Президента Российской Федерации [1]. Правовой аспект предполагают снятие административных и правовых барьеров, которые мешают создавать и внедрять отечественные технологии, развитие новых нестандартных, экспериментальных нормативных и законодательных подходов.

Экономический аспект связан с:

- развитием экономики;

- экономическим ростом;
- повышением производительности труда;
- увеличением валового внутреннего продукта, объема выпуска продукции, улучшением ее качества;
- повышением заработной платы, эффективности бизнеса;
- увеличением численности работников в области искусственного интеллекта;
- стимулированием внедрения искусственного интеллекта в отраслях экономики и социальной сферы;

- обеспечением доминирования на глобальном рынке искусственного интеллекта.

Заключение.

Таким образом, в статье был сделан акцент на постановку вопросов о возможности искусственного интеллекта мыслить. При этом следует понять сущность мышления и сознания.

Основной вывод состоит в том, что искусственный интеллект является важным инструментом в деятельности человека, а не полной его заменой, прежде всего, в способности мыслить, как человек.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
2. Алексеев П.В. Философия : учебник. Издание второе, переработанное и дополненное / П.В. Алексеев, А.В. Панин. М. : Проспект, 1997.
3. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М. : Политиздат, 1972.
4. Спиркин А.Г. Философия : учебник. М. : Гардарика, 1998.
5. Тугаринов В.П. Философия сознания (современные вопросы). М. : Мысль, 1971.
6. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL : <https://www.consultant.ru.document>
7. Кодекс этики применения искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья. Версия 2.1 (утв. Межведомственной рабочей группой при Минздраве России по вопросам создания, развития и внедрения в клиническую практику медицинских изделий и сервисов с использованием технологий искусственного интеллекта, протокол от 14 февраля 2025 г. № 90/18-0/117). URL : <https://www.consultant.ru>
8. Информационное письмо Банка России от 09.07. 2025 № ин-016-13/91 «О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке». URL : <https://www.consultant.ru>

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation № 490 of October 10, 2019 «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
2. Alekseev P.V. Philosophy: textbook. Second edition, revised and expanded / P.V. Alekseev, A.V. Panin. M. : Prospekt, 1997.
3. Spirkin A.G. Consciousness and Self-Consciousness. M. : Politizdat, 1972.
4. Spirkin A.G. Philosophy : textbook. M. : Gardarika, 1998.
5. Tugarinov V.P. Philosophy of Consciousness (Modern Issues). M. : Mysl, 1971.
6. Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence. URL : <https://www.consultant.ru.document>
7. Code of Ethics for the Use of Artificial Intelligence in Healthcare. Version 2.1 (approved by the Interdepartmental Working Group under the Ministry of Health of Russia on the Creation, Development and Implementation into Clinical Practice of Medical Devices and Services Using Artificial Intelligence Technologies, Protocol № 90/18-0/117 of February 14, 2025). URL : <https://www.consultant.ru>
8. Information letter of the Bank of Russia dated July 09, 2025 № in-016-13/91 «On the Code of Ethics in the field of development and application of artificial intelligence in the financial market». URL : <https://www.consultant.ru>

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID: 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Вакула Иван Михайлович

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский юридический институт МВД России
ORSID: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
ORCID: 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Ivan M. Vakula

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department of Humanitarian
and Socio-Economic Disciplines,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORSID: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

Alexander V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
South-Russian Institute of Management,
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.02.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-2>

УДК 316



Attribution

cc by

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Акимова А.А., Нурилова А.З.

Дагестанский государственный технический университет

Аннотация. В статье представлена оценка дагестанским населением состояния межнациональных отношений в республике. В постсоветский период в Дагестане наблюдалось ухудшение межнациональных отношений, причем деструктивную роль в данном процессе сыграли лидеры национальных движений, которые на волне социально-экономических, политических преобразований, роста национального самосознания провозгласили тезис о федеративном переустройстве республики. Аналитический материал констатирует существование в общественном сознании дагестанского населения консолидационных установок при одновременном обозначении важности «раздельного проживания с сохранением дружбы». Эмпирика констатирует превалирование в массовом сознании дагестанского населения негативной оценки состояния межнациональной сферы и причины ухудшения взаимоотношения между этническими образованиями респонденты усматривают в сложной социально-экономической ситуации в республике, игнорировании национальных интересов, проживающих на территории республики народов. Опрошенное дагестанское население оптимистично оценивает межнациональную сферу и придерживается позиции о невозможности возникновения на территории республики открытого этноконфликта с апелляцией об исторически сложившемся межнациональном климате и угрозой гражданской войны.

Ключевые слова: Республика Дагестан, дагестанское население, межнациональные отношения, многонациональность, межнациональная напряженность, межнациональная толерантность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

REGIONAL SPECIFICS OF INTERETHNIC RELATIONS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

Aida A. Akimova, Albina Z. Nurilova

Dagestan State Technical University

Abstract. The article presents an assessment by the Dagestani population of the state of interethnic relations in the republic. In the post-Soviet period, interethnic relations in Dagestan deteriorated, and the destructive role in this process was played by the leaders of national movements, who, in the wake of socio-economic, political transformations, and the growth of national consciousness, proclaimed the thesis of the federal reorganization of the republic. The analytical material states the existence of consolidation attitudes in the public consciousness of the Dagestani population, while emphasizing the importance of «separation while maintaining friendship». Empirical evidence states the prevalence in the mass consciousness of the Dagestani population of a negative assessment of the state of the interethnic sphere and the reasons for the deterioration of relations between ethnic formations, respondents see in the difficult socio-economic situation in the republic, ignoring the national interests of the peoples living in the republic. The Dagestani population surveyed optimistically assesses the interethnic sphere and adheres to the position that it is impossible for an open ethnic conflict to arise on the territory of the republic with an appeal about the historically developed interethnic climate and the threat of civil war.

Keywords: Republic of Dagestan, Dagestani population, interethnic relations, multinational, interethnic tension, interethnic tolerance.

Funding: Independent work.

Введение.

Республика Дагестан является многонациональным и многоконфессиональным образованием; естественно, что здесь происходят сложные этнорелигиозные процессы.

Среди очагов латентной межнациональной напряженности можно отметить существование противостояния между репрессированными в феврале 1944 г. чеченцами-аккинцами и принудительно переселенными на территории их проживания этническими общностями, в частности, аварцев (из с. Алмак Казбековского района) и лакцев из Лакского и Кулинского районов. Положение Закона «О реабилитации репрессированных народов», позволяющее восстановить Ауховский район, было негативно встречено аварцами и лакцами, что способствовало ухудшению межнациональной ситуации на территориях совместного проживания аварцев с чеченцами-аккинцами и лакцев с чеченцами-аккинцами.

Не менее сложной является и религиозная сфера, в которой также наблюдаются деструктивные тенденции. В Дагестане имеет место глубокий внутриисламский конфликт, который порождает противостояние между верующими.

Таким образом, для республики обеспечение стабильности в межнациональной и религиозной сферах является одним из приоритетных направлений.

При изучении природы этноконфликтов нужно учитывать, что «процесс зарождения межнациональных конфликтов сложен и противоречив, первопричина их необязательно связана с собственно межэтническими различиями или нетерпимостью к инакомыслию» [1, с. 5]. Более того, особенность протекания национальных процессов изначально показывает заложенный в нем конфликтный потенциал, поэтому преобразования в этнической сфере требуют принятия таких решений и действий, которые не допустят дестабилизации данной области, ибо «следствием повышения межнациональной напряженности является проявление свойств народа, характерных для него в прошлом и закрепившихся в качестве наиболее удачных адаптивных способов поведения» [2, с. 59].

Исследование межнациональной сферы и ее состояния требует выявления сути явления «межэтническая напряженность».

З.А. Жаде под ней понимает «определенный уровень проявления не только социальной, но и психологической напряженности... независимо от его поли- или моноэтничности... более того, выступление «межэтнической напряженности» как естественного качества полинационального социума «позволяет рассматривать ее как характеристику межэтнических отношений, при которых национально-этнические группы или их отдельные представители находятся в отноше-

ниях некоторой оппозиции, соперничества или конкуренции» [3, с. 196].

Рассмотрение межнациональной напряженности подразумевает обращение и к понятию «межнациональное согласие», сутью которого является «не только готовность к взаимодействию с людьми иной национальности... Это также определенный уровень доверия межличностного и межгруппового, согласованность в основных ценностях, ценностных ориентациях, готовность регулировать противоречия с помощью диалога» [4, с. 20].

Не менее важным индикатором измерения состояния межнациональной сферы и происходящих в ней позитивных и деструктивных процессов является наличие/отсутствие в общественном сознании населения установок в отношении представителей инонационального и инорелигиозного образования.

Постсоветский период отечественной истории характеризовался ростом националистической идеологии, противопоставлением представителей одной этнической группы другой [5]; кроме того, началось религиозное возрождение [6], которое на первых этапах действовало под контролем официальной власти; в последующем ситуация кардинально изменилась. Свидетельством тому является распространение в российском социуме идеологии религиозного экстремизма [7; 8].

В.А. Аксентьев дает следующую типологию этноконфликтов:

«1. Классификация этнических конфликтов по сферам общественной жизни... политические этнические конфликты, конфликты в экономической жизни, в духовной сфере и т.п.

2. Классификация по предметам или объектам...Таковыми являются конфликты, сложившиеся, например, вокруг проблемы государственного языка, территории и ее экономических ресурсов, бытовые этнические конфликты.

3. Классификация по субъектам-носителям» [8, с. 48].

Эмпирическая часть исследования. Социологический опрос по изучению состояния межнациональных отношений в современном дагестанском обществе проведен в 2024 г. в рамках исследования толерантных установок и поведения дагестанского населения. Массив формировался с учетом региональной специфики, в частности, этнического фактора и наличия латентной межэтнической напряженности. N = 342.

Результаты проведенного исследования. Какие факторы лежат в основе ухудшения межнациональной сферы в Дагестане? – вопрос не теряющий своей значимости. На основе результатов эмпирических исследований, М.М. Шахбанова к факторам, способствующим возникнове-

нию конфликтов относит «всплеск миграционной активности с горной местности на равнинные территории республики, ориентированность на самоизоляцию малых по численности народов, их стремление на обозначение своего этнополитического статуса на политической карте Дагестана, отсутствие профилактики межэтнической напряженности и реакции местной власти на возникающие конфликтные ситуации» [10, с. 265].

Для сохранения межнациональной стабильности были утверждены государственные программы Республики Дагестан, среди них:

- «Реализация «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» на 2013–2015 гг.»;
- «Развитие национальных отношений в Республике Дагестан на 2014–2015 годы»;
- «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014–2017 годы»;
- подпрограмма «Государственная поддержка казачьих обществ в Республике Дагестан на 2014–2016 годы»;

– «Формирование и развитие гражданского общества в Республике Дагестан на 2014–2017 годы».

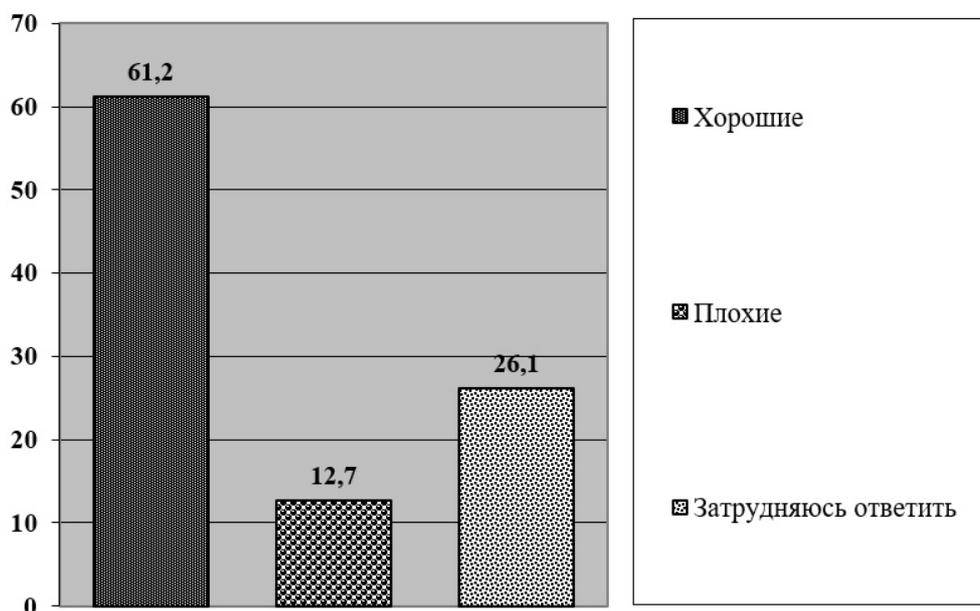
Ориентированность на поддержание позитивного межэтнического климата в Дагестане требует решения множества социально-экономических, кадровых, этнорелигиозных, этноязыковых процессов, которые из года в год только обостряются.

Для многонационального социума огромное значение имеет состояние межэтнических отношений. Какой смысл вкладывают в данное понятие? А.П. Садохин рассматривает межнациональные отношения в широком и узком значениях: первое подразумевает «взаимодействие народов в разных сферах общественной жизни – политике, искусстве, науке и т.д.», второе – «межличностные отношения людей разной этнической принадлежности, которые также происходят в разных сферах общения – трудовой, семейно-бытовой и неформальных видах взаимоотношений» [11, с. 236].

Существующие в массовом сознании дагестанского населения установки (гистограмма 1).

Гистограмма 1

Распределение ответов на вопрос: «Охарактеризуйте межнациональные отношения в Дагестане?» (%)



Полученный материал констатирует, что подавляющая часть респондентов позитивно оценивает межнациональные отношения в республике, каждый четвертый опрошенный затруднился выразить свою позицию и одна восьмая доля считает их «плохими». Насколько последнее утверждение соответствует действительности? Анализ показывает, что в республике имеет место латентная межэтническая напряженность, которая при неблагоприятных условиях вполне способна себя проявить.

Межнациональные отношения довольно сложная по своей природе система, соответственно, в основе как ухудшения лежат объективные и субъективные причины. Для дотационного Дагестана основная причина кроется в сложной социально-экономической ситуации в республике, низком уровне дохода населения, в явно выраженном социальном расслоении дагестанского социума. Данное обстоятельство дополняется недовольством кадровой политикой, которая не учитывает многонациональность региона, важ-

ность привлечения представителей всех дагестанских народов в структуры власти на муниципальном и республиканском уровнях.

Естественно, что игнорирование национальных интересов закономерно способствует формированию интолерантности в общественном созна-

нии, ухудшению межнационального климата и дестабилизации ситуации, особенно, на территориях, в которых ранее имели место проявления межэтнической напряженности. Поэтому важным является установление причин обострения ситуации в межнациональной сфере (табл. 1) [12, с. 106].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Каковы причины возможного появления межнационального противостояния между дагестанскими народами?» (%)

Варианты ответов	Всего
Территориальные споры, проживание на исторической территории одного народа других народов	37,4
Особенности земельной реформы, проводимой руководством Дагестана без учета мнения, проживающих на этих территориях народов	26,4
Низкий уровень социально-экономического развития республики	32,5
Ошибки республиканских органов государственной власти в национальной политике	21,1
Конкуренция за землю	13,8
Конкуренция за рабочие места	16,7
Низкая культура межнационального общения	14,2
Миграция населения с горных районов на равнинные	16,1
Коррупционная схема передачи земли в частные руки	23,7
Непредставленность многих народов в структурах государственной власти республики	9,8
Деятельность неформальных национальных лидеров, которые противопоставляют дагестанские народы друг другу	12,0
Издержки воспитания и утрата принципов интернационального воспитания	16,0

В первую тройку вошли суждения:

– «территориальные споры, проживание на исторической территории одного народа других народов»;

– «особенности земельной реформы, проводимой руководством Дагестана без учета мнения, проживающих на этих территориях народов»;

– «низкий уровень социально-экономического развития республики».

Ранее было отмечено, что реабилитация репрессированных чеченцев-аккинцев породила межнациональное противостояние между аварцами и лакцами, которые были переселены на территории проживания чеченцев-аккинцев, с одной стороны, и чеченцами-аккинцами, с другой.

С разной интенсивностью вопрос территориальной реабилитации чеченцев-аккинцев обсуждался на республиканском уровне. При этом лакцы, переселенные из Новолакского района в Присулакскую зону, столкнулись со множеством проблем, более того, появился еще один очаг напряженности уже между лакцами и кумыками. Данный вопрос подробно освещен в региональных средствах массовой информации.

Вторую тройку деструктивных факторов составляют:

– «коррупционная схема передачи земли в частные руки»;

– «ошибки республиканских органов государственной власти в национальной политике»;

– «конкуренция за рабочие места».

Российские исследователи подчеркивают негативную роль коррупции в межнациональной области и организованная государством мощная антикоррупционная война «сводится к отдельным показательным политическим прецедентам...

На региональном (северо-кавказском) уровне ее «живучесть» (коррупции – Авт.) объясняется этническим, родственным, профессиональным соответствием при подборе, ротации и расстановке кадров, личной преданностью, знакомством, кумовством, фамильностью, тейповостью, диаспорностью, воспринимаемыми населением в качестве своеобразных констант местного сообщества...» [13, с. 96]. Остальные суждения также не менее «активны» в возникновении межэтнического противостояния.

Разумеется, национальная сфера очень сложная и тонкая область, в которой невозможно решить возникающие вопросы по заданной модели: каждый вопрос требует пристального изучения и учета мнений противоположных сторон.

Одним из параметров диагностики национальной области выступает интенсивность межэтнического взаимодействия; то есть, поддержание межнационального общения, его характер (позитивный, толерантный, доброжелательный, с одной стороны, негативный, враждебный, агрессивный – с другой стороны), желание вступать в диалог.

Широко при измерении частности этноконтакта применяют теорию контакта Г. Олпорта, исходящего из утверждения: «Контакт является важным фактором снижения предрассудков»; при

этом ключевым является условие: «Предрасудок (если только он не укоренен глубоко в структуре личности индивида) может быть снижен равностатусным контактом между представителями большинства и меньшинства на пути к достижению общих целей» [14, с. 186].

В общественном поведении дагестанского населения наблюдается ориентированность на тесное взаимодействие, что неизбежно для полиэтнического региона, к числу которых относится и Дагестан. В этнокультуру дагестанских народов постоянно проникают инновационные элементы; следовательно, меняется и модель поведения во многих социальных сферах.

Необходимо отметить, что такая консервативная сфера, как институт семьи подвергается трансформации [15], меняются стили поведения молодежи, характер отношения с родственниками супругов, растет количество межэтнических брачных союзов, которые способны играть существенную роль в преодолении национальных предрассудков, этнических стереотипов и предубеждений [16]. Наряду с позитивными, имеют место и деструктивные последствия, когда происходит маргинализация детей в родившихся в межнациональном браке.

Наличие почвы для возникновения этнических конфликтов требует дальнейшего своего анализа; и, прежде всего, нужно установить причины деструктивных тенденций во взаимоотношениях между этническими образованиями.

Ранее было отмечено, что одной из причин интолерантности в дагестанском обществе является игнорирование национального фактора в кадровой политике – 36,9 % опрошенных.

В советское время кадровой сфере уделялось большое значение и при назначении на руководящие должности придерживались национального паритета.

Со временем такой негласный принцип был «утрачен», что и породило неприятие и недовольство у народов не представленных во властных структурах.

Кроме того, имеет место и проявление неприязни к последователям иного вероучения и этнической общности, что продемонстрировали результаты опроса – одна четвертая часть респондентов.

В последние годы в средствах массовой информации активно обсуждается вопрос взаимодействия последователей разных религий; раздражение у населения вызывает демонстративное культовое поведение мусульман – ношение хиджабов, никабов, совершение молитвы в публичных местах. Причем, очень активны в этом отношении внешние мигранты, которые на своей исторической родине строго соблюдают светские законы, а в России придерживаются исламских предписаний [17].

Естественно, что имеет место противостояние на отличиях вероучений; более того, деструктивные элементы искусно используют данный фактор для провоцирования этнорелигиозного конфликта и противостояния.

Еще одной причиной негативного отношения к мигрантам-мусульманам является их участие в террористических актах, которые совершены на территории нашей страны, причем в период проведения Специальной военной операции.

Далее, в исследовании был задан «контрольный вопрос»: «Как Вы считаете, возможен ли в Дагестане открытый межнациональный конфликт?», на который 28,2 % респондентов ответили «нет, потому что дагестанские народы исторически жили мирно и дружно»; среди них 22,4 % в интервале 15–35 лет, 43,1 % – 36–60 лет и 34,5 % – старше 60 лет. Утвердительные суждения с доводом «ущемляются права некоторых дагестанских народов» и «ущемляются национальные интересы некоторых дагестанских народов» подчеркнули 24,1 % и 22,7 %, соответственно. При этом 13,9 % опрошенного дагестанского населения ближе позиция «нет, потому что это приведет к гражданской войне» и 11,1 % затруднились ответить.

Таким образом, несмотря на наличие почвы для межнациональной дестабилизации, республиканской власти удается сохранить стабильность в межэтнической сфере.

Исследование межнациональной сферы предполагает прогнозирование поведения представителей национального образования при возникновении межэтнического противостояния и открытого конфликта. Аналитика констатирует, что представители дагестанских народов готовы отстаивать национальные интересы своего народа и защищать его (26,9 % опрошенных по всему массиву). При этом поведение одной трети, опрошенных в этноконфликте будет «зависеть от обстоятельств» и 10,9 % примут участие из «чувства солидарности».

Сопоставление утвердительных и отрицательных суждений показывает доминирование первых над вторыми: позиции «никогда» и «возможна гражданская война» подчеркнули 9,8 % и 11,9 %, соответственно. Данные показатели косвенно свидетельствуют о существовании в дагестанском обществе конфликтного потенциала, который при игнорировании проблем в межнациональной сфере вполне способен дестабилизировать ситуацию в республике.

Сложность в социально-экономической области, низкий уровень материального положения дагестанского населения, усилившиеся сложности в жилищно-коммунальной инфраструктуре, особенно в городской местности, по мнению авторов, вполне способны дестабилизировать ситуацию в целом в республике.

Недовольство местного населения из года в год растет и наблюдается увеличение протестного

потенциала, который под требования обеспечить ему элементарные условия проживания, вполне способно придать своим претензиям этнический и религиозный оттенок. В этой связи, можно привести данные дагестанских социологов, которые провели опрос по изучению отношения дагестанского населения к терактам 23 июня 2024 г.

(табл. 2). К сожалению, возможность осуществления террористического акта в отношении представителей правоохранительных органов можно было предотвратить, ибо сигналы о приверженности совершивших данное преступление к ваххабитской идеологии было известно.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Каково Ваше отношение к событиям 23 июня 2024 г. в городах Махачкала и Дербент?» (%).

Варианты ответов	Отрицательное, это акт терроризма	Положительное, это акт справедливости	Затрудняюсь ответить	Другой ответ
Массовый опрос	95,0	0,6	3,3	0,8
Эксперты	95,9	0,7	0	3,4

Данные эмпирического исследования констатируют однозначно негативную оценку данного действия: «95,0 % участников массового опроса и 95,9 % экспертного сообщества. При этом 3,3 % затруднились выразить свою позицию и 0,6 % охарактеризовали теракт положительно как «акт справедливости» [18, с. 111].

О чем свидетельствуют приведенные данные? Привлечение участников погрома в махачкалинском аэропорту к уголовному наказанию было негативно встречено в дагестанском обществе, при этом упускалось из виду, что люди совершили правонарушение на стратегически важном объекте и создали угрозу гражданскому населению. Более того, на бытовом уровне стали поднимать вопрос этнической и религиозной принадлежности протестующих, что способно привести к межэтническому и межрелигиозному противостоянию. Апологеты участников погрома в аэропорту не задаются вопросами: «Почему имеющие семьи и детей мужчины поддержали призыв приехать в аэропорт?», «А что эти люди собирались сделать с приезжими из Израиля, которые никакого отношения не имеют к руководству данного государства?».

В последующем было установлено, что погром был устроен с подачи негативно настроенных к российскому руководству силами.

Резюмируя, правоохранительной системе нужно усилить борьбу с проявлениями религиозного и национального экстремизма, вести мониторинг межнациональной обстановки на территориях, в которых наблюдаются разногласия между представителями разных народов.

Заключение.

Анализ межнациональных сферы позволяет оценить динамику этносоциальных процессов в республике, отследить позитивные и негативные тенденции в данной области. Более того, получение ответов на ряд злободневных вопросов

позволяет прогнозировать возможный вектор развития взаимоотношений между этническими образованиями, своевременно предотвратить появление противостояния между национальными общностями, особенно, в полиэтничном пространстве, сформировать программу толерантного воспитания.

Опрошенное дагестанское население отмечает важность интеграции дагестанских народов; при этом подчеркиваются факторы ухудшения межнациональной ситуации, среди которых сложная социально-экономическая ситуация, нерешенность множества этнических проблем, отдельно выделяется кадровая политика (игнорирование этнического компонента при распределении должностей в республиканской власти).

Данное обстоятельство воспринимается как ущемление национальных интересов. Разумеется, принимая во внимание важность соблюдать национальную пропорцию в кадровой сфере, нельзя игнорировать профессиональные качества, уровень квалификации претендента.

Респонденты уверены в том, что в современном дагестанском обществе невозможен открытый межнациональный конфликт, ибо в истории региона ранее он не встречался, несмотря на полиэтничность и полирелигиозность. Однако почва для этноконфликта сохраняется, ибо ущемляются права и игнорируются национальные интересы дагестанских народов.

Результаты социологического опроса показывают, что при обострении межнациональных взаимоотношений в республике, опрошенное дагестанское население демонстрирует готовность принять в них участие на стороне своей этнической общности; причем, возможные последствия этноконфликтов, респондентами во внимание не принимаются. Тревогу вызывает преобладание готовности участвовать в этноконфликте над тем, что такое противостояние может вылиться в масштабную дестабилизацию.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Шахбанова М.М. Межэтнические отношения в Республике Дагестан: состояние, факторы напряженности, механизмы стабилизации. Махачкала : АЛЕФ, 2019. 362 с. ISBN: 978-5-4447-0060-0 EDN: RWJNDX
2. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 389 с. ISBN: 5-89357-029-4 EDN: SGFRWW
3. Жаде З.А. Специфика проявления межэтнической напряженности в местах компактного поселения курдов в Республике Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2013. Вып. № 3(124). С. 194–200. EDN: RUEPUN
4. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества : монография / Отв. ред. Л. М. Дробичева. М. : Институт социологии РАН, 2016. - 400 с.
5. Шахбанова М.М. Этноконфессиональные и языковые процессы в городском пространстве современного Дагестана. Махачкала, 2022. 481 с. ISBN: 978-5-00212-076-5 EDN: GHFZQA
6. Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М. : ИЭА РАН, 2018. 561 с.
7. Абдулагатов З.М. Исламское сознание в Дагестане: в поисках умеренности: монография. Махачкала : Издательский дом «Дагестан», 2022. 328 с.
8. Шахбанова М.М. Религиозность и культурное поведение дагестанских верующих // Исламоведение. 2015. Т. 6. № 3(25). С. 85–96. EDN: VEIUZB
9. Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 43–48.
10. Шахбанова М.М. Межнациональные отношения в современном дагестанском обществе: оценка и перспективы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 264–270. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-264-270 EDN: TCBJMU
11. Садохин А.П. Этнология. М. : Гардарики, 2006. 254 с.
12. Шахбанова М.М. Межэтнические отношения в Республике Дагестан: состояние, факторы напряженности, механизмы стабилизации. Махачкала : АЛЕФ, 2019. 362 с. ISBN: 978-5-4447-0060-0 EDN: RWJNDX
13. Авксентьев В.А. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка / В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 92–99. EDN: VSLWXJ
14. Варшавер Е.А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183–214. DOI: 10.14515/monitoring.2015.5.13 EDN: UTUEJZ
15. Загирова Э.М. Институт полигамии и гендерная оценка модели брачного поведения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 229–233. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-229-233 EDN: SVHVAZ
16. Загирова Э.М. Традиционная семья в Дагестане: специфика и альтернативы институциональной трансформации. М. : Русайнс, 2021. 150 с. ISBN: 978-5-4365-7990-0 EDN: CPIELT
17. Кармазин И. Имамы и папы: как в Центральной Азии борются с радикальным исламом. В Таджикистане запрещены хиджабы, никабы, бороды, молодежь ограждают от мечетей. URL : <https://iz.ru/1718633/igor-karmazin/imamy-i-papy-kak-v-tcentralnoi-azii-boriutsia-s-radikalnym-islamom> (дата обращения 02.02.2026).
18. Террористические акты 23 июня 2024 г. в городах Махачкала и Дербент: причины, социальные смыслы в свете решения проблем профилактики экстремизма и терроризма в Республике Дагестан (анализ результатов опроса общественного мнения и экспертных оценок) / З.М. Абдулагатов [и др.] // Caucasian Science Bridge. 2025. № 8(1). С. 108–124. DOI: 10.18522/2658-5820.2025.1.8 EDN: QNBYBK

References:

1. Shakhbanova M.M. Interethnic relations in the Republic of Dagestan: the state, factors of tension, mechanisms of stabilization. Makhachkala : ALEF, 2019. 362 p. ISBN: 978-5-4447-0060-0 EDN: RWJNDX
2. Soldatova G.U. Psychology of interethnic tension. M/ : Smysl, 1998. 389 p. ISBN: 5-89357-029-4 EDN: SGFRWW
3. Zhade Z.A. The specifics of the manifestation of interethnic tension in places of compact settlement of Kurds in the Republic of Adygea // Bulletin of the Adygea State University. Series 1 «Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies». 2013. Iss. № 3(124). P. 194–200. EDN: RUEPUN

4. Interethnic harmony as a resource for consolidating Russian society : monograph / Ed. by L.M. Drobizhev, M. : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2016. 400 p.
5. Shakhbanova M.M. Ethnoconfessional and linguistic processes in the urban space of modern Dagestan. Makhachkala, 2022. 481 p. ISBN: 978-5-00212-076-5 EDN: GHFZQA
6. Ethnic and religious diversity of Russia / Edited by V.A. Tishkov, V.V. Stepanov. M. : IEA RAS, 2018. 561 p.
7. Abdulagatov Z.M. Islamic consciousness in Dagestan: in search of moderation: monograph. Makhachkala : Dagestan Publishing House, 2022. 328 p.
8. Shakhbanova M.M. Religiosity and cult behavior of Dagestani believers // Islamic Studies. 2015. Vol. 6. № 3 (25). P. 85–96. EDN: VEIUZB
9. Avksentiev V.A. Ethnic conflicts: history and typology // Sociological research. 1996. № 12. P. 43–48.
10. Shakhbanova M.M. Interethnic relations in modern Dagestan society: assessment and prospects // State and municipal administration. Scientific notes. 2023. № 1. P. 264–270. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-264-270 EDN: TCBJMU
11. Sadokhin A.P. Ethnologiya. M. : Gardariki, 2006. 254 p.
12. Shakhbanova M.M. Interethnic relations in the Republic of Dagestan: the state, factors of tension, mechanisms of stabilization. Makhachkala : ALEF, 2019. 362 p. ISBN: 978-5-4447-0060-0 EDN: RWJNDX
13. Avksentiev V.A. The ethnopolitical situation in the North Caucasus: an expert assessment / V.A. Avksentiev, G.D. Gritsenko // Sociological Research. 2016. № 1. P. 92–99. EDN: VSLWXJ
14. Varshaver E.A. Theory of contact: an overview // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2015. № 5. P. 183–214. DOI: 10.14515/monitoring.2015.5.13 EDN: UTUEJZ
15. Zagirova E.M. Institute of polygamy and gender assessment of the model of marital behavior // State and municipal administration. Scientific notes. 2022. № 1. P. 229–233. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-229-233 EDN: SVHVAZ
16. Zagirova E.M. The traditional family in Dagestan: specifics and alternatives to institutional transformation. M. : Rusains, 2021. 150 p. ISBN: 978-5-4365-7990-0 EDN: CPIELT
17. Karmazin I. Imams and popes: how radical Islam is being fought in Central Asia. Hijabs, niqabs, beards are prohibited in Tajikistan, young people are protected from mosques. URL : <https://iz.ru/1718633/igor-karmazin/imamy-i-papy-kak-v-tcentralnoi-azii-boriutsia-s-radikalnym-islamom> (date of application 02.02.2026).
18. The terrorist acts of June 23, 2024 in the cities of Makhachkala and Derbent: causes, social meanings in the light of solving the problems of preventing extremism and terrorism in the Republic of Dagestan (analysis of the results of a public opinion poll and expert assessments) / Z.M. Abdulagatov [et al.] // Caucasian Science Bridge. 2025. № 8(1). P. 108–124. DOI: 10.18522/2658-5820.2025.1.8 EDN: QNBYBK

Информация об авторах

Акимова Аида Акимовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук,
Дагестанский государственный
технический университет
ORCID: 0000-0003-4734-6650
aida_akimova_2022@mail.ru

Aida A. Akimova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Humanities,
Dagestan State Technical University
ORCID: 0000-0003-4734-66-50
aida_akimova_2022@mail.ru

Нурилова Альбина Захарьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных наук,
Дагестанский государственный
технический университет
ORCID: 0009-0002-7751-4555
alnuza@mail.ru

Albina Z. Nurilova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Humanities,
Dagestan State Technical University
ORCID: 0009-0002-7751-4555
alnuza@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.02.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.02.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-3>

УДК 316



Attribution

cc by

СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ КАК КОМПОНЕНТ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Барсуков С.В., Терентьева Е.А., Матвеев Д.Г.

Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. В статье анализируется спортивно-оздоровительный досуг в контексте повседневной жизни современного российского студенчества, подчеркивается его значение как основополагающего компонента здорового образа жизни, оказывающего непосредственное воздействие на различные показатели здоровья молодых людей, уровень их работоспособности, определяющего возможности их успешной адаптации к условиям социальной среды. Актуальность данной темы обусловлена тем обстоятельством, что в течение последних лет фиксируются негативные тенденции, связанные с ухудшением состояния здоровья студентов высших образовательных учреждений, что определяет необходимость вовлечения обучающихся в различные направления деятельности спортивно-оздоровительного характера. Авторы подчеркивают недостаточность широкой распространенности спортивно-оздоровительного досуга в повседневной жизни представителей российского студенчества, которая обусловлена, главным образом, причинами субъективного характера. В работе отмечается, что привлечение студентов к систематическим физкультурно-спортивным занятиям может быть осуществлено посредством активной деятельности молодежных спортивно-оздоровительных сообществ или клубов. Современные информационно-коммуникационные технологии, могущие быть использованными в рамках пропагандистской работы с молодежью, имеющей своей целью привлечение представителей рассматриваемой социально-демографической группы к физкультуре и спорту, должны применяться параллельно с традиционными методами воспитательной работы с обучающимися, реализуемыми в образовательном процессе в учебных заведениях разного уровня.

Ключевые слова: досуг, спортивно-оздоровительный досуг, молодежь, учащаяся молодежь, студенческая молодежь, спорт, массовый спорт, физическая культура, воспитание, физическое воспитание, социализация, социальный институт, социальная адаптация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SPORTS AND RECREATION LEISURE AS A COMPONENT OF THE DAILY LIFE OF MODERN RUSSIAN STUDENTS: FACTORS OF FORMATION AND PROMISING AREAS OF DEVELOPMENT

Sergey V. Barsukov, Ekaterina A. Terentyeva, Daniil G. Matveev

Rostov State University of Economics

Abstract. The article analyzes sports and wellness leisure in the context of the daily life of modern Russian students, emphasizes its importance as a fundamental component of a healthy lifestyle, which has a direct impact on various health indicators of young people, their level of performance, determining the possibilities of successful adaptation to the conditions of the social environment. The relevance of this topic is due to the fact that in recent years negative trends have been recorded related to the deterioration of the health status of students of higher educational institutions, which determines the need to involve students in various areas of sports and recreation activities. The authors emphasize that the insufficiently high prevalence of sports and recreational activities in the daily lives of Russian students is mainly due to subjective reasons. The paper notes that the involvement of students in systematic physical education and sports activities can be carried out through the active activities of youth sports and recreation communities or clubs. Modern information and communication technologies that can be used in the framework of propaganda work with young people,

© Барсуков С.В., Терентьева Е.А., Матвеев Д.Г.

aimed at attracting representatives of the socio-demographic group in question to physical education and sports, should be applied in parallel with traditional methods of educational work with students implemented in the educational process in educational institutions of various levels.

Keywords: leisure, sports and recreation, youth, students, student youth, sports, mass sports, physical education, physical education, socialization, social institution, social adaptation.

Funding: Independent work.

Введение.

Молодежь в целом и студенческая молодежь, в частности, представляет собой ключевую для эффективного, поступательного развития общества социально-демографическую группу, поскольку от состояния здоровья представителей молодого поколения зависит будущее любой страны. По этой причине, анализ различных компонентов жизнедеятельности молодежи, включая ее досуговую активность, выступает в качестве одного из ведущих направлений социологической науки и всегда будет оставаться актуальным.

Интерес авторов настоящей статьи к спортивно-оздоровительному досугу отечественного студенчества обусловлен тем обстоятельством, что он традиционно рассматривается в качестве ведущего направления деятельности молодых людей, является одним из основополагающих компонентов здорового образа жизни, оказывая непосредственное воздействие на различные показатели здоровья обучающихся, их работоспособности, возможности успешно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям внешней социальной среды.

В ряде специальных исследований фиксируются негативные тенденции, связанные с ухудшением состояния здоровья студентов высших образовательных учреждений, что также объясняет необходимость вовлечения обучающихся в деятельность спортивно-оздоровительного характера.

Статистические данные, в частности, свидетельствуют о ежегодном росте количества студентов, отнесенных к так называемой специальной медицинской группе; причем, в качестве одной из основных причин высокой заболеваемости студентов эксперты выделяют именно низкий уровень двигательной активности последних [1, с. 11].

Несмотря на декларируемые в ряде государственных программ развития физической культуры и спорта цели и задачи, предусматривающие постоянное увеличение численности молодых людей, занимающихся физической культурой и спортом на постоянной и регулярной основе, материалы социологических исследований фиксируют противоположную тенденцию, связанную со снижением интереса студентов к спорту и физической культуре, и другим активным формам проведения досуга [2, с. 105–106].

Социологическое исследование факторов формирования и перспективных направлений разви-

тия спортивно-оздоровительного досуга как компонента повседневной жизни современного российского студенчества, позволяет создать теоретическую и практическую основу для разработки конкретных способов и средств повышения уровня вовлеченности обучающихся отечественных вузов в деятельность спортивно-оздоровительного характера.

Обсуждение. Результаты.

Под досугом, в широком смысле, принято понимать совокупность различных видов деятельности, предназначенных для удовлетворения физических, духовных, социальных потребностей личности, и осуществляемых в свободное от работы, учебы и домашней занятости время.

В рамках различных научных классификаций досуга преобладает его деление на активный и пассивный. Так, в исследованиях Института социологии Российской академии наук именно направленность досуговой активности рассматривается в качестве главного типологизирующего фактора, определяющего содержание и качество свободного времени представителей различных групп населения.

Эмпирические данные, полученные сотрудниками данного академического института на основе проведенных ими многолетних социологических исследований, свидетельствуют о преобладании пассивных форм отдыха в структуре молодежного досуга; причем, значительную часть свободного времени молодые люди тратят, в частности, на общение в Интернете, просмотр различных фильмов и телепередач, прослушивание музыки, а среди активных форм досуга молодежи преобладают прогулки и встречи с друзьями [3, с. 268–269].

Необходимо отметить, что подобные тенденции фиксируются и в рамках исследований регионального уровня. Так, опросы, проведенные уральскими социологами, показывают, что в течение последних десяти лет наблюдается снижение значимости активного и рост пассивных видов досуга представителей отечественного студенчества, которые все более ориентируются на проведение свободного времени, занимаясь так называемым интернет-серфингом или прослушиванием аудиокниг.

Не вызывает сомнений тот факт, что пассивный отдых не содействует укреплению здоровья человека, что можно отнести и к зрелищно-развлекательному досугу, включающему, в том числе просмотр спортивных состязаний.

Оздоровительный эффект имеют различные формы физкультурно-спортивной активности, предусматривающие систематическую двигательную активность, реализуемую молодым человеком самостоятельно или в рамках специализированных учреждений и клубов.

Рассматриваемый спортивно-оздоровительный досуг как активная форма проведения свободного времени, направлен на совершенствование индивидуальных физических качеств, удовлетворение потребности в активности двигательного характера, что, в комплексе, позволяет достичь целей здорового отдыха, способствующего сохранению и укреплению здоровья человека, восстановлению и воспроизводству утраченных им сил в комплексе с повышением уровня работоспособности.

В научных исследованиях, посвященных спорту как социальному институту, подчеркивается его высокая общественная значимость, воплощающаяся в ряде реализуемых социальных функций.

Так, с точки зрения К. Стивенсона, степень эффективности реализации рассматриваемых функций, в том числе оздоровительной функции данного социального института, зависит от соответствия ценностей, связанных со спортом и здоровым образом жизни, внутренним установкам и потребностям, присущим различным категориям населения, включая и молодежь как особую социально-демографическую группу [4, с. 63–64]. Отсюда проистекает интерес к анализу ценностных установок представителей студенческой молодежи как фактору, определяющему их интерес к спортивно-оздоровительному досугу и его место в повседневной жизни российского студенчества. Конкретный человек может разделять ценности спортивно-оздоровительной культуры, предусматривающей ориентацию ее носителя на «телесное и духовное преобразование», что предусматривает наличие личностных установок на оздоровление в процессе физкультурно-спортивной деятельности [5, с. 133].

Рассматривая ценности и установки современных студентов в сфере их досуговой активности, необходимо учитывать специфические характеристики досуга представителей студенческой молодежи: в отличие от досуга, характерного для лиц дошкольного или школьного возраста, который частично или полностью управляется и контролируется родителями данных детей и подростков, студенты, как правило, управляют своим свободным временем самостоятельно, формируя структуру предпочтительных занятий и реализуя на практике различные виды досуговой деятельности.

Материалы многочисленных социологических исследований свидетельствует о том, что в сознании значительной части российской молодежи вообще и студенческой молодежи, в частности, преобладает, преимущественно, пассивная позиция по отношению к собственному здоро-

вью, что проявляется, с одной стороны, в отсутствии системных валеологических знаний и представлений о здоровом образе жизни и его основополагающих компонентах, а, с другой стороны, в невысокой мотивации к занятием физической культурой и спортом на регулярной основе.

Опросы представителей студенческой молодежи, касающиеся их отношения к обязательным занятиям по физической культуре и спорту в соответствующих учебных заведениях, указывают на преобладание пассивного или негативного отношения к данным занятиям [6, с. 105–106]; причем, подобное отношение присуще уже абитуриентам, у которых практически отсутствует устойчивая потребность в физической активности, а что касается студентов, то они, в свою очередь, демонстрируют преимущественно формальное отношение к занятиям по физической культуре в процессе обучения в вузе: студенты главным образом ориентируются на необходимость получения зачета по данной дисциплине, а не на возможность посредством данных занятий укрепить здоровье, развить необходимые двигательные умения и навыки (в соответствии с учебными планами, студенты могут организовано заниматься прикладной физической культурой только два раза в неделю, что по подсчетам экспертов позволяет восполнять необходимый режим двигательной активности, максимум, на 20–25 %) [1, с. 24]. Значительная часть студентов, тем не менее, пропускают без уважительных причин даже то небольшое количество занятий по физкультуре, которые являются обязательными для посещения.

Одновременно с этим, большинство студентов уклоняются от участия в различных мероприятиях физкультурно-спортивного характера, которые проводятся в их вузах (речь здесь о разного рода спортивных праздниках, днях здоровья, соревнованиях и т.д.). Участие студентов в подобных мероприятиях достигается только посредством так называемых мер административного принуждения, что свидетельствует об отсутствии у данных обучающихся мотивации к осуществлению деятельности спортивно-оздоровительного характера [7, с. 66–67]. Здесь необходимо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что абсолютное большинство студентов относятся к здоровью не как к терминальной, а скорее, как к инструментальной ценности.

Здоровье, как пишет по этому поводу А.Г. Грецов, не воспринимается молодыми людьми в качестве такой ценности, ради которой необходимо прикладывать сколько-нибудь серьезные усилия или же отказываться от привычного для данных индивидов образа жизни, который у значительной части представителей рассматриваемой социально-демографической группы включает в себя те или иные вредные привычки (в таком случае, молодой человек может считать, что если у него ничего не болит, то он здоров,

поэтому как-то ограничивать себя ему не нужно) [8, с. 35].

На том жизненном этапе, который хронологически совпадает с периодом обучения в высших учебных заведениях, многие молодые люди могут еще не сталкиваться с серьезными проблемами, связанными со здоровьем. Наряду с этим, студенты могут и не осознавать риск приобретения какого-либо хронического заболевания, могущего повлечь за собой значительное ухудшения состояния здоровья. Здесь еще большое значение имеет отсутствие у подавляющего большинство молодежи, а также представителей других возрастных групп ярко выраженного стремления к планированию своей жизнедеятельности на сколько-нибудь долгосрочную перспективу.

Жизненное проектирование молодых людей носит преимущественно краткосрочный характер, в связи с чем, они, как правило, не задумываются о потенциально возможном ухудшении здоровья в будущем, которое может произойти в случае пренебрежения правилами здорового образа жизни, отсутствия минимального рекомендуемого уровня двигательной активности и т.д.

Как уже отмечалось выше, у многих представителей студенческой молодежи, отсутствуют системные представления о нормах здорового образа жизни в комплексе со слабой мотивацией к практической реализации данных норм, что включает и нежелание заниматься физкультурно-спортивной деятельностью на постоянной основе. Однако и те молодые люди, которые демонстрируют высокую компетентность в вопросах, связанных со здоровьем и способами его сохранения и укрепления, зачастую, не применяют на практике те активные действия, которые необходимы для поддержания их собственного здоровья на оптимальном уровне.

С одной стороны, результаты многих эмпирических исследований свидетельствуют о высокой значимости здоровья как ценности для абсолютного большинства студенческой молодежи, однако, с другой стороны, досуг тех же студентов не соответствует рассматриваемым правилам и не характеризуется широкой представленностью в его структуре спортивно-оздоровительной активности.

Наблюдение за поведением студентов, осуществленное рядом экспертов, позволило сделать вывод, в соответствии с которым в России имеется довольно большое обучающихся, которые убеждены в том, что их жизнедеятельность в целом соответствует нормам ЗОЖ, однако, в реальной действительности оно им не соответствует ввиду отсутствия необходимой двигательной активности, существующего по причине нежелания систематически заниматься физкультурой и спортом и т.д. [9, с. 18].

Так, О.В. Ларина справедливо указывает здесь на наличие противоречия между объективной

потребностью молодых людей в сохранении и укреплении собственного здоровья в комплексе с высоким уровнем работоспособности, необходимым, в том числе для успешного построения карьеры после окончания ими высшего учебного заведения и реальной жизнедеятельностью молодых россиян, структурой и содержанием их досуга.

В данной ситуации можно говорить о рассогласовании между когнитивным, аксиологическим и поведенческим компонентами валеологической культуры представителей современного российского студенчества: речь идет о том, что знания и представления о здоровье далеко не всегда предусматривают готовность к практической реализации данных установок в реальной жизнедеятельности молодых людей, совершение конкретных действий, связанных с заботой о здоровье [10, с.11].

Значительная часть современного российского студенчества, как уже отмечалось выше, не ориентирована на занятия физической культурой и спортом на регулярной и систематической основе. Материалы социологических опросов, проведенных на всероссийском уровне, в частности, свидетельствуют о том, что физкультурой и спортом систематически занимаются в нашей стране не более пятнадцати процентов студентов. Причем, в качестве наиболее распространенной причины, обуславливающей отсутствие спортивно-оздоровительной составляющей в структуре досуга молодых людей, выступает отсутствие у последних желания заниматься этим видом деятельности (данная причина является значительно более важной, чем отсутствие мест для проведения физкультурно-спортивных занятий или нехватка денежных средств для посещения платных спортивных кружков или секций).

Таким образом, именно субъективные, а не объективные факторы обуславливают недостаточно высокую распространенность спортивно-оздоровительного досуга в повседневной жизни представителей российского студенчества [3, с. 277].

Наряду с отсутствием желания заниматься физической культурой и спортом, каждый пятый молодой человек объясняет отсутствие в структуре собственного досуга физкультурно-спортивной деятельности нехваткой свободного времени для регулярного осуществления данной активности. В реальности, как подчеркивается в ряде специальных исследований, существует огромное количество физкультурно-спортивных практик, которые не требуют значительных временных затрат, специальных технических средств или инвентаря и даже не предусматривают необходимости посещать спортивные объекты или сооружения: речь здесь идет, в частности, о многих разновидностях лечебной гимнастики, беге, упражнениях общеразвивающего характера, различных подвижных играх и многих других занятиях.

Досуг современных студентов, реализующийся, как правило, в условиях крупного города или мегаполиса, предусматривает широкую возможность для выбора предпочтительных для каждого конкретного молодого человека разновидностей досуговой активности. Очевидно, что в таких условиях любой человек будет руководствоваться при выборе предпочтительных для него видов занятий, в первую очередь, собственными потребностями, интересами и ценностными установками.

Мониторинг временных затрат отечественного студенчества, представляющего различные высшие учебные заведения нашей страны, свидетельствует о том, что практически у каждого обучающегося имеется достаточно свободного времени (не менее четырех часов в день) для того, чтобы включить в него те или иные виды активной деятельности спортивно-оздоровительного характера. Многие студенты, на наш взгляд, отличаются неспособностью к тому, чтобы распоряжаться своим свободным временем наиболее оптимальными способами, планировать свой досуг таким образом, чтобы его непосредственными компонентами являлись необходимые для эффективного укрепления и сохранения здоровья физкультурно-спортивные занятия.

Можно констатировать, что в качестве основных причин, объясняющих отсутствие спортивно-оздоровительного досуга в повседневной жизни значительной части представителей российского студенчества, выступают именно субъективные причины, связанные с отсутствием осознанных потребностей и интересов к осуществлению рассматриваемой деятельности.

Что же касается такой причины, как отсутствие свободного времени, то здесь, скорее, следует вести речь о неспособности молодых людей к планированию своего досуга, выстраиванию долгосрочных жизненных стратегий или планов с включением в свою жизнедеятельность физической культуры и спорта, объективно необходимых для обеспечения хорошего физического и психического здоровья и высокой работоспособности.

С нашей точки зрения, более широкое вовлечение представителей различных групп молодежи и, в том числе студентов к систематическим физкультурно-спортивным занятиям может быть осуществлено посредством активной деятельности молодежных спортивно-оздоровительных сообществ или клубов.

Во многих развитых странах, характеризующихся высоким уровнем вовлеченности молодежи в физкультуру и спорт, именно спортивные клубы играют наиболее активную роль в организации спортивно-оздоровительного досуга (подобные клубы могут действовать как самостоятельные организации или же функционировать в системе других более крупных спортивных структур).

Как молодые люди, так и представители других возрастных групп нуждаются в организационном звене, ответственном за обеспечение тренировочного процесса, участие в массовых спортивных соревнованиях и других видах активности физкультурно-спортивного характера. Таким организующим звеном могут быть спортивные клубы, деятельность которых направлена на привлечение разных людей к занятиям физической культурой и спортом, решение различных вопросов организационного характера, включая организацию и проведение спортивных мероприятий, могущих вызвать интерес у представителей молодежи.

Если говорить непосредственно о студенческих спортивных клубах, то к числу основных целей их деятельности можно отнести развитие массового студенческого спорта, организацию и проведение состязаний по разным спортивным дисциплинам, а также открытие различных секций, кружков физкультурно-спортивной направленности. Непосредственно в самих высших учебных заведениях спортивные клубы могут как организовывать различные физкультурные и спортивные мероприятия, вовлекая в разные направления своей деятельности большое количество студентов, так и осуществлять активную пропаганду здорового образа жизни, формировать у обучающихся интерес к спортивно-оздоровительному досугу, способствующему укреплению здоровья молодых людей, повышению уровня их работоспособности.

Результаты социологических опросов свидетельствуют о том, что большая часть российских студентов положительно оценивают деятельность студенческих спортивных клубов, направленную на популяризацию ценностей здоровья и здорового образа жизни в студенческой среде [11, с. 64–65].

С точки зрения И.Б. Ивановой, посредством активной деятельности спортивных клубов студенческий спорт в нашей стране должен стать «мейнстримом», что будет способствовать привлечению студентов к спортивно-оздоровительной деятельности в целом [12, с. 66].

В настоящее время относительно небольшая часть студентов являются членами тех или иных физкультурно-спортивных клубов или сообществ, однако в перспективе в деятельность спортивных клубов может быть вовлечено большее количество молодых людей, обучающихся в отечественных вузах. Значительную роль здесь играет информационная политика в части касающейся распространения информации о значимости спортивно-оздоровительного досуга, пропаганды ценностей спорта, физической культуры и здорового образа жизни, направленной на представителей молодого поколения российского общества.

Пропаганда рассматриваемых ценностей, а также популяризация спортивных и других меро-

© Барсуков С.В., Терентьева Е.А., Матвеев Д.Г.

приятый должна осуществляться с использованием востребованных в молодежной среде информационных каналов, в качестве которых в настоящее время выступают современные средства массовой информации и коммуникации, включая социальные сети и мессенджеры, призванные распространять сведения, касающиеся различных аспектов спортивно-оздоровительного досуга. Современные технологии могут быть использованными в рамках пропагандистской работы с молодежью, имеющей своей целью привлечение представителей рассматриваемой социально-демографической группы к физкультурно-спортивным занятиям, а также должны использоваться параллельно с традиционными методами воспитательной работы с обучающимися, реализуемыми в образовательном процессе в учебных заведениях разного уровня. Так, деятельность педагогов в высшей школе, осуществляющих преподавание учебной дисциплины «Физическая культура и спорт», должна быть направлена как на укрепление здоровья обучающихся, повышение уровня их физической подготовки и спортивного мастерства, так и на привитие студентам устойчивых установок на регулярные и систематические занятия физической культурой и спортом, ориентаций на спортивно-оздоровительный досуг как неотъемлемый компонент повседневной жизни обучающихся как в период вузовской подготовки, так и после получения высшего образования.

Учебная и воспитательная работа со студентами должна включать формирование у обучающихся представлений о значимости физкультурно-спортивной активности для максимально полного раскрытия потенциала молодых людей, их успешной самореализации, поддержания и укрепления как физического, так и психического здоровья.

Студенты, в идеале, должны научиться грамотно организовывать свое свободное время, выделяя определенную его часть для двигательной активности, занятий физической культурой и спортом. Акцент здесь необходимо делать, в том числе и на доступности для различных категорий студентов спортивно-оздоровительной деятельности, обеспечиваемой простотой распространенных видов активности двигательного характера.

Таким образом, в период обучения в вузе молодым людям следует прививать потребность в спортивно-оздоровительном досуге, позволяющем на последующих этапах жизнедеятельности сохранять и укреплять здоровье в комплексе с высоким уровнем работоспособности, обеспечивающим конкурентоспособность на рынке труда, умение успешно адаптироваться к условиям постоянно меняющейся социальной среды.

Заключение.

Значение спортивно-оздоровительного досуга как одной из разновидностей досуговой активности заключается в том, что он, являясь одним

основополагающих компонентов здорового образа жизни, оказывает непосредственное воздействие на различные показатели здоровья молодых людей, уровень их работоспособности, определяет возможности успешной адаптации к постоянно меняющимся условиям внешней социальной среды. В течение последних лет фиксируются негативные тенденции, связанные с ухудшением состояния здоровья студентов высших образовательных учреждений, что обуславливает необходимость вовлечения обучающихся в различные направления деятельности спортивно-оздоровительного характера.

Наряду с этим, материалы многочисленных социологических исследований свидетельствуют о преобладании пассивной позиции молодых людей по отношению к собственному здоровью, что проявляется в отсутствии у них системных валеологических знаний и представлений о здоровом образе жизни и его основополагающих компонентах, а также в невысокой мотивации к занятиям физической культурой и спортом на регулярной и систематической основе.

Эмпирические данные указывают на то обстоятельство, что в качестве наиболее распространенной причины, обуславливающей отсутствие спортивно-оздоровительной составляющей в структуре досуга значительной части молодых россиян, выступает отсутствие у них желания заниматься этим видом деятельности.

Привлечение представителей различных групп молодежи и, в том числе студентов к систематическим физкультурно-спортивным занятиям может быть осуществлено посредством активной деятельности молодежных спортивно-оздоровительных сообществ или клубов.

Несмотря на то, что в настоящее время относительно небольшая часть студентов являются членами тех или иных физкультурно-спортивных клубов или сообществ, в перспективе, в деятельность спортивных клубов может быть вовлечено большее количество молодых людей, обучающихся в отечественных вузах. Значительную роль здесь призвана играть информационная политика в части, касающейся распространения информации о значимости спортивно-оздоровительного досуга, пропаганды ценностей спорта, физической культуры и здорового образа жизни, направленной на представителей молодого поколения российского общества.

Современные информационно-коммуникационные технологии, могущие быть использованными в рамках пропагандистской работы с молодежью, имеющей своей целью привлечение представителей рассматриваемой социально-демографической группы к физкультурно-спортивным занятиям, должны применяться параллельно с традиционными методами воспитательной работы с обучающимися, реализуемыми в образовательном процессе в учебных заведениях разного уровня.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ольховская Е.Б. Исследование здоровья современных студентов педагогических вузов: проблемы, пути оптимизации : монография / Е.Б. Ольховская, Т.А. Сапегина. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2023. 118 с. ISBN: 978-5-8050-0775-1 EDN: SDFJJY
2. Кульминская А.В. Досуг студенческой молодежи: результаты мониторингового исследования / А.В. Кульминская, Л.Д. Забокрицкая // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 4(28). С. 102–120. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-102-120 EDN: MXJJWH
3. Горшков М.К. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований : монография / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020 ISBN: 978-5-89697-325-6 EDN: BSNDA
4. Стивенсон К.Л. Спорт как современный социальный феномен: функциональный подход / К.Л. Стивенсон; Под ред. В.И. Столярова, З. Кравчика // Спорт и образ жизни: Сб. статей. М., 1979. С. 58–65.
5. Деятельностный подход к исследованию проблемы формирования спортивной культуры студентов в процессе обучения в вузе / В.А. Бурцев [и др.] // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 2. EDN: YLKJPZ
6. О причинах пассивного отношения студентов различных направлений подготовки к базовой дисциплине «Физическое воспитание» в вузах / И.А. Золотухина [и др.] // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 7. С. 104–109. DOI: 10.17513/snt.38760 EDN: OJDGLG
7. Рахматов А.И. Физкультурно-спортивные мероприятия в вузе // Образование и воспитание. 2020. № 3 (29). С. 66–67. EDN: MLFRWV
8. Грецов А.Г. Методика пропаганды ценностей здорового образа жизни: как разговаривать с молодежью о физической культуре / А.Г. Грецов; Под ред. д-ра пед. наук профессора В.С. Макеевой // Физическая культура, спорт и туризм. Интеграционные процессы науки и практики: Сборник статей по материалам VII международной научно-практической конференции, 27–30 апреля 2015 г. Орел : Госуниверситет-УНПК, 2015. С. 56–62.
9. Ионова О.В. Физкультурно-оздоровительная деятельность в структуре досуга студенческой молодежи : автореф. дис. ... кандидата социологических наук. Пенза, 2018. 21 с. EDN: DEAVCB
10. Пчелкина Е.П. Ценностные предпочтения студенческой молодежи в отношении здоровья: автореферат диссертации кандидата социологических наук. М., 2012. 22 с. EDN: QIELEB
11. Гришин Я.Б. Роль студенческих спортивных клубов в формировании здорового образа жизни у молодежи / Я.Б. Гришин, А.Д. Сулейманов // Электронное научное издание «Международный электронный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика». 2019. Спец. выпуск № 22. С. 63–68. EDN: VUMTUM
12. Иванова И.Б. Студенческий спортивный клуб как современная форма организации массовой физкультурно-спортивной работы среди молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 12. С. 62–67. EDN: YWZRUT

References:

1. Olkhovskaya E.B. Health research of modern students of pedagogical universities: problems, ways of optimization : monograph / E.B. Olkhovskaya, T.A. Sapagina. Yekaterinburg: Publishing House of the Russian State prof.-ped. University, 2023. 118 p. ISBN: 978-5-8050-0775-1 EDN: SDFJJY
2. Kulminskaya A.V. Leisure time for students: results of a monitoring study / A.V. Kulminskaya, L.D. Zabokritskaya // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2021. Vol. 7. № 4(28). P. 102–120. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-102-120 EDN: MXJJWH
3. Gorshkov M.K. The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of long-term research : monograph / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. M. : FNISC RAS, 2020. 688 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020 ISBN: 978-5-89697-325-6 EDN: BSNDA
4. Stevenson K.L. Sport as a modern social phenomenon: a functional approach / K.L. Stevenson; Edited by V.I. Stolyarov, Z. Kravchik // Sport and lifestyle: Collection of articles. M., 1979. P. 58–65.
5. An activity-based approach to the study of the problem of the formation of students' sports culture in the university learning process / V.A. Burtsev [et al.] // Modern problems of science and education. 2017. № 2. EDN: YLKJPZ
6. On the reasons for the passive attitude of students in various fields of preparation for the basic discipline «Physical education» in universities / I.A. Zolotukhina [et al.] // Modern science-intensive technologies. 2021. № 7. P. 104–109. DOI: 10.17513/snt.38760 EDN: OJDGLG

7. Rakhmatov A.I. Physical culture and sports events at the university // Education and upbringing. 2020. № 3 (29). P. 66–67. EDN: MLFRWV
8. Gretsov A.G. Methods of promoting the values of a healthy lifestyle: how to talk to young people about physical culture / A.G. Gretsov; Edited by Dr. of Pedagogical Sciences Professor V.S. Makeeva // Physical culture, sport and tourism. Integration processes of science and practice: A collection of articles based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference, April 27–30, 2015. Orel : Gosuniversitet-UNPC, 2015. P. 56–62.
9. Ionova O.V. Physical culture and recreation activities in the leisure structure of student youth: abstract of the dissertation of the candidate of sociological sciences. Penza, 2018. 21 p. EDN: DEAVCB
10. Pchelkina E.P. The value preferences of students in relation to health: abstract of the dissertation of the Candidate of Sociological Sciences. M., 2012. 22 p. EDN: QIELEB
11. Grishin Ya.B. The role of student sports clubs in the formation of a healthy lifestyle among young people / Ya.B. Grishin, A.D. Suleymanov // Electronic scientific publication «International Electronic Journal. Sustainable development: science and practice». 2019. Special issue № 22. P. 63–68. EDN: VUMTUM
12. Ivanova I.B. Student sports club as a modern form of organizing mass physical culture and sports work among young people // Social and humanitarian knowledge. 2018. № 12. P. 62–67. EDN: YWZRUT

Информация об авторах

Барсуков Сергей Владимирович

старший преподаватель кафедры
физического воспитания, спорта и туризма,
Ростовский государственный
экономический университет
Baser86@mail.ru

Терентьева Екатерина Алексеевна

старший преподаватель кафедры
физического воспитания, спорта и туризма,
Ростовский государственный
экономический университет
medvegywka@yandex.ru

Матвеев Даниил Геннадьевич

преподаватель кафедры
физического воспитания, спорта и туризма,
Ростовский государственный
экономический университет
daniil.matveev.1997@mail.ru

Sergey V. Barsukov

Senior Lecturer at the Department
of Physical Education, Sports and Tourism,
Rostov State University of Economics
Baser86@mail.ru

Ekaterina A. Terentyeva

Senior Lecturer at the Department
of Physical Education, Sports and Tourism,
Rostov State University of Economics
medvegywka@yandex.ru

Daniil G. Matveev

Lecturer at the Department
of Physical Education, Sports and Tourism,
Rostov State University of Economics
daniil.matveev.1997@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.01.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.02.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-5>

УДК 316



Attribution

cc by

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОРОДОВ РОСТОВА-НА-ДОНУ И КРАСНОДАРА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Касьянов В.В.¹, Манучарян А.К.², Самыгин П.С.³

^{1, 2}Кубанский государственный университет,

³Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. Актуальность сравнительного анализа показателей социально-экономического развития Ростова-на-Дону и Краснодара обусловлена тем, что они являются крупнейшими городами Южного федерального округа с высоким научно-технологическим и инновационным потенциалом, соответствующим основным целям и задачам пространственного развития нашей страны на современном этапе её развития. Авторы отмечают, что в настоящее время Краснодар значительно опережает Ростов-на-Дону по темпам прироста населения, динамика численности которого в донской столице не соответствует высокому социально-экономическому потенциалу развития данного города и в перспективе является негативным вызовом для его позиционирования как одного из динамично развивающихся российских городов-миллионников. Развитие Ростова-на-Дону и Краснодара должно быть направлено на обеспечение лидерства каждого из этих городов на Юге России, приобретение ими статуса важнейших производственных, транспортно-логистических, научно-образовательных, инновационных, управленческих центров, а также центров бизнес-активности Российской Федерации. При этом эффективное и поступательное социально-экономическое развитие данных городов должно учитывать перспективные направления исторического пространственного развития, включая современные мировые тренды в области урбанистики и формирования комфортной городской среды, развития современной информационно-коммуникационной, дорожно-транспортной, инженерной инфраструктуры.

Ключевые слова: историческое пространственное развитие, город, городская среда, городское пространство, городская агломерация, социально-экономический потенциал, человеческий капитал, социокультурный капитал.

Финансирование: инициативная работа.

Original article.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SOCIO-ECONOMIC POTENTIAL OF THE CITIES OF ROSTOV-ON-DON AND KRASNODAR IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF SPATIAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE CURRENT STAGE

Valery V. Kasyanov¹, Artur K. Manucharyan², Peter S. Samygin³

^{1, 2}Kuban State University,

³Rostov State University of Economics

Abstract. The relevance of a comparative analysis of the socioeconomic development indicators of Rostov-on-Don and Krasnodar is determined by their status as the largest cities in the Southern Federal District, boasting high scientific, technological, and innovative potential, consistent with the key goals and objectives of Russia's current spatial development. The authors note that Krasnodar currently significantly outpaces Rostov-on-Don in population growth. This population growth rate in the Don capital does not correspond to the city's high socioeconomic development potential and, in the long term, poses a negative challenge to its positioning as one of Russia's fastest-growing cities with a population of over one million. The development of Rostov-on-Don and Krasnodar should be aimed at ensuring each of these cities' leadership in southern Russia, acquiring their status as key manufacturing, transport and logistics, scientific and educational, innovation, and administrative centers, as well

© Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин П.С.

as hubs of business activity in the Russian Federation. At the same time, the effective and progressive socioeconomic development of these cities must take into account promising areas of historical spatial development, including contemporary global trends in urban planning and the creation of a comfortable urban environment, as well as the development of modern information and communications, road transport, and engineering infrastructure.

Keywords: historical spatial development, city, urban environment, urban space, urban agglomeration, socioeconomic potential, human capital, sociocultural capital.

Funding: Independent work.

Введение.

В соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, к основным направлениям и задачам пространственного развития нашей страны относится формирование сбалансированной территориальной организации экономики путем раскрытия потенциала территорий и создания условий для ускоренного развития промышленной и научно-технологической кооперации между субъектами Российской Федерации, в том числе за счет раскрытия экономического потенциала, обеспечения научно-технологического и инновационного развития городских агломераций [1].

Как отмечается в разработанном Министерством экономического развития России «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года», одним из наиболее активно развивающихся в настоящее время федеральных округов является Южный федеральный округ (ЮФО), к основным преимуществам относятся:

- выдающееся в масштабах Евразии транспортно-географическое положение;
- уникальный транспортно-транзитный потенциал; наиболее благоприятные по сравнению с многими другими регионами нашей страны для проживания, отдыха и для сельского хозяйства природно-климатические условия и природно-ресурсный потенциал;
- высокая социально-экономическая привлекательность округа, которая обуславливает положительную динамику миграционных процессов в округе;
- мощный промышленно-производственный потенциал, занимающий в некоторых отраслях ведущие позиции в стране и т.д. [2].

Крупнейшими городами в ЮФО являются Ростов-на-Дону и Краснодар – города-соседи; объединяет их также примерно одинаковая численность населения, соотносимый по объему промышленный потенциал, значимость в качестве центра, обеспечивающего России сельскохозяйственную безопасность и т.д.

Кроме того, как подчеркивается в специальных исследованиях, Краснодар и Ростов-на-Дону также являются крупнейшими городами в регио-

нах, исторически связанными с кубанским и донским казачеством, что свидетельствует о наличии у них общих культурно-этнографических корней.

И, наконец, оба городских центра одновременно считают себя «столицей» Юга России, причем единственной, что вносит некоторый элемент соперничества в отношения между данными поселениями и их жителями.

Все это порождает не только состояние близости между Краснодаром и Ростовом-на-Дону, психологию землячества, культурного, экономического, спортивного сотрудничества, но и, в известной степени, соревнования.

Выход Краснодара, характеризующегося более высокой по сравнению с донской столицей динамикой численности населения, в число городов-миллионников, способствовал, с точки зрения А.А. Колосковой, усилению конкуренции между двумя южными столицами [3, с. 99]. Данное соперничество может проявляться на разных уровнях: от обыденных представлений о том, в каком городе «лучше жить» и, соответственно, бытовых споров на эту тему, до острой конкуренции за те или иные проекты, финансируемые за счет средств федерального бюджета [4, с. 36].

Данные обстоятельства обуславливают актуальность сравнительного анализа социально-экономического потенциала городов Ростова-на-Дону и Краснодара в контексте перспектив истории пространственного развития современной России.

Обсуждение. Результаты.

Сравнительный анализ социально-экономического потенциала городов Ростова-на-Дону и Краснодара предусматривает сопоставление интегральных для социально-экономической системы показателей, включающих такие базовые параметры, как численность населения, производственные и инвестиционные показатели, включающие совокупный объем отгруженных товаров, работ и услуг, инвестиции в основной капитал по организациям, среднемесячная заработная плата на одного работника и другие параметры.

Помимо этого, важное значение, в данном контексте, имеют торгово-экономический, научно-образовательный потенциалы, а также социо-

культурный капитал рассматриваемых городов, определяющий перспективы их социально-экономического развития в будущем.

В рамках сопоставления показателей социально-экономического развития кубанской и донской столиц, также необходимо учитывать инфраструктурные, транспортные и другие проблемы и ограничения, препятствующие максимально полной реализации потенциала рассматриваемых городов.

Так, город Ростов-на-Дону, являющийся центром Южного федерального округа и административным центром Ростовской области, имеет важнейшее стратегическое положение, связывающее Центральную часть страны с Югом России и Кавказом, а также находится на границе Европы и Азии. Благодаря размещению города в нижнем течении Дона недалеко от его впадения в Азовское море и осуществленным в XX веке значительным гидротехническим проектам по связыванию бассейнов крупных рек Европейской части России, Ростов-на-Дону имеет выход к пяти морям.

Будучи одним из крупнейших российских городов с выгодным географическим положением, развитой диверсифицированной экономикой и научно-образовательной сферой, Ростов-на-Дону традиционно является центром международного бизнеса и характеризуется высокой степенью интегрированности в процессы глобальной экономики.

Важнейшими сферами активного позиционирования Ростова-на-Дону на мировом уровне являются высшее образование и наука. Широкую известность на международном уровне имеют крупные ростовские образовательные организации высшего образования, традиционно являющиеся центрами притяжения большого числа иностранных студентов.

В целом Ростов-на-Дону является одним из крупнейших отечественных индустриальных, транспортно-логистических, медицинских, культурных и спортивных центров, а также выступает в качестве наиболее мощного на Юге страны научно-образовательного и инновационного центра [5].

Город Краснодар, в свою очередь, является административным, деловым, образовательным, научным и культурным центром Краснодарского края.

В Южном федеральном округе Краснодар занимает выгодное экономико-географическое положение и стоит на транспортных магистралях, связывающих центр России с портами Чёрного и Азовского морей, а также курортами Черноморского побережья Кавказа.

Город Краснодар является крупным транспортным узлом, где есть воздушный, железнодорожный и речной транспорт, а также развитая сеть

автобусов, троллейбусов и трамваев. Из аэропорта выполняются регулярные и чартерные рейсы в различные города России и других стран СНГ, а также в страны дальнего зарубежья, с полной нагрузкой работают три железнодорожных вокзала. Через город Краснодар проходят имеющие стратегическое значение автотрассы, которые связывают город с Азово-Черноморским побережьем, Ростовской областью и Ставропольским краем.

В силу своего геополитического, природно-климатического и экономического потенциала, Краснодар занимает особое место среди муниципальных образований Краснодарского края и является одним из наиболее привлекательных городов в Южном федеральном округе.

Необходимо отметить, что на основании данных Финансового университета при Правительстве РФ, полученных в рамках проекта по оценке качества жизни в крупных и средних городах России, по интегральному индексу качества жизни Краснодар входил в пятёрку лучших городов России наравне с Москвой и Санкт-Петербургом [6].

Учитывая особое геополитическое положение Краснодарского края на Юге России, Краснодар стал одним из наиболее значимых городов ЮФО.

Согласно Стратегии Краснодарского края, одним из основных направлений развития экономических зон края является создание Краснодарской агломерации, ядром которой будет город Краснодар как активно растущий полис, транслирующий градостроительные и историко-культурные ценности в эпоху нового времени [7].

Сопоставляя динамику социально-экономического развития Ростова-на-Дону и Краснодара по параметру численности населения, следует отметить, что по данному параметру наблюдается первенство кубанской столицы.

С одной стороны, в течение последних десятилетий динамика численности населения Ростова-на-Дону являлась стабильно положительной: по итогам Всероссийской переписи населения, проведенной в 2020 г., город Ростов-на-Дону подтвердил статус миллионника (здесь на дату переписи проживал 1 миллион 142 тысячи человек, а по сравнению с предыдущей переписью населения численность жителей донской столицы увеличилась на 52,9 тысячи человек, или на 4,9 %).

В то же время, с другой стороны, новейшие статистические данные, отражающие численность населения Ростова-на-Дону, опубликованные в юбилейном статистическом сборнике «Сердце Юга», свидетельствуют о том, что за период, прошедший после проведения последней Всероссийской переписи, население города незначительно сократилось (по данным на 01 января 2024 г. численность постоянного населения со-

ставила здесь 1140487 человек, что на 1675 человек меньше, чем в год проведения переписи [8, с. 23].

Очевидно, что рассматриваемая динамика численности населения Ростова-на-Дону не соответствует высокому социально-экономическому потенциалу развития города, и в перспективе может стать негативным вызовом для его позиционирования как одного из динамично развивающихся российских городов-миллионников.

Как отмечают разработчики Стратегии социально-экономического развития города Ростова-на-Дону, при сохранении текущей динамики населения рассматриваемый город может покинуть первую десятку городов России по численности жителей, оказавшись позади Красноярска и Воронежа, чьи темпы роста населения являются значительно более высокими [5].

В Краснодаре по итогам Всероссийской переписи населения проживало 1204878 человек. Это означает, что данный город официально стал крупнейшим в ЮФО по численности населения. Здесь также необходимо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что Краснодар демонстрирует рекордный прирост населения, (+44,7 % по сравнению с предыдущей переписью), тогда как население Ростова-на-Дону увеличилось всего на 4,9 %. По данной позиции, таким образом, Краснодар опережает ядро Ростовской агломерации.

Необходимо отметить, что новейшие статистические данные подтверждают высокую позитивную динамику роста численности населения Краснодара: в соответствии с последними данными (оценка численности постоянного населения города на 01 января 2025 г.) она составляет 1262725 человек.

Таким образом, население Краснодара в течение последних лет стабильно росло, в то время как в Ростове-на-Дону, напротив, имеет место стагнация численности населения, проживающего в данном городе, и даже незначительная отрицательная динамика.

Что касается такого показателя, как совокупный объем отгруженных товаров, работ и услуг, выполненных собственными силами, по полному кругу предприятий, то в Ростове-на-Дону в 2024 г. он составил 549666,8 млн рублей в действующих ценах (необходимо отметить, что в соответствии с утвержденным администрацией данного города прогнозом социально-экономического развития Ростова-на-Дону на 2026–2028 годы, данный показатель должен к обозначенному периоду достигнуть 795 681,5 млн рублей) [5].

Если говорить о Краснодаре, то он также демонстрирует положительную динамику указанных экономических показателей: с 2015 по 2024 годы объем отгруженной продукции, выполненных работ и услуг составил 2 трлн 808 млрд рублей. При этом в кубанской столице каждый год открываются

новые производства, а важным фактором развития промышленности в Краснодаре в течение последних лет стало создание и поддержка индустриальных парков. В настоящее время в городе действуют четыре таких парка, подтвердивших свой статус в министерстве промышленности и торговли РФ (общая площадь данных парков превышает 360 гектаров, здесь работают 42 производственные компании). Краснодарские предприятия активно осваивают экспортные рынки. Так, к 2024 году 48 местных компаний экспортировали свою продукцию в страны Евразийского экономического союза, Центральной Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки [6].

Если рассматривать показатели инвестиционной привлекательности, то Ростов-на-Дону и Краснодар имеют достаточно высокие объемы инвестиций в основной капитал. Так, к примеру, в 2021 году Ростов-на-Дону вошел в пятерку лидеров с объемом инвестиций 141376,8 млн. рублей. В 2024 г. объем инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования составил здесь 240 557 млн. рублей в действующих ценах (в 2028 г., в соответствии с прогнозом социально-экономического развития, сделанным Администрацией города, этот показатель должен составить 315583 млн. рублей) [9].

Для закрепления лидерских позиций Ростову-на-Дону требуется постоянная работа по повышению инвестиционной привлекательности, что будет способствовать усилению перспективной конкурентоспособности среди крупнейших городов страны.

Вместе с тем, город Краснодар в настоящее время опережает Ростов-на-Дону по показателям инвестиционной привлекательности: по итогам 2024 года объем инвестиций в основной капитал по кругу средних и крупных предприятий составил здесь 313,3 млрд руб. По данным администрации Краснодара, рост объемов инвестиций в данном городе обеспечат масштабные долгосрочные проекты: крупнейшим из них является создание мультимодального транспортного узла АО «Международный аэропорт Краснодар» с вложениями свыше 53 млрд руб. В целом общий объем инвестиций в основной капитал в экономике Краснодара за десять лет достиг 1,6 триллиона рублей: предприятия вкладывают денежные средства в модернизацию производств, возведение новых объектов, расширение действующих мощностей, приобретение передового оборудования, что обеспечивает данному городу лидирующие позиции в Южном федеральном округе [10].

Города Ростов-на-Дону и Краснодар имеют практически одинаковые показатели, отражающие размер заработных плат работников, занятых на предприятиях.

Так, Ростов-на-Дону занял 50-е место в рейтинге 100 российских городов по уровню зарплат в первом полугодии 2025 года. Составители рей-

тинга проранжировали города по покупательной способности зарплаты, то есть по соотношению чистой средней зарплаты к фиксированному набору товаров и услуг. В донской столице среднемесячная зарплата в 2025 году за вычетом НДФЛ составила 78,7 тыс. руб.; по отношению к первому полугодю прошлого года она выросла на 10,5 %. По данным рейтинга, на эти деньги можно купить 3,26 стандартных потребительских наборов товаров и услуг.

Что касается Краснодара, то он занял 54-е место в рейтинге 100 российских городов по уровню зарплат в первом полугодии 2025 года. В кубанской столице среднемесячная зарплата в 2025 году за вычетом НДФЛ составила 82,2 тыс. руб., по отношению к первому полугодю прошлого года она выросла на 8,7%. По данным рейтинга, на эти деньги можно купить более 3,2 стандартных потребительских наборов товаров и услуг.

Здесь необходимо отметить, что по уровню средней зарплаты, предлагаемой работодателями, Южный федеральный округ из восьми округов занимает предпоследнее, седьмое, место.

В то же время, рынок труда Юга России в целом обладает рядом преимуществ, к числу которых относится диверсифицированность рынка труда, в рамках которого сочетаются традиционные для региона отрасли, такие как сельское хозяйство, строительство и туризм, а также более современные направления, включая IT-сферу, логистику, промышленность и производство (подобная структура делает рынок труда региона менее уязвимым в периоды экономических спадов), активное развитие малого и среднего бизнеса.

Как отмечается в специальных исследованиях, дальнейшее развитие городов Ростова-на-Дону и Краснодара, а также сближение их с периферийными центрами затрудняется, в первую очередь, из-за инфраструктурных сложностей [11].

Так, одной из основных проблем, препятствующих развитию Ростова-на-Дону, является малое количество земель в собственности муниципалитета – гражданам и юридическим лицам принадлежит, по данным Росреестра, 62 % территории (в среднем по ЮФО – 48,7 %). Данное обстоятельство осложняет развитие транспортно-коммуникационного каркаса, а вдоль основных транспортных коридоров сохраняется стихийная застройка, зачастую, не предусматривающая необходимость развития и расширения улично-дорожного полотна, социальной инфраструктуры и объектов озеленения.

Плотность улично-дорожной сети, по данным Стратегии социально-экономического развития Ростова-на-Дону, составляет 3,96 км/кв. км, а в центральной части города – 4,2 км/кв. км, что превышает норматив почти в 2 раза. Среди городов-миллионников в Ростове-на-Дону наблюдается самая малая площадь дорожно-транспортной сети. При этом только за период с

2000 по 2020 гг. уровень автомобилизации в Ростовской области в целом вырос в 2,5 раза, а в самой донской столице этот показатель является еще более высоким [5].

Необходимо отметить, что для Краснодара характерны те же транспортные и инфраструктурные проблемы, связанные, прежде всего, с высокой нагрузкой на дорожно-транспортную сеть и с изношенностью дорожного полотна.

Бурное современное развитие Краснодара, стремительный рост его населения, способствовало увеличению нагрузки на инфраструктуру данного города, обусловив необходимость активного преобразования последнего.

В соответствии с оценками, сделанными рядом экспертов, резкое увеличение численности населения Краснодара в комплексе с нерегулируемой стратегией развития данного города, отсутствием правильной градостроительной политики и эффективной работы департамента по надзору за строительной отраслью, привели к серьезным осложнениям [11]. Так, в городе произошло существенное обострение проблемы с автомобильными пробками (Краснодар входит в топ-25 городов планеты с самыми большими пробками). Это обусловлено тем, что рассматриваемый город лидирует в стране по такому показателю, как количество машин на тысячу человек населения. На данный момент в Краснодаре планируется реализация ряда крупных транспортных и инфраструктурных проектов, включающих проекты создания наземного метро, а также современного мультимодального транспортного хаба.

По мнению специалистов в области градостроительства, в рассматриваемой сфере у Краснодара имеются объективные преимущества перед Ростовом-на-Дону, заключающиеся в более эффективном развитии общественного, в частности, электрического транспорта (в Краснодаре он в настоящее время активно развивается, в отличие от Ростова-на-Дону), а также в создании так называемого зеленого каркаса города или озеленении городского пространства [11].

В целом кубанская и донская столицы демонстрируют высокие темпы социально-экономического развития, включающие хорошие производственные, инвестиционные и другие показатели. Города Ростов-на-Дону и Краснодар в настоящее время являются признанными лидерами, оказывая ключевое влияние на развитие соответствующих субъектов Российской Федерации и Южного федерального округа в целом. В то же время, в течение последних лет обозначились явные преимущества Краснодара, который опережает Ростов-на-Дону по ряду параметров, включающих, в первую очередь, демографические показатели, численность населения: кубанская столица лидирует по темпам прироста населения как в относительном, так и в абсолютном выражении. Краснодар лидирует в накоплении человеческого капитала, который

выступает в качестве важнейшего актива и является основой долгосрочной конкурентоспособности данного города.

Заключение.

Города Южного федерального округа, крупнейшими из которых являются Ростов-на-Дону и Краснодар, имеют в настоящее время высокий социально-экономический потенциал, позволяющий осуществлять эффективное научно-технологическое и инновационное развитие соответствующих городских агломераций, что отвечает основным целям и задачам пространственного развития нашей страны на современном этапе.

Конкуренция между кубанской и донской столицами в последние годы усилилась, чему во многом способствовала более высокая динамика роста численности населения Краснодара, опередившего по этому показателю Ростов-на-Дону.

Анализ статистических материалов свидетельствует о высоких интегральных для социально-экономической системы параметрах развития рассматриваемых городов, включающих производственные и инвестиционные показатели, уровень заработной платы работников и ряд других.

В то же время, Краснодар значительно опережает Ростов-на-Дону по темпам прироста насе-

ления, динамика численности которого в донской столице не соответствует высокому социально-экономическому потенциалу развития данного города и в перспективе является негативным вызовом для его позиционирования как одного из динамично развивающихся российских городов-миллионников.

Развитие двух южных столиц должно быть ориентировано на значительное повышение комфортности и качества жизни населения, усиление привлекательности города для жителей других регионов и государств, аккумуляции интеллектуального и творческого потенциала.

Развитие Ростова-на-Дону и Краснодара должно быть направлено на обеспечение лидерства каждого из этих городов на Юге России, приобретение ими статуса важнейших производственных, транспортно-логистических, научно-образовательных, инновационных, управленческих центров, а также центров бизнес-активности Российской Федерации в целом. При этом эффективное и поступательное социально-экономическое развитие данных городов должно учитывать перспективные направления пространственного развития, включая современные мировые тренды в области урбанистики и формирования комфортной городской среды, развития современной информационно-коммуникационной, дорожно-транспортной, инженерной инфраструктуры.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». URL : <http://government.ru/docs/all/157308> (дата обращения 25.01.2026).
2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России). URL : economy.gov.ru/material/directions/makroec (дата обращения 26.01.2026).
3. Колоскова А.А. Ростов-на-Дону как ядро Ростовской агломерации: перспективы и проблемы развития // Региональная экономика. Юг России. 2023. Т. 11. № 3. С. 98–105. DOI: 10.15688/re.volsu.2023.3.10 EDN: FONBUG
4. Касьянов В.В. Компаративный анализ миграционно-демографических процессов потенциала городов Краснодар и Ростов-на-Дону в начале XXI века / В.В. Касьянов, М.Ю. Попов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 2. С. 35–39. DOI: 10.23672/SAE.2018.2.11476 EDN: VZZTOP
5. Решение Ростовской-на-Дону городской Думы от 21 декабря 2018 года № 603 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на период до 2035 года (с изменениями на 15 августа 2023 года). URL : docs.cntd.ru/document/550321220 (дата обращения 27.01.2026).
6. Решение Краснодарской городской Думы от 19 ноября 2020 года № 4 п. «Стратегия социально-экономического развития муниципального образования город Краснодар до 2030 года». URL : economy.krasnodar.ru/upload/iblock/e23/Strategiya (дата обращения: 27.01.2026).
7. Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 года № 3930-КЗ (ред. от 29 ноября 2024 года) «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года» (принят Законодатель-

© Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин П.С.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

- ным собранием Краснодарского края 11 декабря 2018 года). URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips> (дата обращения 28.01.2026).
8. Сердце Юга. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. Ростовстат. Ростов-н/Д., 2024. 247 с.
 9. Постановление администрации города Ростова-на-Дону от 02 сентября 2025 года № 969 «Об утверждении прогноза социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на 2026–2028 годы». URL : rostoblpravo.ru/postanovlenie/2025/09/02/n-969 (дата обращения 29.01.2026).
 10. Сергеев О. В Краснодаре в 2025 году откроют около 10 новых производств // Российская газета. Федеральный выпуск от 14 августа 2025 года.
 11. Петина О. Почему «провинциальный» Краснодар растёт, а мегаполис Ростов тает // Эксперт Юг от 29 ноября 2022 года.

References:

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 28, 2024 № 4146-r «Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036». URL : <http://government.ru/docs/all/157308> (date of application 01/25/2026).
2. Forecast of the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030 (developed by the Ministry of Economic Development of Russia). URL : economy.gov.ru/material/directions/makroec (date of application 01/26/2026).
3. Koloskova A.A. Rostov-on-Don as the core of the Rostov agglomeration: prospects and problems of development // Regional economy. The South of Russia. 2023. Vol. 11. № 3. P. 98–105. DOI: 10.15688/re.volsu.2023.3.10 EDN: FOHBUG
4. Kasyanov V.V. Comparative analysis of migration and demographic processes in the potential of Krasnodar and Rostov-on-Don cities at the beginning of the 21st century / V.V. Kasyanov, M.Yu. Popov, S.I. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018. № 2. P. 35–39. DOI: 10.23672/SAE.2018.2.11476 EDN: VZZTOP
5. The decision of the Rostov-on-Don City Duma Dated December 21, 2018, № 603 «On Approval of the Strategy for the Socio-Economic Development of the city of Rostov-on-Don for the period up to 2035 (as amended on August 15, 2023). URL : docs.cntd.ru/document/550321220 (date of application 01/27/2026).
6. Decision of the Krasnodar City Duma of November 19, 2020 № 4 p. «Strategy of socio-economic development of the municipality of Krasnodar until 2030". URL : economy.krasnodar.ru/upload/iblock/e23/Strategiya (date of application 01/27/2026).
7. The Law of the Krasnodar Territory dated December 21, 2018 № 3930-KZ (as amended on November 29, 2024) «On the Strategy of Socio-economic Development of the Krasnodar Territory until 2030» (adopted by the Legislative Assembly of the Krasnodar Territory on December 11, 2018). URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips> (date of application 28.01.2026).
8. The heart of the South. Jubilee statistical collection: Statistical collection/ Rostovstat. Rostov-on/D., 2024. 247 p.
9. Resolution of the Rostov-on-Don Rostov-on-Don City Administration dated September 02, 2025 № 969 «On approval of the forecast of socio-economic development of the city of Rostov-on-Don for 2026–2028». URL : rostoblpravo.ru/postanovlenie/2025/09/02/n-969 (date of application 01/29/2026).
10. Sergeev O. About 10 new production facilities will be opened in Krasnodar in 2025. // Rossiyskaya gazeta. Federal issue dated August 14, 2025.
11. Petina O. Why is «provincial» Krasnodar growing, while the megacity of Rostov is melting // Expert Yug dated November 29, 2022.

Информация об авторах

Касьянов Валерий Васильевич

доктор исторических наук,
доктор социологических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Манучарян Артур Константинович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
antrop@mail.ru

Valery V. Kasyanov

Doctor of Historical Sciences,
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department of Russian History
at the Faculty of History, Sociology,
and International Relations,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Artur K. Manucharyan

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Russian History,
Faculty of History, Sociology and International Relations,
Kuban State University
antrop@mail.ru

Самыгин Петр Сергеевич
доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78@yandex.ru

Peter S. Samygin
Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Rostov State University of Economics
samygin78@yandex.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.01.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-19>

УДК 316



Attribution

cc by

КУЛЬТУРНАЯ ПРЕДВЗЯТОСТЬ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ: МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ

Копусь Т.Л., Поблагуева Д.Д.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Стремительное внедрение больших языковых моделей в повседневные практики общения актуализирует проблему их культурной предвзятости. Цель работы - описать инвентарь эмпирических методов выявления культурной предвзятости больших языковых моделей. В работе систематизирован количественный и качественный инструментарий для измерения культурной предвзятости, включая эксперимент с запросами, сопоставление ответов БЯМ с эталонными данными о человеческих ценностях, разрешение ситуации с моральным основанием, лингвистические методы, а также аудит отказов от ответа. Обзор исследований демонстрирует, что в ответах моделей доминируют культурные ценности, характерные для англоязычных западных стран с либерально-демократической повесткой. Результаты подтверждают, что большие языковые модели имплицитно воспроизводят иерархии культур и осуществляют «тихую цензуру» культурно-специфичных практик, что становится формой этического империализма и цифрового колониализма.

Основной вывод статьи заключается в том, что культурная предвзятость создает риски эпистемологического кризиса и усиливает цифровое культурное неравенство.

Ключевые слова: искусственный интеллект, большие языковые модели, культурная предвзятость, ценности, цифровой культурный суверенитет.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CULTURAL BIAS OF LARGE LANGUAGE MODELS: DETECTION METHODS

Tatyana L. Kopus, Darya D. Poblagueva

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. The rapid implementation of large language models into everyday communication practices actualizes the problem of their cultural bias. The purpose of the work is to describe an inventory of empirical methods for identifying cultural bias in large language models. The paper systematizes quantitative and qualitative tools for measuring cultural bias, including an experiment with prompts, comparing LLMs responses and reference data on human values, solving case with a moral basis, linguistic methods, as well as auditing refusals. A review of the research demonstrates that the responses of the models are dominated by cultural values typical of English-speaking countries with liberal democratic preferences. The results confirm that LLMs implicitly reproduce cultural hierarchies and carry out «silent censorship» of culturally specific practices, which is interpreted as a form of ethical imperialism and digital colonialism. The main conclusion of the article is that cultural bias creates risks of an epistemological crisis and reinforces digital cultural inequality.

Keywords: artificial intelligence, large language models, cultural bias, values, digital cultural sovereignty.

Funding: Independent work.

Введение.

Стремительное развитие больших языковых моделей (БЯМ) и их внедрение в повседневную практику современного общества поднимает вопрос о ценностных ориентирах, транслируемых БЯМ при генерации текста и ведении диало-

га с пользователем [1]. Системы, способные генерировать связные тексты, давать рекомендации и моделировать рассуждения, претендуют на роль универсальных медиаторов знания. БЯМ, формирующие семантическое ядро современных генеративных систем, обрабатывая тексты, воспроизводят, а в некоторых случаях и

усиливают культурные предубеждения, которые содержатся в корпусах, на которых их обучают [11].

Вопрос о культурной предвзятости искусственного интеллекта (ИИ) перестает быть сугубо техническим и становится важным для осмысления, поскольку затрагивает ценностные основы многополярного мира.

Язык играет центральную роль в процессе воспроизводства культуры как образа жизни общества. В результате развития цифровых коммуникационных технологий и применения ИИ, способы создания текстов кардинально меняются, особенно с генеративными моделями, такими как ChatGPT, DeepSeek, GigaChat, Claude, LLaMA и им подобными.

Введение БЯМ в глобальный информационный оборот в скором времени выявило фундаментальную проблему их культурной ангажированности, концептуально описываемую термином WEIRD [24]. Акроним WEIRD расшифровывается Western (западный), Educated (образованный), Industrialized (промышленно развитый), Rich (богатый), Democratic (демократичный). Он был введен для описания специфической демографической выборки участников, как правило, студентов американских или западноевропейских университетов в социальных и поведенческих исследованиях, на которых было основано значительное количество работ, выводы которых автоматически признавали репрезентативными и для других культур [4].

В гуманитарном блоке наук выводы исследований, выполненных на материале WEIRD-выборки, стали ставиться под сомнение в случаях, если они масштабировались на другие культурные контексты, поскольку опыт и мировоззрение узкой, привилегированной части человечества выдавались за норму для всех.

WEIRD-предвзятость в ИИ стала той аналитической рамкой, через которую ведущие специалисты по этике ИИ пытаются осмыслить и измерить систематические культурные смещения в БЯМ. Контент, созданный WEIRD-обществами, заложил основы культурно-ценностного фундамента большинства БЯМ. Версии ChatGPT появились первыми в открытом публичном доступе с конца 2022 года. О них известно, что они обучались преимущественно на англоязычных корпусах текстов и генерируют тексты, которые отражают мировоззрение, сформированное в условиях западного индивидуализма, либеральной демократии и гуманизма секулярного общества [8; 18].

Результаты эмпирических исследований последовательно демонстрируют, что моральные суждения БЯМ статистически значительно ближе к ответам респондентов из США или Великобритании, чем к позициям носителей коллективистских или незападных культур [4; 25].

Таким образом, WEIRD-предвзятость трансформируется из методологического ограничения наук о человеке в свойство цифровых агентов.

Констатация систематической WEIRD-предвзятости в БЯМ, однако, представляет собой лишь первый шаг в рамках научного анализа.

Следующая методически сложная задача заключается в разработке и валидации инструментов, способных не только констатировать, но и точно измерять данные смещения. Если проблема заключается в цифровом воспроизведении культурно-специфической картины мира, то её решение должно начинаться с создания чувствительного диагностического аппарата. Такой аппарат должен позволять качественно и количественно оценивать, насколько моральные суждения, культурные скрипты и ценностные ориентации, генерируемые той или иной моделью самых последних версий, отклоняются от плюралистического идеала в сторону конкретного WEIRD-канона.

Цель данной статьи – определить инвентарь эмпирических методов, позволяющих выявлять культурную предвзятость больших языковых моделей.

Подобное исследование позволяет показать, что культурная предвзятость БЯМ перестает быть сугубо технической задачей избавления от предвзятости, становясь вопросом этического регулирования и сохранения культурного суверенитета в условиях цифровой глобализации.

Обсуждение. Результаты.

Современные подходы к измерению культурной предвзятости БЯМ можно разделить на несколько ключевых направлений, каждое из которых предлагает собственный инструментарий для «вскрытия» имплицитных ценностных структур, зашифрованных в параметрах модели.

Несмотря на то, что БЯМ открыты для публичного доступа относительно недавно, исследователями уже апробированы работающие методы с точностью выявляющие их культурную предвзятость.

Обзор основных исследований позволяет выделить такие методы, как:

- эксперимент с запросами [25] сопоставление ответов БЯМ с эталонными данными о человеческих ценностях [28];
- разрешение ситуации с моральным основанием [24]; лингвистические методы [2];
- аудит отказов от ответа [20].

Остановимся на каждом методе подробнее.

Метод эксперимента с запросами.

Данный метод фокусируется не на базовой ценностной ориентации модели, а на её способно-

сти адаптироваться к разным культурным контекстам.

Тем самым, исследователи выводят три типа запросов, позволяющих считывать культурную предвзятость:

1. Нулевой/нейтральный запрос. Моделям задают вопрос, не указывая роль, например: «Как вы относитесь к X?», что выявляет «базовую», имплицитную настройку, заложенную в весах модели.

2. Абстрактный/культурно-индифферентный запрос. Модели дают роль, лишённую культурной специфики: «Ты обычный человек, оцени по шкале...». Это позволяет отделять общечеловеческие паттерны от культурно-обусловленных.

3. Культурно чувствительный запрос. Он составляется с указанием конкретной культурной или национальной идентичности: «Представь, что ты житель [название страны], оцени по шкале ...» или «Представь, что ты родился и работаешь в [название страны], выбери ...» [25].

В целом оценивается способность модели адаптироваться к культурному контексту и стереотипность этой адаптации. Затем анализируется, насколько систематически меняются ответы модели в зависимости от заданного контекста, и насколько эти изменения соответствуют реальным культурным профилям стран.

Данный прием продолжают активно развивать и масштабировать на разные культуры и языки, поскольку удается выявить как наличие предубеждений, так и степень культурной стереотипизации, заложенной в БЯМ [28].

Метод сопоставления ответов БЯМ с эталонными данными о человеческих ценностях.

Этот инструмент считается наиболее точным количественным методом. Он заключается в сопоставлении ответов БЯМ с данными авторитетных лонгитюдных кросс-культурных исследований, таких как:

- Всемирный обзор ценностей [16; 17; 26];
- Европейские исследования ценностей [10], опросники Г. Хофстеде [14; 15] и другими.

Методика предполагает «опрос» языковой модели с использованием тех же вопросов и шкал, что и в анкетах известных исследований.

Ответы моделей в виде числовых значений по шкале затем сопоставляются со средними значениями по реальным странам, количественно измеряя по картам и шкалам, к ценностям каких обществ ответы моделей ближе всего.

В результате проведенных измерений, в ряде работ был выявлен сдвиг у ряда моделей, например, ранних и поздних версий ChatGPT, в сторону стран с протестантской культурой или «западных» ценностей [4; 25].

Следует отметить, что данное направление в изучении культурной предвзятости выделяется как масштабное и набирающее обороты. Связано это с тем, что оригинальные исследования проводились преимущественно на материале английского языка и на модели ChatGPT [8; 18; 24; 25; 27; 28], тогда как модели, разработанные в неанглоязычных странах, и другие национальные языки запросов мало исследованы или не исследовались вовсе.

Метод разрешения ситуации с моральным основанием.

Этот качественный метод встречается в нескольких вариантах, исходя из способа представления морального основания. Одним из вариантов является использование опросников на базе теории моральных оснований [12; 13]. Ответы БЯМ позволяют выявить, какие моральные основания (забота, равенство справедливости, лояльность, верность традициям и т.д.), собственные национальным культурам, доминируют в «рассуждениях» ИИ, и как они соотносятся с культурными паттернами, описанными для человеческих сообществ [22].

Ответы людей по опроснику моральных оснований по шести моральным аспектам демонстрируют значительную межкультурную вариативность, особенно по шкалам авторитет, лояльность и верность традициям.

Однако разные БЯМ воспроизводят усреднённые человеческие ответы, а также систематически демонстрируют отклонения при сопоставлении с ответами людей [19].

Исследование БЯМ по опроснику на плюрализм, т.е. значимость многообразия и разнообразия в мире, показывает, что ИИ последовательно выступает против гендерных норм послушания, смертной казни для убийц и физического наказания детей [21].

Проверка ИИ чатботов на моральные основания приводит к одному и тому же выводу о регулярном проявлении либеральной западной ориентации в вопросах, основанных на моральных ориентирах [19; 21].

Следующим вариантом является запрос симулировать решение «типичного человека», резидента определенной страны при взаимодействии с воображаемым человеком из другой страны. Модели ChatGPT проявляют статистически значимые различия в решениях в зависимости от указанной национальности «агента». В ответах ChatGPT стремится содействовать созданию справедливого общества, если это общество с большой численностью населения и быстрым экономическим развитием. Например, «типичному американцу» и «типичному китайцу» приписывается разный уровень доверия, склонность к риску или готовность к сотрудничеству. В играх с моральным основанием, например, на распределение ресурсов между представителями раз-

ных культур модель систематически меняет свое поведение в зависимости от указанной национальной принадлежности виртуального собеседника, что свидетельствует о внутренней, часто неявной, иерархизации культур [27].

Еще один вариант представляет собой решение моральных дилемм. В данном направлении используются наборы стандартизированных моральных дилемм известных еще до открытия публичного допуска к генеративным моделям, например, «Моральная машина» [5].

Решение задачи на этический выбор проводилось в сценариях автономного вождения транспортного средства без водителя, когда у машины неожиданно отказывают тормоза и необходимо выбрать исход аварии. Похожий сценарий описан в моральной дилемме о вагонетке и пешеходном мосте [29].

Результаты показывают, что, хотя в целом ИИ-модели склонны разделять ключевые человеческие ценности, например, приоритет людей перед животными и сохранение большего числа жизней, между моделями существуют заметные количественные и качественные отличия.

Ответы ChatGPT наиболее близки к человеческим предпочтениям, тогда как PaLM 2 и Llama 2 демонстрируют значительные отклонения, включая неожиданные приоритеты, например, предпочтение пешеходов пассажирам или меньших групп большим [29].

Лингвистические методы.

Данные методы направлены на выявление имплицитных культурных кодов, идеологием и ценностных маркеров в свободно сгенерированных БЯМ текстах. Исследователи анализируют лексический выбор, частотность определенных концептов, риторические стратегии и нарративные структуры в ответах на открытые вопросы о семье, работе, религии, государстве [7].

Такой подход помогает уловить неявные предпочтения и дискурсивные рамки, воспроизводимые моделью. Критическим ограничением многих работ остается языковая предвзятость.

Большинство исследований проводится на английском языке, что автоматически активирует в модели культурные паттерны, связанные с англоязычным корпусом данных [6].

Поэтому в последнее время исследователи стремятся к мультязычному дизайну, сравнивая ответы на запросы на разных языках для одной и той же модели [2].

Метод аудит отказов от ответа.

Подход заключается в анализе случаев, когда языковая модель вместо ответа на запрос объясняет, по каким причинам она отказывается отвечать [20].

Цель этого направления – выяснить, являются ли механизмы безопасности, этики и политики отказа в ответах у БЯМ культурно-универсальными или они отражают нормативные предпочтения конкретных обществ.

В фокус внимания исследователей попадают культурные практики, маркированные как приемлемые в одних культурах и как неэтичные, спорные или табуированные – в других.

Предвзятый подход наглядно иллюстрируют запросы о приготовлении национальных блюд из определенных видов мяса, таких как конина и собачатина, обсуждение полигамии или договорных браков. Например, запросы о приготовлении блюд из собачатины вызывают отказ от ответа с отсылкой к жестокости и противоречию культурным нормам, этическим принципам и нарушению законодательства, в то время как запросы о приготовлении говядины или свинины – нет [3; 9].

При этом игнорируется, что в мусульманских обществах блюда из свинины также табуированы, или, например, известен аналогичный запрет на поедание говядины для жителей Индии, для которых корова – священное животное. Это указывает на то, что этические границы модели выстроены вокруг специфического, западного понимания того, какие животные являются «пищевыми», а какие – «компаньонами», какая пища по умолчанию нормальна и приемлема, а какая недопустима.

Подобное поведение БЯМ привело к появлению термина «этический империализм», под которым понимается, что механизмы безопасности и этики у БЯМ действуют как инструмент нормативной гомогенизации, не защищая от объективного вреда, а навязывая конкретную культурно-обусловленную систему ценностей, молчаливо маркируя альтернативные системы как «неэтичные».

Метод аудита отказов отвечает вскрывает, пожалуй, одну из самых глубоких форм культурной предвзятости – предвзятость в молчании, в цензуре целых пластов культурного знания и опыта [20].

Такой анализ показывает, что БЯМ могут непреднамеренно действовать как агенты культурного размывания, стирая разнообразие в процессе «защиты» пользователей по стандартам, которые сами по себе являются продуктом определенной культуры.

Метод аудита отказов напрямую связан с вопросами цифрового колониализма и культурного суверенитета [23], демонстрируя, как технологические платформы, разработанные в одном культурном ареале, могут де-факто устанавливать глобальные нормы допустимого дискурса.

Представленный методический аппарат позволяет не только диагностировать наличие культур-

турной предвзятости, но и вскрывать её конкретные механизмы от латентных ценностных установок и стереотипных поведенческих шаблонов до нормативных границ допустимого дискурса. Однако, сам по себе, инструментарий измерений остаётся лишь диагностическим средством. Фиксация системного характера предвзятости, заключается в её практическом социокультурном воздействии и ставит вопрос о том, трансформируют ли выявляемые на эмпирическом уровне искажения реальные процессы производства знания, коммуникации и формирования идентичности. Переход от диагностики к осмыслению последствий позволяет ставить вопрос о значении этих искажений для общества и культуры.

Заключение.

Формируя представление о культурной предвзятости БЯМ, мы приходим к выводу о необходимости глубокой человеческой рефлексии о ценностных основаниях, путях конструирования знания и будущем межкультурного взаимодействия в эпоху внедренного искусственного интеллекта.

В ходе обзора был определен инвентарь методов, позволяющих выявлять культурную предвзятость больших языковых моделей: метод экспериментов с запросами, сопоставление ответов БЯМ с эталонными данными о человеческих ценностях, разрешения ситуации с моральным основанием, лингвистические методы, а также аудит отказов от ответа. Они приобретают практическую ценность в условиях недостаточной исследованности сгенерированных ответов на материале других языков, не английского, и БЯМ, разработанных в не западных культурах.

Получаемые результаты на базе разных языков и БЯМ, разработанных разными странами, на данный момент свидетельствуют о нерелевантности использования БЯМ в качестве синтетических воплощений, заменяющих человека-респондента, в кросс-культурных исследованиях.

Культурная предвзятость БЯМ представляется системным свойством, порождающим социокультурные последствия и перспективы для современного общества.

К негативным социокультурным последствиям следует отнести эпистемологический кризис. Он проявляется в унификации знаний, когда БЯМ, обученные на доминирующих англоязычных корпусах, непреднамеренно устанавливают иерархию нарративов.

Альтернативный культурный выбор, локальные философские традиции, непопулярные научные парадигмы маргинализируются или подвергаются «тихой цензуре» через механизмы отказа, что порождает риск культурного империализма нового типа, когда технологические платформы становятся инструментом мягкой силы, формируя глобальное восприятие норм, авторитетов и этических идеалов.

Кроме этого, происходит сужение языкового и концептуального разнообразия. Пользователи, постоянно взаимодействуя с БЯМ, могут неосознанно воспроизводить заложенные в них риторические паттерны, оценочные суждения и логические конструкции, что ведет к стиранию идиоматичности и стандартизации мышления.

Перспективы и стратегии преодоления последствий видятся в развитии культурно-рефлексивного ИИ. Перспектива лежит в создании моделей, способных на мета-когнитивном уровне осознавать пределы своих знаний и культурную обусловленность своих выводов. Это возможно, если многоязычные и мультимодальные модели обучаются на сбалансированных корпусах, курируемых человеком.

Одна из важнейших ролей должна отводиться государству и его институтам, которые будут вынуждены разрабатывать политики, направленные на защиту своего культурного пространства, а также разрабатывать этические и правовые стандарты локализации ИИ, аналогично требованиям к аудиовизуальному контенту.

Образовательные системы также должны готовить пользователей не просто к использованию ИИ, но к его критическому осмыслению. Это включает умение распознавать культурные паттерны, смещения и ценностные рамки в генерируемом контенте. Вместо пассивного потребления культурных продуктов, созданных ИИ, возникает перспектива совместного творчества человека и машины, где человек выступает как культурный куратор, направляющий и корректирующий выводы модели в соответствии с локальным контекстом и ценностями. Такой подход ведет к новым формам культурного производства. Наконец, парадоксальным образом, сама предвзятость БЯМ может стать мощным диагностическим инструментом. Анализируя «слепые пятна» и систематические ошибки БЯМ, общество может лучше осознать свои собственные скрытые предрассудки и асимметрии.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Девятко И.Ф. Проблема ориентации искусственного интеллекта на человеческие ценности (ai value alignment) и социология морали // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 16–28. DOI: 10.31857/S013216250027775-5 EDN: QVKPLQ
2. Aksoy M. Whose morality do they speak? Unraveling cultural bias in multilingual language models // Natural Language Processing Journal. 2025. Vol. 12. (date of application 12.12.2025). DOI: 10.1016/j.nlp.2025.100172 EDN: CQRRAL
3. Are horses always strong and donkeys dumb? Animal bias in vision language models / M. Anas [et al.] // International Joint Conference on Neural Networks (IJCNN). 2025. (date of application 12.01.2026). DOI: 10.1109/IJCNN64981.2025.11228584
4. ChatGPT is not a pocket calculator: Problems of AI-chatbots for teaching mathematics / M. Atari [et al.]. 2023.
5. Awad E. The Moral Machine Experiment / E. Awad, S. Dsouza, R. Kim // Nature. 2018. Vol. 563. P. 59–64.
6. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? / E.M. Bender [et al.] // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '21). 2021. P. 610–623.
7. Man is to Computer Programmer as Woman is to Homemaker? Debiasing Word Embeddings / T. Bolukbasi [et al.] // Advances in Neural Information Processing Systems 29 (NIPS 2016). 2016.
8. Assessing cross-cultural alignment between ChatGPT and human societies: An empirical study / Y. Cao [et al.] // Proceedings of the First Workshop on Cross-Cultural Considerations in NLP (C3NLP). Dubrovnik, Croatia, 2023. P. 53–67.
9. Caviola L. Speciesism in AI: Evaluating Discrimination Against Animals in Large Language Models / L. Caviola, D.A. Brewster, T. Hagendorff. 2025. URL : <https://arxiv.org/abs/2508.11534> (date of application 15.12.2025).
10. European Values Study. EVS Trend File 1981-2017. GESIS Data Archive, 2021. URL : <https://europeanvaluesstudy.eu> (date of application 15.12.2025).
11. Gabriel I. Artificial Intelligence, Values, and Alignment // Minds & Machines. 2020. Vol. 30. P. 411–437. DOI: 10.1007/s11023-020-09539-2 EDN: AHPFWJ
12. Graham J. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations / J. Graham, J. Haidt, B.A. Nosek // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96. № 5. P. 1029–1046.
13. Haidt J. The Righteous mind: Why good people are divided by politics and religion. New-York : Pantheon, 2012.
14. Hofstede G. Personality and culture revisited: linking traits and dimensions of culture / G. Hofstede, R.R. McCrae // Cross-Cultural Research. 2004. Vol. 38. № 1. P. 52–88. DOI: 10.1177/1069397103259443 EDN: JQUOZF
15. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind / G. Hofstede, G.J. Hofstede, M. Minkov. New-York : McGraw-Hill, 2010.
16. Inglehart R. Individualism, autonomy and self-expression: The human development syndrome / R. Inglehart, D. Oyserman // Comparing cultures. Leiden: Brill, 2004. P. 73–96.
17. Inglehart R. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence / R. Inglehart, C. Welzel. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
18. Johnson R.L. The ghost in the machine has an American accent: value conflict in GPT-3. 2022. URL : <https://arxiv.org/abs/2203.07785> (date of application 12.12.2025). DOI: 10.48550/arXiv.2203.07785
19. Munker S. Cultural Bias in Large Language Models: Evaluating AI Agents through Moral Questionnaires // Proceedings of 0th Symposium on Moral and Legal AI Alignment of the IACAP/AISB Conference. 2025. URL : https://udk.ai/alignment_symposium_0.pdf (date of application 12.12.2025).
20. What large language models do not talk about: An empirical study of moderation and censorship practices / S. Noels [et al.] // Joint European Conference on Machine Learning and Knowledge Discovery in Databases (ECML PKDD). Cham: Springer Nature Switzerland, 2025. P. 265–281.
21. Novis-Deutsch N. How much of a pluralist is ChatGPT? A comparative study of value pluralism in generative AI chatbots / N. Novis-Deutsch, T. Elyoseph, Z. Elyoseph // AI & Society. 2025. (date of application 12.12.2025). DOI: 10.1007/s00146-025-02450-3 EDN: QXOUYD
22. Are Large Language Models Moral Hypocrites? A Study Based on Moral Foundations / J.L. Nunes [et al.] // Proceedings of the AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society. 2024. Vol. 7. № 1. P. 1074–1087. DOI: 10.1609/aies.v7i1.31704 EDN: ODTIFW
23. «Digital colonization» of highly regulated industries: an analysis of big tech platforms' entry into health care and education / H. Ozalp [et al.] // California Management Review. 2022. Vol. 64. № 4. P. 78–107. DOI: 10.1177/00081256221094307 EDN: AIHOWD
24. Ramezani A. Knowledge of cultural moral norms in large language models / A. Ramezani, Y. Xu // Proceedings of the 61st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Toronto, Canada : Association for Computational Linguistics, 2023. P. 428–446.
25. Cultural Bias and Cultural Alignment of Large Language Models / Y. Tao [et al.] // PNAS Nexus. 3 (9). 2024. URL : <http://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgae346>. (date of application 12.12.2025).
26. World Values Survey Association. World Values Survey Wave 7 (2017–2022). 2020. URL : <https://www.worldvaluessurvey.org> (date of application 11.11.2025).
27. The high dimensional psychological profile and cultural bias of ChatGPT / H. Yuan [et al.]. 2024.

28. The cultural stereotype and cultural bias of ChatGPT / H. Yuan [et al.] // *Journal of Pacific Rim Psychology*. 2025. Vol. 19. DOI: 10.1177/18344909251355673 EDN: PDSQQC
29. Moral Judgments of Human vs. AI Agents in Moral Dilemmas / Y. Zhang [et al.] // *Behavioral Sciences*. 2023. Vol. 13. № 2. 181 p. DOI: 10.3390/bs13020181 EDN: MYCQSQ

References:

1. Devyatko I.E. The task of focusing on human values (alignment of AI values) and the sociology of morality // *Sociological Research. research*. 2023. № 9. P. 16–28. DOI: 10.31857/S013216250027775-5TH ED.: QVK-PLQ
2. Aksoy M. Whose morality do they speak? Unraveling cultural bias in multilingual language models // *Natural Language Processing Journal*. 2025. Vol. 12. (date of application 12.12.2025). DOI: 10.1016/j.nlp.2025.100172 EDN: CQRRAL
3. Are horses always strong and donkeys dumb? Animal bias in vision language models / M. Anas [et al.] // *International Joint Conference on Neural Networks (IJCNN)*. 2025. (date of application 12.01.2026). DOI: 10.1109/IJCNN64981.2025.11228584
4. ChatGPT is not a pocket calculator: Problems of AI-chatbots for teaching mathematics / M. Atari [et al.]. 2023.
5. Awad E. The Moral Machine Experiment / E. Awad, S. Dsouza, R. Kim // *Nature*. 2018. Vol. 563. P. 59–64.
6. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? / E.M. Bender [et al.] // *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '21)*. 2021. P. 610–623.
7. Man is to Computer Programmer as Woman is to Homemaker? Debiasing Word Embeddings / T. Bolukbasi [et al.] // *Advances in Neural Information Processing Systems 29 (NIPS 2016)*. 2016.
8. Assessing cross-cultural alignment between ChatGPT and human societies: An empirical study / Y. Cao [et al.] // *Proceedings of the First Workshop on Cross-Cultural Considerations in NLP (C3NLP)*. Dubrovnik, Croatia, 2023. P. 53–67.
9. Caviola L. Speciesism in AI: Evaluating Discrimination Against Animals in Large Language Models / L. Caviola, D.A. Brewster, T. Hagendorff. 2025. URL : <https://arxiv.org/abs/2508.11534> (date of application 15.12.2025).
10. European Values Study. EVS Trend File 1981-2017. GESIS Data Archive, 2021. URL : <https://europeanvaluesstudy.eu> (date of application 15.12.2025).
11. Gabriel I. Artificial Intelligence, Values, and Alignment // *Minds & Machines*. 2020. Vol. 30. P. 411–437. DOI: 10.1007/s11023-020-09539-2 EDN: AHPFWJ
12. Graham J. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations / J. Graham, J. Haidt, B.A. Nosek // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. № 5. P. 1029–1046.
13. Haidt J. *The Righteous mind: Why good people are divided by politics and religion*. New-York : Pantheon, 2012.
14. Hofstede G. Personality and culture revisited: linking traits and dimensions of culture / G. Hofstede, R.R. McCrae // *Cross-Cultural Research*. 2004. Vol. 38. № 1. P. 52–88. DOI: 10.1177/1069397103259443 EDN: JQUOZF
15. Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind* / G. Hofstede, G.J. Hofstede, M. Minkov. New-York : McGraw-Hill, 2010.
16. Inglehart R. Individualism, autonomy and self-expression: The human development syndrome / R. Inglehart, D. Oyserman // *Comparing cultures*. Leiden: Brill, 2004. P. 73–96.
17. Inglehart R. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* / R. Inglehart, C. Welzel. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
18. Johnson R.L. The ghost in the machine has an American accent: value conflict in GPT-3. 2022. URL : <https://arxiv.org/abs/2203.07785> (date of application 12.12.2025). DOI: 10.48550/arXiv.2203.07785
19. Munker S. Cultural Bias in Large Language Models: Evaluating AI Agents through Moral Questionnaires // *Proceedings of 0th Symposium on Moral and Legal AI Alignment of the IACAP/AISB Conference*. 2025. URL : https://udk.ai/alignment_symposium_0.pdf (date of application 12.12.2025).
20. What large language models do not talk about: An empirical study of moderation and censorship practices / S. Noels [et al.] // *Joint European Conference on Machine Learning and Knowledge Discovery in Databases (ECML PKDD)*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2025. P. 265–281.
21. Novis-Deutsch N. How much of a pluralist is ChatGPT? A comparative study of value pluralism in generative AI chatbots / N. Novis-Deutsch, T. Elyoseph, Z. Elyoseph // *AI & Society*. 2025. (date of application 12.12.2025). DOI: 10.1007/s00146-025-02450-3 EDN: QXOUYD
22. Are Large Language Models Moral Hypocrites? A Study Based on Moral Foundations / J.L. Nunes [et al.] // *Proceedings of the AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society*. 2024. Vol. 7. № 1. P. 1074–1087. DOI: 10.1609/aies.v7i1.31704 EDN: ODTIFW
23. «Digital colonization» of highly regulated industries: an analysis of big tech platforms' entry into health care and education / H. Ozalp [et al.] // *California Management Review*. 2022. Vol. 64. № 4. P. 78–107. DOI: 10.1177/00081256221094307 EDN: AIHOWD
24. Ramezani A. Knowledge of cultural moral norms in large language models / A. Ramezani, Y. Xu // *Proceedings of the 61st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. Toronto, Canada : Association for Computational Linguistics, 2023. P. 428–446.

25. Cultural Bias and Cultural Alignment of Large Language Models / Y. Tao [et al.] // PNAS Nexus. 3 (9). 2024. URL : <http://doi.10.1093/pnasnexus/pgae346>. (date of application 12.12.2025).
26. World Values Survey Association. World Values Survey Wave 7 (2017–2022). 2020. URL : <https://www.worldvaluessurvey.org> (date of application 11.11.2025).
27. The high dimensional psychological profile and cultural bias of ChatGPT / H. Yuan [et al.]. 2024.
28. The cultural stereotype and cultural bias of ChatGPT / H. Yuan [et al.] // Journal of Pacific Rim Psychology. 2025. Vol. 19. DOI: 10.1177/18344909251355673 EDN: PDSQQC
29. Moral Judgments of Human vs. AI Agents in Moral Dilemmas / Y. Zhang [et al.] // Behavioral Sciences. 2023. Vol. 13. № 2. 181 p. DOI: 10.3390/bs13020181 EDN: MYCQSQ

Информация об авторах

Копусь Татьяна Леонидовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и межкультурной коммуникации,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
ORCID: 0000-0002-7762-0043
tlkopus@fa.ru

Tatiana L. Kopus

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages and Intercultural Communication,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow
ORCID: 0000-0002-7762-0043
tlkopus@fa.ru

Поблагуева Дарья Денисовна

студентка направления 45.03.02. Лингвистика,
ОП «Когнитивная лингвистика
и межкультурная коммуникация»,
факультет международных
экономических отношений,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
ORCID: 0009-0000-2515-4960
ddpoblagueva.fa@gmail.com

Darya D. Poblagueva

Student of the 45.03.02. Linguistics program,
«Cognitive Linguistics
and Intercultural Communication»,
Faculty of International Economic Relations,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
ORCID: 0009-0000-2515-4960
ddpoblagueva.fa@gmail.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.01.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.02.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-6>

УДК 316.776.33



Attribution

cc by

КОНЦЕПТ ГЛОБАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА В СЕТЕВОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Коркия Э.Д.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В представленной статье постулируется тезис о том, что чем труднее в обществе выявить общие причины для существования глобального одиночества, тем более разнородные группы являются его носителями. Чем более разнородны эти группы, тем больше интереса они представляют для общества, и тем больше можно надеяться на существенные действия в направлении преодоления проблемы глобального одиночества. Социологический подход позволяет привлечь внимание к стратегическому уровню организационных процессов в обществе, основываясь на возможность полноты общественных интересов управленческих проекций. Информационно-коммуникационное общество, которое можно признать, как маркер глобального одиночества, должно иметь в количественном и качественном выражении признаки влияния на социальную консолидацию. Также ради полноты описания феномена глобального одиночества следует отразить относительную и абсолютную значимость этого влияния на сетевое информационное общество.

Ключевые слова: глобальное одиночество, информационно-коммуникативное общество, мобильность, одиночество, сетевое общество, современные коммуникации, социальное пространство, стереотипизация,

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE CONCEPT OF GLOBAL LONELINESS IN A NETWORKED INFORMATION SOCIETY

Eka D. Korkia

Lomonosov Moscow State University

Abstract. This article postulates the thesis that the more difficult it is to identify common causes for global loneliness in society, the more heterogeneous the groups that bear it. The more heterogeneous these groups are, the more interest they represent for society, and the greater the hope for significant action to overcome the problem of global loneliness. A sociological approach draws attention to the strategic level of organizational processes in society, based on the possibility of comprehensive management projections addressing public interests. An information and communication society, which can be recognized as a marker of global loneliness, must exhibit quantitative and qualitative evidence of its influence on social cohesion. Also, for a complete description of the phenomenon of global loneliness, the relative and absolute significance of this influence on the networked information society should be reflected.

Keywords: global loneliness, information and communication society, mobility, loneliness, network society, modern communications, social space, stereotyping.

Funding: Independent work.

Введение.

Современным направлением исследований наук о человеке все чаще становятся вопросы воздействия информационных технологий на нашу биологическую и социальную природу, когнитивные процессы, эмоциональную сферу, язык, психику, отношение к себе и к «Другим».

Эмпирически наблюдаемые изменения качества коммуникативного и в целом социального пространства (их системная совокупность) подлежат дальнейшему научному осмыслению [5].

В настоящем времени, технологическая информационно-коммуникационная среда является средством, ресурсом и областью формирования новых социальных практик.

© Коркия Э.Д.

В состоянии глобального одиночества «снизу» современного социума оказываются индивидуумы и группы, оказавшиеся в силу разных причин по «ту» сторону «цифрового барьера», за пределами современного цифрового коммуникационного пространства. Этого рода «исключенность» в большей степени относится к проблеме кризиса идентичности [12, с. 303–307] в современной нестабильной, перманентно находящейся в состоянии кризиса социальной среде. Ведь качество личной самоидентичности, по определению Э. Эриксона, субъективное чувство, также объективно наблюдаемое и непрерывности, постоянство некоторой разделяемой с другими людьми картины мира» [12, с. 210].

К категории глобального одиночества «сверху» мы относим виды одиночества, не касающиеся проблемы кризиса самоидентификации, но касающиеся проблемы индивидуальной и групповой самореализации.

Состояние глобального одиночества «сверху» в современном информационном обществе – это исключение общества из внутренней жизни человека, манипулятивное отношение к обществу как к объекту. Носитель такого отношения – человек, способный эффективно существовать в информационной среде, влияя на нее и изменяя ее – современный пассионарий. «Чем более специфичен человек, тем менее он соответствует норме – как в смысле средней нормы, так и в смысле идеальной.

Свою индивидуальность люди оплачивают отказом от нормальности, а случается, и отказом от идеальности. Однако значимость этой индивидуальности, смысл и ценность человеческой личности всегда связаны с обществом, в котором она существует» [10, с. 198].

Обсуждение.

Построение сложных социальных систем, базирующихся на информационных сетях (и функционирующих за счет их коммуникационных возможностей), зависит от степени гетерогенности социального «ландшафта», который эта сеть отражает. В техническом плане оно также зависит от распределенности качеств и свойств элементов сетевой структуры, посредством которых легитимизируется устранение барьеров общения внутри «глобальной деревни».

Форма систематизации знаний, призванная давать наиболее полное представление о мире – его общенаучная картина, включающая и упорядочивающая важнейшие научные достижения о различных свойствах и закономерностях бытия. В такую целостную и одновременно сложную структуру должны быть включены картины мира отдельных наук, которые в свою очередь, могут включать целый ряд различных концепций, причем обновляющихся и развивающихся.

Существующие универсальные истины, обнаруженные философией, физикой, математикой

предлагают ориентироваться на наиболее базовую интерпретацию реальности, являющуюся предметом коллективного соглашения.

Развивая идеи теории индивидуальности Э. Эриксона [12, с. 77] можно предположить, что ничем другим мы пользоваться все равно не можем, поскольку постигаем окружающее через сформированные паттерны наблюдения. Это «социальное подражание» дает нам уверенность в правильности наших действий, оценок и понимание самой карты реальности.

Роль общества в построении этой карты заключается в предоставлении плюралистических оценок, интегральная характеристика которых призвана повысить для социализированного индивида качество его мировоззрения.

«Нильсу Бору принадлежит известное высказывание о том, что описать процессы, протекающие в окружающем мире, с помощью одного языка невозможно. Необходимо много разных языков описания, много разных интерпретаций, в каждом из которых отчетливо проявляются те или иные особенности изучаемого явления. Понимание, необходимое человеку в его практической деятельности, требует рассмотрения изучаемого предмета с разных позиций» [11, с. 338].

По мнению А. Эйнштейна, наша безопасность как живых существ, в первую очередь состоит в том, чтобы не ограничивать свой «разумошафт» [7, с. 272] подменяя одним (или даже несколькими) интерпретирующими паттернами восприятия целостность реальности, в которой мы пребываем.

Для глобального одиночества «сверху» и «снизу» характерны различные механизмы доступа или его отсутствия к источникам этой общественной карты реальности. Возможность приблизиться к степени научной абстракции в интерпретации явлений, которая позволит включить в качестве «позиций» и философские, и даже физические или математические постулаты позволяет выявлять больше закономерностей воспроизведения образов реальности в сознании. Примером этого может служить анализ типичных «механизмов доступа» в условиях глобального одиночества [3, с. 38–41].

В обоих случаях мы прибегнем к помощи следующего постулата: «Без силы нет связи, без связи нет порядка, вне порядка, наконец, нет пространства» [2, с. 148] – утверждал Кант.

К категории силы в вопросе интеллектуального одиночества можно отнести творческий потенциал, уровень профессиональных навыков, социальная активность, экономические и иные ресурсы. Для механизма «снизу» именно по этому параметру будет констатирована аномия. Она ограничивает количество социальных связей и часто отягощает повседневную жизнь неспособностью преодолеть текущие проблемы. Именно то, что можно признать отсутствием «порядка».

При этом вероятность получения помощи минимальна, как ввиду недостатка социальных связей и ресурсов, так и той собственной специфичностью, которая в силу социального подражания и разграничения на свой/чужой будет скорее признана обществом ненормальностью, чем нуждой. «...стереотипы мышления генетически не обусловлены – они развиваются на основе информации, приобретенной в ходе социализации. Эта информация составляет субстанцию культуры» [9, с. 23–29]. То, что делает механизм «снизу» проблемой, это его циклическая природа воспроизведения порядка, отличного от принятого социальной средой. В итоге, «пространства» коммуникации нет, по крайней мере в том качестве, которое было бы способно поддерживать желаемую самоидентификацию.

Этот вариант глобального одиночества не может быть уязвлен недостатком силы в категориях, которые были перечислены выше как аномичные. Можно сказать, что силой здесь выступает избыточность, точность информации, высокая упорядоченность пространства. «В процессе сохранения внутреннего равновесия организма и равновесия со средой организм сохраняет более высокий уровень упорядоченности, чем имеющийся у среды. Существом жизни и является способность сохранить различия в уровне упорядоченности, чем имеющийся у среды» [2, с. 168–173].

Число социальных связей также не должно вызывать нареканий. «Организм как открытая система сохраняет свою упорядоченность путем непрерывного динамического достижения равновесия, чему служит и получение информации» [11, с. 324].

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что современный информационный обмен со средой сопряжен для человека с высоким уровнем риска, и является, своего рода, испытанием. Однако с этой проблемой справиться легче, чем с тем, что позволяет причислить к жертвам глобального одиночества: качество социальных связей, и как результат искаженное восприятие социального пространства. В этих обстоятельствах даже общественное признание может послужить поводом еще большего дистанцирования.

Трудно не заметить, что личности, попадающие в категорию одиночества «сверху» это пассивари, подчас даже благосклонно принимаемые обществом, но не сумевшие выстроить в своем сознании его адекватное отражение. Подчас, они работают на личное благо, иногда на благо общества: «...принципы социальной справедливости могут быть разработаны только отдельными людьми, интеллектуалами, законодателями, мягкими правителями и так далее в той мере, в какой они приближаются к тому, чтобы быть рассуждающими без самости или без идентичности. Это, однако, означает, что диалог между такими людьми не нужен, потому что, лишённые всех своих различий, такие рассуждения идентичны» [1, с. 7].

Однако мы склонны полагать такое состояние проблемой, поскольку последствия действий человека или социальной группы, не интегрированной в общественные отношения непредсказуемы и бесконтрольны. «Человеческое существо – это часть целого, которое мы называем «Вселенная». Часть, ограниченная во времени и пространстве. Человек ощущает себя, свои мысли и чувства как нечто отдельное от всего остального, и это своего рода обман зрения в его сознании. Подобный оптический обман как некая линия, ограничивающая личными желаниями и привязанностью к нескольким самым близким людям.

Наша задача – освободиться из этой тюрьмы, расширяя круг сопереживания, чтобы включить в него всех живых существ и природу со всей ее красотой. Никто не может достичь этого в полной мере, однако, само стремление к этому отчасти освобождает и закладывает фундамент внутренней безопасности» [8, с. 77–81].

Результаты.

В ходе вышеизложенного теоретического анализа, можно констатировать, что среди современных моделей описания картины Вселенной все более популярной становится теория эмерджентности. Задача этой теоретической модели – выстроить сопряжение квантовой механики, общей и специальной теории относительности, стандартной модели и прочих основных теорий физики в полную, фундаментальную картину дискретно отраженной в нашем сознании нарративной Вселенной.

Не вдаваясь в подробности этой теоретической модели, отметим то обстоятельство, что в основе формализма физической теории эмерджентности лежит концепция сведения реальности к слагающей ее природу информационному полю. В случае физического мира – мира значений, выраженных математическим и геометрическим кодом.

Таким образом, определяется общая почва для «физиков» и «лириков», а значит и для интегральной мировоззренческой парадигмы и обычного, и научного знания.

Одной из теоретических предпосылок данной гипотезы является коммуникативная концепция социокультурной универсальности, обосновывающая необходимость взаимопонимания как конечной цели коммуникации и феномена одиночества.

Глобальное коммуникативное взаимодействие расширило границы имплицитной им социокультурной реальности до планетарных масштабов. «Поликультурный характер современного общества делает понятным внутреннюю дифференциацию коммуникативно-универсализирующего взаимопонимания на отдельные, индивидуально-ситуативные взаимопонимания, «семейное сходство» которых и конституирует, по

сути, социокультурную универсальность» [1, с. 6–11].

Концептуальная модель мобильности современного общества как «концепция широких жизненных изменений» [8] включает в себя перемещения в разных измерениях социальной структуры, имеющих разную временную протяженность и затрагивающие разные сферы жизни.

Расширенное понимание социальной мобильности, основываясь на традициях, заложенных одним из ее основателей П.А. Сорокиным, фокусируется вокруг концепта «многомерной мобильности» - перемещений, которые совершаются одновременно в нескольких сферах жизни и которые находятся во взаимосвязи друг с другом (в сфере занятости, образования, территориального и жилищного перемещения), рассматриваемые в ракурсе единства объективной мобильности и рефлексии по ее поводу.

Одиночество «сверху» характеризуется высокой степенью социальной мобильности, а одиночество «снизу» – иммобилизацией, но это было показано механизмами доступа к общественным картам реальности [6, с. 13–18].

Заключение.

Таким образом, поле научного знания все больше завоевывает социокультурный подход к мобильности, привнося в него разработки в области взаимоотношений культуры и социальных классов, тематику социального пространства, значимость локального контекста, соотношение класса и повседневного опыта и другие аспекты.

Представляется интересным придать это дополнительное измерение социальной мобильности в

уже упомянутом нами некотором общем пространстве социальных коммуникаций, имеющем информационную природу.

Динамика перемещения субъекта в информационном пространстве – это относительная динамика, основанная на внутренней реакции, заданной динамике внутренней структуры и концепции достижения. «Способность к перемещению есть основное определение виртуальности масс, а сам процесс перемещения – это первый этический акт контримперской онтологии» [2].

Анализ современных дискурсов мобильности позволяет выстроить модели формирования дискурса мобильности для общностей, испытывающих проблему глобального одиночества «снизу».

Условиями формирования современных сетевых коммуникаций являются информационная избыточность и постоянное ускорение, детерминирующее необходимость мобильности.

Основным измеряемым параметром становится динамика перемещения субъекта в информационном пространстве [4, с. 81–87]. Это динамика является относительной, основанной на заданной динамике коммуникационной структуры, внутренней реакции и концепции достижения.

Последние две переменные относятся к сфере когнитивных моделей, анализ которых позволяет выявить набор принципов систем принятия решений, организации опыта, протекания мышления и эмоций – того, что определяет формирование поведенческих паттернов, паттернов глобального одиночества, в том числе [5, с. 35–40].

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гречко П.К. Социокультурная универсальность в историческом бытии человека и общества // Вест. Вятского гос. гуманит. ун-та «Философия. Социология. Культурология». Вятка : науч. изд-во Вятского гос. гуманит. ун-та, 2014. EDN: SXSOFB
2. Земан И. Познание и информация. 1970.
3. Коркия Э.Д. Одиночество как предмет социокультурологического исследования // Журнал Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12. DOI: 10.23672/d6308-9606-4766-n EDN: MTJJRL
4. Коркия Э.Д. Социальное одиночество как атрибут урбанистических практик в контексте вынужденной самоизоляции // Журнал Социология. М., 2021. EDN: RNPLXT
5. Коркия Э.Д. К вопросу о смысле одиночества: генезис научной мысли // Журнал Теория и практика общественного развития. 2021. № 3. DOI: 10.24158/tpor.2021.3.5 EDN: WJBLCC
6. Коркия Э.Д. Феномен одиночества: амбивалентность развития и социальные поля // в журнале Общество: философия, история, культура. 2021. № 10. DOI: 10.24158/fik.2021.10.1 EDN: VDREQY
7. Свендсен Л. Философия одиночества / Л. Свендсен; Пер. с норв. Е. Воробьева. М., 2017.

8. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты. М., 2019.
9. Уледова И.А. Социальное одиночество как духовное состояние социальных субъектов. М., 2011.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. ISBN: 5-01-001606-0 EDN: YQCMMA
11. Хард М., Негри А. Империя / М. Хард, А. Негри. М., 2004.
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006.

References:

1. Grechko P.K. Sociocultural universality in the historical existence of man and society // West. Vyatka State University of Humanities. University of «Philosophy. Sociology. Cultural studies». Vyatka : Scientific Publishing House of Vyatka State University of Humanities. University, 2014. EDN: SXSOBF
2. Zeman I. Cognition and information. 1970.
3. Korkia E.D. Loneliness as a subject of socio-cultural research // Journal of Humanities, Socio-economic and Social Sciences. 2020. № 12. DOI: 10.23672/d6308-9606-4766-n EDN: MTJJRL
4. Korkia E.D. Social loneliness as an attribute of urban practices in the context of forced self-isolation // Journal of Sociology. М., 2021. EDN: RNPLXT
5. Korkia E.D. On the question of the meaning of loneliness: the genesis of scientific thought // in the journal Theory and Practice of Social Development. 2021. № 3. DOI: 10.24158/tpor.2021.3.5 EDN: WJBLCC
6. Korkia E.D. The phenomenon of loneliness: Ambivalence of development and social fields // in the journal Society: Philosophy, History, Culture. 2021. № 10. DOI: 10.24158/fik.2021.10.1 EDN: VDREQY
7. Svendsen L. Philosophy of loneliness / L. Svendsen; Translated from norv. E. Vorobyova. М., 2017.
8. Social mobility in a complicated society: objective and subjective aspects. М., 2019.
9. Uledova I.A. Social loneliness as a spiritual state of social subjects. М., 2011.
10. Frankl V. Man in in search of meaning. М., 1990. ISBN: 5-01-001606-0 EDN: YQCMMA
11. Hard M. Empire / M. Hard, A. Negri. М., 2004.
12. Erikson E. Identity: Youth and crisis. М., 2006.

Информация об авторе

Коркия Эка Демуриевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии коммуникативных
систем социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
ORCID: 0000-0003-3136-8433
ekakorkiya@mail.ru

Eka D. Korkia

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Sociology of Communication Systems
of the Faculty of Sociology,
Lomonosov Moscow State University
ORCID: 0000-0003-3136-8433
ekakorkiya@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.02.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-7>
УДК 316.3



Attribution
cc by

ФОРМИРОВАНИЕ ТУРИСТСКИХ МАРШРУТОВ И ПРОГРАММ С УЧЁТОМ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ

Кузнецов В.В.

Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается развитие этнокультурного туризма в Приамурье через создание трансграничных туристических маршрутов, которые способствуют сохранению идентичности коренных народов региона и укреплению межкультурного взаимодействия. Оценены возможности формирования маршрутов, интегрирующих традиционные обычаи, обряды и природные ресурсы, а также рассмотрена роль коренных малочисленных народов в реализации таких проектов.

Цель. Определить ключевые аспекты создания этнокультурных и трансграничных туристических маршрутов, а также изучить их влияние на социальную и экономическую ситуацию в регионе, включая сохранение культурного наследия и развитие межкультурного взаимодействия.

Методы. В статье использован структурно-функциональный подход, а также моделирование процессов формирования туристических маршрутов с учетом культурных и природных особенностей региона. Для анализа использованы данные о календаре этнокультурных событий и предложены способы интеграции этих событий в туристскую деятельность.

Результаты. Разработан механизм формирования этнокультурных маршрутов, включающих мероприятия традиционного и современного характера, такие как обрядовые праздники и фестивали коренных народов. Анализ показал высокий потенциал для развития туризма, который поддерживает устойчивое развитие региона и способствует сохранению культурной идентичности.

Выводы. Развитие этнокультурного туризма в Приамурье требует активного вовлечения коренных народов в планирование и организацию туристских маршрутов. Важным аспектом является обеспечение экологической и культурной устойчивости, а также развитие партнерских отношений с местными общинами для достижения взаимовыгодных результатов.

Ключевые слова: этнокультурный туризм, трансграничные маршруты, коренные малочисленные народы, Приамурье, культурная идентичность, межкультурное взаимодействие, туристские маршруты, обрядовые праздники, этнокультурные события.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

DEVELOPMENT OF TOURIST ROUTES AND PROGRAMS TAKING INTO ACCOUNT THE DEVELOPMENT OF CROSS-BORDER CULTURAL INTERACTION AND THE PRESERVATION OF THE IDENTITY OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE RIVER AMUR

Vladislav V. Kyznetsov

Pacific National University

Abstract. This article discusses the development of ethnocultural tourism in the Amur Region by creating cross-border tourist routes. These routes contribute to preserving the identity of the region's indigenous peoples and strengthening intercultural interaction. It assesses the feasibility of integrating traditional customs, rituals, and natural resources into these routes and examines the role of indigenous peoples in implementing such projects.

Objective: Identify the key aspects of creating ethnocultural and cross-border tourist routes and study their impact on the region's social and economic situation, including cultural heritage preservation and intercultural interaction development.

Methods. The article employs a structural-functional approach and models the processes of forming tourist routes while considering the region's cultural and natural features. The calendar of eth-

nocultural events was analyzed, and ways to integrate these events into tourist activities were proposed.

Results. A mechanism was developed for forming ethnocultural routes that include traditional and modern events, such as ritual holidays and festivals of indigenous peoples. The analysis revealed the region's significant tourism potential, supporting sustainable development and cultural identity preservation.

Conclusions. The development of ethnocultural tourism in the Amur Region requires the active involvement of indigenous peoples in planning and organizing tourist routes. It is important to ensure environmental and cultural sustainability, as well as to develop partnerships with local communities to achieve mutually beneficial results.

Keywords: ethnocultural tourism, cross-border routes, indigenous peoples, Amur Region, cultural identity, intercultural interaction, tourist routes, ritual holidays, ethnocultural events.

Funding: Independent work.

Введение.

При создании туристских продуктов, охватывающих приграничные территории, важно опираться не только на соблюдение ценностей данного государства, но и на учет принципов межкультурного диалога и взаимной выгоды стран-партнеров. Трансграничные маршруты должны формироваться на основе глубокого понимания культурных и религиозных особенностей местного населения по обе стороны границы.

Применительно к этнотуризму коренных малочисленных народов, необходимо фокусироваться, прежде всего, на нишевых видах туризма, как наиболее подходящих (на культурно-этнографических, экологических и событийных турах). На практике это означает, что маршруты следует выстраивать вокруг тех туристических ресурсов, которые выделяют данную дестинацию среди других самобытной культурой коренных народов, уникальной экосистемой, а также привлекательным календарем местных праздников и фестивалей.

Включение элементов межкультурного взаимодействия в программы туров значительно обогащает впечатления гостей и усиливает диалог культур. В этой связи, туристские маршруты трансграничного характера целесообразно дополнять этнокультурными мероприятиями: посещением традиционных поселений коренных народов, сопровождаемым непосредственным участием в обрядах и мастер-классах по народным ремёслам, дегустацией национальной кухни и проч.

Обсуждение.

Для упорядочения самого процесса и повышения эффективности использования этнокультурных ресурсов региона необходима разработка календаря культурных событий. В качестве пилотного проекта был разработан календарь важнейших этнокультурных событий для некоторых народностей Приамурья (табл. 1; 2).

Таблица 1

Календарь нанайских событий [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]

№	Событие	Дата проведения	Место	Содержание
1	2	3	4	5
1	Даси (встреча весны)	Ежегодно, середина марта	с. Ачан	Проводы зимы и встреча весны. Ритуал «кормления огня», состязания охотников (стрельба из лука, метание копья, бег с копьём), выставки ремесел, национальная кухня. Сплочение родовых общин нанайцев
2	Нанайский новый год (Хэбденек)	Зимнее солнцестояние, Летнее солнцестояние	нанайские села Амурского, Нанайского районов	Торжество начала сезона охоты. Зимнее солнцестояние – ритуал кормления огня и моления Баэндури о благополучии, начало зимней охоты Торжество начала летней путины. Женщины приносят жертвенную еду духам воды (Тэму) – просьбы о щедром улове, мужчины готовят снасти. Традиционные блюда (соактачолони, бианси, такса, буда). Подчеркивает связь с амурской стихией, роль женской работы в заготовках рыбы
3	Фестиваль «БуэАняпу»	Ежегодно, конец ноября-декабрь	Комсомольск-на-Амуре (ДК «Алмаз»)	Праздник нанайской культуры в городе. Концерт ансамблей, ярмарка сувениров, фотовыставки, костюмы, национальная еда. Представление новых этнопроектов (например, «Наследие Мангбо»). Формирует мост межэтнического взаимодействия
4	«Даианя» («Большой праздник»)	19 июля 2025 г.	Хабаровск	Тематическая экспозиция изобразительного искусства, выставка национальной литературы, ярмарка-выставка изделий и деликатесов, лекции по этнокультуре. Развитие толерантности и региональной идентичности через культуру нанайцев

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
5	Праздник первой осенней кеты «Болодаванианя»	Ежегодно, середина-конец сентября	с. Джари	Обрядовый праздник осеннего лососевого путины. Конкурсы по разделке и переработке рыбы «Айсимасогдата», выставка блюд из рыбы, мастер-классы по работе с рыбной кожей, концерт-фольклор, обряд «кормления Тэму». Поддержание традиций рыбной ловли и уважения к реке
6	Фестиваль «Полынного супа Со-октачолони»	Ежегодно, середина июня		Дегустация полынного супа, мини-концерт, традиционные игры народов Приамурья, стрельба из лука и пневматической винтовки

Среди наиболее известных, регулярно проводимых мероприятий нанайского народа важное место занимают сезонные обрядовые праздники, современные фестивали национальной культуры и народные ритуалы, тесно связанные с природно-хозяйственным циклом. Их содержание отражает мировоззренческие представления народа, основанные на уважительном отношении к природным стихиям, духам и ресурсам окружающей среды.

К числу ключевых весенних событий относится обряд «Даси», или «Встреча весны», который традиционно проводится с началом таяния снега, в последней декаде марта. Он символизирует завершение зимнего периода и начало нового природного цикла. В рамках данного праздника нередко проводится Праздник охотника «Вайчамдианяни», который включает спортивно-обрядовые состязания, такие как метание копья, прыжки через нарты и стрельба, а также обрядовые действия и заклинания, направленные на обеспечение удачи в предстоящем охотничьем сезоне.

Летний календарный цикл нанайцев открывается праздником полынного супа, который отмечается в середине июня на территории национального парка «Аньюский» в этнодеревне «Алима». Данный праздник представляет собой фестиваль традиционного блюда и сопровождается ритуалом кормления духа воды, мастер-классами по элементам традиционного быта, национальными спортивными состязаниями и концертной программой фольклорных коллективов. К дню летнего солнцестояния, который приходится на

22 июня, приурочен женский Новый год нанайцев. Он знаменует начало летней путины, активный период рыбного промысла и сбор дикорастущих растений.

Осенний период представлен праздником осенней кеты «Болодаванианя», который, как правило, проводится в третьей декаде сентября. В программу входят конкурс «Айсимасогдата», выставки традиционных блюд из рыбы, выступления фольклорных коллективов и обряд подношения дара духу воды. Зимний календарный цикл завершается празднованием дня зимнего солнцестояния, отмечаемого 22 декабря. У нанайцев он воспринимается как мужской Новый год и начало зимнего охотничьего сезона, сопровождающееся обрядом кормления огня и молитвами о благополучии в промысле.

Наряду с традиционными сезонными обрядами, в современной культуре нанайцев развиваются этнокультурные фестивали. Так, ежегодно в декабре в городе Комсомольске-на-Амуре проводится праздник нанайской культуры «БуэАняпу». В его рамках организуются выставки и ярмарки изделий из рыбьей кожи, мастер-классы по изготовлению оберегов, знакомство с национальными музыкальными инструментами и праздничные концертные программы с участием фольклорных ансамблей. В ноябре 2022 г. аналогичное мероприятие прошло в селе Солнечном и включало презентацию книг на нанайском языке, выставку декоративно-прикладного искусства, дефиле изделий из рыбьей кожи и юбилейный концерт народного ансамбля.

Таблица 2

Календарь ульчских событий [8; 9; 10; 11]

№	Событие	Дата проведения	Место	Содержание
1	2	3	4	5
1	День ульчской культуры	Ежегодно, 9 августа	г. Хабаровск, Краевой музей им. Гродекова	Праздничный фестиваль в честь ульчской культуры (в канун Международного дня КМН). Открытие выставки «Булава: наследие и наследники», дегустация национальной кухни, мастер-классы (умали), концерт ансамбля «Гива», национальные игры, чтение амурских сказок. Важен для представления ульчской культуры широкой публике
2	Праздник первой рыбы	Ежегодно, конец июня (дата по лунному календарю)	с. Булава	Обрядовый праздник начала летней рыбалки. Ритуал «кэси-гэли» – кормление духа воды Тэму, конкурс национальной кухни «Амта», дегустация ухи холто, состязания по традиционным видам спорта (прыжки через нарты, метание копья) и конкурс красоты «Пудин» среди девушек. Завершается концертом фольклорных ансамблей. Отражает благодарность реке за рыбу и социальную роль рыбы в культуре ульчи

1	2	3	4	5
3	Фестиваль «Бу-буен дружбы»	Ежегодно, июль-август		Передвижной фольклорный фестиваль КМН края (с 2003 г.). Проводился 12–13 июля 2025 г. в с. Ачан. Включает концерты коллективов коренных народов, мастер-классы по резьбе по дереву и народным танцам, выставку изделий, угощение ульчской кухней, соревнования в национальных играх. Укрепляет межэтническую дружбу и сохраняет культуру ульчской земли
4	Фестиваль «Таланты земли ульчской»	Ежегодно, летом	с. Богородское, Ульчский район	Районный праздник народного творчества ульчского народа. В 2024 г. отмечен 50-летний юбилей фестиваля, в 2025 проводился 5–6 июля. Творческие коллективы Ульчского района и родственных народов демонстрируют песни, танцы, костюмы, рукоделие. Поддерживает и возрождает национальные традиции Ульчской земли, выявляет новые таланты

Календарь этнокультурных событий ульчей Приамурья также формируется в соответствии с естественным сезонным ритмом и сохраняет архаичные элементы обрядовой культуры. Центральным ежегодным событием является День культуры ульчей, который отмечается 09 августа в городе Хабаровске и приурочен к Международному дню коренных народов мира. Мероприятия включают тематические выставки, презентации книг на ульчском языке, дегустацию традиционного рыбного супа «голто», мастер-классы по национальным промыслам и концертную программу фольклорного ансамбля «Гива».

Особое значение в культурной традиции ульчей имеет Праздник первой рыбы, который проводится в конце июня или начале июля в национальном селе Булава. Он считается одним из древнейших обрядов и связан со встречей рыбы, идущей на нерест в притоки Амура. В ходе праздника совершается обряд кормления Тэмуэдэни, воспринимаемого как властитель вод, организуются народные гулянья, состязания по рыбной ловле и конкурсы традиционных рыбных блюд. В разные сезоны на территории Ульчского района также проводятся Медвежий праздник, межэтнический фестиваль «Бубен дружбы» и детские и семейные культурные мероприятия в селах Булава и Глотова.

Сравнительный анализ календарей нанайцев и ульчей позволяет выявить общие закономерности, имеющие значение для развития этнокультурного туризма. Оба народа приурочивают ключевые праздники к природным этапам годового цикла, таким как смена сезонов, начало рыболовных и охотничьих периодов и дни солнцестояния. Тематическое наполнение праздников связано с аборигенными обрядами, национальной кухней, фольклором, традиционными видами спорта и ремёслами. При этом у нанайцев особое значение имеет полынный рыбный суп «соактачолони», тогда как у ульчей центральным гастрономическим символом выступает блюдо «голто».

Этнокультурные праздники обладают высоким потенциалом для включения в туристские маршруты и могут выступать опорными точками этнокультурного туризма. Нанайские праздники ве-

сенного и рыбного цикла целесообразно интегрировать в экскурсионные маршруты по национальным селам и территории национального парка «Ануйский», что позволяет туристам наблюдать обрядовые действия, знакомиться с традиционной кухней и участвовать в фестивальных мероприятиях. Регулярность проведения праздников создает условия для формирования сезонных туристских программ, а активное участие самих общин в их организации обеспечивает согласование туристской деятельности с интересами местного населения и повышает уровень аутентичности.

Регулярное обновление, дополнение и широкое распространение подобных календарей будет способствовать привлечению внимания к культурной жизни и проблемам КМН Приамурья.

Помимо событийного туризма, следует повышенное внимание уделять и привлечению внимания к постоянно действующим аттракциям. Интеграция в маршрут посещения этнографических деревень или музеев коренных народов в сочетании с природными достопримечательностями призвана формировать привлекательный комплексный этно-экологический тур. При этом особое внимание следует уделить этическим аспектам взаимодействия с коренными сообществами – все мероприятия должны проводиться с их согласия, на основе равноправного партнёрства и с уважением к их традициям.

Результаты.

Туризм в регионах традиционного проживания коренных малочисленных народов следует рассматривать не только как отрасль экономической деятельности, но и как социальный институт, включённый в систему культурных норм, ценностей и форм коллективного взаимодействия.

Использование структурно-функционального подхода и концепции социальных функций позволило выявить адаптационный, интегративный и культурно-воспроизводящий потенциал этнокультурного туризма, а также его явные и латентные социальные эффекты. В этой связи, возникает необходимость перехода от теоретического осмысления роли этнокультурного ту-

ризма к разработке прикладных механизмов его реализации на региональном уровне. В третьей главе данные теоретические положения конкретизируются через поэтапную модель формирования этнокультурного туристского маршрута, адаптированную к условиям традиционного уклада жизни коренных народов и основанную на принципах устойчивого развития.

Этапы разработки маршрута соотносятся с ключевыми социологическими концепциями, в частности, с моделью AGIL Т. Парсонса и подходом

Р. Мертона [12] к анализу социальных функций. Это позволяет рассматривать этнокультурный туристский маршрут не только как туристский продукт, но и как механизм социальной интеграции, обеспечивающий согласование экономических, культурных и социальных интересов в трансграничном пространстве.

Ниже представлена схема разработки туристического маршрута с учетом особенностей, отмеченных нами ранее (рис. 1).

<p>ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ ПРИГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ (язык, обряды, календарные праздники, традиционное хозяйство)</p>
<p>A (Adaptation) – АДАПТАЦИЯ Инвентаризация ресурсов и анализ календаря этнокультурных событий Явные функции: – формирование базы туристского продукта. Латентные функции: – осознание ценности собственной культуры; – рост культурного самоуважения общин</p>
<p>G (Goalattainment) – ЦЕЛЕДОСТИЖЕНИЕ Совместное планирование маршрута с участием коренных малочисленных народов Явные функции: – определение целей маршрута; – распределение ролей и ответственности. Латентные функции: – рост субъектности местных сообществ; – снижение социальной маргинализации</p>
<p>I (Integration) – ИНТЕГРАЦИЯ Реализация этнокультурных и трансграничных туристских маршрутов Явные функции: – привлечение туристов; – экономическая активизация территорий; – развитие трансграничного сотрудничества. Латентные функции: – укрепление этнической идентичности; – формирование межкультурного диалога; – рост символического капитала культуры</p>
<p>L (Latency) – ПОДДЕРЖАНИЕ ОБРАЗЦА Сохранение и трансляция культурных норм, языка и традиционных практик Явные функции: – воспроизводство культурного наследия; – поддержка этнокультурных инициатив. Латентные функции: – предотвращение аномии; – укрепление межпоколенческих связей</p>
<p>ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ И ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ (социальные, культурные, экономические эффекты)</p>
<p>КОРРЕКТИРОВКА МАРШРУТА И АКТУАЛИЗАЦИЯ КАЛЕНДАРЯ СОБЫТИЙ (циклическое воспроизводство механизма)</p>

Рисунок 1 – Структурно-функциональный механизм интеграции коренных малочисленных народов в развитие этнокультурного и трансграничного туризма

Представленный рисунок 1 иллюстрирует механизм интеграции коренных малочисленных народов в развитие этнокультурного и трансграничного туризма, интерпретированный сквозь призму структурно-функциональной модели Т. Парсонса и концепции явных и латентных функций Р. Мертона. Механизм носит циклический характер и обеспечивает согласование туристской активности с традиционным укладом жизни, а также устойчивое воспроизводство

культурных практик в условиях трансграничного взаимодействия.

В этом контексте, формирование этнокультурного туристского маршрута целесообразно рассматривать как последовательный и взаимосвязанный процесс, основанный на принципах устойчивого развития, событийного подхода и активного участия коренных малочисленных народов в планировании и реализации турист-

ских проектов. Такой подход соответствует логике интеграции локальных сообществ в туристскую деятельность без утраты ими культурной автономии.

Начальным элементом данного процесса выступает инвентаризация этнокультурных ресурсов территории и анализ её событийного потенциала. На данном этапе осуществляется систематизированный сбор и обобщение информации о материальных и нематериальных компонентах культуры коренных народов, проживающих в регионе.

Наряду с объектами материального наследия, такими как музеи, этнодеревни, культовые и природные объекты, особое внимание уделяется нематериальным формам культурной репрезентации, включая традиционные праздники, обрядовые практики, календарные ритуалы, фольклор, элементы традиционной кухни и формы хозяйственной деятельности. Именно нематериальные элементы культуры формируют уникальность этнокультурного туристского продукта и определяют его отличие от иных направлений культурного туризма.

Центральным аналитическим инструментом на данном этапе является календарь этнокультурных событий, отражающий годовой цикл традиционной жизни коренных народов.

В ходе проведенного анализа становится понятно, что календарная обрядность коренных народов Приамурья органично связана с природными циклами, прежде всего с рыболовством и сезонной охотой, что придаёт ей не только культурное, но и социально-экономическое значение. Анализ календаря позволяет выявить устойчиво воспроизводимые события, определить периоды наибольшей культурной активности и оценить их потенциал для включения в туристские маршруты.

Следующим элементом процесса является экспертная оценка и социокультурная фильтрация выявленных событий и практик. На данном этапе осуществляется качественный анализ допустимости включения отдельных элементов традиционной культуры в туристский продукт. Принципиально важной задачей становится разграничение публичных форм культурной деятельности и сакральных обрядов, имеющих внутриобщинное значение. Как отмечается в исследованиях, игнорирование данного разграничения ведёт к коммерциализации культуры и утрате её подлинного содержания.

Важным структурным элементом формирования маршрута является согласование туристского проекта с коренными малочисленными народами и выстраивание партнёрских отношений с местными сообществами. В современных исследованиях подчёркивается, что устойчивое развитие этнокультурного туризма невозможно без активного участия коренных народов в принятии

управленческих решений. На данном этапе обсуждаются цели и задачи маршрута, формат проведения мероприятий, степень вовлечённости представителей общин, а также вопросы распределения экономических эффектов и регулирования туристской нагрузки.

В рамках данного подхода, коренные народы рассматриваются не как объект туристского показа, а как полноправные субъекты туристской деятельности и носители культурных смыслов. Именно на этом этапе этнокультурный маршрут приобретает выраженную социальную значимость, выступая инструментом поддержки занятости, сохранения языка и традиционных навыков, а также укрепления межпоколенческих связей внутри общин.

Дальнейший этап связан с проектированием этнокультурного туристского маршрута и формированием его логистической модели. В отличие от классических туристских маршрутов, где основным принципом является территориальная последовательность перемещений, этнокультурный маршрут формируется с учётом календарной структуры событий. В этом случае ключевыми элементами маршрута становятся не только населённые пункты, но и конкретные временные периоды проведения этнокультурных мероприятий.

Реализация маршрута должна носить адаптивный характер и учитывать возможные изменения, связанные с природными условиями, состоянием экосистем и внутренними решениями общин. Это позволяет сохранить динамичный характер культурных практик и предотвратить их трансформацию в формализованные туристские аттракции.

Завершающим элементом процесса является оценка эффективности этнокультурного туристского маршрута, сбор обратной связи и актуализация календаря этнокультурных событий. На данном этапе анализируются социальные, культурные и экономические эффекты туристской деятельности, включая степень удовлетворённости туристов и представителей коренных народов, влияние туризма на локальную экономику и состояние культурного наследия. Результаты анализа используются для корректировки маршрута, уточнения событийного календаря и разработки новых туристских продуктов.

Заключение.

Таким образом, разработка этнокультурного туристского маршрута представляет собой непрерывный и циклический процесс, основанный на системном взаимодействии с местными сообществами и регулярной актуализации этнокультурных ресурсов.

Реализация данной модели способствует не только повышению туристской привлекательности региона, но и укреплению социальной зна-

чимости этнокультурного туризма как инструмента устойчивого развития территорий традицион-

ного проживания коренных малочисленных народов.

Конфликт интересов

Не указан

Conflict of Interest

None declared

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Нанайский обрядовый праздник «Даси» – «Встреча весны» // КУЛЬТУРА.РФ: [сайт]. URL : [https:// culture.ru/events/5437553/nanaiskii-obryadovyi-prazdnik-dasi-vstrecha-vesny](https://culture.ru/events/5437553/nanaiskii-obryadovyi-prazdnik-dasi-vstrecha-vesny)
2. Нанайский обрядовый праздник «Даси»! // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края: [сайт]. URL : <https://akmns-khab.ru/2020/03/15/нанайский-обрядовый-праздник-даси>
3. В Хабаровском крае наступает нанайский Новый год // КМНСОЮЗ-NEWS: [сайт]. URL : <https://news.kmnsoyuz.ru/news/5101>
4. Нанайский праздник «БуэАняпу» состоится в Комсомольске-на-Амуре // TRANSSIB INFO: [сайт]. URL : <https://transsibinfo.com/news/2025-11-25/nanayskiy-prazdnik-bue-anyapu-sostoitsya-v-komsomolske-na-amure-5512131>
5. С нанайскими обычаями гостеприимства познакомят хабаровчан // TRANSSIB INFO: [сайт]. URL : <https://transsibinfo.com/news/2025-06-23/s-nanayskimi-obychayami-gostepriimstva-poznakomyat-habarovchan-5419832>
6. Праздник осенней кеты прошел в Нанайском районе // SOPKI-NEWS: [сайт]. URL : <https://sopki-news.ru/prazdnik-osenney-keti-proshel-v-nanayskom-rayone>
7. Нанайский фестиваль супа из полыни прошел в Хабаровском крае // Национальный аспект: [сайт]. URL: <https://nazaccent.ru/content/40773-nanajskij-festival-sup-a-iz-polyini-proshel-v-habarovskom-krae>
8. День ульчской культуры пройдет в Гродековском музее // @НОВОСТИ: [сайт]. URL : <https://news.mail.ru/society/67222524>
9. Хабаровские ульчи отметили праздник первой рыбы // НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ: [сайт]. URL : <https://nazaccent.ru/content/36026-habarovskie-ulchi-otmetili-prazdnik-pervoj-ryby>
10. В селе Ачан Хабаровского края прошел фестиваль «Бубен дружбы» // Национальные проекты России : [сайт]. URL : <https://национальныепроекты.рф/news/v-sele-achan-khabarovskogo-kraja-proshel-festival-buben-druzhby>
11. 50-летний юбилей районного Фестиваля народного художественного творчества «Таланты земли Ульчской!» // Комитет по культуре, молодежной политике и спорту администрации Ульчского муниципального района: [сайт]. URL : <https://ukkmops.khv.muzkult.ru/news/113956337>
12. Малышева Е.В. Потребительские практики в сфере туризма: когортный анализ: специальность 22.00.03 «Экономическая социология и демография»: Диссертация на соискание кандидата социологических наук / Е.В. Малышева; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2015. 279 с. EDN: DJMSQA

References:

1. Nanai ritual holiday «Dasi» – «Meeting of Spring» // CULTURE.RF: [website]. URL : <https://culture.ru/events/5437553/nanaiskii-obryadovyi-prazdnik-dasi-vstrecha-vesny>
2. Nanai ritual holiday «Dasi»! // Association of Indigenous Small Peoples of the North of Khabarovsk Krai: [website]. URL : <https://akmns-khab.ru/2020/03/15/нанайский-обрядовый-праздник-даси>
3. Nanai New Year arrives in Khabarovsk Krai // KMNSOYUZ-NEWS: [website]. URL : <https://news.kmnsoyuz.ru/news/5101>
4. Nanai holiday «BuéAnyapu» to be held in Komsomolsk-on-Amur // TRANSSIB INFO: [website]. URL : <https://transsibinfo.com/news/2025-11-25/nanayskiy-prazdnik-bue-anyapu-sostoitsya-v-komsomolske-na-amure-5512131>
5. Khabarovsk residents will be introduced to Nanai customs of hospitality // TRANSSIB INFO: [website]. URL : <https://transsibinfo.com/news/2025-06-23/s-nanayskimi-obychayami-gostepriimstva-poznakomyat-habarovchan-5419832>
6. Autumn chum salmon festival held in Nanai District // SOPKI-NEWS: [website]. URL : <https://sopki-news.ru/prazdnik-osenney-keti-proshel-v-nanayskom-rayone>
7. Nanai wormwood soup festival held in Khabarovsk Krai // National Aspect: [website]. URL : <https://nazaccent.ru/content/40773-nanajskij-festival-sup-a-iz-polyini-proshel-v-habarovskom-krae>
8. Ulch Culture Day to be held at the Grodekovsky Museum // @NEWS : [website]. URL : <https://news.mail.ru/society/67222524>

9. Khabarovsk Ulchi celebrated the first fish festival // NATIONAL ASPECT: [website]. URL : <https://nazacent.ru/content/36026-habarovskie-ulchi-otmetili-prazdnik-pervoj-ryby/>
10. The village of Achan in the Khabarovsk Territory hosted the «Drum of Friendship» festival // National Projects of Russia : [website]. URL : <https://национальныепроекты.рф/news/v-sele-achan-khabarovskogo-kraya-proshel-festival-buben-druzhby>
11. 50th anniversary of the regional Festival of Folk Art «Talents of the Ulch Land!» // Committee on Culture, Youth Policy, and Sports of the Ulchsky Municipal District Administration: [website]. URL : <https://ukkmpps.khv.muzkult.ru/news/113956337>
12. Malysheva E.V. Consumer practices in tourism: cohort analysis: specialty 22.00.03 «Economic Sociology and Demography»: Dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences / E.V. Malysheva; Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. N. Novgorod, 2015. 279 p. EDN: DJMSQA

Информация об авторе

Кузнецов Владислав Васильевич

преподаватель Высшей школы медиа,
коммуникаций и сервиса
Института социально-политических технологий,
и коммуникаций,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
012754@togudv.ru

Vladislav V. Kyznetsov

Teacher at the Higher School of Media,
Communications, and Services
at the Institute of Social-Political Technologies
and Communications,
Pacific National University, Khabarovsk
012754@togudv.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.02.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-10>

УДК 316.4



Attribution

cc by

ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ИННОВАЦИЯМ В СИСТЕМЕ ГОЛОСОВАНИЯ

Муха В.Н., Косивченко Е.В.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. В статье рассматривается внедрение технологии блокчейн в избирательный процесс России с акцентом на отношение студентов к инновациям в системе голосования. Цель исследования: оценить восприятие молодежи цифровизации выборов с учетом рисков конфиденциальности, доверия и легитимности. Методология включает пилотное социологическое опросное исследование студентов из Краснодарского края, Московской области и Крыма, а также анализ данных ВЦИОМ за 2019–2024 гг. и практики электронного голосования. Результаты выявляют смешанное отношение: студенты признают инновационный потенциал блокчейна для прозрачности и безопасности, но выражают настороженность относительно фальсификаций, утечек данных и технической надежности; преобладают мотивы удобства и удаленного участия. Подчеркивается необходимость правовой регламентации, независимого аудита и образовательных программ для повышения доверия и успешной интеграции технологий. Делается вывод о том, что блокчейн способен трансформировать электоральную систему, но требует комплексной стратегии на стыке технологий, права и гражданской культуры.

Ключевые слова: технология блокчейн, избирательный процесс, электронное голосование, отношение студентов, инновации в голосовании, цифровые выборы, доверие к выборам, защита данных, прозрачность выборов, гражданские технологии.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN THE ELECTORAL PROCESS: STUDENTS' ATTITUDES TOWARDS INNOVATIONS IN THE VOTING SYSTEM

Viktoriya N. Mukha, Ekaterina V. Kosivchenko

Kuban State Technological University

Abstract. The article examines the implementation of blockchain technology in Russia's electoral process, focusing on students' attitudes toward voting system innovations. The research aims to assess youth perceptions of electoral digitization, considering confidentiality risks, trust, and legitimacy issues. Methodology encompasses a pilot sociological survey of students from Krasnodar Krai, Moscow Region, and Crimea, alongside VCIOM data analysis (2019–2024) and reviews of electronic voting practices. Findings reveal ambivalent attitudes: students acknowledge blockchain's potential for transparency and security but express concerns over falsifications, data leaks, and technical reliability; convenience and remote access prevail as motives. Emphasis is placed on the need for legal regulation, independent audits, and educational programs to build trust and facilitate integration. The study concludes that blockchain can transform the electoral system but requires a comprehensive strategy at the intersection of technology, law, and civic culture.

Keywords: blockchain technology, electoral process, electronic voting, student attitudes, voting innovations, digital elections, trust in elections, data privacy, election transparency, civic technology.

Funding: Independent work.

Введение.

В настоящее время электоральное пространство постоянно трансформируется особенно в направлении цифрового компонента.

Инновационность – это не просто обновление технических средств голосования, а изменение подходов к учету, передачи и хранения электоральной информации. Внедрение таких технологий в избирательные процессы затрагивает не только технические аспекты, но и ставит под

сомнения вопросы легитимности власти, предполагаемая новые формы доверия между участниками избирательного процесса. Распределённые реестры, биометрическая аутентификация, защита данных с помощью криптографии и внедрение искусственного интеллекта в избирательный процесс – все эти технологий, в совокупности, откроют новые горизонты для понимания модернизации избирательной системы.

Внедрение инноваций в одной области неизбежно оказывает влияние на другие сферы жизни общества. Это особенно проявляется в политическом процессе. Многие исследователи подчеркивают: «Сам факт адаптации или «принятия» инновации носит глубоко социальный характер, неразрывно связан с общей способностью социума к изменению» [1].

Важно учитывать взаимосвязь между инновациями и политическим процессом. С одной стороны, политические институты и их решения могут стимулировать и ограничивать появление новых технологий в обществе, но с другой стороны – инновации способны формировать новые подходы и механизмы в сфере государственного управления [2].

Ф. Никсон считает, что инновация – это совокупность технических, производственных и коммерческих мероприятий, приводящих к появлению на рынке новых и улучшенных промышленных процессов, и оборудования [3].

Обсуждение. Результаты.

Для того, чтобы наглядно отследить процесс цифровизации и появления инноваций, рассмотрим это на примере избирательного процесса. На сегодняшний день на каждом его этапе используются современные цифровые технологии. Они позволяют автоматизировать сбор и верификацию данных избирателей, обеспечение безопасности и целостности бюллетеней, скорый электронный подсчёт голосов и оперативное формирование итоговых протоколов.

Вместо традиционной ручной работы с бумажными списками и бюллетенями информационные системы обновляют реестры избирателей автоматически. Программы для сканирования и распознавания голосов снижают вероятность ошибок при подсчёте, а видеонаблюдение с онлайн-трансляциями и QR-коды на протоколах делают всё более прозрачным и безопасным, вызывая доверие граждан. В совокупности, все эти технологии создают единую цифровую экосистему выборов на всех этапах – от подачи заявки до объявления результатов.

Особую роль в этом процессе играет технология блокчейн. Главной её особенностью является то, что любая информация, попавшая в реестр, сохраняется и остается в неизменном виде навсегда. Это происходит за счет соединения последовательных блоков, данных в общую цепочку. Каждый блок содержит в себе информацию об

определённых событиях, например, голоса на выборах; временную метку и отпечаток предыдущего блока. Это исключает возможность изменять, удалять данные, хоть раз попавшие в блок.

Само название технологии блокчейн говорит о ее сути: с английского «block» – блок и «chain» – цепь. Данные, полученные во время транзакций, сохраняются в таком виде, что следующие блоки дополняют эту цепочку, не имея возможности изменять уже существующие элементы. То есть, голос избирателя становится частью непрерывного публичного реестра, где все проводимые операции прозрачны и видимы, но при этом, сам участник остается анонимным.

Распределенность блокчейн реализуется через сеть «нод» – узлов, на каждом из которых хранится копия всего реестра. Когда транзакций становится больше, количество узлов тоже увеличивается, и каждый из них загружает актуальную версию всех блоков. Это обеспечивается сохранность информации, даже в том случае если часть участников отключается от сети.

Чтобы использовать технологию блокчейн в избирательных процессах, а точнее – на выборах, создается специальная структура. Для каждого кандидата формируется так называемый «цифровой кошелек», а само голосование осуществляется с помощью «электронных монет» – цифровых токенов, которыми владеют избиратели. Каждый избиратель, авторизовавший под личным виртуальным аватаром, отправляет одну или несколько «монет» в кошелек кандидата, при этом оставаясь анонимной личностью, так как данные об отправке токена фиксируются в блокчейне без указания реальных данных избирателя [6].

Когда выборы или голосование подходят к концу и начинается подсчет голосов, то он сводится к простой процедуре проверки баланса каждого «кошелька». Число поступивших токенов указывает число голосов за кандидата, так как все транзакции навсегда хранятся в цепочке блоков и проверяются сразу несколькими узлами, чтобы исключить любые попытки вмешательства или корректировки результатов голосования.

Технология блокчейн работает на децентрализованной сети, это, в свою очередь, означает, что именно пользователи становятся полноправными владельцами данных.

Таким образом, каждый участник системы участвует в процессе хранения и проверки информации.

С помощью перечисленных действий, осуществляется переход от модели «Интернет информации», в которой пользователи являются пассивными потребителями контента, к модели «Интернет ценности», где данные обретают подлинную экономическую и политическую значимость [7]. Этот подход, не просто красивая метафора.

Напротив, он показывает, как технология блокчейн-голосования, может сделать выборы более демократичными и безопасными. В быстро меняющихся условиях нашего современного общества, данная технология становится гарантом легитимности, что может значительно повысить степень доверия между гражданами и властями.

Для использования инновационных технологий в избирательном процессе потребовалось большое количество времени, но самое важное заключается в том, что это понесло за собой изменения дефинитивных норм избирательного законодательства. Так, до 2020 года в Федеральном законе № 67-ФЗ использовалось только такое понятие, как «электронное голосование». Однако уже с 23 мая 2020 года в российское избирательное законодательство, впервые было введено понятие «дистанционное электронное голосование» [8]. «Дистанционное электронное голосование» – это использование электронных бюллетеней, вместо бумажных, но уже с применением специального технического обеспечения.

Впервые дистанционное электронное голосование, основанное на технологии блокчейн, нашло свое применение в экспериментальном методе в 2019 году на выборах в Московскую городскую думу. 08 сентября 2019 года было проведено тестирование новой системы электронного голосования. Для этого времени были использованы три избирательных округа России. Более 11 200 человек изъявили свое желание использовать совершенно новый способ участия на выборах в Московскую городскую думу. По результатам этого исследования было выявлено, что 92 % проголосовали, используя инновационный метод, это составило около 6 % от общего числа зарегистрированных избирателей [9].

Сразу же после введения нового закона о дистанционном голосовании в 2020 году Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Центр политической конъюнктуры (ЦПК) провели исследования, чтобы выявить отношение граждан России к электронному голосованию и внедрение новых технологий в избирательный процесс [10].

С марта 2019 по май 2020 года граждане больше склоняются и испытывают доверие к традиционной форме голосования с использованием бумажных бюллетеней. Если в марте 2019 года – это способ голосования предпочитали 57 %, то уже к маю 2020 – 69 % избирателей. Это может быть связано с привычкой к более устоявшейся процедуре на выборах; не стоит забывать, что недоверие и риски к новым технологиям присутствуют, так как электронное голосование проводилось только единично на тот момент в России. У респондентов, по началу, был интерес к электронному голосованию, и показана положительная динамика с марта (25 %) по август (30 %) 2019 года. Однако к маю 2020 года уверенность в электронном голосовании снизилась до 23 %. Значительно сократилось количество избирате-

лей, кто затруднялся с ответом – с 18 % до 4 %, что говорит о формировании более устойчивой позиции в обществе по поводу формата голосования.

По мнению опрошенных, самая распространённая причина не голосовать на выборах через интернет, это страх и тревожность по поводу манипуляций и мошенничества (60 %). В 2020 году система блокчейн только развивалась в сторону избирательной системы, поэтому у людей не было четкого понимания, что она достаточно надежна и технические сбои маловероятны (28 %). Также 21 % избирателей не верят, что при таком виде голосования сохранится принцип тайного голосования, и это может вызывать сомнения в условия онлайн-голосования у большинства людей. Кроме того, 14 % признались, что не умеют пользоваться интернетом и современными гаджетами и 11 % не имеют возможность проголосовать на дому, так как отсутствует доступ к нужному оборудованию или к подключению к сети. И только 5 %, посчитали этот способ неудобным для голосования на выборах

В 2021 году перед выборами в Государственную Думу Российской Федерации была разработана федеральная платформа дистанционного электронного голосования с помощью Минцифры и ПАО «Ростелеком», которая с успехом прошла общероссийское тестирование, и была одобрена новая система шифрования и защиты данных.

Система дистанционного электронного голосования была применена на выборах уже в семи субъектах РФ [11]. Голосование проходило в течении 3 дней по решению ЦИК. Если опираться на данные Центральной избирательной комиссии, то 2535978 человек, а точнее 31,1 % из вышеуказанных субъектов, выбрали дистанционное электронное голосование. В Москве 49,7 % избирателей проголосовали дистанционно; это составило 1943590 человек от общего числа проголосовавших в регионе [12].

Если ориентироваться на статистику, то явка на выборы в Государственную Думу в 2016 году увеличилась с 47,9 % до 51,68 % в 2021 году; как отмечают многие эксперты и исследователи, этот рост в электоральной системе связан именно с использованием электронного дистанционного голосования. Во время голосования происходил ежедневный вход систему, но сбоев во время выборов так и не было обнаружено. Как заявил на заседании ЦИК глава Минцифры Максют Шадаев: «С точки зрения устойчивости, я считаю, что мы прошли достойно. Проблем технических не было. Те DDoS-атаки, которые были, значимого эффекта не оказали, хотя тренировали нас ежедневно» [13].

Также Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел опрос о восприятии россиянами дистанционного электронного голосования (ДЭГ) после выборов Президента в 2024 году, с использованием мониторингов с 2019 года. В 2019 году только 18 % респон-

дентов хорошо знали такой вид голосования, как электронное, но уже к 2021 году этот показатель вырос до 30 %.

Так как в 2022 и 2023 годах не проводились тестирования по ДЭГ, произошел некий застой по показателям (28 % и 26 %). Но уже в 2024 году знание об электронном дистанционном голосовании возросло до 47 %, и уже почти половина респондентов знали о таком виде голосования. Это может быть показателем, как активной информационной кампании, так и расширение системы онлайн голосования на новые субъекты страны.

Важно отметить, что доля тех, кто ничего не слышал об этой системе сократилась с 34 % в 2019 до 13 % в 2024 годах. За пять лет уровень осведомленности граждан набирает обороты, особенно среди молодежи (18–24 лет) 48 %. Респонденты средней возрастной категории (35–44 года) показывают наивысшую вовлеченность в дистанционное электронное голосование 53 %.

Поводя сравнительный анализ данных за период с 2019 по 2024 год, можно заметить, что респонденты на протяжении пяти лет придерживаются мнения о том, что онлайн-голосование может сделать выборы более прозрачными и честными, хотя процент таких людей варьируется от 25 % до 23 %. При этом в 2019 году 42 %, полагали, что в сфере электорального голосования ничего не изменится с внедрением онлайн-голосования, и 23 % избирателей опасались ухудшения в области прозрачности и честности.

К 2021–2022 годам доля оптимистов чуть снизилась до 23–24 %, а число скептиков, наоборот, выросло до 31 %, что говорит о том, что первые пилотные проекты вызвали у многих россиян больше вопросов, чем энтузиазма.

В 2023–2024 годах картина данных практически не меняется, кроме того, треть опрошенных была уверена в том, что онлайн-голосование делает выборы менее прозрачными, честными; 30 % и 37 % – 36 %, утверждает, что с использованием такой возможности на голосовании ничего не изменится.

Если анализировать желание граждан, выбирающих онлайн-голосование, можно отметить, что основной движущий причиной для них на протяжении четырех лет – это удобство. Нет необходимости выходить из дома и идти на избирательный участок, если это можно сделать через свой смартфон. В 2020 году на этот фактор указали 86 % опрошенных, и даже, несмотря на незначительное снижение в 2021 году до 75 %, к 2024 году (март – 83 %, август – 81 %) показатель остаётся очень высоким.

При использовании дистанционного электронного голосования индивид может голосовать из любой точки мира, имея интернет и современный гаджет; с этой точкой зрения согласны 13 % в 2020 году, а 2024 году поддержали уже 33 %. Эта опция особенно актуальна среди молодежи и

фрилансеров; ведь она дает полную возможность почувствовать себя частью референдума, если нет возможности проголосовать на избирательном участке. 7 % – 13 % респондентов придерживаются к когнитивным и рациональным мотивам, потому что им проще обдумать свой голос и изучить полную информацию перед выборами.

После второго тестирования дистанционного голосования в 2021 году респонденты придерживались мнения о том, что эта система обеспечит полную прозрачность и честность выборов – 12 %, то после улучшения технологии на выборах главы государства в августе 2024 года, этот процент снизился до 4 %. То есть с каждым годом нарастает скептицизм, что цифровые технологии гарантируют честность избирательной системы, особенно на фоне продолжающихся дебатов о контроле, независимости и легитимности онлайн-процедур.

Для того, чтобы проанализировать отношение студентов к инновациям в системе голосования, было проведено пилотажное социологическое исследование в таких регионах, как Краснодарский край, Московская область и республика Крым. Выборочная совокупность составила 123 человека. Гипотезой же послужило предположение, что отношение студентов к использованию технологии блокчейн в избирательной системе определяется сочетанием позитивных представлений о её инновационном потенциале и осторожности, обусловленной восприятием рисков, связанных с сохранением конфиденциальности, защитой персональных данных и доверием к дистанционным процедурам голосования.

У большинства студентов высоко развита цифровая грамотность и есть привычка использовать онлайн-инструменты для участия в социальных и гражданских инициативах. 7 % респондентов заявили, что принимали участие только один раз в электронном голосовании; возможно, они не имели сильной заинтересованности в этом. 10 % опрошенных никогда не принимали участие в онлайн-голосовании, но имеют желание попробовать; это свидетельствует о вовлеченности и присутствия интереса к такому виду голосования.

Наибольшее число респондентов (63 %) обеспокоены возможностью фальсификации результатов. Они считают, что при электронном голосовании легко проводить различные манипуляции голосами избирателей; это подрывает их доверие к прозрачности и легитимности выборов.

Вторым по значимости тревожным фактором студенты посчитали утечку персональных данных и потерю анонимности голосования (46 %). Это подчеркивает чувствительность общества к вопросам конфиденциальности; в настоящее время риск попасться в руки мошенников очень велик, поэтому защита личных данных имеет, как никогда, значимую прерогативу.

При дистанционном электронном голосовании у гражданина есть возможность отслеживать результаты голосования в реальном времени, а также наблюдать, в пользу кого был сделан выбор; но, несмотря на это, в обществе присутствует страх в силу отсутствия возможности перепроверить данные (32 %). В меньшей степени у студентов вызывает беспокойство о хакерских атаках (22 %) и слабой правовой защите электронных протоколов (17 %). Такие угрозы воспринимаются как более теоретические, зависящие от ИТ структур и государства.

Результаты утверждения: «Я бы проголосовал(а) через блокчейн-систему, если бы был(а) уверен(а) в полной конфиденциальности данных», помогают сделать вывод о потенциальной открытости студентов к использованию блокчейн-технологии. Больше половины респондентов – 66 % (27 % – скорее согласны, 39 % – полностью согласны), положительно относятся и поддерживают систему дистанционного голосования с использованием блокчейн-технологии, но с условием полной защищенности личной информации индивида. Почти четверть опрошенных – 22 %, придерживаются нейтральной позиции; на это есть множество причин: недостаток информации, неуверенность в эффективности и т.д. Лишь 12 % (7 % – категорически не согласны, 5 % – скорее не согласны) проявляют недовольство и сопротивление идеи дистанционного электронного голосования, но эта доля достаточно мала.

В сумме 71 % студентов считают, что публичный отчет о каждом этапе подсчета голосов может способствовать увеличению уровня доверия к системе электронного голосования и 7 % опрошенных выразили противоположное мнение по этому вопросу. Когда избиратели смогут пошагово наблюдать, как происходит подсчет голосов, это и будет для них главным гарантом честности и прозрачности.

При использовании технологий, где записи и данных будут храниться в защищенном общем списке, а точнее - в блоке, также вызывает у молодежи доверие к дистанционному голосованию (64 %) и только 15 %, считают, что это совершенно не повлияет на улучшения их отношения к системе.

То обстоятельство, что проверка системой независимыми наблюдателями, способствует доверию к электронному голосованию, было отмечено 61 % с положительной стороны (22 % – способствует, 39 % - полностью способствует), и только 17 % отметили негативное отношение к этому элементу.

Таким образом, наличие высокой роли внешнего контроля укрепляет доверие избирателей, когда процедуру проверяют непредвзятые эксперты.

И наконец, возможность посмотреть, как работает система голосования, получила наибольший разброс данных: 44 % дали высокую оценку по-

вышения доверия к этой возможности, 34 % выбрали нейтральную оценку и 22 % поставили отрицательную оценку. Простое «окно в систему» важно для респондентов, но без детальной отчетности и внешнего аудита; многие избиратели не готовы полностью ему доверять.

Почти половина респондентов (39 %) продемонстрировала, что система блокчейн вызывает у них чувство сомнения и недоверия, 15 % считают его совершенно непрозрачным, а 24 % – скорее непрозрачным.

У молодежи присутствует некая настороженность и критическое отношение к реализации текущей технологии, несмотря на её теоретическую открытость и проверяемость. При этом 38 % склонны считать подсчет прозрачным, 29 % – «скорее прозрачным», и лишь 9 % выразили полную уверенность в прозрачности. В дополнение следует отметить, что 22 % придерживаются нейтралитета в данном вопросе; это может быть связано либо с недостатком информации, либо в неуверенности рационально оценить сложность системы.

Пока что блокчейн системе тяжело продемонстрировать свою прозрачность молодой аудитории.

Уровень уверенности в неизменности данных в блокчейн-системе электронного голосования остаётся низким, по мнению студентов. Более половины респондентов (47 %) выразили сомнение; они считают, что голоса невозможно изменить в реальном времени (15 % из них совершенно не уверены, а 32 % – скорее не уверены). Присутствует недоверие к устойчивости технологии и слабое понимание основного принципа блокчейна – неизменяемости записей после их подтверждения. В то же время, только 24 % студентов уверены в защите от фальсификаций (17 % – скорее уверены, и лишь 7 % – полностью уверены). Можно отметить, что даже та доля опрошенных, кто в некоторой степени доверяет технологии, уровень полной уверенности крайне низок.

Нейтральную позицию заняли 29 % респондентов, что может говорить о неосведомленности, недостатке технической информации или просто о сложностях в понимании принципов работы системы.

В целом результаты анализа свидетельствуют о том, что, несмотря на репутацию блокчейн-технологий как надёжных и защищённых от вмешательства, общественное мнение остаётся осторожным.

Мнения респондентов разделились о том, что новые технологические решения в голосовании скорее маскируют проблемы, чем решают их. 36 % опрошенных выразили свое согласие к данному высказыванию, а 44 % с ним не абсолютно согласны. Одна половина респондентов склонна видеть в технологиях инструмент мани-

пуляции или отвлечения внимания от системных проблем, что удивительно, ведь молодое поколение гораздо больше имеет пристрастие к электронным ресурсам, и плюсом в интернете очень тяжело что-либо скрыть. Другая же половина не считает это проблемой, а видит в этом новые возможности. Также по этому утверждению 20 % студентов выбрали нейтральную позицию.

По высказыванию о том, что нельзя полностью исключить фальсификации в электронном голосовании, наблюдается высокий рост согласия (73 %) с тем, что нельзя полностью исключить фальсификации в электронном голосовании, из которых 39 % полностью согласны с подменой голосов в период выборов и 34 % скорее согласны с этим мнением. В сумме только 10 % респондентов выражают свое несогласие с данным утверждением.

В российском обществе укоренилось мнение о нечестности избирательной системы, и требуется время и практическое применение, чтобы это изменить.

Интересно заметить, что 41 % респондентов имеет сомнения в том, что они способны разобраться в сложных технических деталях блокчейна, но 37 % категорически отрицают это мнение. Возможно, молодое поколение исходит из понимания того, что технология блокчейн сложна для изучения, что говорит больше о скепсисе относительно технической грамотности студенческой аудитории.

Для студентов больше всего ценится строгая правовая регламентация и безопасность данных – 66 %; то есть, этот фактор может стать ключом к укреплению и доверию к подобным технологиям в избирательной системе. Особо внимание молодежь привлекает идея о внедрение обучающих курсов, и мастер классов по блокчейн технологии (46 %), ведь эта инновация воспринимается многими как «черный ящик», который есть, но как он работает внутри, неизвестно.

У общества есть потребность в независимых аудиторах и наблюдателях – 46 %, чтобы убедиться в честности и прозрачности итогов выбо-

ров. Интеграция с государственными удостоверениями личности (34 %), позволяет связать голос с реальным избирателем, укрепляя честность процедуры. 32 % придерживаются мнения о проведение пилотных студенческих голосований с открытым отчетом и создание горячей линии техподдержки на время выборов в случае, если нужна будет оперативная помощь в период голосования. Лишь 22 % опрошенных, утверждают, что их доверие повысит публикация результатов кода и алгоритмов платформы, но это актуально, может быть, только для специалистов и энтузиастов, более подробно познакомится с этой инновацией.

Заключение.

Технология блокчейн, в контексте выборов, является важным элементом для возможности выйти на новый уровень голосования. Эта инновация обладает рядом принципов, которые способствуют изменить отношение граждан РФ к избирательному процессу.

Защищенность от фальсификации, невозможность изменения записей в системе, а также сохранение анонимности голосования при одновременной открытости подсчета – эти характеристики делают блокчейн особенно актуальным в условиях общественного запроса на прозрачность и подотчетность в системе голосования. Для интеграции этой технологии в жизнь общества требуется не только практическая составляющая, но и серьезная проработка правовых, этических и организационных аспектов.

Отношение к дистанционному голосованию неоднозначное. Молодежь проявляет открытость, но с определенным опасением. Старшее поколение склонно больше к осторожности к такому техническому прогрессу.

Для того, чтобы обеспечить устойчивое принятие инноваций, необходимо формировать долгосрочную стратегию цифровой трансформации выборов на стыке технологий, права, политики и гражданской культуры.

Блокчейн технология – это вызов улучшенному устройству демократии и социального доверия.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература / References:

1. Sergeev V.M. Innovations as a political problem // Politics: Analysis. The chronicle. Forecast. 2008. № 1. P. 114–125. EDN: JTMWVL

2. Kirsanova E.G. Innovations as a factor of the political process in modern Russia : dis. ... Candidate of Political Sciences. Sciences: 23.00.02. M., 2013. 28 p. EDN: SUUTCP
3. Lipsits I. Cultural transformation and changes in consumer behavior models // Economic issues. 2012. № 12. 16 p. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-8-64-79 EDN: PATODX
4. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. Electron. dan. URL : <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (date of application 05.01.2026).
5. Korchagin S. About current trends in the development of blockchain technology // Free Thought. 2016. № 4 (1658). P. 31–38. EDN: WMGVIZ
6. Alekseev R.A. Blockchain as a new generation electoral technology – prospects for application in elections in modern Russia // Russian Social and Humanitarian Journal. 2018. Vol. 6. № 2. P. 3–10. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-2-894 EDN: UWEWLI
7. Urns? No, blockchain // La Vanguardia. 2017. 15 Aug. URL : <https://www.pressreader.com/spain/lavanguardia/20170815/282522953573813> (date of application 12.01.2026).
8. On the basic guarantees of electoral rights and the right of citizens of the Russian Federation to participate in a referendum: feder. Law № 67-FZ of 12.06.2002 (as amended on 23.05.2020) // ConsultantPlus. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119 (date of application 01/13/2026).
9. Alekseev R.A. Approbation of blockchain technology in the elections to the Moscow City Duma in 2019: results and prospects of application for the federal electoral process // Journal of Political Research. 2019. Vol. 3. № 4. P. 12–23. EDN: ESGGLJ
10. Electronic voting: new technologies are changing electoral habits // VTsIOM: analyt. review. - Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/elektronnoe-golosovanie-novye-tekhnologii-menyayut-elektoralnye-privyчки> (date of application 18.01.2026).
11. Podzorov R.A. Analysis of the practice of using remote electronic voting in the electoral process of the Russian Federation // Region: systems, economics, management. 2023. № 2(61). P. 154–160. DOI: 10.22394/1997-4469-2023-61-2-154-160 EDN: VLJANG
12. Remote electronic voting: pres / The Central Election Commission OF THE Russian Federation. URL : https://www.rcoit.ru/edu2022/mod3/5/2-ДЭГ_презентация.pdf (date of application 07.01.2026).
13. The head of the Ministry of Finance Shadaev: there were no technical problems during the electronic voting // Lenta.ru. 2021. September 19th. URL : https://lenta.ru/news/2021/09/19/shadaev_vybory (date of application 07.01.2026).

Информация об авторах

Муха Виктория Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный
технологический университет
v.mukha@bk.ru

Victoria N. Mukha

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Sociology,
Kuban State Technological University
v.mukha@bk.ru

Косивченко Екатерина Владимировна

студентка 1 курса
направления подготовки «Социология». 39.04.01,
Кубанский государственный
технологический университет
katya.kosivchenko@mail.ru

Ekaterina V. Kosivchenko

1st year Student
of the Sociology program. 39.04.01,
Kuban State Technological University
katya.kosivchenko@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.01.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.02.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-18>

УДК 316



Attribution

cc by

ПРИСУТВИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТА «ЧЕЛОВЕКА В ФОРМЕ» В ОБЩЕСТВЕННОМ МЕСТЕ (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ)

Плотников В.В.¹, Самойлов С.Ф.²

¹Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,

²Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России

Аннотация. В статье исследуется присутствие сотрудника полиции в общественном пространстве как особый социальный процесс, формирующий поведение окружающих. В рамках этнометодологического и микросоциологического анализа, раскрывается «эффект человека в форме», демонстрируется, что видимое присутствие полицейского в форме, зачастую, предотвращает проявления социальной деструктивности, побуждая граждан соблюдать нормы. Обосновывается, что данное воздействие основано на символической власти униформы и связанных с ней стереотипах. Одновременно подчеркивается, что для самого сотрудника такое постоянное нахождение «на виду» сопряжено с ролевым напряжением и необходимостью соответствовать ожиданиям окружающих. Выявлены ключевые принципы присутствия как социального процесса и обсуждены их философско-социологические интерпретации.

Ключевые слова: присутствие, полицейская форма, социальный контроль, этнометодология, микросоциология, символическая власть, поведение в общественных местах.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PRESENCE AS A SOCIAL PROCESS: AN ETHNOMETHODOLOGICAL AND MICROSOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE «UNIFORM EFFECT» IN PUBLIC SPACES (BASED ON A POLICE OFFICER)

Vladimir V. Plotnikov¹, Sergey F. Samoilov²

¹Plekhanov Russian University of Economics,

²Donetsk branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. This article examines the presence of a police officer in public spaces as a distinct social process that shapes the behavior of others. Using ethnomethodological and microsociological analysis, the «uniform effect» is explored, demonstrating that the visible presence of a uniformed police officer often prevents social disruption by encouraging citizens to adhere to norms. It is argued that this influence is based on the symbolic power of the uniform and associated stereotypes. It is also emphasized that for the officer, such constant visibility is associated with role tension and the need to meet the expectations of others. Key principles of presence as a social process are identified, and their philosophical and sociological interpretations are discussed.

Keywords: presence, police uniform, social control, ethnomethodology, microsociology, symbolic power, behavior in public spaces.

Funding: Independent work.

Введение.

Общественное пространство не является нейтральным, на поведение людей влияет социальное окружение, в том числе присутствие представителей власти. Одним из ярких факто-

ров здесь выступает эффект присутствия в публичном месте человека в форменной одежде – например, сотрудника полиции. Еще М. Вебер отмечал, что государство обладает монополией на легитимное насилие [5], делегируя право его применения своим агентам – полицейским. Когда

полицейский находится рядом, он воплощает собой видимую гарантию социального порядка, и окружающие склонны корректировать свое поведение.

Этнометодология и микросоциология создают теоретические рамки для анализа данного явления [3; 6; 7], рассматривая, как повседневные взаимодействия выстраиваются в присутствии фигуры авторитетного представителя власти. Для обыкновенных граждан полицейская форма служит мощным социальным сигналом. Исследования показывают, что граждане в присутствии человека в униформе чаще подчиняются требованиям и воздерживаются от девиантных поступков. Этот феномен основан на совокупности социальных механизмов (символическое значение формы, возникающее ощущение наблюдения и риска санкций, а также психологические реакции – доверие или страх). В то же время, нахождение в форме влияет и на самого полицейского; он должен постоянно «держать марку» перед лицом публики, что ведет к профессиональному стрессу.

С точки зрения микросоциологии, присутствие сотрудника полиции – многогранный процесс, влияющий на обе стороны взаимодействия.

Материалы и методы.

В качестве методологической базы нашего исследования использованы этнометодологический подход и микросоциологическая перспектива.

Этнометодология (основанная Х. Гарфинкелем) фокусируется на том, как люди совместными усилиями создают и поддерживают социальный порядок в повседневной жизни [3].

Микросоциология (развиваемая в работах Э. Гоффмана и др.) изучает мелкомасштабные взаимодействия, роли и ритуалы в общественных местах [6].

Данные подходы позволяют рассмотреть присутствие полицейского через призму процессов, с помощью которых участники взаимодействия придают происходящему смысл и упорядоченность.

В исследовании учитываются:

- экспериментальные работы по влиянию полицейской униформы (например, классический полевой эксперимент Л. Бикмана [1] о социальных последствиях ношения формы);
- обзоры психологического влияния формы на население;
- исследования профессионального стресса и поведения самих полицейских.

Помимо эмпирических данных, привлекаются теоретические источники (концепции символической власти П. Бурдьё [2], теория доверия

Н. Лумана [4], идеи акторно-сетевой теории Б. Латура о «делегировании» функций социального контроля техническим объектам [7] и др.).

Обсуждение. Результаты.

Наблюдаемое присутствие полицейского в форме выступает фактором непосредственного социального контроля. Вид униформы, сам по себе, способен сдерживать потенциально противоправное или отклоняющееся поведение. Так, в экспериментах Л. Бикмана люди на улице значительно чаще выполняли просьбы или указания незнакомца, если он был одет в форму охранника (стилизованную под полицейскую), по сравнению с тем же человеком в гражданской одежде. Даже наличие неподтвержденного «человека в форме» рядом с перекрестком снижало число нарушений правил дорожного движения со стороны водителей. В реальных условиях граждане, заметив поблизости форму сотрудника полиции, предпочитают не совершать правонарушений – преступники обычно «сворачивают» противоправные действия, завидев полицейского.

Эксперименты Бикмана показали, что форма служит, своего рода, сигналом включения режима законности: при ее появлении индивиды склонны автоматически актуализировать внутренние социальные нормы и воздерживаться от антиобщественных действий из-за ожидания немедленного пресечения [1].

Подобный сдерживающий эффект подтверждается и статистически. По данным обзоров, респонденты среди всех профессиональных униформ наиболее ассоциируют полицейскую с чувством безопасности. Видимый патруль часто упоминается жителями как фактор, снижающий тревожность и предотвращающий правонарушения в районе.

Иначе говоря, сама фигура полицейского в пространстве создает вокруг себя зону социального порядка, где вероятность нарушений заметно падает.

Действие эффекта присутствия базируется на символическом значении полицейской формы. Э. Гоффман рассматривал униформу как элемент «установленного оформления» роли, часть знакового оборудования, призванного «подчеркивать и освещать» исполнение человеком социальной роли [6].

Форма является материальным носителем институциональной власти; она мгновенно сообщает окружающим о статусе носителя как представителя государства. Психологические исследования подтверждают, что «строгий полицейский мундир» транслирует чувство силы и авторитета, формируя у граждан определенную установку [9]. Люди воспринимают полицейского в форме не как частное лицо, а как воплощение своих стереотипных представлений о полиции в целом. По П. Бурдьё, подобная институциональная атрибутика наделяет индивида символиче-

ским капиталом власти, то есть общепризнанным правом на доминирование [2].

Полицейская форма идентифицирует человека как обладающего полномочиями государства применять силу и осуществлять аресты. Тем самым, окружающие автоматически признают за ним легитимное превосходство (даже без прямого применения силы). Иначе говоря, государство «вкладывает» через форму свой авторитет в индивида, и этот авторитет повсеместно признается.

Символическая власть присутствия заключается в том, что люди подчиняются не столько конкретному человеку, сколько социальной роли и институциональному статусу, который явно маркирован формой. Кроме того, униформа обеспечивает внутреннюю упорядоченность рядов самих полицейских, «устанавливая порядок и единообразие в рядах тех, кто ее носит, подавляя индивидуальность». Индивидуальные отличия сглаживаются, все офицеры воспринимаются как взаимозаменяемые носители единой функции. Для общества это усиливает стереотип – любой человек в такой форме – носитель определенных черт.

В сумме, символическая роль формы создает особый социальный фон взаимодействий. Присутствие полицейского (в обобщенной форме социального восприятия) практически тождественно присутствию самого закона в глазах окружающих. При этом наличие в поле зрения полицейского фигуры многогранно влияет на психологическое состояние и поведение окружающих. С одной стороны, возникает эффект успокоения и повышения чувства безопасности у законопослушных граждан. Вид патрульного зачастую воспринимается как гарантия помощи (люди знают, к кому обратиться в случае опасности).

В социологических опросах униформа полиции последовательно занимает первое место среди образов, внушающих доверие и ощущение защищенности. Присутствие стража порядка может снижать тревожность обстановки, выступая фактором, внушающим уверенность, что порядок поддерживается. Это согласуется с концепцией доверия Н. Лумана, согласно которой доверие выполняет функцию сокращения социальной неопределенности [4]. Видя близости полицейского, граждане ощущают, что риски беспорядка или преступления снижены, и они могут свободно заниматься своими делами.

С другой стороны, присутствие офицера может вызывать у некоторых лиц и сдержанность либо напряжение. Люди стремятся продемонстрировать законопослушание, становятся более формальными в поведении, стараются не привлекать к себе лишнего внимания.

Классическое понятие Гоффмана – «гражданская невнимательность» (когда незнакомцы в

публичном месте избегают пристального внимания друг к другу из вежливости) – в ситуации с полицейским приобретает иную окраску [6]. Окружающие могут избегать не только взгляда офицера, но и любого действия, способного показаться подозрительным. Особенно это характерно для молодых людей или меньшинств в тех обществах, где у них исторически напряженные отношения с полицией (для них присутствие патруля может означать потенциальную угрозу проверки или задержания, вызывая внутреннюю напряженность или дискомфорт).

Таким образом, эмоциональный спектр реакций на полицейское присутствие варьируется от чувства облегчения и уважения – до чувства скованности или страха, в зависимости от социального контекста и предыдущего опыта взаимодействия с правоохранителями.

Объединяет разные типы реакции одно – повышенную конформность. В присутствии явного авторитета люди более строго соблюдают социальные нормы. Классические эксперименты по социальной психологии показали, что видимость наблюдения, сама по себе, усиливает склонность к нормативному поведению. Даже муляж наблюдателя – например, рисунок глаз на стене – способен немного повысить честность и соблюдение правил в группе. Другой пример: муляж полицейской машины на трассе – снижает количество нарушений ПДД. Реальный полицейский действует как сильный сдерживающий стимул; окружающие, как правило, не переходят улицу на красный свет, не шумят и избегают любых мелких нарушений при нем. Это можно рассматривать как проявление эффекта социального фасилитирования. Присутствие постороннего повышает внутреннее возбуждение, и люди более тщательно выполняют социально одобряемые действия.

Присутствие как социальный процесс влияет не только на публику, но и на самого субъекта присутствия – полицейского. Надевая форму, человек принимает на себя публичную роль с жестко регламентированными ожиданиями. По сути, офицер постоянно находится «на службе», даже если вокруг ничего необычного не происходит. Он осознает, что на него направлены взгляды, и от него ждут определенного поведения (помощи в случае необходимости, реагирования на нарушения и т.д.). Это порождает ролевое напряжение (необходимость все время соответствовать образу образцового стража порядка). Полицейские отмечают, что форма «обязывает» держаться определенным образом – быть собранным, внимательным, не проявлять слабости на публике.

Этнометодологически можно сказать, что офицер вовлечен в непрерывную работу по поддержанию впечатления порядка. Он не может, как рядовой гражданин, просто расслабиться в публичной обстановке – присутствие накладывает ответственность.

Х. Гарфинкель указывал на то, что упорядоченность социальной жизни есть результат постоянных усилий участников по приданию смысла ситуациям [3]. Полицейский – особый участник, от которого напрямую зависит интерпретация ситуации другими как «безопасной» или «опасной». Поэтому офицер вынужден проявлять повышенную бдительность (глазами сканировать окружающее, отмечать малейшие признаки проблем), готовность к действию и сдержанность эмоций. Форма и статус помогают ему – выступают, как бы, психологическим щитом, напоминая о долге, но и усиливая чувство собственной власти и ответственности.

Постоянное напряжение «быть в форме» – и буквально, и фигурально – может сказываться на психологическом состоянии самих полицейских.

Исследования профессионального стресса подтверждают высокие уровни хронического напряжения у полицейских, связанные в том числе с гипертвмательностью и необходимостью непрерывно контролировать ситуацию вокруг. Со временем это может приводить к эмоциональному выгоранию (сотрудники полиции начинают испытывать усталость, раздражительность, циничность по отношению к обществу). Ношение формы, подавляющее индивидуальность, с одной стороны, придает силы за счет ощущения принадлежности к могущественной организации, а с другой – лишает возможности проявлять спонтанность, что тоже психологически тяжело.

Отдельно стоит отметить эффект милитаризации облика. Когда полицейский экипирован как боец (шлем, бронезилет, автоматическое оружие), его взаимодействие с средой меняется по интенсивности. Сами офицеры в тяжелой оборонительной экипировке чувствуют большую защищенность и анонимность, что, как показывают наблюдения, может увеличивать склонность к жестким действиям. Одновременно, граждане воспринимают столь вооруженного и экипированного полицейского уже не как защитника, а как потенциально угрожающий военизированный элемент, что усиливает обоюдную напряженность ситуации.

Таким образом, присутствие – это не статическое свойство, а динамический процесс, контекстуально зависящий как от поведения офицера, так и от его внешнего вида и оснащения.

Этнометодологически, присутствие полицейского выглядит как часть невидимого труда по поддержанию социального порядка в повседневности. Люди совместно «соглашаются» воспринимать фигуру в форме как гарантию нормальности ситуации, тем самым воспроизводя привычную упорядоченность жизни. Это согласуется с идеей Гарфинкеля о том, что упорядоченность – не данность, а постоянно создаваемый членами общества эффект. Когда граждане, заметив полицейского, автоматически начинают соблюдать правила, они, тем самым, участвуют в коллек-

тивном конструировании порядка. Присутствие полицейского выполняет роль аксиоматического ориентира, его никто не уполномочивал прямо командовать всеми окружающими, но все подразумевают, что он обеспечивает рамки допустимого.

Можно сказать, что социальная ситуация с присутствующим полицейским обладает особым рефлексивным свойством, чем более упорядоченно ведут себя люди, тем менее сотруднику приходится вмешиваться, и тем больше подтверждается сам факт порядка.

В терминах символической социологии, вид формы запускает механизм легитимации власти. Здесь уместна параллель с М. Вебером: власть эффективна, когда ее легитимность признана. Полицейский в форме – динамичный символ легитимной власти государства. Его присутствие действует прежде всего через внутреннее согласие окружающих с принципом: «закон здесь и сейчас представляют они, а не мы».

П. Бурдьё описывал это как работу символического насилия – мягкого, невидимого принуждения, когда доминирующие значения принимаются без осознания принуждения [2]. Люди повинуются офицеру не из-за страха конкретно перед ним, а потому что через него они признают силу социального порядка, стоящего за ним.

Микросоциологические аспекты проявляются в ритуалах и взаимодействиях. Э. Гоффман ввел понятие «рамки» ситуации – набора невидимых правил, говорящих участникам, «что происходит и как надо себя вести» [6].

Присутствие полицейского четко «фреймирует» ситуацию как официально контролируемую, что требует от участников соблюдать определенный формат поведения. Взаимодействия с представителем власти – будь то простой зрительный контакт или диалог – подчинены правилам вежливости и статуса. В некотором смысле, присутствие полицейского задает особый контекст взаимодействия, где все ориентированы на поддержание «лица» друг друга и собственного (гражданин – лица законопослушного, полицейский – лица компетентного стража порядка).

Психологические аспекты дополняют картину. Присутствие авторитетной фигуры задействует механизм социального влияния, сходный с продемонстрированным в классических экспериментах Милгрэма (люди склонны подчиняться указаниям, исходящим от облаченного в символ власти (лабораторный халат или форма) авторитета) [8]. Хотя в обычной жизни полицейский редко дает экстремальные приказы, сам факт его наличия побуждает людей действовать более конформно.

Заключение.

Присутствие сотрудника полиции – это социальный процесс, объединяющий нормативные, сим-

волические и психологические измерения. Он поддерживается коллективной верой в символы власти, проявляется через мгновенные корректировки поведения и сопровождается сложными переживаниями участников. Этот процесс имеет своими крайними проявлениями как позитивный эффект – поддержание порядка без применения принуждения (общество само себя дисциплинирует в присутствии «человека в форме»), так и негативные риски – возможную эскалацию насилия или напряженности, если присутствие воспринимается не как легитимное или если сам носитель формы действует неправомерно. Баланс между этими полюсами зависит от контекста и доверия между обществом и полицией. Эффект «человека в форме» проистекает не только из страха перед наказанием, но главным образом из социально сконструированного смысла присутствия.

Полицейский в форме функционирует как материальный символ государства, и его присутствие включает в действие внутренние механизмы социального порядка – от автоматической кон-

формности до ритуалов вежливости и доверия к институциям. При этом данное присутствие – не статично, его влияние усиливается или ослабевает в зависимости от контекста (например, дружелюбный участковый в соседнем дворе воспринимается существенно иным образом, нежели отряд спецназа в полной амуниции готовый к штурму здания).

Практическая значимость понимания феномена присутствия заключается в возможности его оптимального использования. Если полиция стремится быть присутствующей, но не угрожающей силой, это может укрепить доверие сообщества и превратить пассивное сдерживание в активное сотрудничество. Например, ориентирование патрульных на открытое общение с гражданами, а не только на демонстрацию силы, смягчает напряжение и укрепляет легитимность. Напротив, чрезмерная милитаризация облика (тяжелая экипировка, агрессивная манера) способна повысить уровень конфронтации. Таким образом, управление социальным процессом присутствия – важный аспект полицейской практики.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Bickman L. The Social Power of a Uniform // *Journal of Applied Social Psychology*. 1974. Vol. 4. № 1. P. 47–61.
2. Bourdieu P. Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field // *Sociological Theory*. 1994. № 12(1). P. 1–18.
3. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1967. 288 p.
4. Luhmann N. *Trust and Power: Two Works by Niklas Luhmann*. Chichester : Wiley, 1979. 259 p.
5. Вебер М. Политика как призвание и профессия // *Избранные произведения*. М. : Прогресс, 1990. С. 645–706.
6. Гоффман Э. *Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации* / Э. Гоффман; Под ред. М.М. Соколова. М. : Элементарные формы, 2017. 381 с.
7. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери. В честь Роберта Фокса / Б. Латур; Пер. с англ. Н. Мовниной; Под ред. В.С. Вахштайна // *Социология вещей: Сб. ст.* М. : Территория будущего, 2006. С. 199–223. EDN: TMXXNT
8. Милгрэм С. *Эксперимент в социальной психологии*. СПб. : Питер, 2000. 336 с.
9. Трофимова Н.С. Социально-психологические особенности деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции в условиях массовых мероприятий // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2015. № 3(62). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-deyatelnosti-sotrudnikov-patrulno-postovoy-služby-politsii-v-usloviyah-massovyh-meropriyatij> (дата обращения 16.01.2026. EDN: UJLGML).

References:

1. Bickman L. The Social Power of a Uniform // *Journal of Applied Social Psychology*. 1974. Vol. 4. № 1. P. 47–61.
2. Bourdieu P. Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field // *Sociological Theory*. 1994. № 12(1). P. 1–18.
3. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1967. 288 p.
4. Luhmann N. *Trust and Power: Two Works by Niklas Luhmann*. Chichester : Wiley, 1979. 259 p.

5. Weber M. Politics as a vocation and profession // Selected works. М. : Progress, 1990. P. 645–706.
6. Goffman E. Behavior in public places: notes on social organization / E. Goffman; Edited by M.M. Sokolov. М. : Elementary Forms, 2017. 381 p.
7. Latour B. Where is the missing mass? The sociology of one door. In honor of Robert Fox / B. Latour; Edited by V.S. Vakhstein; Translated from English by N. Movnina // Sociology of things: Collection of articles. М. : Territory of the Future, 2006. P. 199–223. EDN: TMXXNT
8. Milgram S. Experiment in social psychology. SPb. : Peter, 2000. 336 p.
9. Trofimova N.S. Socio-psychological features of the activities of police patrol officers in the context of mass events // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2015. № 3(62). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-deyatelnosti-sotrudnikov-patrolno-postovoy-sluzhby-politsii-v-usloviyah-massovyh-meropriyatii> (date of application 01/16/2026. EDN: UJLGML

Информация об авторах

Плотников Владимир Валериевич

доктор социологических наук,
кандидат философских наук,
доцент,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
ORCID: 0000-0002-2130-7357
inkognito13@inbox.ru

Vladimir V. Plotnikov

Doctor of Sociology,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department of State
and Municipal Administration,
Plekhanov Russian University of Economics
ORCID: 0000-0002-2130-7357
inkognito13@inbox.ru

Самойлов Сергей Федорович

доктор философских наук,
профессор,
заместитель начальника
кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Донецкий филиал
Волгоградской академии МВД России
inkognito1@inbox.ru

Sergey F. Samoilov

Doctor of Philosophy,
Professor,
Deputy Head of the Department
of Social Sciences and Humanities,
Donetsk branch of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
inkognito1@inbox.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.02.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.02.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-11>

УДК 351/354



Attribution

cc by

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТНОСТИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Родюкова Т.Н.

МИРЭА – Российский технологический университет

Аннотация. Развитие субъектности органов власти и населения способствует выстраиванию эффективного взаимодействия между равноправными партнёрами. В статье определяется степень активности граждан в готовности совместного участия с органами власти решать проблемы общественного характера. Проводится анализ особенностей субъектности личности, населения, органов власти, выделяются их характеристики. Уделено внимание каналам взаимодействия и определены приоритетные. Особое внимание уделяется показателям субъективности органов власти и населения во взаимодействии. В своей работе автор приводит результаты эмпирических исследований, мониторингов, проводимых всероссийским центром изучения общественного мнения, иллюстрирующих особенности субъектности населения. Рассмотрены основные последствия влияния субъектности органов власти на субъектность населения при взаимодействии, имеющие положительный и отрицательный контекст. Делается вывод о значимости роста субъектности партнёров для эффективного решения общественных проблем.

Ключевые слова: органы власти, взаимодействие, каналы коммуникации, субъектность, активность граждан, диалог, соуправление.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ON THE ISSUE OF SUBJECTIVITY IN THE INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT BODIES AND THE POPULATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Tatyana N. Rodyukova

MIREA – Russian University of Technology

Abstract. The development of subjectivity of authorities and the population contributes to building effective interaction between equal partners. The article defines the degree of activity of citizens in their willingness to jointly participate with the authorities to solve problems of a public nature. The analysis of the peculiarities of the subjectivity of the individual, the population, and authorities is carried out, and their characteristics are highlighted. Attention is paid to the channels of interaction and priority ones are identified. Special attention is paid to the indicators of subjectivity of authorities and the population in interaction. In his work, the author cites the results of empirical research and monitoring conducted by the All-Russian Center for the Study of Public Opinion, illustrating the peculiarities of the subjectivity of the population. The main consequences of the influence of the subjectivity of authorities on the subjectivity of the population during interaction, having a positive and negative context, are considered. The conclusion is made about the importance of the growth of the partners' subjectivity for the effective solution of social problems.

Keywords: authorities, interaction, communication channels, subjectivity, citizen activity, dialogue, co-management.

Financing: initiative work.

Введение.

Взаимодействие органов власти и населения является ключевым моментом для эффективного достижения целей в социально-

экономическом развитии страны. Современные реалии развития общества, потребностей граждан, государственных интересов требуют перехода от одностороннего управления к совместному решению проблем, что принципиально по-

© Родюкова Т.Н.

вышает легитимность, качество и устойчивость всей системы управления.

Для органов власти улучшение взаимодействия ведёт к повышению эффективности управления, которое определяется качеством решений за счёт учёта мнений и знаний граждан, позволяющих избежать ошибок, делает решения более обоснованными. С помощью совместного контроля происходит повышение результативности проектов, а открытый диалог снижает социальную напряжённость и нивелирует конфликты.

Для населения эффективное взаимодействие приводит к росту доверия к органам власти, происходит рост активности. Видя, что их действия, мнения реально учитываются, граждане из объектов управления становятся субъектами, что способствует росту ответственности за принимаемые решения с обеих сторон. Для обоих партнёров возникает культура сотрудничества, основанная на диалогах, доверии и взаимной ответственности. Взаимодействие перерастает в институционализированное партнёрство власти, общества и бизнеса для достижения общих целей.

В настоящее время исследователями отмечается высокая степень декларируемой готовности населения участвовать в совместной деятельности по реализации общественно важных решений. Однако реальная степень участия граждан значительно ниже, т.к. горожане не имеют необходимого опыта в участии решения городских проблем. В свою очередь, власть также не готова отдавать инициативу в руки населения и действовать по-новому [1, с. 86–87].

Тем не менее, взаимодействие, основанное только на информировании и формальном учёте мнения, становится не востребованным, граждане отводят для себя в этом процессе более активную позицию. Так, на основе исследований было выявлено, что население высоко оценивает степень своего участия в решении социально значимых проблем и во взаимодействии с властью. Однако эксперты степень такого участия оценили значительно ниже [2, с. 58–57].

Заявленная активность граждан говорит о возрастании потребности в принятии участия в решении общественных вопросов. В этом случае, следует обратиться к понятию «субъектность», повышение которой ведёт к более качественному взаимодействию и управлению, делая его более гибким, устойчивым и легитимным.

Обсуждение. Результаты.

В общем виде понятие «субъектность» в рамках философии, психологии рассматривается как активное человеческое действие, связанное со способностью к самодетерминации, творческой инициативе, а также к рефлексии и принятию другого.

Британский психолог Р. Харре подчёркивает, что субъектной характеристикой является опреде-

лённая автономия, которая подразумевает некую свободу индивида от окружения [3].

Л.А. Стахнева отмечает, что субъектность является центральным образованием человеческой реальности, возникающим на определённом этапе развития и отражающимся в «самостоятельном жизнетворчестве, способности производить изменения в мире и в самом себе» [4, с. 349].

С точки зрения В.О. Богдановой, субъектность – это свойство быть агентом действия «её основой выступает интенциональный акт, который может включать дескриптивные интенции и целенаправленную коммуникативную активность субъекта» [5]. Универсальность данной категории позволяет разрабатывать исследователям различные концепции в психологических, социокультурных, политических, управленческих сферах [6].

Таким образом, субъектность имеет следующие специфические черты:

- осознанную активность;
- способность сознательно инициировать свою деятельность, рефлекссию;
- возможность свободы выбора;
- понимание и принятие другого;
- способность к изменению среды (агентность), ответственность.

С социологической точки зрения, субъективность рассматривается в социальном аспекте.

Т.А. Ольховая и Н.А. Гаврилова говорят о невозможности понимания субъектности только как внутренней характеристики личности, т.к. важным здесь становится взаимоотношения с другими людьми, социальными и государственными институтами, проявлением активности в различных сферах деятельности, наличие сильной гражданской позиции. Исследователи рассматривают субъектность как основу гражданской позиции и отмечают, что «чем выше уровень субъектности, тем больше уровень инициативы, мотивации активности, и как результат – большая включённость в процессы, происходящие в обществе» [7].

В своём исследовании А.А. Дарган рассматривает социальную субъектность как качество личности и как качество субъекта. Социальная субъектность, как качество личности, представляет собой способность самостоятельного выбора в социальных отношениях, планировать свою жизненную траекторию, а социальная субъектность, как качество субъекта показывает способность субъекта делать выбор в рамках социальных отношений и с помощью своей социальной деятельности активно его реализовывать [8].

Такой подход важно применять к групповой социальной субъектности, т.к. позволяет рассмотреть способность группы к активному преобразованию социальной реальности.

Таким образом, социальная субъектность населения – это возможность социальных групп выступать в качестве коллективного, осознанного и ответственного субъекта, способного влиять на общественную жизнь, формулировать общие цели и добиваться их реализации. В этом случае, субъектность предполагает возможность социальных групп не просто реагировать на возникающие проблемы, но самостоятельно формулировать направления развития.

Отличительной чертой субъектности является способность к самоорганизации, к солидарному действию через различные общественные организации, например, ТОСы, общественные движения.

Социальная субъектность проявляет себя в готовности и умении вести конструктивные диалоговые переговоры с властью, бизнесом, отстаивать свои интересы и брать на себя часть ответственности за развитие территории и участие в принятии управленческих решений.

Применительно к органу власти, также рассматривается его субъектность. В этом случае, она переходит из личностной плоскости в институциональную.

Субъектность органа власти — это институциональная способность государственного или муниципального органа выступать самостоятельным, ответственным и стратегически мыслящим актором.

В Конституции РФ в статье 10 закрепляется самостоятельность законодательной, исполнительной, судебной власти; в статье 132 – самостоятельность органов местного самоуправления. Также в пункте 3 этой статьи отмечается, что органы местного самоуправления и органы государственной власти составляют единую систему публичной власти и взаимодействуют для эффективного решения задач в интересах населения.

Органы публичной власти обладают рядом формальных признаков: регламентируются законом, имеют свою компетенцию, обладают суверенностью, несут ответственность перед населением.

Исследовательская активность в этой области, в основном, связана с правосубъектностью (конституционно-правовая субъектность, административная субъектность, финансово-правовая и др.) органа власти [9]. В этом случае, В.В. Эмих отмечает связь правосубъектности с определённой отраслью права в связи с необходимостью вступления в правоотношения какой-либо отрасли права [10, с. 429].

Однако правосубъектность является лишь частью общего понятия «субъектность публичных органов власти». Для нашего исследования необходимо рассматривать данный феномен в комплексе всех его особенностей.

Субъектность органа публичной власти можно связать со следующими характеристиками:

- с автономностью в пределах своей компетенции (правовая, финансовая, кадровая);
- со способностью к целеполаганию и стратегическому планированию (определяет проблемы своей территории, ставит приоритеты развития, определяет зоны ответственности);
- с наличием ресурсов и компетенций для выполнения поставленных задач;
- с публичной ответственностью за решения и их последствия перед населением, вышестоящими органами, правом;
- со способностью к рефлексии и адаптации, извлечению уроков из своей деятельности, причинно-следственных связей;
- со способностью к открытому взаимодействию с другими органами власти, институтами гражданского общества, отстаиванию поставленных задач.

Таким образом, субъектность органа власти — это его институциональная способность выступать самостоятельным, ответственным и стратегически действующим актором в системе публичного управления. Такая способность тесно связана не только с имеющимся формальным статусом, но и с его реальными возможностями и теми противоречиями, которые встречаются в общественном поле.

Мы видим, что субъектность населения и органа власти являются мощным началом для взаимодействия двух равноправных партнёров, взаимоотношение, которых строится не по модели субъект-объектных взаимодействий, а субъект-субъектных, что позволяет эффективно достигать цели социально-экономического развития страны.

А.А. Мерзляков определяет субъектность населения через систему взаимодействия органов власти и общества. В этом процессе важным для общества становится его способность к самоорганизации в качестве полноценного социального субъекта, а для органов власти – создание условий для проведения конструктивного диалога. Исследователь отмечает характер социальных отношений между властью и населением, суть которого зависит от социальных групп, которые являются реальными субъектами управления и задают тон развития общества, насколько они пользуются поддержкой населения и реальной субъектностью населения, которая заключается в способности через своих представителей ока-

зывать влияние на систему управления [11, с. 100].

Субъектность органа власти во взаимодействии с населением можно определить через ряд показателей.

Первым показателем следует выделить качество и результативность диалога. Он связан с организацией устойчивых каналов обратной связи между органами власти и учётом мнения населения при принятии решений. Площадки для диалогов должны быть реальными и постоянными. В формат диалога в составе рабочих групп и коллегиальных органов должны подключаться активные граждане, НКО.

Второй показатель – открытость и инициативность органов власти должен отражаться в активности информирования населения о планах и решениях органов власти по различным коммуникационным каналам, в регулярных отчётах о проделанной работе.

Третий показатель – влияние взаимодействия на реальные решения. Здесь должен быть конкретный результат деятельности, например, степень корректировки управленческих решений после получения обратной связи от населения, доля инициативных проектов, запущенных органом власти по заявке населения, измерение уровня доверия населения к органам власти.

Итак, субъектность органа власти во взаимодействии с населением проявляется, в первую очередь, через умение выстраивать диалог с обществом, основываясь на публичной ответственности. В настоящее время выстраивание таких диалогов идёт по различным каналам. Сюда относят институциональные каналы, связанные с работой с обращениями граждан, организация общественных приёмных и «горячих линий». Такой способ взаимодействия является необходимым для решения личных проблем граждан и может служить для корректировки планов органа власти.

Медийные каналы, связанные с пресс-конференциями, тематическими встречами с представителями органа власти позволяет информировать население о существующей повестке, проблемах, формируемых отчётах деятельности.

Современные цифровые каналы, такие как, «электронное правительство», сайты органов власти, социальные сети повышают оперативную коммуникацию, упрощают получение государственных и муниципальных услуг. Также можно выделить работу с организованными группами (волонтёрские группы, «круглые столы» с НКО, общественные слушания), которые используются для обсуждения и решения общественно значимых проблем.

По данным исследования, проведенного ВЦИОМ, при взаимодействии с органами власти

граждане выбирают следующие каналы коммуникации:

– электронные сервисы в сети интернет/ пользование официальными сайтами/ электронные сервисы в мобильных приложениях – 49 % / 35 % / 32 % (цифровые каналы);

– личное посещение органов власти/ использование «горячей линии» /направление обращений – 24 % / 23 % / 22 % (институциональные каналы);

– участие в общественных слушаниях, общественных мероприятиях – 20 % [12].

Наибольшей популярностью, как видим, пользуются цифровые каналы.

Однако использование таких каналов часто является неэффективным. Причинами здесь становится формализм в действиях органа власти, когда мероприятия проводятся для «галочки», и обратная связь никак не влияет на последующие решения. Также можно выделить неполное использование потенциала, когда каналы используются только для информирования, а не для получения обратной связи. В итоге, граждане определяют деятельность органов власти как неэффективную, а органы власти, хотя и ждут некой активности от граждан, часто воспринимают её через призму общего недовольства.

В этом случае можно выделить низкую субъектность органов власти, т.е. пассивность деятельности, т.к. полученная информация используется только для отчётов, организация диалогов только с лояльными социальными группами, при этом, реагируя на кризисы, власть не стремится для их решения привлечь активных граждан.

Данные выводы подтверждаются и рядом исследований.

Так А.А. Мерзляков отмечает следующие проблемы в организации взаимодействия власти и населения:

– в рамках общения через официальные сайты органов власти отсутствует возможность для граждан высказать своё мнение, оценку при организации мероприятий по благоустройству территории, дорожной инфраструктуры и т.д.;

– предлагается оценить лишь результат работы;

– отсутствует возможность организации дискуссии по реализации проектов.

На сайтах есть только формальные форматы для обратной связи: «диалоговое окно», электронная приёмная, интернет опросы об эффективности деятельности. При взаимодействии с населением мнения граждан, как правило, не учитывается, их мнение подаётся опосредованно через СМИ [13, с. 43–44].

Можно предположить, что в этом случае гражданам будут искать другие каналы для взаимодействия и проявления своей субъектности, например, через обсуждение существующих проблем в социальных сетях или участие в протестных движениях.

Так, А.М. Максимов, М.В. Ненашева, И.Ф. Верецагин в своём эмпирическом исследовании проблем взаимодействия власти и общества выявили, что пятая часть опрошенных респондентов основной формой коммуникационного взаимодействия с городскими властями для решения вопросов благоустройства городского пространства выбрали массовые акции и подписание петиций [14].

В исследованиях протестного настроения, проведённого ВЦИОМ, также отмечается, что для привлечения власти к острым проблемам 33 % респондентов готовы подписать обращения или петицию, а 14 % готовы принять участие в шествии, массовой акции протеста [15].

С другой стороны, нежелание власти строить конструктивный диалог с населением приводит к пассивности последнего и снижению его субъектности. Так, на вопрос о причинах отсутствия желания участвовать в общественной и политической жизни в 2021 году 16 % респондентов ответили, что их участие ничего не изменит, а 15 %, что это им не интересно. Однако в 2007 году доля таких ответов была значительно выше (29 % и 20 % соответственно), что косвенно может говорить о росте активности граждан [16].

Субъектность власти проявляется вместе с субъектностью населения, проявление которой оказывает влияние на эффективность взаимодействия. В этом поле задачей органа власти становится создание условий для диалога, а население должно показать способность к самоорганизации, формулированию запросов, что должно проявляться в готовности к участию в управлении в части участия в выборах, общественных слушаниях, созданию инициативных социальных групп, участию в опросах и в конструктивных взаимодействиях.

Анализируя субъектность населения при взаимодействии с органом власти, будем опираться на параметры определения субъектности, выделенные А.А. Мерзляковым. Учёным в ходе проведения эмпирического исследования был выявлен потенциал субъектности населения в связи с их готовностью к участию в разработке программы по улучшению работы системы управления в связи с реализацией национальных проектов. К такому взаимодействию с властью готовность показали 33 % опрошенных, что в рамках исследования определяется как высоким уровнем проявления субъектности населения [17, с. 224].

Одним из показателей проявления субъектности стало доверие к органам власти и управления:

– доверие к деятельности партий, вера в желание органов власти улучшить качество жизни населения (обеспечение законности и порядка, предотвращение катастроф, конфликтов, укрепление единства страны);

– уверенность в том, что реализация национальных проектов улучшит жизнь каждого гражданина).

Стоит отметить в этой связи, проведённые службой ВЦИОМ мониторинги. Так, больше всего уровнем доверия среди общественных институтов пользуются армия – 77,9 % ответов респондентов, РПЦ – 58,4 %, СМИ – 42,1 %, работа Общественной палаты – 39,6 %, деятельность политических партий – 33 % [18].

Граждане отмечают рост информированности в деятельности органов власти в части реализации национальных проектов – «знают хорошо» отметили 15 % респондентов и «что-то слышали» – 58 %; в августе 2024 года – в июне 2023 года этот процент составил 10 % и 54 % соответственно. Также гражданами отмечается позитивные изменения в ходе реализации национальных проектов и даётся высокая оценка росту количества онлайн – сервисов в сфере услуг – 89 %, благоустройству городской среды – 88 %, росту туристических предложений – 80 %, росту производства российской продукции – 79 % [19]. Данные результаты говорят о росте доверия граждан к власти.

Второй показатель субъектности был определён как активная жизненная позиция. Респонденты, проявившие субъектность, обладают активной деятельностью, сильной гражданской позицией, участвуют в общественной жизни (участвуют в деятельности общественных организаций, ходят на выборы, взаимодействуют с субъектами регионального развития). В 2021 году участие в выборах органов власти различного уровня отметили 22 %; в 2007 году этот показатель был значительно выше – 43 %. Участие в проведении избирательных кампаний: 2021 г. – 6 %, в 2007 г. – 10 %. Участие в деятельности общественных организаций – 4 % в 2021 и 2017 годах [20]. Здесь мы видим снижение политической активности.

Третья группа показателей была связана с социальными установками респондентов на взаимодействие с властью. Здесь определялся характер действий респондентов, проявивших субъектность при непосредственном взаимодействии с властью, способностью их объединяться в группы и выступать в качестве единого социального субъекта.

Следует выделить такие результаты мониторинга:

– подписание коллективных обращений, петиций – 8 % в 2021 году, в 2007 – 3 %;

– участие в коллективном благоустройстве подъездов, домов – 2021 – 24 %, 2007 – 15 %;

– сбор средств для людей, попавших в тяжёлое положение – 2021 – 20 %, 2007 – 10 %;

– участие в работе домового комитета, местном общественном самоуправлении – 2021 – 7 %, 2007 – 4 % [21].

Данные показатели говорят о росте инициативности граждан, коллективной самоорганизации, желании улучшения жизненного пространства; т.е. можно говорить о росте социальной активности граждан.

Интересный результат показали исследования, связанные с выбором характера действия населения при взаимодействии с органами власти.

А.А. Мерзляков отмечает, что при взаимодействии с властью 38 % респондентов выбрали позицию жёсткого давления при отстаивании своих интересов, 27 % высказались за поиск компромисса, 24 % выбрали стратегию ухода от конфликта и отказа от общения [22, с. 230].

О такой активной позиции граждан говорят и другие исследования, так А.М. Максимов, М.В. Ненашева, И.Ф. Верещагин определили, что граждане отдают предпочтение акциям прямого воздействия, такие как митинги, пикеты, подачи петиций и уделяют меньше внимания формализованным каналам связи – обращениям, общественным слушаниям [23, с. 87].

Такая позиция, вероятно, связана с отсутствием опыта выстраивать конструктивный диалог с органами власти и неверием в то, что орган власти прислушается к мнению населения и включает его в свою повестку для решения социально значимых проблем.

Субъектность органов власти при взаимодействии с населением оказывает на него влияние как в положительном, так и в отрицательном плане, может активизировать субъектность населения, а также понижать его уровень.

При положительном влиянии субъектности орган власти видит в населении полноправного партнёра, способного принять участие в решении общественных задач и проблем, создаёт площадки для взаимодействия и учёта мнения граждан, выстраивает эффективные правила взаимодействия, делегирует свои полномочия и использует аутсорсинг. Для воплощения партнёрского диалога власти создают целевые программы грантов, оказывают методическую поддержку, создают условия для развития НКО. Такие действия ведут к активизации граждан, к росту их субъектности, т.к. они понимают, что их мнение учитывается при решении важных жизненных вопросов, происходит рост доверия к власти.

При отрицательном воздействии субъектности происходит деформация гражданского общества, власть начинает поддерживать и вести диалог только с лояльными социальными группами,

создаются сложные бюрократические процедуры для взаимодействия, остаётся только формальное взаимодействие без реального учёта мнения граждан, власть формирует подконтрольные общественные структуры, возникает недоверие граждан к органам власти и созданным организациям. Лишение инициативы граждан, понижение их субъектности приводит к социальной апатии и атомизации, беспомощности в принятии решений для решения существующих общественных проблем – в одном случае, в другом – происходит повышение субъектности, но уже не в поле конструктивного взаимодействия с властью, а в поле противостояния, которое может выражаться в форме протестов, активных выступлений и митингов.

Заключение.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что субъектность органа власти и населения является активным началом для эффективного взаимодействия и сотрудничества в рамках принятия и реализации управленческих решений, касающихся наиболее важных социально значимых проблем.

Повышение субъектности как органа власти, так и населения ведёт к изменению системы управления с патерналистской на партнёрскую, основанную на субъект-субъектной модели взаимодействия.

В этой связи, улучшается качество управления. Решения становятся более обоснованными, легитимными и эффективными, так как учитывают реальные потребности и локальный опыт. Снижаются риски ошибок и протестов. Например, в рамках инициативного бюджетирования жители сами выбирают и контролируют проекты благоустройства, что повышает удовлетворённость жителей с одной стороны, а с другой – снижает риски нецелевого расходования средств.

Растёт уровень доверия к власти и социальный капитал, формируется культура сотрудничества и ответственности за общее пространство. Территория становится привлекательной для инвестиций за счёт активности граждан, стабильности, понятным правилам деловой активности. Власть получает обратную связь, с помощью которой происходит снижение вероятности возникновения кризисов, а общество получает реальные рычаги влияния.

Взаимодействие представляет собой необходимое условие как для реализации субъектности власти через получение легитимности и обратной связи, так и субъектности населения через обретение реального влияния.

Однако необходимо понимать, что повышение субъектности, само по себе, не является гарантией успеха выстраивания эффективных взаимоотношений, важным здесь является институализация такого взаимодействия. Для этого нужны реальные, а не декларируемые механизмы влияния общества на решения. В этом случае, представляет интерес, предложенный В.И. Де-

мяненко метод, позволяющий оценить развитие механизмов взаимодействия сторон, участвующих в региональном развитии, влияющих на субъектность группового субъекта. В качестве механизмов рассматриваются инициативное бюджетирование, государственно-частное партнёрство, добровольчество [24].

Также необходима прозрачность процедур и подотчётность власти на всех этапах деятельно-

сти. И самое важное – готовность управленческих элит делегировать часть управленческих полномочий и воспринимать население, общество как полноправного партнёра. В этом случае, синергия субъектности приведёт к формированию устойчивой системы соуправления, где ответственность за развитие территории, решение проблем разделена между властью, бизнесом и гражданским обществом.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Формирование комфортной городской среды: проблемы взаимодействия общества и власти при реализации приоритетных проектов на муниципальном уровне управления / А.М. Максимов [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 71–90. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6 EDN: GXXFDO
2. Мерзляков А.А. Феномен субъектности регионов в решении проблем реформирования отечественной системы управления // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 2(25). С. 48–65. DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.508 EDN: USMTOV
3. Harre R. Social being. Oxford: Blackwell, 1979. 246 p.
4. Стахнева Л.А. Понимание субъекта и субъектности в современной психологии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1. С. 345–349. EDN: MVXCFV
5. Богданова В.О. Философское осмысление феномена «субъектность» // Социум и власть. 2023. № 3 (97). С. 7–17. DOI: 10.22394/1996-0522-2023-3-07-17 EDN: VKKIVQ
6. Леонтьев Д.А. Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности // Эпистемология философия науки. 2010. Т. XXV № 3. С. 136–153. Марков А.С. Способность конструктивного разрешения конфликтов в воинских коллективах, как проявление субъектности офицеров / А.С. Марков, Ш.Р. Хисамбеев // Российский научный журнал. 2014. № 4. С. 181–186; Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-н/Д. : Феникс, 1996.
7. Ольховая Т.А. Субъектность как основа становления гражданской позиции студентов университета / Т.А. Ольховая, Н.А. Гаврилова // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 2. 257 с. EDN: VUCXVR
8. Дарган А.А. Развитие идей о способности субъекта к самостоятельному выбору и современная дискуссия о социальной субъектности // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 82–94. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.7 EDN: NCZLJA
9. Васильев С.А. Государство и его органы как субъекты конституционно-правовых отношений на современном этапе // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2(146). С. 92–95. Ивлиев П.В. Особенности правосубъектности органов публичной власти / П.В. Ивлиев, А.А. Сабанаев // Аграрное и земельное право. 2024. № 2(230). С. 181–183; Дондоков Ж.Д. Гражданская правосубъектность органов местного самоуправления // Юридические исследования. 2022. № 6. С. 12–21.
10. Эмих В.В. Правосубъектность и компетенция государственных органов: содержание понятий и их соотношение // Антиномии. 2009. Вып. 9. С. 423–431. EDN: MTWECZ
11. Мерзляков А.А. Проблема субъектности в социологии управления / А. А. Мерзляков // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 4(24). С. 95–104. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.4.6087 EDN: YQJUNZ
12. ВЦИОМ. Новости. Государство и общество в России: запросы, ожидания, надежды. 16 февраля 2018. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshhestvo-v-rossii-zaprosy-ozhi-daniya-nadezhdy> (дата обращения 21.01.2026).
13. Мерзляков А.А. Концептуальные основания исследования субъектности населения // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 4. С. 33–47. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-3 EDN: AFSHKS
14. Формирование комфортной городской среды: проблемы взаимодействия общества и власти при реализации приоритетных проектов на муниципальном уровне управления / А.М. Максимов [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 71–90. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6 EDN: GXXFDO

15. ВЦИОМ. Новости. Протестные настроения россиян: мониторинг. 11 декабря 2019 год 2018. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/protestnyie-nastroeniya-rossiyan-monitoring> (дата обращения 21.01.2026).
16. ВЦИОМ. Новости. Социальная и политическая активность россиян: мониторинг. 02.августа 2021 год. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения 21.01.2026).
17. Мерзляков А.А. Социологическое измерение субъектности населения в условиях реализации национальных проектов // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4(36). С. 221–237. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8616 EDN: CJUNUT
18. ВЦИОМ. Новости. Главные российские институты: общественная оценка. 26 ноября 2020 год. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/glavnye-rossiiskie-instituty-obshchestvennaja-ocenka> (дата обращения 21.01.2026).
19. ВЦИОМ. Новости. Национальные проекты: мониторинг. 09 сентября 2024. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnyie-proekty-monitoring-2> (дата обращения 21.01.2026).
20. ВЦИОМ. Новости. Социальная и политическая активность россиян: мониторинг. 02.августа 2021 год. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения 21.01.2026).
21. ВЦИОМ. Новости. Социальная и политическая активность россиян: мониторинг. 02.августа 2021 год. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения 21.01.2026).
22. Мерзляков А.А. Социологическое измерение субъектности населения в условиях реализации национальных проектов // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4(36). С. 221–237. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8616 EDN: CJUNUT
23. Формирование комфортной городской среды: проблемы взаимодействия общества и власти при реализации приоритетных проектов на муниципальном уровне управления / А.М. Максимов [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 71–90. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6 EDN: GXXFDO
24. Демьяненко В.И. Оценка субъектности участников взаимодействия по сокращению неравенства в российских регионах // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 3. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-9 EDN: WFYRHA

References:

1. Formation of a comfortable urban environment: problems of interaction between society and government in the implementation of priority projects at the municipal management level / A.M. Maksimov [et al.] // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2021. Vol. 14. № 1. P. 71–90. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6 EDN: GXXFDO
2. Merzlyakov A.A. The phenomenon of subjectivity of regions in solving the problems of reforming the national management system // Bulletin of the Institute of Sociology. 2018. Vol. 9. № 2(25). P. 48–65. DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.508 EDN: USMTOV
3. Harre R. Social being. Oxford: Blackwell, 1979. 246 p.
4. Stakhneva L.A. Understanding the subject and subjectivity in modern psychology // Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2010. № 1. P. 345–349. EDN: MVXCFV
5. Bogdanova V.O. Philosophical understanding of the phenomenon of «subjectivity» // Society and power. 2023. № 3(97). P. 7–17. DOI: 10.22394/1996-0522-2023-3-07-17 EDN: BKKIVQ
6. Leontiev D.A. What gives psychology the concept of a subject: subjectivity as a dimension of personality // Epistemology is the philosophy of science. 2010. Vol. XXV. № 3. P. 136–153; Markov A.S. The ability of constructive conflict resolution in military collectives as a manifestation of subjectivity of officers / A.S. Markov, S.R. Khisambeev // Russian Scientific Journal. 2014. № 4. P. 181–186; Petrovsky V.A. Personality in psychology: a paradigm subjectivity. Rostov-on/D. : Phoenix, 1996.
7. Olkhovaya T.A. Subjectivity as the basis for the formation of the university students' civic position / T.A. Olkhovaya, N.A. Gavrilova // Modern problems of science and education. 2016. № 2. 257 p. EDN: VUCXVR
8. Dargan A.A. The development of ideas about the subject's ability to make independent choice and the modern discussion about social subjectivity // Knowledge. Understanding. Ability. 2019. № 2. P. 82–94. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.7 EDN: NCZIJA
9. Vasiliev S.A. The state and its bodies as subjects of constitutional and legal relations at the present stage // Law and the state: theory and practice. 2017. № 2(146). P. 92–95; Ivliev P.V. Features of the legal personality of public authorities / P.V. Ivliev, A.A. Sabanaev // Agrarian and land law. 2024. № 2(230). P. 181–183. Don-dokov, J. D. The civil legal personality of local governments // Legal research. 2022. № 6. P. 12–21.
10. Emikh V.V. Legal personality and competence of state bodies: the content of concepts and their correlation // Antinomies. 2009. Iss. 9. P. 423–431. EDN: MTWECZ
11. Merzlyakov A.A. The problem of subjectivity in the sociology of management // Sociological science and social practice. 2018. Vol. 6. № 4(24). P. 95–104. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.4.6087 EDN: YQJUHZ
12. VTsIOM. News. The state and society in Russia: requests, expectations, hopes. February 16, 2018. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshhestvo-v-rossii-zaprosy-ozhidaniya-nadezhdy> (date of application 01/21/2026).

13. Merzlyakov A.A. Conceptual foundations of the study of the subjectivity of the population // Scientific result. Sociology and management. 2021. Vol. 7. № 4. P. 33–47. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-3 EDN: AF-SHKS
14. Formation of a comfortable urban environment: problems of interaction between society and government in the implementation of priority projects at the municipal management level / A.M. Maksimov [et al.] // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2021. Vol. 14. № 1. P. 71–90. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6 EDN: GXXFDO
15. VTsIOM. News. Protest sentiments of Russians: monitoring. December 11, 2019, 2018. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/protestnye-nastroeniya-rossijan-monitoring> (date of application 01/21/2026).
16. VTsIOM. News. Social and political activity of Russians: monitoring. 02.August, 2021. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (date of application 01/21/2026).
17. Merzlyakov A.A. The sociological dimension of the subjectivity of the population in the context of the implementation of national projects // Sociological science and social practice. 2021. Vol. 9. № 4(36). P. 221–237. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8616 EDN: CJUNUT
18. VTsIOM. News. The main Russian institutions: public assessment. November 26, 2020. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/glavnye-rossiiskie-instituty-obshchestvennaja-ocenka> (date of application 01/21/2026).
19. VTsIOM. News. National projects: monitoring. September 09, 2024. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-monitoring-2> (date of application 01/21/2026).
20. VTsIOM. News. Social and political activity of Russians: monitoring. 02.August, 2021. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (date of application 01/21/2026).
21. VTsIOM. News. Social and political activity of Russians: monitoring. 02.August, 2021. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (date of application 01/21/2026).
22. Merzlyakov A.A. The sociological dimension of the subjectivity of the population in the context of the implementation of national projects // Sociological science and social practice. 2021. Vol. 9. № 4(36). P. 221–237. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8616 EDN: CJUNUT
23. Formation of a comfortable urban environment: problems of interaction between society and government in the implementation of priority projects at the municipal management level / A.M. Maksimov [et al.] // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2021. Vol. 14. № 1. P. 71–90. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6 EDN: GXXFDO
24. Demyanenko V.I. Assessment of the subjectivity of participants in cooperation to reduce inequality in Russian regions // Scientific result. Sociology and management. 2023. Vol. 9. № 3. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-9 EDN: WFYRHA

Информация об авторе

Родюкова Татьяна Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры организационно-кадровой работы
в органах государственной власти,
МИРЭА – Российский технологический университет,
г. Москва
ORCID: 0000-0002-0553-0890
Rodiukova.T@yandex.ru

Tatiana N. Rodyukova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Organizational
and Personnel Work in Public Authorities,
MIREA – Russian Technological University, Moscow
ORCID: 0000-0002-0553-0890
Rodiukova.T@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.01.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewin 10.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-13>

УДК 316-053.5:791.228



Attribution

cc by

МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ

Усова Л.В.¹, Лабутина А.В.², Усов Е.А.³

^{1, 2}Кубанский государственный университет,

³Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

Аннотация. Современная мультипликация представляет собой значимый социокультурный феномен, активно влияющий на процессы социализации школьников. На основе теоретических и эмпирических методов авторы анализируют ключевые механизмы трансляции социальных норм и ценностных ориентаций, формирования культурной идентичности через анимационные фильмы. Эмпирическую базу исследования составили частично формализованные интервью школьников города Краснодара. Результаты демонстрируют доминирование зарубежной мультипликации, высокую степень автономии при выборе, а также значимое встраивание мультфильмов в повседневные практики подрастающего поколения. Выявлена противоречивость социализирующего воздействия. Анимация, на первый взгляд, выступает ресурсом для усвоения позитивных моделей поведения, но при этом создает риски интериоризации иностранных культурных кодов. Делается вывод о том, что необходимо развивать отечественную анимационную киноиндустрию как инструмент мягкой силы, повышать уровень медиаграмотности в семье и образовательных учреждений для формирования критического мышления.

Ключевые слова: социализация, мультипликация, предпочтения, школьники, анимационная индустрия, ценностные ориентации.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ANIMATION PREFERENCES OF MODERN STUDENTS AS A FACTOR OF SOCIALIZATION

Lyubov V. Usova¹, Anastasia V. Labutina², Evgeny A. Usov³

^{1, 2}Kuban State University,

³Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism

Abstract. Modern animation as a significant socio-cultural phenomenon actively influences the processes of socialization of school students. Based on theoretical and empirical methods, the authors analyze the key mechanisms of social norms and value orientations transfer, as also the formation of cultural identity through animation films. The empirical basis of the study was a survey of students in Krasnodar. The results demonstrate the dominance of foreign animation, a high degree of selection autonomy, as well as the significant integration of cartoons into the daily practices of younger generation. The inconsistency of the socializing effect is revealed. At first glance, animation acts as a resource for learning positive behaviors, on the other hand, it creates risks of internalizing foreign cultural codes. It is concluded that it is necessary to develop the domestic animation film industry as a tool of soft power, as also to increase the level of media literacy in the family and educational institutions for the formation of critical thinking.

Keywords: socialization, animation, preferences, school students, animation industry, value orientations.

Funding: Independent work.

Введение.

На сегодняшний день мультипликация является значимым и мощным средством, способным оказывать сильное влияние не только на детей, но и на взрослых.

Анимация включается в повседневные практики с детства, выступая в качестве значимого агента социализации, их воздействие распространяется на когнитивную и эмоциональную сферы, нормативно-ценностные ориентации ребенка.

Мультипликация отражает социальные нормы, показывает модели предпочтительного и нежелательного поведения, тем самым является для детей значимым источником получения информации об окружающем мире и может оказывать неоднозначное влияние.

В условиях возрастающего развития информационно-коммуникационных технологий, свободного доступа детей к мультфильмам различного формата и содержания, проблема их влияния на процессы социализации является актуальной и востребованной в теоретическом и практическом плане. Это утверждение доказывает необходимость более тщательного изучения вопроса влияния мультипликации и более внимательного отношения со стороны родителей по отношению к тому, какие именно мультфильмы они смотрят, какова частота просмотра, в чем заключается суть мультфильмов и как эта она демонстрируется на экране.

Обсуждение.

Изучению мультипликационных фильмов посвящены разные темы и сюжеты, которые вызывают интерес разноплановых исследователей: С.И. Карпова, Н.С. Муродходжаева, О.В. Цаплина, А.П. Каитов, Д.В. Назарова, В.П. Ткач, Н.И. Алешкин, И.А. Щукина, Е.В. Каргаполова, П.А. Березина, А.А. Лютик, М.С. Мишин и др.

При изучении потенциала мультипликации С.И. Карпова, Н.С. Муродходжаева, О.В. Цаплина, А.П. Каитов обращают внимание на интеграцию анимации в образовательные практики как социокультурный феномен, отражающий эволюцию медиасреды и ее влияние на институты социализации [1]. В исследовании подчеркивается роль мультипликационных фильмов как агента первичной и вторичной социализации, содействующая усвоению ценностно-нормативных комплексов и паттернов социального поведения у целевой возрастной группы.

Особо авторы выделяют мультфильмы как инструмент социальной инклюзии и реабилитации, способствующий интеграции детей с особыми потребностями в коллективные социальные практики. Ученые сигнализируют о считывании детьми действий главных персонажей в мультипликационных фильмах, об успешности обработки визуальной информации и «умении извлекать из нее более сложную информацию, необходимую для выполнения задания», «к тому же просмотр анимации запускает механизм пассивной обработки информации и вводит учащихся в заблуждение, что они правильно поняли смысл учебного материала» [1, с. 49].

Д.В. Назарова констатирует, что необходимо ответственно подходить к выбору мультипликации, а также заблаговременно отбирать и пристраивать их родителями, т.к. «мультипликационные фильмы – это современное наглядное средство обучения, которое способствует развитию умственных способностей детей, а также

стимулирует их к творческой деятельности. ... посредством мультфильма дети могут приобретать к социокультурным нормам общества, осознать такие важные понятия, как мораль и нравственность, хорошие поступки, сочувствие и сопереживание» [2, с. 229–230]. Следовательно, требуется создавать условия для создания высокого смыслового и ценностного наполнения анимационного материала.

В.П. Ткач рассматривает роль анимационных фильмов в социализации подрастающего поколения, а также их влияние на формирование ключевых социальных ориентиров и личностных ценностей. Особое внимание уделяется сложностям, которые возникают при профессиональной оценке ценностной составляющей данного вида медиапродукции. Автор использовала методику цветового теста отношений, т.к. использование традиционных методов в работе с детьми неэффективна, поэтому исследователи вынуждены использовать игровые приемы и методики, основанные на рисовании, помогающие проникнуть во внутренний мир ребенка [3].

В статье «Мультипликационный фильм как средство нравственного воспитания детей старшего дошкольного возраста» О.В. Куниченко обращает внимание на то, что «сюжеты мультфильмов и образы персонажей могут являться трансляторами нравственных норм» [4, с. 76], а нерегулируемый контакт с медиаконтентом, приводит к негативным эффектам социализации. Исследователь признает необходимость сопровождения в просмотре фильмов для формирования соответствующей интерпретации сюжета и образов, т.к. детям свойственна фрагментарность восприятия материала.

Е.В. Каргаполова с соавторами рассматривают детскую мультипликацию как мощное средство воспитания и формирования духовно-нравственных качеств у подрастающего поколения. Авторы, анализируя советско-российские мультипликационные фильмы с 1937 по 2024 г., с помощью контент-анализа выявили «преобладание у персонажей положительных качеств над отрицательными», «размыто представление об авторитете». У детского поколения формируется целеустремленность, упрямство при снижении способности к эмпатии, наблюдаются векторы индивидуализма, нарастающей атомизации, распада социальных связей, базирующихся на сопереживании [5].

Н.И. Алешкин и И.А. Щукина подчеркивают внимание на изучении скрытых или явно демонстрирующих враждебность и насилие мультипликационного контента современными детьми. Просмотр агрессивных мультфильмов у дошкольников значительно увеличивает проявление вербальной и невербальной враждебности в играх. Авторы подчеркивают, что регулярный просмотр мультипликационных фильмов агрессивного содержания снижает чувствительность детей к чужой боли и способствует формирова-

нию искаженных представлений о нормах общения [6].

Коллектив авторов из Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, анализируя предпочтения современных подростков в анимации, пришел к выводу о том, что современная медиасреда оказывает значительное влияние на детей особенно в младшей группе [7]. Ученые исследовали, как через выбор анимационных представлений (аниме, западные мультсериалы) подростки конструируют свою идентичность, групповую принадлежность и осваивают социальные нормы.

Вопрос о степени влияния мультфильмов на формирование личности у ребенка поднимается с момента появления мультипликации и обретает наибольшую актуальность в XXI веке. В эпоху, когда информационные технологии оказывают сильнейшее воздействие на общество и его отдельных членов, общественность, как никогда прежде, озабочена тем, что именно несут в себе продукты культурной индустрии и какое влияние она оказывает на социализацию подрастающего поколения.

Так, в 2015 году в общероссийском опросе, проведенном НИУ ВШЭ, приняли участие 1500 матерей, имеющих детей в возрасте до 3-х лет включительно [8]. По результатам опроса выявлено, что современные дети смотрят мультфильмы с самого раннего детства. Практически все респонденты – 95 %, отвечают, что их дети начинают смотреть мультфильмы в возрасте до двух лет, а 19 % матерей отмечают, что дети уже активно смотрят мультфильмы в возрасте от шести месяцев до года. Из этих данных следует, что уже к трем годам большая часть детей в российском обществе приобщена к просмотру мультфильмов, и они оказывают значительное влияние на детское развитие.

В 2016 г. в исследовании, проведенном ВЦИОМ, выявлено, что подавляющее большинство респондентов – 83 %, считает, что детей нужно воспитывать именно на советских мультфильмах. Эта доля высока не только среди людей старше 60 лет – 86 %, но и среди молодого поколения – 73 %, опрошенного в возрасте от 18 до 24 лет [9].

А в 2025 г. на Восточном экономическом форуме в ходе сессии «Будущее глобальной экономики идей и смыслов: конкуренция или коллаборации?» представители АЦ ВЦИОМ и Фонда Инносоциум отметили, что в ходе исследования представления россиян о «душе России» выявили, что мультфильмы отражают душу страны, отражают национальный характер, самосознание, патриотизм, доброту и юмор, что «делает нашу культурную идентичность уникальной» [10].

По данным Ассоциации анимационного кино России за последние двенадцать лет увеличилось в три раза количество участников рынка, занимающихся анимационным ки-

но. За последние два года в ассоциацию включена 21 компания. Указанные векторы позволили увеличить производство мультипликационных фильмов.

В условиях регулярного выпуска и трансляции мультфильмов различного формата и содержания, мультипликация превращается в инструмент «мягкой силы», с помощью которого продвигаются приоритетные темы, например, культура России, героизм участников СВО, кинолетопись, общество без границ, экранизация произведений русской классической литературы и т.д., что непосредственно оказывает влияние на процессы социализации подрастающего поколения.

Результаты.

С целью изучения мультипликационных предпочтений детей школьного возраста, было проведено частично формализованные интервью, позволившее изучить субъективные оценки школьников, касающиеся их общего отношения к мультфильмам, их специфику, а также характеристики любимых персонажей. Объектом анализа стали школьники (n = 35) города Краснодар в возрасте от 7 до 17 лет.

40 % опрошенных смотрят мультфильмы несколько раз в неделю, а 14,3 % респондентов смотрят их практически ежедневно. В совокупности, данные показатели свидетельствуют о том, что для каждого второго ребенка школьного возраста мультфильмы играют достаточно важную роль в повседневной жизни, а, значит, на процесс развития половины современных школьников мультипликация оказывает достаточно сильное влияние. При этом более трети опрошенных (37,1 %) смотрит мультфильмы несколько раз в месяц, а, значит, мультипликация влияет и на их процесс социализации, хоть и в меньшей степени.

На основе вышеупомянутых показателей, можно сделать вывод о том, что современные дети не только положительно относятся к мультфильмам, но и воспринимают их как неотъемлемую часть своей повседневной жизни, что и обуславливает высокую степень влияния, которое способна оказывать мультипликация на весь процесс развития школьников.

Анализируя результаты степени родительского контроля процесса просмотра мультфильмов школьниками, можно сделать вывод о том, что большая часть респондентов (62,9 %) предпочитает смотреть мультфильмы самостоятельно, без присутствия взрослых. При этом можно отметить, что данное наблюдение не зависит от возраста респондента – самостоятельно смотрят мультфильмы дети как 10-ти лет, так и 15-ти лет. 20 % опрошенных смотрят мультфильмы исключительно самостоятельно, около 1/5 опрошенных (17,1 %), чаще всего, смотрят мультфильмы с родителями. Никто из опрошенных не смотрит анимационные продукты исключительно в присутствии родителей.

Данные показатели свидетельствуют о том, что детям среднего школьного возраста родители дают достаточно большую свободу касательно выбора и просмотра мультфильмов их детьми. Это может свидетельствовать о высоком уровне самостоятельности современных детей. Также это может говорить о том, что среди родителей распространено мнение, что в среднем школьном возрасте дети уже способны самостоятельно и осознанно подходить к выбору мультфильмов. Однако данные показатели могут также свидетельствовать и о халатном отношении со стороны родителей, которые не способны контролировать свободное времяпрепровождение детей. Самостоятельный выбор мультфильма для просмотра со стороны детей может привести к тому, что дети будут смотреть мультфильмы, пропагандирующие насилие и иные негативные установки, и модели поведения.

Далее, нами были изучены наиболее часто просматриваемые и привлекательные для детей мультфильмы. Чаще всего, дети смотрят такие мультфильмы, как «Смешарики», «Фиксики», «Шрек», «Гравити Фолз», «Леди Баг и Супер-Кот», «Мадагаскар», «Барбоскины», «Зверополис», «Лунтик», «Миньоны», «Губка Боб», «Кот в сапогах», «Монстры на каникулах», «Рапунцель», «Три кота», «Ангел Бейби», «Винкс», «Время приключений», «Дамбо», «Дом», «Душа», «История игрушек», «Маша и Медведь», «Моана», «Мулан», «Простоквашино» и другие.

Можем заметить, что современные дети для просмотра выбирают как отечественные, так и зарубежные мультфильмы, как короткометражные, так и полнометражные. Однако, в общей совокупности дети, чаще всего, смотрят именно зарубежные мультфильмы.

При указании любимых мультфильмов школьники выбрали такие мультфильмы как «Смешарики», «Шрек», «Мадагаскар», «Гравити Фолз», «Леди Баг и Супер-Кот», «Лунтик», «Губка Боб», «Монстры на каникулах», «Душа», «Энканто», «Кунг-фу панда», «Барбоскины», «Зверополис», «Миньоны», «Кот в сапогах», «Рапунцель», «Человек-паук», «Головоломка», «Буратино» и другие.

Безусловно, наличие отечественных анимационных фильмов в числе любимых среди детей демонстрирует то, что среди подрастающего поколения есть интерес к отечественной мультипликации. Однако следует заметить, что большее число любимых детских мультфильмов является мультфильмами именно иностранного производства.

Преобладание продуктов зарубежного производства среди просматриваемой и предпочитаемой детьми мультипликации говорит о том, что наибольшее влияние на современных школьников способны оказывать именно идеи, транслируемые зарубежной, в первую очередь, обществу. Данный факт может повлиять на то, какие именно установки будут восприняты подраста-

ющим поколением, и как это отразится на их взаимодействии с другими людьми и окружающим миром в целом.

В условиях современных российских традиций перенятые из зарубежных мультфильмов идеи, установки и особенности поведения могут способствовать возникновению трудностей у детей в процессе коммуникации со сверстниками и взрослыми людьми. Это свидетельствует о том, что необходимо развивать отечественную индустрию художественной анимации.

Следующая группа вопросов позволила определить конкретные характеристики любимых детских мультфильмов. Большинство детей (42,9 %), больше всего, любит смотреть мультсериалы (короткие по времени многосерийные мультфильмы). При этом 31,4 % опрошенных высказались о том, что им больше нравится смотреть длинные многосерийные анимационные фильмы, которые выпущены в формате диалогий, трилогий и так далее. 27 % опрошенных выразили мнение о том, что предпочитают смотреть полнометражные мультфильмы, даже несмотря на то, что выпущена лишь одна часть.

В общей совокупности, более половины, опрошенных школьников любимыми считают именно полнометражные мультфильмы, что говорит о достаточно сильном влиянии на школьников продуктов киноиндустрии, транслируемых в кинотеатрах или на онлайн-платформах (в противовес многосерийным короткометражным мультсериалам, транслируемым преимущественно по телевидению и на онлайн-платформах).

Приведенные показатели вынуждают задуматься о том, что в современной киноиндустрии многие продукты создаются «под штамповку» (о чем говорили еще Т. Адорно и М. Хоркхаймер). Анимационные фильмы все реже несут в себе глубокий смысл и все чаще создаются лишь для «красивой картинки» и большей монетизации, поэтому необходимо более ответственное отношение к процессу производства мультфильмов.

Киноиндустриям следует обратить внимание не столько на количество выпускаемой анимации, сколько на ее качество. От того, какие именно послы несет в себе мультфильм, зависит и то, какие идеи, транслируемые в нем, усвоит подрастающее поколение.

На вопрос: «Тебе больше нравится смотреть российские мультфильмы или зарубежные?» больше половины опрошенных (51,4 %) ответили, что предпочитают смотреть именно зарубежную анимацию. При этом 40 % респондентов выразили мнение о том, что им нравится смотреть как отечественные, так и зарубежные мультфильмы. И 8,6 % предпочитают смотреть преимущественно российские мультфильмы.

В целом можно сказать, что число детей, которые любят мультики вне зависимости от страны-производителя достаточно велико. Однако, учи-

тывая тот факт, что более половины, опрошенных предпочитают смотреть именно зарубежные мультфильмы, наталкивает на мысль о проблемах, которые существуют на данный момент в российской киноиндустрии: малое количество действительно качественных и по сюжету, и по технической составляющей мультфильмов, штамповка уже однотипных многосерийных полнометражных мультфильмов.

Более половины опрошенных (54,3 %) предпочитают смотреть как современные, так и более «старые» мультфильмы. Это говорит о том, что половине детей не важна дата производства, если сюжет и качество изображения находятся на высоком уровне. При этом 45,7 % опрошенных смотрят преимущественно современную анимацию, отдавая предпочтение более ярким и остро сюжетным мультфильмам. Ни один из опрошенных не выбрал вариант ответа, касающийся просмотра преимущественно «старых» мультфильмов, что говорит о том, что современные дети, живущие в век информационных технологий, имеют интересы, отличные от интересов их родителей. Они привычны к быстрому и поверхностному мышлению, и воспринимать длительные и интеллектуально нагруженные картины для большей части детей становится все тяжелее.

Можно сделать вывод о том, что современные дети, по большей части, предпочитают смотреть полнометражные мультфильмы, преимущественно современные и зарубежные. Однако это не исключает того факта, что многие дети смотрят и отечественные, и более старые мультфильмы. Это говорит о том, что среди предпочтений детей нет единого общего мнения. Также это наводит на мысль о том, что необходимо все большее внимание уделять развитию отечественной киноиндустрии и повышать интерес детей к современным отечественным продуктам анимации.

Один из блоков вопросов был направлен на формирование образа любимого героя школьников с целью выявить основные характеристики, привлекающие современных детей. Любимые персонажи детей достаточно разнообразны. Нашлись респонденты, которые так и не смогли определиться с любимым героем, потому что у них его нет, либо потому что героев, наоборот, слишком много, а выбор лишь одного вызывает определенные затруднения. Как можем заметить, наибольшей популярностью пользуются такие мультперсонажи как Шрек («Шрек»), Леди Баг («Леди Баг и Супер-Кот»), Диппер («Гравити Фолз») и Майлз Моралес («Человек-паук: Через вселенные»).

При этом можно отметить, что все мальчики выбирают в качестве любимого персонажа героя мужского пола, в то время как девочки выбирают героев как женского, так и мужского пола. Это демонстрирует определенные гендерные разли-

чия в восприятии персонажей мультфильмов детьми разных полов.

Больше всего в мультгероях детей привлекают такие качества, как «забавный», «смешной», «веселый». Это свидетельствует о том, что, в первую очередь, и сами мультфильмы привлекают школьников именно из-за способности поднимать им настроение: забавные и смешные персонажи способны развеселить детей и дать им положительные эмоции, что и делает их наиболее привлекательными. Также дети положительно относятся к таким характеристикам, как «добрый», «умный», «интересный», «смелый». Здесь можно обратить внимание на то, что детей в большей степени привлекают именно внутренние качества героев, а не физические, такие черты, как «сильный», «могущественный» и «красивый» встречаются в ответах всего один раз.

Итак, можем сказать, что современным детям, преимущественно, нравятся персонажи более современных мультфильмов. К тому же, по большей части, школьников привлекают герои, которые могут их развеселить, несут легкость и доброту.

Следовательно, можно утверждать, что мультфильмы воспринимаются респондентами как один из механизмов социализации, так как они дают знания об окружающем мире и социуме, в частности, транслируют правила поведения, социальные нормы и установки.

Также некоторые респонденты отметили в современных мультфильмах интересный сюжет, красочность и проработанные детали. На основании этого, можно предположить, что современные дети проводят небольшое сравнение между современными и «старыми» мультфильмами и отмечают его развитие как в содержательном, так и в техническом плане.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что современные дети считают мультфильмы неотъемлемой частью своей жизни. Они осознают, что мультфильмы учат их «жизни», дают базовые социальные установки. Интересы современных школьников достаточно разнообразны, можно обратить внимание на то, что необходимо поддерживать интерес детей к продуктам отечественного анимационного кино, а для этого российской киноиндустрии следует большее внимание уделять детской мультипликации, её качеству и содержанию, поощрять новые таланты.

Заключение.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что мультипликация в современном мире сохраняет статус мощного социокультурного феномена, активно влияющего на процессы социализации подрастающего поколения. Мультипликационные фильмы прочно интегрированы в повседневные практики подрастающего поколения,

выступают для них значимым источником информации о социальных нормах, моделях поведения, ценностных ориентациях.

Данные исследования свидетельствуют о позитивном отношении респондентов к анимации и к ее высокой привлекательности как виде досуга. Для значительной части школьников просмотр мультфильмов является регулярным занятием, что объективно усиливает их потенциал как агента социализации, поэтому родителям необходимо наиболее серьезно отнестись к процессу просмотра анимации.

Выявлена тенденция к преобладанию в медиапотреблению школьников продуктов западного производства. Эта ситуация актуализирует вопрос о транслируемых через подобный контент культурных кодов, моделях поведения, которые могут вступать в противотечение с традицион-

ными российскими ценностями. Следовательно, имеется потребность в развитии отечественного анимационного кино, способного на качественном уровне конкурировать за своего зрителя.

Анализ результатов демонстрирует самостоятельность в просмотре контента, что указывает на риски неконтролируемого потребления. В таких условиях актуально повышение медиаграмотности в семье и в школе, о необходимости осознанного подхода к формированию мультпредпочтений.

Предпочтения современных школьников характеризуются жанровым и хронологическим разнообразием. Дети по-прежнему ценят такие положительные качества в героях, как доброта, чувство юмора, ум, смелость, что свидетельствует о запросе на содержательные и этически наполненные сюжеты.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Педагогический потенциал мультипликации в образовании детей дошкольного и младшего школьного возраста / С.И. Карпова [и др.] // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 6(212). С. 46–56. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-6-46-56 EDN: AIHWWB
2. Назарова Д.В. Мультфильмы как культурологический феномен современности // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 2(107). С. 229–231. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10377 EDN: RKYIWC
3. Ткач В.П. Влияние мультфильмов на социализацию детей // Социология. 2010. № 2. С. 199–206. EDN: LUGWFG
4. Куниченко О.В. Мультипликационный фильм как средство нравственного воспитания детей старшего дошкольного возраста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 7(82). С. 76–79. EDN: RTBLFL
5. Детская мультипликация как средство формирования духовно-нравственных качеств личности / Е.В. Каргаполова [и др.] // ЦИТИСЭ. 2025. № 2(44). С. 715–728. EDN: FJCDNN
6. Алешкин Н.И. Влияние мультипликационных фильмов агрессивного содержания на поведение детей дошкольного возраста / Н.И. Алешкин, И.А. Щукина // Сибирский психологический журнал. 2002. № 16–17. С. 56–61. EDN: VUBXAJ
7. Предпочтения современных подростков в анимации / Л.Ю. Савинова [и др.] // Комплексные исследования детства. Т. 5. № 2. С. 110–117. DOI: 10.33910/2687-0223-2023-5-2-110-117 EDN: GNR0MN
8. Шариков А. Мультфильм как явление играет важную роль в процессе социализации детей / А. Шариков, Ю. Айгистова // Коммерсантъ: [сайт]. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/2718286> (дата обращения 21.01.2026).
9. Мультфильмы нашего времени // ВЦИОМ: [сайт]. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/multfilmny-nashego-vremeni> (дата обращения 20.01.2026).
10. На ВЭФ-2025 АЦ ВЦИОМ и Фонд Инносотиум представили исследование о «душе России» в кино, мультфильмах и музыке // Ведомости: [сайт]. URL : https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/09/07/na-vef-2025-ats-vtsiom-i-fond-innosotsium-predstavili-issledovanie-o-dushe-rossii-v-kino-multfilmah-i-muzike (дата обращения 20.01.2026).

References:

1. Pedagogical potential of animation in the education of preschool and primary school children / S.I. Karpova // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2020. № 6(212). P. 46–56. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-6-46-56 EDN: AIHWWB

2. Nazarova D.V. Cartoons as a cultural phenomenon of modernity // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2019. № 2(107). P. 229–231. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10377 EDN: RKYIWC
3. Tkach V.P. The influence of cartoons on the socialization of children // Sociology. 2010. № 2. P. 199–206. EDN: LUGWFG
4. Kunichenko O.V. Animated film as a means of moral education of older preschool children // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2013. № 7(82). P. 76–79. EDN: RTBLFL
5. Children's animation as a means of forming spiritual and moral qualities of a personality / E.V. Kargapolova [et al.] // CITISE. 2025. № 2(44). P. 715–728. EDN: FJCDNN
6. Aleshkin N.I. The influence of animated films with aggressive content on the behavior of preschool children / N.I. Aleshkin, I.A. Shchukina // Siberian Psychological Journal, 2002. № 16–17. P. 56–61. EDN: VUBXAJ
7. Preferences of modern teenagers in animation / L.Yu. Savinova [et al.] // Complex studies of childhood. Vol. 5, № 2. P. 110–117. DOI: 10.33910/2687-0223-2023-5-2-110-117 EDN: GNROMN
8. Sharikov A. Cartoon as a phenomenon plays an important role in the process of socialization of children / A. Sharikov, Y. Aigistova // Kommersant: [website]. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/2718286> (date of application 01/21/2026).
9. Cartoons of our time // VTsIOM: [website]. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/multifilmu-nashego-vremeni> (date of application 20.01.2026).
10. At the WEF-2025, the VTsIOM Information Center and the Innosocium Foundation presented a study on the «soul of Russia» in films, cartoons and music // Vedomosti: [website]. URL : https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/09/07/na-vef-2025-ats-vtsiom-i-fond-innosotsium-predstavili-issledovanie-o-dushe-rossii-v-kino-multifilmah-i-muzike (date of application 01/20/2026).

Информация об авторах

Усова Любовь Викторовна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный университет
ORCID: 0000-0001-7699-5321
lyubov_soc@mail.ru

Лабутина Анастасия Вадимовна

магистрант,
Кубанский государственный университет
nastenkalabutina@mail.ru

Усов Евгений Андреевич

студент,
Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма
freebox2015@yandex.ru

Lyubov V. Usova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology,
Kuban State University
ORCID: 0000-0001-7699-5321
lyubov_soc@mail.ru

Anastasia V. Labutina

Master's Student,
Kuban State University state University,
nastenkalabutina@mail.ru

Evgeny A. Usov

Student,
Kuban State University of Physical Culture,
Sports and Tourism
freebox2015@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.02.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.02.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-24>
УДК 343.141



Attribution
cc by

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОТОКОЛИРОВАНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Ахметзянов Б.Р.

Севастопольский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена новому витку развития следственно-процессуальной деятельности, который характеризуется активным распространением достижений современного прогресса. Особенности протоколирования следственного действия по выявлению электронной и цифровой информации является то, что данный процессуально-следственный документ наделяется доказательственной силой и требует от следователя строгого соблюдения алгоритмизированного порядка обнаружения и закрепления не только сведений о преступлении, но и материального или цифрового носителя данной информации. Автором выделены процессуальные акты, которые фиксируют содержание электронных доказательств; акты, направленные на изъятие устройства, которое, само по себе, выступает в качестве орудия противоправной деятельности; акты, которые направлены на изъятие материальных носителей электронных доказательств. В статье раскрываются проблемы обеспечения сохранения персональных данных и тайны следственного действия. В статье анализу подвергнут дискуссионный вопрос о целесообразности оформления электронных протоколов следственных действий.

Ключевые слова: доказательства, доказательственная сила, информационная безопасность, информационные технологии, носитель информации, протокол, следственное действие, следственные органы, уголовное дело, цифровизация, цифровая информация, электронная информация, электронное доказательство.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE USE OF DIGITAL INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE RECORDING OF INVESTIGATIVE ACTIONS

Bulat R. Akhmetzyanov

Sevastopol State University

Abstract. The article is devoted to a new stage in the development of investigative and procedural activities, which is characterized by the active dissemination of achievements of modern progress. The peculiarities of logging investigative actions to identify electronic and digital information is that this procedural and investigative document is endowed with evidentiary force and requires the investigator to strictly follow the algorithmic procedure for detecting and securing not only information about the crime, but also the material or digital media of this information. The author identifies procedural acts that record the content of electronic evidence; acts that are aimed at seizing a device that itself acts as an instrument of illegal activity; acts that are aimed at seizing material carriers of electronic evidence. The article reveals the problems of ensuring the preservation of personal data and the secrecy of investigative actions. The article analyzes the debatable issue of the expediency of issuing electronic protocols of investigative actions.

Keywords: evidence, evidentiary force, information security, information technology, information carrier, protocol, investigative action, investigative authorities, criminal case, digitalization, digital information, electronic information, electronic evidence.

Funding: Independent work.

Введение.

Одними из актуальнейших и притом дискуссионных в современной уголовно-процессуальной

науке выступают проблемы правоприменительной следственной и судебной практики, возникающие в связи с цифровизацией документооборота и перспективами протоколирования

© Ахметзянов Б.Р.

следственных действий в эпоху цифровых технологий.

Большое число преступлений совершаются исключительно в информационной среде, а в качестве объектов посягательства могут выступать цифровые активы. Способы совершения преступлений также стали более разнообразными и изощренными.

Следственные действия могут быть направлены на выявление необходимой информации относительно преступлений, совершенных при использовании электронной и цифровой среды, что, в свою очередь, находит отражение на способах обнаружения и фиксации соответствующих средств доказывания. Вследствие этого, привычный формат следственных процедур и их протоколирования может быть не применим.

Технологии нового поколения сегодня – это технологии искусственного интеллекта, нейросетевые инструменты, которые в следственной деятельности способны ускорить обработку большого объема информации.

Востребованность обращения к технологиям искусственного интеллекта в доказывании по уголовным делам актуализировали существенное число авторов, среди которых следует указать В.А. Биляева [4, с. 63-68]. Автоматизация, как таковая, уже давно оптимизировала процедурные аспекты, охватив статистическую и иную учетную информацию. Автоматизирована нормативная часть работы следственных органов.

Что касается протоколирования следственных действий, то нейротехнологии способны оказать действенную и реальную помощь при составлении соответствующих процессуальных документов. Так, при описании места событий следователь может сформулировать голосовой запрос – промпт, в котором дать задание по описанию места совершения преступления, изложив основные визуальные точки. Однако полностью самоустраниться следователю при составлении протокола не удастся, поскольку он должен будет дополнительно проверить сгенерированный ответ и внести в него корректировки.

Ответственность за документ, полностью составленный нейросетевыми технологиями, лежит исключительно на следователе, подписавшем соответствующий протокол. В ином случае, при обнаружении ошибок в протоколе следственного действия, возникает дефект, влекущий утрату свойства допустимости.

Таким образом, преимущества использования информационных и цифровых технологий в рамках осуществления следственной деятельности неоспоримы.

Цель данного исследования заключается в осуществлении комплексного анализа правового регулирования применения информационных

цифровых технологий при протоколировании следственных действий, выявлении проблем и выработке предложений, направленных на их разрешение.

Для достижения заявленной цели использован формально-юридический метод, применение которого позволило выявить технико-юридические дефекты правового регулирования применения информационных цифровых технологий при протоколировании следственных действий, установить проблемы правоприменения и сформулировать рекомендации.

Практическая значимость исследования связана с теми выводами, к которым приходит автор в части предложения о разработке методических рекомендаций для следователей, где следовало бы изложить как общий понятийный аппарат, так и составить алгоритмизированные инструкции по использованию разнообразного функционала автоматизированной системы протоколирования.

Научная новизна исследования выражается в сформулированном авторском подходе к проблеме внедрения цифровых технологий не только непосредственно в следственную деятельность, но и, в особенности, в процесс их протоколирования.

Результаты.

В работе следственных органов востребованными являются различные способы автоматизации и обработки информации. Автоматизация уже давно ускоряет процесс составления протокольных документов. Например, при помощи алгоритмов «копировать файл», «вставить файл», а также в самом текстовом редакторе алгоритмы «копировать», «вставить», «найти и заменить» значительно оптимизируется процесс оформления протокола.

Следователь, как правило, имеет возможность, скопировав имеющийся у него готовый шаблон аналогичного протокола, внести в него необходимые корректировки и данные. Подобный формат значительно отличается от, имевшей место ранее, исключительно письменной формы, когда следователи в предоставленные им ведомством бланки вручную записывали всю необходимую информацию, дублируя в отдельных графах некоторые сведения.

Положительно следует оценить внедрение Автоматизированной системы в деятельность Следственного комитета РФ и его подразделений (СТРАС-СК).

Аудио и видео фиксация успешно применяется в работе следственных органов, а их результаты позволяют эффективно справляться с задачей установления обстоятельств противоправного деяния и вины лица, его совершившего. Фиксация визуальной информации успешно производится при помощи использования технологии трехмерного сканирования.

Функциональные характеристики 3D-сканирующих устройств способствуют не только упрощению работы следователя при осмотре места происшествия, но и повышают точность измеряемых параметрических данных.

М.Р. Глушков приводит аргументы в пользу использования технических средств при составлении протоколов, указывая на то, что в определенных обстоятельствах следователи ограничены в возможности досконально описать в протоколе все детализированные аспекты места происшествия и именно видеозапись поможет восполнить образовавшиеся пробелы [5, с. 18].

С.Д. Долгинов совместно с С.О. Луниным указывают на востребованность фотограмметрической съемки, в результате которой следователь получает более точные данные относительно пространственно-геометрического расположения объектов на месте преступления, а не только их визуализацию на фото и видеозаписи [7, с. 375].

Возвращаясь к особенностям протоколирования следственного действия по выявлению электронной и цифровой информации, следует подчеркнуть, что данный процессуально-следственный документ наделяется доказательственной силой и требует от следователя строгого соблюдения алгоритмизированного порядка обнаружения и закрепления не только сведений о преступлении, но и порядка изъятия материального или цифрового носителя данной информации.

В процессуальной литературе обнаруживается полемика о природе протокола в электронном виде, в рамках которой представлены контроверсионные интерпретации электронного протокола как электронного доказательства.

По мнению П.С. Пастухова, следует отказаться от традиционной формы ведения протокола следственного действия, заменив его видеозаписью [9, с. 195].

А.В. Гусев подчеркивает положительный эффект ведения протокола следственного действия в электронном виде, поскольку позволяет консолидировать криминалистическую и вербальную составляющие содержательной стороны следственного действия [6, с. 39].

Протокол следственного действия, с одной стороны, представляет собой носитель информации о фактах и действиях, извлеченных в процессе осуществления следователем доказательственно-изыскательской деятельности.

Протоколы следственных действий необходимо подразделить на процессуальные акты, которые фиксируют содержание электронных доказательств; акты, которые направлены на изъятие устройства, которое само по себе выступает в качестве орудия противоправной деятельности; акты, которые направлены на изъятие материальных носителей электронных доказательств.

В протоколе следственного действия, в котором описывается изъятие устройств, должны быть отражены все индивидуализирующие признаки данного технического устройства, его характеристики. Например, при изъятии смартфонов, планшетов, серверов и пр. указывается наименование типа устройства, модель, производитель, серийный номер, артикул (при его наличии).

Более сложным в процедурном аспекте является изъятие системного блока, поскольку последний представляет собой сложное техническое устройство составного типа, функционируемое при укомплектовании самостоятельными устройствами и изделиями, наличие которых обеспечивает работу самого устройства (процессор, блок питания, материнская плата, охлаждающие устройства и пр.). Описательные характеристики даются каждому входящему в комплект устройству в целях, оправданных объемом проверки и экспертизы, при условии, что только при таких параметрах обеспечивается функциональная эксплуатация системного блока, непосредственно выступившего в качестве инструмента противоправной деятельности.

В большинстве случаев, отсутствует необходимость столь тщательной проработки всех компонентов компьютерного устройства и следователям достаточно лишь общих параметрических данных.

В правоприменительной деятельности получило распространение использование электронных документов, юридическая сила которых никоим образом не нивелируется при обращении к электронному формату.

Полагаем оправданным внедрение в следственную деятельность процедурной возможности оформления протокола в качестве электронного документа, подписанного усиленной электронной подписью следователя. Здесь следует иметь в виду, что данный формат имеет смысл лишь при условии, что все участники следственного действия обладают возможностью подписать документ электронной подписью. Соответственно, либо у участников уже должны быть подтвержденные цифровые профили и иметься зарегистрированная усиленная квалифицированная электронная подпись, либо сам следователь должен обладать технической возможностью подписания протокола электронными подписями участников. Для этого необходимо оснастить следственные органы специальными планшетами, токенами и обеспечить соблюдение высоких стандартов информационной безопасности.

Соответственно, в структуре следственных органов необходимо наличие штатной единицы специалистов в области системной и информационной безопасности.

При этом в следственной деятельности следователи сталкиваются с лицами, которые намеренно отказываются от использования технических

устройств, и лицами, практикующими цифровое затворничество. В следственной деятельности возможно изъятие отказа в подписании протокола следственного действия участников, в отношении которого такое процессуальное действие произведено. При составлении электронного протокола следственного действия возникает потенциальное уязвимое место в части принципиального отказа участников подписания электронного документа при общем согласии подписания протокола в традиционном печатном виде.

Представляется, что в этом случае следователь должен зафиксировать отказ подписания протокола следственного действия.

В доктринальном дискуссионном пространстве возникает дилемма, связанная с разрешением вопроса о предоставлении права выбора участнику следственного действия определять формат протокола, который он должен подписать.

Полагаем, при введении электронного протокола следственного действия будет нецелесообразно и неоправданно полагаться на усмотрение такого лица и его осознанность. Подобная практика рискует серьезно затруднить работу следователя, принимая во внимание тот факт, что в ходе процессуальных действий могут быть вовлечены несколько лиц, изъясляющих диаметрально противоположные точки зрения.

Кроме того, возникает еще один дискутируемый аспект этого вопроса: Должно ли быть предоставлено такое же право выбора иным участникам – свидетелям – очевидцам, специалистам, понятым и пр.? Каждое из указанных лиц может руководствоваться своими субъективными мотивами при нежелании обращения к электронному формату, например, опасениями о сохранности собственных персональных данных, недоверием к цифровым профилям и т.д.

Именно поэтому, электронный формат протокола следственного действия должен быть закреплен в императивной норме уголовного процессуального закона, не позволяя ни следователю, ни иным участникам следственной деятельности вольно трактовать положения законодательства.

Электронный протокол следственного действия может быть подписан усиленной квалифицированной подписью следователя. Основная сложность, которая существует в настоящее время, связана с проблематикой подписания электронного процессуального акта электронной подписью понятыми.

В целях распространения использования современных цифровых возможностей в следственной деятельности, в частности, и в сфере их протоколирования, необходимо выработать механизм подписания следственного акта любыми гражданами, допускаемыми в качестве понятых, а также лицами, подпись которых в протокольном документе является обязательной.

Полагаем, что в этом случае от следователя потребуются в дополнение к его обычным должностным обязанностям производить манипуляции в качестве лица, администрирующего пользовательские возможности по использованию цифровых технологий иными субъектами, принимающими участие в следственном действии.

Одним из непростых вопросов остается невысокий уровень цифровой и электронной грамотности сотрудников следственных органов.

С.Д. Долгинов, С.О. Лунин в результате проведенного анализа приходит к аналогичным выводам [7, с. 375].

В целях внедрения цифровых технологий при проведении следственного действия и его протоколировании, необходимо осуществить разработку методических рекомендаций для следователей, где следует изложить как общий понятийный аппарат, так и составить алгоритмизированные инструкции по использованию разнообразного функционала автоматизированной системы протоколирования.

Обязательным является и периодическое (не реже одного раза в три года) прохождения обучения следователей по повышению их квалификации в части использования информационных ресурсов и возможностей искусственного интеллекта в следственной деятельности.

Обсуждение.

Анализ правовой сущности протокола следственного действия позволяет акцентировать его доказательственное значение [11, с. 36–46].

Согласно аргументированной позиции П.С. Пасухова, утверждавшего, что протокол, составляемый следователем при производстве следственного действия, ошибочно принимается в качестве первоначального доказательства, тогда как он носит исключительно производный характер [9, с. 194].

По мнению В.С. Шишкина, изложившего устоявшийся в уголовно-процессуальной науке подход, доказательственная сила свойственная лишь некоторым протоколам следственных действий, к которым не относят протоколы допросов и очных ставок [12, с. 372].

Данные сентенции взаимосвязаны между собой, поскольку применительно к протоколам допросов и очных ставок протокол лишь закрепляет имеющиеся личные доказательства, но не выступает в качестве самостоятельного средства доказывания.

Ряд авторов обращают внимание на проблему доказательно-интерпретационной квалификации приложений к протоколам следственных действий. Не оспаривая тот факт, что протокол следует признать самостоятельным видом доказательств, ученые-криминалисты, в частно-

сти, А.В. Гусев, критически комментируют саму возможность распространения доказательственной силы и на приложения к искомым протоколам [6, с. 38].

Дискуссионностью обладает и вопрос трактовки электронного протокола в качестве электронного доказательства. В этой связи, необходимо обратиться к категории «электронного доказательства».

В процессуальной доктрине в настоящее время сформирован внушительный пласт исследовательских работ, предмет центричности которых составляют электронные доказательства. При этом, следует выделить труды представителей как уголовной (Ю.И. Андреевой, А.А. Балашовой, А.С. Каменева, А.А. Количенко, А.И. Зазулина, К.В. Малыгина и др.), так и гражданской (А.Н. Балашова, С.П. Ворожбит, М.Г. Горелова, и др.) процессуальной отраслевых наук.

Оставаясь источником информации, электронное доказательство отличается и общей спецификой его формы, и процедурной составляющей, которая оказывает влияние на особенности выявления, закрепления и оценки такого вида доказательства.

В большинстве своём, правоведы обозначают реперные точки, среди которых выделяется носитель сведений, на котором фиксируется цифровая или электронная информация.

Согласно логическим суждениям А.И. Зазулина, необходимым атрибутом цифровой информации признается её носитель, который позволяет воспроизводить в двоичной системе кодирования. Применительно к следственным действиям, автор подмечает, что при совершении противоправных действий в цифровом пространстве представляется невозможным обращение к распространённым видам следственных действий – осмотру, и следует отдать предпочтение выемке цифровых носителей [8, с. 21].

По мнению Ю.И. Андреевой, существенным отличием электронных доказательств в ряду всех прочих является, во-первых, специфика объективной формы, в которой они существуют, и во-вторых, информация сама по себе представляет особый интерес для следственных и судебных органов, в связи с чем оправдано оперирование понятием «электронная информация» [3, с. 149].

Необходимо обратить внимание на отсутствие терминологического единства в части использования категории информации, содержащейся на электронном или цифровом носителе. В равной степени в научной литературе встречаются термины «электронная информация» (В.Е. Пономарев и др.) и «цифровая информация» (А.И. Зазулин и др.).

Значительный интерес для нас представляют тезисы В.Е. Пономарева, который аргументировал необходимость разграничения категорий

«электронный носитель информации» и «источник электронной информации» [10, с. 15]. В развитие данного тезиса, автор выделяет структуру доказательства, представленного в электронном виде, которая включает в себя последовательные компоненты: «электронный носитель информации», «файл» и «информация». По аргументации В.Е. Пономарева, фиксация электронной информации производится в файловой оболочке, а сам источник характеризуется файловой природой [10, с. 15].

Другой автор, Н.Г. Яковлева, высказывает аргументированную точку зрения о необходимости и целесообразности использования термина «цифровой носитель информации» [13, с. 120].

Представляется, что в техническом аспекте данный термин является более точным по сравнению с формулировкой «электронный носитель информации».

А.И. Зазулин разграничивает алгоритм собирания и алгоритм закрепления цифровой информации [8, с. 11].

Стоит согласиться с исследователем в том, что для фиксации и индивидуализирующего обособления информационного ресурса не обязательно изъятие всей компьютерно-инженерной системы. Электронная информация может быть зафиксирована на удалённом носителе – домене, сервере и в распространённых случаях существует сложность изъятия носителя – устройства. Поэтому следователи вправе ограничиться скриншотами и скринкастами – видеозаписями экрана и прочими криминалистическими приемами, позволяющими закрепить информацию о событии преступления и лицах его совершивших.

В настоящее время технические возможности криминалистов позволяют вычлнять непосредственный носитель информации и приобщать его к материалам следственного действия. Иной случай представляет собой оперативно-разыскная деятельность, которая требует от сотрудников органов, её производящих, безотлагательности. При производстве оперативно-разыскных действий по пресечению мошенничества в информационно-телекоммуникационной сети и иных составов киберпреступлений, обычно изымаются все компьютерные и цифровые устройства (ноутбуки, смартфоны, серверы, жесткие диски, видеокарты, роутеры и многое другое).

Заключение.

В рамках исследования новых объективных форм ведения протоколов следственных действий, напрашивается серьезный вопрос о целесообразности сохранения бумажной формы документов, фиксирующих ход следственного действия, принимая во внимание изложенные выше преимущества электронного и цифрового формата, возможностей видео и аудио фиксации.

Действительно, современные цифровые технологии и технологии искусственного интеллекта значительно упрощают работу следственных органов и повышают их эффективность.

Вместе с тем, при разрешении указанного вопроса необходимо мыслить стратегическим образом и ни в коем случае не идеализировать возможности технических устройств. Прежде всего, подчеркнем, что любая техника устаревает и может быть несовместимой с обновляемыми версиями. К примеру, спустя пятнадцать лет могут возникнуть значительные трудности с воспроизведением аудио или видео файлов старого формата.

Кроме того, еще одна сложность связана с хранением таких файлов. На каких серверах их следует размещать, какие облачные сервисы использовать, будут ли они доступны в новых реалиях?

Это лишь малая часть вопросов, которые возникают, если следовать идеям некоторых авторов, позиционирующих полный отказ от «бумажного» протокола и материалов уголовного дела в печатной форме. В настоящее время предусмотреть все аспекты обращения к соответствующим протокольным документам не представляется возможным.

Не праздным является, и проблема обеспечения сохранения персональных данных и тайны следственного действия. К сожалению, стоит констатировать, что облачные сервисы и базы данных следственных органов не отличаются повышенной защищенностью.

Для того, чтобы обеспечить информационную безопасность информационных ресурсов органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, необходимо, чтобы была развернута единая платформа с самыми серьезными инструментами, для управления которыми потребуются высоко квалифицированные кадры. Здесь, следует иметь в виду, что специалисты в области информационной безопасности экстрауровня претендуют на достойную оплату их труда, которая, как минимум, в десять раз превышает среднюю оплату труда сотрудника следственного органа. При этом специалисты в области цифровой и информационной безопасности признают, что невозможно полностью защитить информационные ресурсы и информацию, которая на них хранится. Данные аргументы должны иметь отрезвляющий эффект при излишней идеализации достижений современного прогресса.

Дополнительным аргументом против отказа от традиционных письменных и печатных форматов являются инфраструктурные риски, а именно - ставшие сегодня обыденными отключения сети Интернет, вероятность отключения от присоединенной электрической сети. В подобных ситуациях обращение к «устаревшим» письменным форматам будет единственным возможным решением проблемы.

Подводя итог вышеизложенному, следует сделать вывод о том, что законодательное закрепление процессуальных аспектов, связанных с ведением протокола следственных действий, является несовершенным и требует пристального внимания со стороны специалистов в области уголовно-процессуального права.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2025 г. № 535-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
2. Указ Президента Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. от 15 февраля 2024 г. № 124) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
3. Андреева Ю.И. Электронные доказательства в уголовном процессе // Закон и право. 2025. № 8. С. 147–152. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-8-147-152 EDN: HTHQNM
4. Биляев В.А. К вопросу о применении технологий искусственного интеллекта в доказывании по уголовным делам // Сборник материалов I Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией «Стратегии противодействия преступности в условиях изменяющейся реальности». М., 2024. С. 63–68.
5. Глушков М.Р. О соотношении протокола и технических средств фиксации хода и результатов следственного действия // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 4. С. 16–20. EDN: UZFFTA
6. Гусев А.В. Доказательственная эклектика результатов процессуальной и технико-криминалистической фиксации следственного действия // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 2 (64). С. 36–41. EDN: NSQDUV

7. Долгинов С.Д. Фиксация следственных действий и инновационные способы решения имеющихся проблем / С.Д. Долгинов, С.О. Лунин // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 365–380. EDN: KTNFMR
8. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу : автореф. дис. ... кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2018. 32 с. EDN: BPRQKQ
9. Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в состязательной системе уголовно-процессуальных доказательств // Общество и право. 2015. № 1(51). С. 192–196. EDN: TJYRQJ
10. Пономарев В.Е. Технично-криминалистическое обеспечение выявления и закрепления электронных доказательств : автореф. дис. ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2025. 22 с.
11. Россинский С.Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex Russica. 2017. № 10(131). С. 36–46. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.131.10.036-046 EDN: ZQMUQZ
12. Шишкин В.С. Особенности протоколов следственных и судебных действий как документального вида доказательств // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 370–373. EDN: NDLCWD
13. Яковлева Н.Г. Использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2024. № 4(80). С. 117–126. DOI: 10.26456/vtpravo/2024.4.117 EDN: NWAATB

References:

1. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation № 174-FZ of December 18, 2001 (as amended dated December 29, 2025, № 535-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (Part I). Art. 4921.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated December 10, 2019 № 490 «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation» (as amended dated February 15, 2024, № 124) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 41. Art. 5700.
3. Andreeva Yu.I. Electronic evidence in criminal proceedings // Law and Pravo. 2025. № 8. P. 147–152. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-8-147-152 EDN: HTHQNM
4. Bilyaev V.A. On the issue of the use of artificial intelligence technologies in criminal evidence // Collection of materials of the I International Scientific and Practical Conference dedicated to the celebration of the 10th anniversary of the reunification of Crimea with the Russian Federation «Strategies for combating crime in a changing reality». M., 2024. P. 63–68.
5. Glushkov M.R. On the relationship between the protocol and the technical means of recording the progress and results of the investigative action // Problems of law enforcement activity. 2020. № 4. P. 16–20. EDN: UZFFTA
6. Gusev A.V. Evidentiary eclecticism of the results of procedural and technical-criminalistic fixation of an investigative action // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2 (64). P. 36–41. EDN: NSQDUV
7. Dolginov S.D. Recording investigative actions and innovative ways to solve existing problems / S.D. Dolginov, S.O. Lunin // Perm Law Almanac. 2022. № 5. P. 365–380. EDN: KTNFMR
8. Zazulin A.I. Legal and methodological foundations of the use of digital information in proving a criminal case: abstract of the dissertation of the Candidate of Law. Yekaterinburg, 2018. 32 p. EDN: BPRQKQ
9. Pastukhov P.S. «Electronic evidence» in the adversarial system of criminal procedural evidence // Society and law. 2015. № 1(51). P. 192–196. EDN: TJYRQJ
10. Ponomarev V.E. Technical and criminalistic support for the identification and consolidation of electronic evidence: abstract of the dissertation of the Candidate of Law. Krasnodar, 2025. 22 p.
11. Rossinsky S.B. Protocols of investigative actions: problems of procedural form and evidentiary value // Lex Russica. 2017. № 10(131). P. 36–46. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.131.10.036-046 EDN: ZQMUQZ
12. Shishkin V.S. Features of protocols of investigative and judicial actions as documentary type of evidence // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2011. № 2. P. 370–373. EDN: NDLCWD
13. Yakovleva N.G. The use of digital evidence in criminal proceedings of the Russian Federation // Bulletin of Tver State University. The Pravo series. 2024. № 4(80). P. 117–126. DOI: 10.26456/vtpravo/2024.4.117 EDN: NWAATB

Информация об авторе

Ахметзянов Булат Робертович
аспирант,
Севастопольский государственный университет
bulatrob@yandex.ru

Bulat R. Akhmetzyanov
Postgraduate Student,
Sevastopol State University
bulatrob@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.02.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-17>

УДК 340.12



Attribution

cc by

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Иванов Г.Р.

Российский новый университет

Аннотация. В статье исследуются конституционно-правовые и организационные механизмы обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в условиях современных геополитических вызовов. Целью исследования является комплексный анализ взаимодействия конституционных норм, международно-правовых принципов и институциональных структур в системе защиты суверенитета. Методология исследования базируется на системном, нормативно-аналитическом и институциональном подходах. Результаты исследования показывают, что после конституционной реформы 2020 года Россия закрепила за собой приоритет национального права над международным, создав механизм конституционного контроля за решениями межгосударственных органов. Выявлено, что эффективность обеспечения суверенитета определяется координацией органов государственной власти, правоохранительных и военных структур, а также активным участием гражданского общества. Научная новизна заключается в обосновании концепции адаптивного силового механизма защиты суверенитета и определении роли гражданского общества как институционального субъекта обеспечения государственного суверенитета.

Ключевые слова: государственный суверенитет, конституционный контроль, международное право, Конституция РФ, правовая автономия, гражданское общество, национальная безопасность, геополитические вызовы.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CONSTITUTIONAL AND LEGAL MECHANISMS FOR ENSURING STATE SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF GEOPOLITICAL TRANSFORMATIONS

Georgiy R. Ivanov

Russian New University

Abstract. The article examines the constitutional, legal and organizational mechanisms for ensuring the state sovereignty of the Russian Federation in the context of modern geopolitical challenges. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the interaction of constitutional norms, international legal principles and institutional structures in the sovereignty protection system. The methodology is based on systemic, normative-analytical and institutional approaches. The results show that after the constitutional reform of 2020, Russia enshrined the priority of national law over international law, creating a mechanism for constitutional control over the decisions of interstate bodies. It was revealed that the effectiveness of ensuring sovereignty is determined by the coordination of state authorities, law enforcement and military structures, as well as the active participation of civil society. The scientific novelty lies in substantiating the concept of an adaptive power mechanism for protecting sovereignty and determining the role of civil society as an institutional subject of ensuring state sovereignty.

Keywords: state sovereignty, constitutional control, international law, Constitution of the Russian Federation, legal autonomy, civil society, national security, geopolitical challenges.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях трансформации международного правопорядка, усиления санкционного давления и роста гибридных угроз проблема обеспечения государственного суверенитета приобретает принципиальное значение для национальной безопасности Российской Федерации [21].

Государственный суверенитет как фундаментальный признак государства традиционно понимается через категории верховенства власти внутри страны и независимости во внешних отношениях. Однако современная международная практика демонстрирует, что классические доктрины суверенитета, сформулированные Ж. Боденом [1] и развитые в трудах отечественных правоведов Н.И. Палиенко [2], Г.Ф. Шершеневича [3], требуют переосмысления в контексте цифровизации, глобализации и нормативной конкуренции.

Как отмечает В.С. Никитина, теория суверенитета Жана Бодена, сформулированная в XVI веке, заложила основы современного понимания государственной власти как абсолютной и неделимой [24].

Н.И. Палиенко развил эту концепцию, подчеркнув историческую эволюцию идеи суверенитета и её правовое значение для формирования национальных государств

[2]. Г.Ф. Шершеневич, в свою очередь, рассматривал суверенитет через призму общей теории права, определяя его как верховенство государственной власти, не ограниченное никакой другой властью [3].

Конституционная реформа 2020 года не изменила базовый принцип верховенства Конституции Российской Федерации в национальной правовой системе, но институционализовала дополнительные механизмы защиты правовой автономии государства. В новой редакции статьи 79 Конституции РФ закреплено, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в России.

Тем самым, был создан механизм фильтрации внешних решений через призму конституционной идентичности, при сохранении верховенства Конституции как исходного начала российского правопорядка [10]. Это потребовало научного осмысления новых форм взаимодействия конституционного и международного права, роли институтов государственной власти и гражданского общества в системе обеспечения суверенитета.

Целью данной статьи является комплексный анализ конституционно-правовых и организационных механизмов обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в усло-

виях современных геополитических трансформаций.

Обсуждение.

Конституционные основы государственного суверенитета России: эволюция правовых подходов.

Конституция Российской Федерации закрепляет государственный суверенитет в качестве основополагающего принципа государственного устройства. Статьи 1, 4, 15 и 79 Конституции РФ формируют нормативную основу суверенитета, определяя его как верховенство государственной власти внутри страны и независимость во внешнеполитических отношениях [9].

Принципиальное значение имеет статья 4 Конституции РФ, согласно которой суверенитет Российской Федерации распространяется на всю её территорию, а Конституция и федеральные законы обладают верховенством на всей территории страны [9]. Данное положение не просто декларирует суверенитет, но устанавливает его территориальное измерение и нормативную иерархию, в которой национальное право занимает приоритетное положение.

До 2020 года российская правовая система основывалась на принципе приоритета международных договоров над национальным законодательством, закреплённом в части 4 статьи 15 Конституции РФ. Согласно прежней редакции, если международный договор устанавливал иные правила, чем предусмотренные законом, применялись нормы международного договора. Это соответствовало распространённой в европейском правовом пространстве концепции взаимодействия национального и международного права.

Однако конституционная реформа 2020 года существенно изменила баланс между международными обязательствами и национальными интересами. В новой редакции статьи 79 Конституции РФ закреплено, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации, не подлежат исполнению в России, если они противоречат Конституции РФ [11]. Это положение стало юридическим выражением концепции правового суверенитета, утверждающей верховенство Конституции в иерархии источников права.

Как отмечает М.В. Залоило, данная реформа отражает парадигмальный сдвиг в понимании соотношения национального и международного права, направленный на укрепление правовой автономии государства в условиях внешнего давления и политизации международных институтов [5].

Д.Г. Шустров подчеркивает, что конституционная идентичность и изменение конституции являются механизмами адаптации правовой системы к новым вызовам глобализации [25].

Россия, таким образом, закрепила механизм фильтрации международных норм через призму национальных конституционных ценностей, что стало ответом на вызовы глобализации и попытки навязывания универсальных стандартов в обход национальных интересов.

Роль Конституционного Суда РФ в защите государственного суверенитета.

Конституционный Суд Российской Федерации выступает ключевым институтом, обеспечивающим верховенство Конституции и защиту основ конституционного строя, включая государственный суверенитет. Согласно статье 125 Конституции РФ, Суд уполномочен разрешать дела о соответствии нормативных актов Конституции, включая международные договоры и решения межгосударственных органов [13].

После конституционной реформы 2020 года Конституционному Суду были предоставлены полномочия по оценке допустимости исполнения решений международных органов, если они противоречат основам конституционного строя или правам человека, гарантированным Конституцией РФ. Данный механизм стал инструментом защиты правовой автономии России, особенно в контексте решений Европейского суда по правам человека, которые нередко рассматривались как попытка вмешательства во внутренние дела государства.

В своей практике Конституционный Суд неоднократно подчёркивал, что международные обязательства не могут реализовываться в ущерб суверенитету и основам конституционного строя Российской Федерации. Так, в постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П Суд сформулировал концепцию конституционной идентичности, согласно которой Россия не может исполнять решения международных органов, противоречащие основополагающим принципам российского правопорядка [14].

Как отмечает В.Д. Зорькин, конституционная идентичность России представляет собой совокупность устойчивых, исторически обусловленных государственно-правовых характеристик, отражающих особенности национального конституционного строя и правовой культуры [4].

В.Т. Кабышев подчеркивает, что Конституционный Суд РФ как гарант конституционализма осуществляет не только правовую фильтрацию внешних норм, но и укрепление внутренней идентичности государства, основанной на традиционных ценностях, принципе народовластия и неделимости власти [28].

Таким образом, Конституционный Суд выступает не просто как арбитр в спорах о компетенции, но как гарант правовой автономии государства, формирующий доктринальные основы российского понимания суверенитета.

Следует разграничивать проверку конституционности международных договоров Российской Федерации и оценку возможности исполнения решений межгосударственных органов. Как и ранее, Конституционный Суд РФ вправе проверять на соответствие Конституции международные договоры до их вступления в силу, в том числе по запросам предусмотренных субъектов. В результате конституционной реформы 2020 года Суд получил дополнительное полномочие по разрешению вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ. Речь идет не о признании самих договоров неконституционными, а о предотвращении ангажированного применения договорных норм, внешне маскируемого под выполнение международных обязательств.

Международно-правовые аспекты обеспечения государственного суверенитета.

Принцип государственного суверенитета занимает центральное место в системе современного международного права. Он закреплён в Уставе Организации Объединённых Наций (1945), где прямо указано на то, что ООН основана на принципе суверенного равенства всех её членов [19]. Это означает, что каждое государство обладает равными правами и обязанностями, независимо от его политического строя, экономического потенциала или географического положения.

Дальнейшее развитие принцип суверенитета получил в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами (1970), которая закрепила фундаментальные нормы, включая суверенное равенство государств, неприменение силы, невмешательство во внутренние дела и право народов на самоопределение [20]. Декларация установила, что каждое государство имеет право свободно выбирать свою политическую, экономическую, социальную и культурную систему, а другие государства обязаны уважать этот выбор.

Однако практика международных отношений последних десятилетий показывает, что положения Декларации нередко подвергаются избирательному толкованию и нарушению. Экономические санкции, применяемые в обход механизмов Совета Безопасности ООН, военные интервенции под предлогом защиты прав человека, информационные кампании, направленные на дестабилизацию политических режимов, – всё это ставит под вопрос эффективность международно-правовых гарантий суверенитета.

Таким образом, отсутствие чётких юридических механизмов квалификации вмешательства, слабость санкционных процедур в отношении нарушителей, а также политическая ангажирован-

ность международных институтов снижают действенность международного права как инструмента защиты суверенитета. В условиях появления новых форм давления – кибератак, информационных операций, экономического шантажа – международное право нуждается в существенной актуализации и институциональном укреплении.

Организационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета: роль органов государственной власти.

Обеспечение государственного суверенитета требует не только нормативного закрепления, но и эффективной институциональной системы его защиты. В Российской Федерации такая система формируется на основе взаимодействия органов законодательной, исполнительной и судебной власти, правоохранительных и военных структур.

Президент Российской Федерации как глава государства и гарант Конституции играет ключевую роль в формировании стратегических направлений обеспечения суверенитета. Согласно статье 80 Конституции РФ, Президент определяет основные направления внутренней и внешней политики, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти [12]. В сфере национальной безопасности Президент возглавляет Совет Безопасности РФ, утверждает Стратегию национальной безопасности и принимает решения по ключевым вопросам обороны и безопасности [21].

Федеральное Собрание РФ обеспечивает нормативную основу защиты суверенитета, принимая федеральные законы в области национальной безопасности, обороны, противодействия терроризму и экстремизму. Особое значение имеет законодательство о стратегическом планировании [17], контроле за деятельностью иностранных агентов, защите информационного пространства.

Правительство Российской Федерации реализует государственную политику в области обеспечения суверенитета, координируя деятельность федеральных органов исполнительной власти. Ключевую роль играют Министерство обороны, Министерство внутренних дел, ФСБ России, Федеральная служба войск национальной гвардии, которые обеспечивают территориальную целостность, общественный порядок и защиту от внешних и внутренних угроз.

Особое место в системе защиты суверенитета занимают правоохранительные органы, которые обеспечивают правопорядок, противодействуют экстремизму, терроризму и коррупции – явлениям, подрывающим устойчивость государственной власти.

Прокуратура РФ осуществляет надзор за соблюдением законности, выявляя и пресекая дей-

ствия, направленные на подрыв конституционного строя.

Вооружённые Силы Российской Федерации выступают гарантом военной безопасности и защиты суверенитета от внешних угроз. Их деятельность регулируется Федеральным законом «Об обороне» [15], Военной доктриной РФ и Стратегией национальной безопасности [21]. В условиях роста военно-политических рисков и расширения НАТО значение военного компонента в системе защиты суверенитета существенно возрастает.

Эффективность указанных институтов определяется не только их полномочиями, но и степенью координации, оперативностью реагирования и качеством правового обеспечения. Необходимо формирование адаптивного силового механизма защиты государственного суверенитета, основанного на нормативной, институциональной и оперативной координации между ветвями власти и силовыми структурами в условиях гибридных угроз.

Федеральный закон «О безопасности» [16] определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общества и личности, права и обязанности граждан, государственных органов в данной сфере. Закон устанавливает систему безопасности и её функции, полномочия органов государственной власти в области обеспечения безопасности.

Несмотря на сформированный нормативный каркас, организационный механизм обеспечения суверенитета сталкивается с рядом проблем.

Среди них:

- дублирование функций отдельных органов;
- неоднородность правоприменительной практики;
- недостаточная интеграция инструментов стратегического планирования и оперативного управления рисками.

Это снижает скорость и согласованность реагирования на гибридные угрозы, в том числе в информационной и киберсфере.

В этих условиях нам представляется необходимым дальнейшее развитие концепции адаптивного силового механизма защиты суверенитета, предполагающего углублённую координацию деятельности Совета Безопасности РФ, силовых и правоохранительных структур, органов стратегического планирования и гражданского общества. Такой механизм должен опираться на единую систему оценки угроз, согласование решений в режиме реального времени и правовое обеспечение межведомственного взаимодействия.

Гражданское общество как институциональный субъект обеспечения государственного суверенитета.

Современное понимание обеспечения государственного суверенитета выходит за рамки исключительно государственных институтов.

Гражданское общество выступает важным элементом системы защиты суверенитета, обеспечивая общественный контроль, легитимацию государственной политики и формирование правовой культуры.

В российской правовой доктрине гражданское общество рассматривается как совокупность институтов, форм и механизмов самоорганизации граждан, функционирующих вне рамок государственной власти, но и в тесной взаимосвязи с ней.

Конституция РФ (статьи 13, 30) закрепляет идеологическое многообразие, свободу общественных объединений и право граждан на участие в управлении делами государства [9].

Как отмечает Ю.И. Скуратов, народный суверенитет развитого социализма представлял собой конституционную основу участия граждан в государственном управлении [6].

В.Н. Пяткин, анализируя современное состояние, рассматривает народный суверенитет как конституционно-правовую фикцию, требующую институционального наполнения [27].

Законодательные основы участия гражданского общества в обеспечении суверенитета формируют Федеральные законы № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [18]. Последний закрепляет механизмы общественного мониторинга деятельности органов власти, общественных проверок и общественных обсуждений, что позволяет гражданам участвовать в оценке эффективности государственной политики.

Роль гражданского общества в обеспечении суверенитета проявляется в нескольких аспектах.

Во-первых, оно осуществляет общественный контроль за деятельностью государственных органов, выявляя факты коррупции, злоупотреблений и неэффективности, что способствует укреплению доверия к власти.

Во-вторых, гражданские институты участвуют в формировании правовой культуры и гражданской идентичности, что особенно важно в условиях информационной войны и попыток манипуляции общественным сознанием.

В-третьих, общественные организации обеспечивают социальную стабильность, предотвращая конфликты и способствуя консолидации общества.

Особое значение имеет участие гражданского общества в противодействии гибридным угрозам. Общественные организации, волонтерские движения, патриотические объединения играют важную роль в информационной безопасности, выявлении и пресечении деструктивной деятельности иностранных агентов и экстремистских групп. Как отмечается в докладе Общественной палаты РФ, гражданское общество и защита суверенитета неразрывно связаны в условиях современных вызовов [23].

Т.В. Вербицкая подчеркивает, что участие общества в обеспечении национальной безопасности и обороны является конституционным правом и обязанностью граждан [7].

И. Радиков указывает на то, что гражданское единство россиян выступает фактором упрочения национальной безопасности, консолидируя общество вокруг общих ценностей и целей [8].

Совет Федерации РФ рассматривает гражданское общество как одну из основ суверенной демократии, обеспечивающую легитимность власти и устойчивость государственного развития [22].

Несмотря на развитие нормативной базы участия гражданского общества в обеспечении национальной безопасности (Федеральный закон № 212-ФЗ, специальные положения о общественных советах, публичных обсуждениях и т.п.), действующая модель взаимодействия государства и гражданских институтов характеризуется ограниченной степенью реального влияния общественного контроля на принятие решений. В ряде случаев, общественные структуры выполняют, преимущественно, консультативную или имитационную функцию, что ограничивает их потенциал в сфере предупреждения угроз суверенитету. Дополнительной проблемой выступает фрагментарность гражданской активности, её концентрация в крупных городах и недостаточная вовлечённость населения в стратегические вопросы развития и безопасности.

Указанные обстоятельства обосновывают необходимость концептуального обновления модели взаимодействия государства и гражданского общества в контексте обеспечения суверенитета.

Такое обновление должно включать:

- расширение реальных механизмов участия общественных институтов в стратегическом планировании;
- усиление прозрачности деятельности органов государственной власти;
- цифровизацию форм общественного контроля;
- развитие правового статуса гражданских организаций как партнёров государства в сфере национальной безопасности.

Результаты.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Конституционная реформа 2020 года существенно укрепила правовую автономию России, закрепив приоритет Конституции РФ над решениями международных органов и создав механизм конституционного контроля за их исполнением. Это стало ответом на политизацию международных институтов и попытки вмешательства во внутренние дела государства.

2. Конституционный Суд РФ играет ключевую роль в защите суверенитета, формируя правовую доктрину конституционной идентичности и обеспечивая фильтрацию международных норм через призму национальных конституционных ценностей.

3. Международно-правовые принципы суверенитета, закреплённые в Уставе ООН и Декларации 1970 года, сохраняют нормативное значение, однако их эффективность снижается из-за избирательного применения, отсутствия механизмов принуждения и появления новых форм давления (санкции, кибератаки, информационные войны).

4. Эффективность обеспечения государственного суверенитета определяется координацией органов государственной власти, правоохранительных и военных структур. Необходимо формирование адаптивного силового механизма, способного оперативно реагировать на гибридные угрозы.

5. Гражданское общество выступает институциональным субъектом обеспечения суверенитета, осуществляя общественный контроль, формируя правовую культуру и противодействуя информационным угрозам. Требуется усиление его роли через цифровизацию механизмов участия и интеграцию в систему национальной безопасности.

Заключение.

Обеспечение государственного суверенитета Российской Федерации в условиях современных геополитических трансформаций требует комплексного подхода, сочетающего конституционно-правовые, институциональные и социальные механизмы. Конституционная реформа 2020 года создала прочную правовую основу для защиты суверенитета, закрепив приоритет национального права и механизм конституционного контроля.

Роль Конституционного Суда РФ, органов государственной власти и правоохранительных структур является критически важной, однако их эффективность зависит от степени координации и адаптивности к новым вызовам.

Гражданское общество, выступая партнёром государства, способно обеспечить устойчивость правового порядка и консолидацию общества.

Дальнейшее развитие правовой концепции государственного суверенитета должно учитывать необходимость включения новых форм суверенитета (цифрового, экономического, экологического) в национальную правовую систему, что станет предметом последующих исследований.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Баязитова Г.И. Шесть книг о государстве. Перевод и комментарии / Г.И. Баязитова, Жан Боден // Европа: международный альманах. 2007. Вып. 7. С. 235–240. EDN: TKEOIJ
2. Палиенко Н.И. Суверенитет: историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: типография Губернского правления, 1903. 567 с.
3. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911. 698 с.
4. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4(58). С. 1–12. EDN: ZEINVX
5. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практич. пособие / М.В. Залоило Под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. 184 с. ISBN: 978-5-00156-059-3 EDN: VTEJSU
6. Скуратов Ю.И. Народный суверенитет развитого социализма. Конституционные вопросы: монография. Красноярск, 1983. 165 с.
7. Вербицкая Т.В. К вопросу об участии общества в обеспечении национальной безопасности и обороны // Теория и практика общественного развития. 2015. № 1. С. 66–68. EDN: TJGTUL

8. Радиков И. Гражданское единство россиян как фактор упрочения национальной безопасности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. Вып. 1. С. 122–137. DOI: 10.21638/spbu23.2024.111 EDN: GHRQDC
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Конституция Российской Федерации. Ст. 79 (ред. от 14.03.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Конституция Российской Федерации. Ст. 80 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Конституция Российской Федерации. Ст. 125 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996 № 61-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
16. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
17. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
18. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 № 212-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
19. Устав Организации Объединённых Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Официальный сайт ООН.
20. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций (принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи от 24 октября 1970 года) // Официальный сайт ООН.
21. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400) // Официальный сайт Президента РФ.
22. Гражданское общество как одна из основ суверенной демократии (блоги сенаторов, А.А. Клишас) // Официальный сайт Совета Федерации РФ.
23. Доклад 2020: Гражданское общество и защита суверенитета // Официальный сайт Общественной палаты РФ.
24. Никитина В.С. Теория суверенитета Жана Бодена / В.С. Никитина, Е.А. Чудаева // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2019. № 1(22). С. 129–133. EDN: JGSSNM
25. Шустров Д.Г. Конституционная идентичность и изменение конституции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 4. С. 21–49. EDN: GRTHLS
26. Хорунжий С.Н. Конституционная идеология российской идентичности: самобытный баланс конституционно защищаемых ценностей // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 2(24). С. 11–25. EDN: GLVJEB
27. Пяткин В.Н. Народный суверенитет как конституционно-правовая фикция / В.Н. Пяткин, А.А. Исаев // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2021. № 4. EDN: OJBIJS
28. Кабышев В.Т. 25 лет конституции Российской Федерации: итоги конституционного диалога // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2(127). С. 76–84. EDN: VDKJSE

References:

1. Bayazitova G.I. «Six books about the state» / G.I. Bayazitova, Jean Bodin; Translation and comments // Europe: an international almanac. 2007. Iss. 7. P. 235–240. EDN: TKEOIJ
2. Paliyenko N.I. Sovereignty: the historical development of the idea of sovereignty and its legal significance. Yaroslavl: Printing house of the Provincial Government, 1903. 567 p.
3. Shershenevich G.F. General theory of law. M. : Publishing house of the Bashmakov Brothers, 1911. 698 p.
4. Zorkin V.D. Constitutional identity of Russia: doctrine and practice // Journal of Constitutional Justice. 2017. № 4(58). P. 1–12. EDN: ZEINVX
5. Zaloilo M.V. Modern legal technologies in lawmaking: a scientific and practical guide / M.V. Zaloilo; Edited by D.A. Pashentsev. Moscow: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2020. 184 p. ISBN: 978-5-00156-059-3 EDN: VTEJSU
6. Skuratov Yu.I. National sovereignty of developed socialism. Constitutional issues : monograph. Krasnoyarsk, 1983. 165 p.
7. Verbitskaya T.V. On the issue of public participation in ensuring national security and defense // Theory and practice of social development. 2015. № 1. P. 66–68. EDN: TJGTUL
8. Radikov I. Civil unity of Russians as a factor in strengthening national security // Political expertise: POLITEX. 2024. Vol. 20. Iss. 1. P. 122–137. DOI: 10.21638/spbu23.2024.111 EDN: GHRQDC
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // ConsultantPlus.
10. The Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated 03/14/2020 № 1-FKZ «On Improving the regulation of Certain issues of the organization and functioning of public power» // SPS «ConsultantPlus».
11. The Constitution of the Russian Federation. 79 (as amended on 03/14/2020) // SPS «ConsultantPlus».
12. The Constitution of the Russian Federation. Art. 80 // SPS «ConsultantPlus».

13. The Constitution of the Russian Federation. Art. 125 // SPS «ConsultantPlus».
14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/14/2015 № 21-П «On the case of verifying the Constitutionality of the Provisions of Article 01 of the Federal Law «On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols» // SPS «ConsultantPlus».
15. Federal Law «On Defense» dated 05/31/1996 № 61-FZ (latest edition) // SPS «ConsultantPlus».
16. Federal Law «On Security» dated December 28, 2010 № 390-FZ (latest edition) // SPS «ConsultantPlus».
17. Federal Law «On Strategic Planning in the Russian Federation» dated 06/28/2014 № 172-FZ (latest edition) // SPS «ConsultantPlus».
18. Federal Law «On the Basics of Public Control in the Russian Federation» dated July 21, 2014 № 212-FZ (latest edition) // SPS «ConsultantPlus».
19. Charter of the United Nations (San Francisco, June 26, 1945) // Official website of the United Nations.
20. Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation between States in accordance with the Charter of the United Nations (adopted by General Assembly resolution 2625 (XXV) of October 24, 1970) // Official website of the United Nations.
21. National Security Strategy of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation dated July 02, 2021, № 400) // Official website of the President of the Russian Federation.
22. Civil society as one of the foundations of sovereign democracy (blogs of senators, A.A. Klishas) // Official website of the Federation Council of the Russian Federation.
23. Report 2020: Civil Society and the protection of sovereignty // Official website of the Civic Chamber of the Russian Federation.
24. Nikitina V.S. Theory of sovereignty by Jean Bodin / V.S. Nikitina, E.A. Chudaeva // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law. 2019. № 1(22). P. 129–133. EDN: JGSSNM
25. Shustrov D.G. Constitutional identity and constitutional amendment // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. 2020. № 4. P. 21–49. EDN: GRTHLS
26. Khorunzhiy S.N. The constitutional ideology of Russian identity: an original balance of constitutionally protected values. Elections. Power. 2022. № 2(24). P. 11–25. EDN: GLVJEB
27. Pyatkin V.N. National sovereignty as a constitutional and legal fiction / V.N. Pyatkin, A.A. Isaev // Scientific Review. International scientific and practical journal. 2021. № 4. EDN: OJBIJS
28. Kabyshev V.T. 25 years of the Constitution of the Russian Federation: the results of the constitutional dialogue // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. № 2(127). P. 76–84. EDN: VDKJSE

Информация об авторе

Иванов Георгий Романович

аспирант,
Юридический институт,
Российский новый университет (РосНОУ), г. Москва
mr.georgiyivanov@mail.ru

Georgy R. Ivanov

Graduate Student,
Law Institute,
Russian New University (RosNOU), Moscow
mr.georgiyivanov@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.02.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-4>
УДК 340



Attribution
cc by

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Калякин А.В.

*Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию феномена этнокультурной безопасности как ключевого фактора социальной стабильности в полиэтничном обществе. Анализируются теоретико-методологические подходы к определению данной категории, включая междисциплинарные концепции. В ней рассматриваются структурные компоненты этнокультурной безопасности: языковая политика, сохранение культурной самобытности, механизмы межэтнической интеграции. На примере коренных народов Севера раскрываются современные угрозы этнокультурной идентичности, связанные с социально-экономическими трансформациями. Особое внимание уделяется миграционной политике как инструменту регулирования этнокультурных процессов. Доказывается необходимость сбалансированного подхода, сочетающего защиту культурного разнообразия с обеспечением социальной интеграции. Формулируются конкретные свойства этнокультурной безопасности и практические рекомендации по её укреплению в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: этнокультурная безопасность, миграционная политика, культурная идентичность, межэтнические отношения, коренные народы, интеграция мигрантов.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ETHNOCULTURAL SECURITY: CONCEPT, ESSENCE AND CONTENT

Alexey V. Kalyakin

*Volga Region Institute of Management named After P.A. Stolypin
is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

Abstract. This article provides a comprehensive study of the phenomenon of ethnocultural security as a key factor of social stability in a multi-ethnic society. Theoretical and methodological approaches to defining this category are analyzed, including interdisciplinary concepts. The structural components of ethnocultural security are examined: language policy, preservation of cultural identity, and mechanisms of interethnic integration. Using the example of the Indigenous peoples of the North, contemporary threats to ethnocultural identity associated with socio-economic transformations are revealed. Particular attention is paid to migration policy as a tool for regulating ethnocultural processes. The necessity of a balanced approach combining the protection of cultural diversity with the ensuring of social integration is substantiated. Specific properties of ethnocultural security and practical recommendations for its strengthening in the context of contemporary challenges are formulated.

Keywords: ethnocultural security, migration policy, cultural identity, interethnic relations, indigenous peoples, migrant integration.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях глобализации и усиления миграционной мобильности проблема обеспечения социальной стабильности в полиэтничных обществах приобретает особую актуальность.

Одним из ключевых факторов, влияющих на эту стабильность, выступает состояние этнокультурной безопасности. Несмотря на растущий интерес научного сообщества, данный феномен остается сложным и недостаточно концептуализированным.

Целью данной статьи является теоретико-концептуальный анализ феномена этнокультурной безопасности как фактора социальной стабильности.

Для ее достижения ставятся следующие задачи:

- обосновать применение конструктивистского подхода в качестве методологической рамки;
- сформулировать авторское определение этнокультурной безопасности и выделить ее структурные компоненты;
- систематизировать ключевые угрозы на примере конкретных групп;
- проанализировать роль миграционной политики в контексте обеспечения этнокультурной безопасности.

Обсуждение.

В современной научной парадигме особое значение приобретает диверсификация методологических подходов к исследованию феномена этнокультурной безопасности. Примечательным представляется альтернативный взгляд на проблематику, представленный в фундаментальном научном труде «Миграция и безопасность в России».

Концептуальная позиция С. Панарина, являющегося одним из ведущих исследователей в области миграционных процессов и этнокультурной динамики, вносит существенный вклад в развитие теоретико-методологических основ анализа безопасности в этнокультурном измерении. Его подход отличается оригинальной интерпретацией базовых категорий и нестандартным методологическим инструментарием [1, с. 40]. В данной работе подчеркивается, что автор опирается на уже сформулированные интерпретации категории «безопасность», корректируя их применение к разнообразным социальным контекстам. При этом Панарин привлекает к анализу элементы теоретического осмысления из таких дисциплин, как антропология, социология и конфликтология, что позволяет ему выработать целостный подход к аспектам этнокультурной безопасности.

Важно отметить, что использование междисциплинарных подходов предоставляет возможность с большей глубиной и многогранностью рассмотреть сложные социальные явления, интегрируя накопленный опыт и знания, что, в свою очередь, способствует более точному и адекватному пониманию динамики этнокультурных процессов и связанных с ними проблем в контексте современных вызовов и рисков.

В свою очередь, В.И. Мукомель под «этнокультурной безопасностью понимает состояние устойчивого функционирования и развития культур народов, исторически проживающих совместно на общей территории» [2, с. 21].

Соответственно, этнокультурная безопасность представляет собой важный аспект стабильности общества, который достигается через анализ и предсказание этнокультурных изменений, происходящих в пределах определённого государства или его регионов.

Для успешного обеспечения этой безопасности необходимо не только предвидение тенденций, связанных с этнокультурными процессами, но и активное содействие реализации прав, касающихся этнической самобытности как отдельных индивидов, так и целых этнических коллективов.

Важную роль в этом играет также формирование и осуществление государственной политики, направленной на поддержку национальной культуры, управление миграционными потоками и соблюдение демографических интересов, что в совокупности создает условия для гармоничного сосуществования различных этнических групп и культурных традиций.

В контексте современных научных исследований, особую актуальность приобретает необходимость чёткой дефиниции фундаментальных понятий, лежащих в основе различных отраслей знания. Одним из таких ключевых понятий является категория «безопасность», требующая детального теоретико-методологического осмысления. Категориальный анализ данного термина позволяет выявить его сущностные характеристики, которые отражают глубинные процессы социального развития. Безопасность как многоаспектное явление представляет собой не просто абстрактную концепцию, а конкретную социально-правовую реальность, определяющую качество функционирования различных объектов и субъектов общественных отношений [3, с. 48].

В современном социуме поддержание состояния безопасности и стабильности требует создания и развития комплексной институциональной инфраструктуры, выступающей фундаментальной основой функционирования общественных систем.

Главным аспектом этнокультурной безопасности является предотвращение конфликтов, которые могут возникнуть из-за этнических или культурных разногласий. Для этого необходимо формировать позитивное восприятие разнообразия как ценности, способствующей развитию общества в целом. Этнокультурная безопасность также включает в себя правовые механизмы, регулирующие взаимодействие между различными группами, а также мероприятия, направленные на защиту интересов меньшинств и предотвращение дискриминации.

Среди ключевых компонентов этой безопасности можно выделить поддержку культурной самобытности, образование, которое поощряет взаимопонимание и уважение к различиям, а также активное участие этнических групп в политических и социальных процессах.

В структуре этнокультурной безопасности можно выделить несколько фундаментальных компонентов, формирующих её содержательное наполнение и определяющих механизмы функционирования данного феномена в современном социуме. Языковая составляющая выступает первостепенным элементом этнокультурной идентичности. Язык представляет собой не просто средство коммуникации, но и концентрированное выражение национального самосознания, хранитель исторической памяти народа.

Таким образом, этнокультурная безопасность формируется на пересечении различных сфер общественной жизни, где каждый компонент вносит свой вклад в обеспечение целостности и устойчивости этнокультурного пространства, способствуя гармоничному развитию многонационального социума.

Соответственно выявляется значимость культурных процессов, их влияние на формирование общественных отношений и проявление общности среди различных этнических групп, что, в свою очередь, может оказывать существенное воздействие на стабильность и развитие общества в целом.

Этнокультурная идентичность, являясь результатом взаимодействия вышеуказанных параметров, становится неотъемлемым фактором, определяющим устойчивость этнокультурных систем и способствующим гармоничному сосуществованию множества идентичностей внутри единого социального пространства [4, с. 104].

В современном социуме культура проявляет себя, преимущественно, через призму этнических форм, обретая уникальные черты в каждом конкретном сообществе. Локализация культурных проявлений выступает фундаментальным механизмом сохранения самобытности этноса, обеспечивая преемственность поколений и устойчивость социальной системы.

В рамках данного исследования обосновывается целесообразность применения конструктивистского подхода для анализа этнокультурной безопасности в современных условиях.

В динамичном, информационном обществе центральным объектом защиты и управления становится этнокультурная идентичность как социально конструируемый феномен. На основе анализа существующих в отечественной науке подходов предлагается авторское определение этнокультурной безопасности как состояния защищенности и условий для устойчивого функционирования и развития этнокультурных общностей, обеспечивающих сохранение их идентичности, основанной на языке, духовности, исторической памяти и традиционном укладе, в контексте мирного диалога и взаимообмена в многонациональном социуме. В структуре данного феномена выделяются следующие ключевые компоненты: языковой, духовно-ценностный, иден-

тификационный (самосознание) и хозяйственно-экономический.

Для иллюстрации спектра угроз этнокультурной безопасности можно обратиться к ситуации коренных малочисленных народов Севера России, чей традиционный уклад демонстрирует признаки кризиса воспроизводства.

Данная модель кризиса может быть обусловлена комплексом исторических, экономических и политических факторов, среди которых следует выделить:

- территориальные ограничения и изъятие земель;
- форсированную интеграционную политику без учета этнокультурной специфики;
- экономические изменения, подрывающие традиционные формы хозяйствования;
- культурную трансформацию, ведущую к размыванию идентичности.

Социальные последствия (такие как рост алкоголизации, преступности, разрушение семейных институтов), в данном контексте, требуют системного анализа с обязательным учетом сопутствующих факторов: бедности, доступности услуг, исторической травмы и институциональных барьеров. При этом отсутствие достоверных и репрезентативных статистических данных, четко указывающих источники и методику сбора, остается серьезной проблемой для точной диагностики масштабов явления.

В современной России особенно остро проявляются проблемы этнокультурного воспроизводства среди отдельных групп населения, находящихся в кризисном состоянии. Наиболее показательным примером служат коренные народы северных территорий, чья традиционная жизнедеятельность оказалась под угрозой исчезновения в результате масштабных социально-экономических трансформаций.

Ключевыми факторами деградации традиционного уклада стали:

- **территориальные ограничения** изъятие земель, исторически используемых для ведения традиционного хозяйства;
- **государственная политика** форсированная интеграция в индустриальное общество без учёта специфики этнокультурного развития;
- **экономические изменения** разрушение традиционных форм хозяйствования;
- **культурная трансформация** размывание этнокультурной идентичности.

Количественные показатели кризиса впечатляют своей драматичностью. Статистические данные свидетельствуют о том, что менее половины представителей этих народов сохраняют

владение родным языком. Это является индикатором глубоких процессов культурной ассимиляции и утраты этнокультурной самобытности.

Социальные проблемы коренных народов Севера проявляются в следующих аспектах:

- в росте алкоголизации населения;
- в увеличении уровня преступности;
- в разрушении традиционных семейных ценностей;
- в утрате межпоколенческой преемственности;
- в деградации социальных институтов.

Примечательно, что ситуация с более крупными этническими группами, обладающими развитой социальной структурой и экономическим потенциалом, развивается по несколько иному сценарию. Однако это не означает отсутствия проблем требуется системный исследовательский подход для выявления специфических вызовов, стоящих перед этими народами.

При текущем анализе целесообразно обратить внимание на конкретные вызовы, угрожающие этнокультурной безопасности личности в контексте современных тенденций миграционного движения в Российской Федерации. На сегодняшний день Россия демонстрирует положительное миграционное сальдо практически со всеми новыми независимыми государствами, что свидетельствует о развитии миграционных процессов, однако, преобладающий поток мигрантов в ее пределы формируется преимущественно из Центральной Азии, включая особенно Казахстан, а также из Украины и Закавказья [5, с. 65].

В контексте выявления и углубления демографических проблем, с которыми сталкивается Российская Федерация, настоятельно ощущается необходимость принятия многоплановых мер, направленных на стабилизацию численности населения. Так, летом 2006 года Президент Российской Федерации В.В. Путин акцентировал внимание на важности активизации процессов возвращения соотечественников на родину [6].

В соответствии с приоритетными задачами государственной политики в сфере поддержки соотечественников за рубежом, была инициирована комплексная программа репатриации. Данный проект был разработан на основании стратегических поручений высшего руководства страны и направлен на содействие добровольному возвращению граждан Российской Федерации, временно проживающих за пределами Отечества.

В данном контексте, возникает настоятельная необходимость в установлении четких правовых механизмов, предоставляющих гарантии легитимного пребывания мигрантов на территории Российской Федерации. Соответственно, пред-

лагается разработка и внедрение эффективных мер, направленных на развитие системы национально-культурной автономии и адаптацию мигрантов, что, в свою очередь, может способствовать минимизации проявлений различных девиантных поведенческих форм, включая криминальные.

Анализ современных вызовов требует учета трансформации самого дискурса безопасности, который все чаще смещается от исключительно государственно-центричной модели к антропоцентричной, фокусируясь на безопасности личности и сообществ. В этом контексте, возрастает значимость «мягких» угроз, связанных с символическим насилием, медиатизацией образов «Другого» и эрозией публичного пространства для межкультурного диалога.

В современных исследованиях подчеркивается, что в цифровую эпоху ключевым полем конструирования этнокультурной (не)безопасности становятся социальные сети и медиаплатформы, где формируются и поляризуются коллективные идентичности, а локальные инциденты могут мгновенно приобретать масштаб общенациональных кризисов.

Таким образом, обеспечение этнокультурной безопасности сегодня невозможно без регулирования информационно-коммуникационной среды и развития медиаграмотности, способствующей критическому восприятию контента.

Результаты.

На основе сравнительного анализа в изучении этноса обоснована целесообразность применения конструктивистского подхода для анализа этнокультурной безопасности в современных условиях.

Установлено, что в динамичном, информационном обществе центральным объектом защиты и управления становится этнокультурная идентичность как социально конструируемый феномен, а не имманентные биологические или ландшафтные характеристики.

Проанализированы существующие в отечественной науке подходы и сформулировано авторское определение этнокультурной безопасности как состояния защищенности и условий для устойчивого функционирования и развития этнокультурных общностей, обеспечивающих сохранение их идентичности, основанной на языке, духовности, исторической памяти и традиционном укладе, в контексте мирного диалога и взаимобмена в многонациональном социуме.

Выделены и проанализированы ключевые структурные компоненты этнокультурной безопасности: языковой, духовно-ценностный, идентификационный (самосознание) и хозяйственно-экономический.

На примере коренных малочисленных народов Севера выявлена модель кризиса этнокультур-

ного воспроизводства, обусловленная комплексом исторических, экономических и политических факторов.

Исследована дифференциация миграционных потоков в РФ (репатрианты, мигранты из стран СНГ, мигранты из дальнего зарубежья) и доказано их неоднородное воздействие на этнокультурную безопасность.

Установлено, что наибольший интеграционный потенциал и минимальные риски связаны с миграцией из стран постсоветского пространства благодаря общей историко-культурной основе.

Современные миграционные исследования отвергают линейные модели ассимиляции, предлагая вместо них концепции сложной, многомерной интеграции, учитывающей взаимную адаптацию принимающего общества и мигрантов. Интеграция рассматривается не как односторонний процесс, а как динамика, затрагивающая экономическую, социальную, культурную и политическую сферы.

В этом свете, миграционная политика, ориентированная на этнокультурную безопасность, должна выходить за рамки патерналистской логики «адаптации приезжих». Ее задача - создание инклюзивных институтов, обеспечивающих равный доступ к правам и услугам, борьбу с институциональной дискриминацией и поддержку гражданских инициатив, направленных на межгрупповое взаимодействие.

Заключение.

Проведенное исследование подтвердило высокую теоретическую и практическую значимость

проблемы обеспечения этнокультурной безопасности как неотъемлемого элемента национальной стабильности многонационального государства.

В работе достигнута поставленная цель через решение ряда взаимосвязанных задач. В результате, был осуществлен теоретико-методологический синтез, позволивший обосновать конструктивистский подход в качестве наиболее релевантной основы для анализа этнокультурной безопасности в условиях глобализации и информационного общества.

На этой основе было сформулировано авторское определение этнокультурной безопасности, акцентирующее ее динамический и диалогический характер, и построена ее структурная модель.

Системный анализ позволил выявить и классифицировать современный спектр угроз, имеющих как внешнюю, так и внутреннюю природу.

Вызовы этнокультурной безопасности в России носят дифференцированный характер. С одной стороны, существует проблема деградации традиционного уклада коренных малочисленных народов, требующая специальных программ поддержки. С другой стороны, масштабные миграционные процессы, являющиеся объективной реальностью, создают комплекс задач по интеграции, правовому регулированию и поддержке межкультурного диалога.

Показано, что миграция из стран СНГ, обладая значительным интеграционным потенциалом, тем не менее, нуждается в более четких правовых механизмах и институтах адаптации для минимизации социальных рисков.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Миграция и безопасность в России : колл. монография / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина; Московский центр Карнеги. М. : Интердиалект+, 2000. 40 с.
2. Мукомель В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты / Институт социологии РАН. М. : Диполь-Т, 2005. 351 с. ISBN: 5-901144-15-5 EDN: QOPBGR
3. Трансформация миграционных процессов на пространстве СНГ в условиях новых вызовов и угроз / С.В. Рязанцев [и др.] // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2023. № 1. С. 46–60.
4. Тишков В.А. Этнокультурный дискурс в полиэтничном государстве: новые вызовы и практики регулирования / В.А. Тишков, В.В. Степанов (ред.). М. : ИЭА РАН, 2021. 456 с.
5. Ефремов И.А. Тенденции международной миграции населения в России в первом полугодии 2023 г. // Экономическое развитие России. 2023. № 10. 65 с. EDN: PCNGVB
6. Путин вернет соотечественников на родину в три этапа. URL : <https://lenta.ru/news/2006/06/26/putin> (дата обращения 19.01.2025).

References:

1. Migration and security in Russia : collective monograph / Edited by G. Vitkovskaya, S. Panarin; Carnegie Moscow Center. M. : Interdialect+, 2000. 40 p.
2. Mukomel V.I. Migration policy of Russia: Post-Soviet contexts / V.I. Mukomel; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. M. : Dipol-T, 2005. 351 p. ISBN: 5-901144-15-5 EDN: QOPBGR
3. Transformation of migration processes in the CIS area in the context of new challenges and threats / S.V. Ryazantsev [et al.] // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. 2023. № 1. P. 46–60.
4. Tishkov V.A. Ethnocultural discourse in a multiethnic state: new challenges and regulatory practices / V.A. Tishkov, V.V. Stepanov (ed.). M. : IEA RAS, 2021. 456 p.
5. Efremov I.A. Trends in international population migration in Russia in the first half of 2023 // Economic Development of Russia. 2023. № 10. 65 p. EDN: PCNGVB
6. Putin will return his compatriots to their homeland in three stages. URL : <https://lenta.ru/news/2006/06/26/putin> (date of application 19.01.2025).

Информация об авторе

Калякин Алексей Владимирович

аспирант,
Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина – филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
kalyakin2704@mail.ru

Alexey V. Kalyakin

Graduate Student,
Volga Region Institute of Management
named After P.A. Stolypin is a branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
kalyakin2704@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.02.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.02.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-20>

УДК 347.469



Attribution

cc by

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кутаева М.В., Лончакова Ю.А.

*Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*

Аннотация. В работе проводится комплексный анализ современного состояния института медиации в Российской Федерации как альтернативного способа разрешения правовых споров. Цель исследования заключается в выявлении основных проблем законодательного регулирования и практического применения процедуры медиации, а также в разработке конкретных предложений по совершенствованию данного института. Методология исследования основана на системном анализе действующего законодательства, изучении судебной практики, сравнительно-правовом методе, а также обобщении научных публикаций отечественных исследователей. Результаты исследования показывают, что основными препятствиями для эффективного функционирования института медиации являются: недостаточная проработанность нормативной базы, отсутствие четких требований к профессиональной квалификации медиаторов, нерегулированность вопросов ответственности посредников, низкая информированность населения о возможностях медиации. В работе обоснована необходимость законодательного закрепления обязательности юридического образования для профессиональных медиаторов, введения обязательной досудебной медиации по отдельным категориям дел, установления конкретных санкций за нарушение принципа конфиденциальности. Практическая значимость исследования состоит в формулировании конкретных предложений по совершенствованию законодательства о медиации и механизмов взаимодействия судебной системы с институтом медиации.

Ключевые слова: медиация, медиатор, альтернативное разрешение споров, медиативное соглашение, примирительные процедуры, досудебное урегулирование, конфиденциальность, профессиональные требования, законодательное регулирование, судебная система.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CURRENT ISSUES OF APPLICATION OF THE MEDIATION PROCEDURE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Maria V. Kutaeva, Yulia A. Lonchakova

*Murom Institute (branch) of Vladimir State University
named After Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov*

Abstract. The paper provides a comprehensive analysis of the current state of the mediation institute in the Russian Federation as an alternative method of resolving legal disputes. The purpose of the study is to identify the main problems of legislative regulation and practical application of the mediation procedure, as well as to develop specific proposals for improving this institution. The research methodology is based on systematic analysis of current legislation, study of judicial practice, comparative legal method, and generalization of scientific publications by domestic researchers. The research results show that the main obstacles to the effective functioning of the mediation institute are: insufficient development of the regulatory framework, lack of clear requirements for the professional qualifications of mediators, unresolved issues of mediator liability, and low public awareness of mediation opportunities. The paper substantiates the necessity of legislative consolidation of mandatory legal education for professional mediators, introduction of mandatory pre-trial mediation for certain categories of cases, and establishment of specific sanctions for violation of the confidentiality principle. The practical significance of the study consists in formulating specific proposals for improving legislation on mediation and mechanisms of interaction between the judicial system and the mediation institute.

Keywords: mediation, mediator, alternative dispute resolution, mediation agreement, conciliation procedures, pre-trial settlement, confidentiality, professional requirements, legislative regulation, judicial system.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью альтернативных способов разрешения споров в современной правовой системе Российской Федерации. В условиях значительной нагрузки на судебную систему, когда ежегодно в суды общей юрисдикции и арбитражные суды поступают миллионы исковых заявлений, поиск эффективных механизмов урегулирования конфликтов без обращения в суд становится одной из приоритетных задач правовой политики государства [11, с. 98].

Процедура медиации представляет собой инновационный для российской правовой системы институт, который получил законодательное закрепление сравнительно недавно – с принятием Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – ФЗ № 193) [3]. За прошедшее время данный правовой институт прошел путь от теоретической концепции до практического инструмента разрешения споров, однако, его потенциал остается существенно недореализованным.

По данным Верховного Суда Российской Федерации, несмотря на более чем десятилетнюю историю существования законодательства о медиации, данная процедура применяется лишь в незначительной части споров. По информации Forbes.ru, согласно официальной статистике арбитражных судов за 2024 год, только 23 дела из принятых к производству 1113081 было решено медиацией. Однако эти данные ограничены случаями, которые были оформлены нотариально [4].

Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров обладает рядом неоспоримых преимуществ перед традиционным судебным разбирательством: конфиденциальность процесса, экономия времени и финансовых ресурсов сторон, гибкость процедуры, возможность сохранения деловых и личных отношений между участниками конфликта, высокая степень контроля сторон над результатом [10, с. 787]. Тем не менее, реализация этих преимуществ на практике сталкивается с множеством препятствий правового, организационного и культурного характера.

Зарубежный опыт демонстрирует высокую эффективность медиации. В странах Европейского Союза, США, Канаде, Австралии данная процедура широко используется для разрешения коммерческих, семейных, трудовых и иных споров. Директива Европейского парламента и Совета от

21 мая 2008 года № 2008/52/ЕС относительно некоторых аспектов медиации в гражданских и коммерческих делах устанавливает минимальные стандарты качества процедуры медиации и содержит рекомендации государствам-членам по продвижению использования медиации [9, с. 90].

Отечественная правовая доктрина также признает значительный потенциал медиации. Исследователи отмечают, что медиация соответствует тенденциям гуманизации правосудия, принципам восстановительного правосудия, идеям консенсуального разрешения правовых конфликтов [8, с. 120]. Однако между теоретическим признанием ценности медиации и ее практической реализацией существует значительный разрыв.

Целью настоящего исследования является выявление основных проблем применения процедуры медиации в Российской Федерации на законодательном и правоприменительном уровнях, а также разработка обоснованных предложений по совершенствованию нормативного регулирования и практики применения данного института.

Материалы и методы.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания.

В качестве общенаучных методов использованы:

– системный анализ, позволяющий рассмотреть институт медиации как элемент системы альтернативного разрешения споров;

– структурно-функциональный подход, дающий возможность выявить функции медиации в правовой системе;

– метод обобщения, применяемый при анализе судебной практики и статистических данных.

Среди частнонаучных методов ключевое значение имеют:

– формально-юридический метод, использованный для анализа нормативных правовых актов, регулирующих процедуру медиации;

– сравнительно-правовой метод, применяемый при исследовании зарубежного опыта правового регулирования медиации;

– метод толкования правовых норм;

– историко-правовой метод, позволяющий проследить эволюцию института медиации в российском праве.

Эмпирическую базу исследования составляют:

- законодательство и подзаконные нормативные акты;
- материалы судебной практики;
- научные публикации отечественных и зарубежных исследователей проблем медиации.

Информационную базу исследования образуют научные труды ведущих специалистов в области альтернативного разрешения споров, гражданского процессуального права, теории права.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2010 года (момента принятия базового закона о медиации) по настоящее время, что позволяет проанализировать динамику развития института медиации и выявить устойчивые тенденции и проблемы.

Результаты.

Анализ действующего законодательства о медиации выявляет ряд существенных пробелов и недостатков, препятствующих эффективному функционированию данного института. Федеральный закон № 193-ФЗ, состоящий из 20 статей, содержит лишь общие положения о процедуре медиации, не обеспечивая детального регулирования многих важных аспектов.

Первая группа проблем связана с определением сферы применения медиации. Согласно статье 1 Закона о медиации, данная процедура может применяться к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых и семейных правоотношений. Вместе с тем, закон устанавливает перечень споров, к которым медиация не применяется: коллективные трудовые споры, споры, затрагивающие или могущие затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы.

В российском законодательстве существует терминологическая неопределенность в отношении досудебного урегулирования споров. Используются различные понятия: «досудебное обжалование», «внесудебное обжалование», «претензионное производство», «претензионный порядок», «иной досудебный порядок» – без четкого разграничения их содержания и соотношения с медиацией [6, с. 24]. Такая понятийная вариативность создает правовую неопределенность и затрудняет правоприменение.

Вторая группа проблем касается статуса медиативного соглашения. Закон о медиации преду-

сматривает два вида медиативных соглашений: соглашение, достигнутое в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, и соглашение, достигнутое в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда (статья 12).

Третья группа проблем связана с принципом конфиденциальности медиации. Статья 5 Закона о медиации устанавливает, что медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без согласия сторон. Данный принцип также закреплен в части 3 статьи 69 Гражданского процессуального кодекса РФ, согласно которой медиатор не подлежит допросу в качестве свидетеля о сведениях, ставших ему известными в связи с исполнением обязанностей медиатора [1].

Четвертая группа проблем касается процессуальных аспектов медиации. Закон не регулирует детально процедуру проведения медиации, оставляя этот вопрос на усмотрение сторон и медиатора. С одной стороны, это обеспечивает гибкость процедуры, но с другой – создает неопределенность и возможность злоупотреблений. Не установлены: обязательные этапы процедуры медиации, сроки проведения отдельных этапов, порядок документирования хода переговоров, требования к оформлению медиативного соглашения.

Одной из ключевых проблем российской системы медиации является недостаточная регламентация требований к профессиональной квалификации медиаторов. Статья 15 Закона о медиации различает профессиональных медиаторов, осуществляющих деятельность на профессиональной основе, и непрофессиональных медиаторов.

Первая проблема связана с отсутствием требования о наличии юридического образования у медиатора. Закон устанавливает лишь требование о наличии высшего образования, без указания на его профиль.

Таким образом, медиатором может стать лицо с любым высшим образованием – техническим, медицинским, педагогическим, экономическим – прошедшее краткосрочные курсы по медиации.

Вторая проблема касается содержания и качества программ подготовки медиаторов. Закон о медиации не устанавливает требования к содержанию, объему и продолжительности таких программ, не определяет перечень обязательных дисциплин и не регламентирует порядок контроля качества обучения. На практике программы подготовки медиаторов существенно различаются как по объему (от 40 до 120 часов), так и по содержанию. Некоторые программы ограничиваются общетеоретическими вопросами конфликтологии и коммуникации, практически не затрагивая правовые аспекты медиации.

Третья проблема заключается в отсутствии системы аккредитации и контроля качества деятельности медиаторов. В отличие от адвокатуры, нотариата, оценочной деятельности, где существуют профессиональные объединения, осуществляющие контроль за соблюдением профессиональных стандартов, медиаторы не подлежат обязательному членству в каких-либо саморегулируемых организациях. Отсутствует единый реестр медиаторов, нет механизма контроля за их деятельностью и применения дисциплинарных санкций за профессиональные нарушения.

Четвертая проблема связана с вознаграждением медиаторов. Закон о медиации устанавливает, что деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. При этом медиаторы, осуществляющие деятельность на профессиональной основе, могут получать вознаграждение, размер которого определяется соглашением сторон с медиатором.

Вопрос ответственности медиаторов за ненадлежащее исполнение своих обязанностей остается одним из наиболее проблемных в российском законодательстве о медиации.

Закон о медиации устанавливает, что медиатор не вправе:

- быть представителем какой-либо стороны;
- оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь;
- осуществлять деятельность медиатора, если при проведении процедуры медиации он лично (прямо или косвенно) заинтересован в ее результате.

Однако законодательство не содержит норм об ответственности медиатора за нарушение этих запретов. Отсутствуют положения об административной ответственности за осуществление медиации с нарушением установленных требований. Гражданско-правовая ответственность медиатора также проблематична, поскольку между медиатором и сторонами спора не возникает классических договорных обязательств по достижению определенного результата.

Представляется необходимым дополнить Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [2] статьей об ответственности за незаконное разглашение информации, ставшей известной в ходе проведения процедуры медиации, с установлением административного штрафа в значительном размере. Кроме того, целесообразно предусмотреть в гражданском законодательстве специальные нормы о возмещении морального вреда, причиненного разглашением конфиденциальной информации, полученной в процессе медиации.

Одним из главных препятствий для развития медиации в России является низкая информированность населения о данной процедуре, ее возможностях и преимуществах. Социологические исследования показывают, что подавляющее большинство граждан либо вообще не слышали о медиации, либо имеют о ней весьма смутное представление [5].

Эта проблема имеет глубокие культурные корни. В российском правовом сознании традиционно доминирует представление о суде как о единственном легитимном способе разрешения правовых споров. Обращение к альтернативным процедурам нередко воспринимается как проявление слабости, нежелание «бороться за свои права» или попытка избежать справедливого судебного решения. Такое отношение является следствием недостаточного развития правовой культуры и отсутствия традиции консенсуального разрешения конфликтов [7].

Обсуждение.

Проведенный анализ показывает, что институт медиации в Российской Федерации сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем правового, организационного и культурного характера. Эти проблемы не являются уникальными для России – аналогичные трудности испытывали и многие зарубежные страны на этапе внедрения медиации в правовую систему.

Сравнительный анализ зарубежного опыта позволяет выделить несколько моделей развития медиации.

Первая модель – либеральная (характерна для США) – предполагает минимальное государственное регулирование, медиация развивается преимущественно как частная профессиональная деятельность на рыночных принципах.

Вторая модель – регулятивная (характерна для стран континентальной Европы) – предполагает детальное законодательное регулирование медиации, создание системы государственного контроля за деятельностью медиаторов, интеграцию медиации в судебную систему.

Российская модель представляет собой своеобразный гибрид этих подходов, не получивший пока логической завершенности. С одной стороны, законодательство декларирует добровольность и независимость медиации от судебной системы, что соответствует либеральной модели. С другой стороны, отсутствие развитой системы саморегулирования, низкая правовая культура населения, традиции правового патернализма объективно требуют более активной роли государства в развитии и регулировании медиации.

Представляется, что оптимальным для России является путь постепенного усиления регулятивных элементов при сохранении гибкости и добровольности процедуры.

Это предполагает:

- во-первых, совершенствование законодательной базы с устранением выявленных пробелов;
- во-вторых, создание профессиональных стандартов и системы контроля качества;
- в-третьих, интеграцию медиации в судебную систему через механизмы судебной медиации;
- в-четвертых, активную государственную политику по продвижению медиации и повышению правовой грамотности населения.

В российских условиях целесообразно начать с введения обязательной досудебной медиации по семейным спорам (за исключением споров, связанных с насилием), спорам о разделе совместного имущества супругов стоимостью до определенной суммы, некоторым категориям трудовых споров, потребительским спорам на небольшие суммы. Такой подход позволил бы, с одной стороны, разгрузить суды, с другой стороны – популяризировать медиацию, сделать ее знакомой широким слоям населения.

В России пока существует категорический запрет на применение медиации к спорам, затрагивающим публичные интересы. Этот подход представляется нам излишне консервативным. Целесообразно разрешить применение медиации к определенным категориям административных споров, где это не противоречит публичным интересам: споры о размере административных штрафов, споры о предоставлении государственных и муниципальных услуг, градостроительные споры и т.д. Это соответствовало бы современным тенденциям административной реформы, направленной на повышение качества государственного управления и развитие диалога между государством и обществом.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Процедура медиации представляет собой эффективный механизм альтернативного разрешения споров, обладающий значительными преимуществами перед судебным разбирательством: экономичностью, конфиденциальностью, гибкостью, ориентацией на интересы сторон, возможностью сохранения отношений между участниками конфликта.

2. Институт медиации в Российской Федерации находится на стадии становления и сталкивается с комплексом проблем:

- недостаточной проработанностью законодательной базы;
- отсутствием четких требований к профессиональной квалификации медиаторов, неурегулированностью вопросов ответственности посредников;

- низкой информированностью населения, недостаточной интеграцией в судебную систему.

3. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» нуждается в существенной доработке. Необходимо:

- уточнить сферу применения медиации с возможным расширением на отдельные категории публично-правовых споров;
- детализировать процедуру проведения медиации;
- урегулировать вопросы онлайн-медиации;
- установить более четкие требования к статусу и исполнимости медиативных соглашений.

4. Требуется законодательное закрепление обязанности наличия у профессиональных медиаторов высшего юридического образования, что обеспечит более качественное понимание правовой природы споров и юридических последствий достигаемых соглашений.

5. Необходимо создать систему профессиональных стандартов медиаторов, включающую:

- требования к образованию и подготовке;
- стандарты качества программ обучения медиаторов;
- единый реестр медиаторов;
- кодекс профессиональной этики;
- систему контроля качества и дисциплинарной ответственности.

6. Целесообразно установить конкретные виды ответственности медиаторов за профессиональные нарушения, в частности, дополнить КоАП РФ статьей об административной ответственности за разглашение конфиденциальной информации, полученной в ходе медиации.

7. Для стимулирования применения медиации предлагается ввести обязательную досудебную медиацию по определенным категориям дел:

- семейные споры (кроме дел о насилии);
- споры о разделе имущества супругов до определенной суммы;
- отдельные категории трудовых и потребительских споров.

8. Необходимо предусмотреть экономические стимулы для сторон, использующих медиацию:

- освобождение от уплаты государственной пошлины при утверждении судом медиативного соглашения;

– возврат части уплаченной государственной пошлины при успешном завершении медиации после передачи дела в суд;

– возможность включения расходов на медиатора в состав судебных расходов, подлежащих распределению между сторонами.

9. Требуется активизация работы по повышению правовой грамотности населения в области медиации:

– включение основ медиации в программы юридических вузов;

– регулярное проведение обучающих семинаров для судей, адвокатов, нотариусов;

– информационные кампании в средствах массовой информации;

– создание специализированных интернет-ресурсов.

10. Целесообразно законодательно урегулировать порядок взаимодействия судов с организациями, осуществляющими деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации:

– создание списков аккредитованных медиативных организаций при судах;

– установление требований к таким организациям;

– разработка стандартов информирования сторон о возможностях медиации.

Реализация предложенных мер позволит существенно повысить эффективность института медиации в России, расширить практику его применения, разгрузить судебную систему от дел, которые могут быть урегулированы во внесудебном порядке, и, в конечном итоге – повысить качество защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Медиация обладает значительным потенциалом как инструмент формирования правовой культуры, основанной на принципах консенсуса, взаимного уважения интересов, конструктивного диалога. Развитие института медиации соответствует общемировым тенденциям гуманизации правосудия и создания многоуровневой системы защиты прав, сочетающей судебные и внесудебные механизмы разрешения споров.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Доступ из справ.правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: по подписке (дата обращения 22.12.2025).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025). Доступ из справ.правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: по подписке (дата обращения 22.12.2025).
3. Федеральный закон от 27.07.2019 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Доступ из справ.правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: по подписке (дата обращения 22.12.2025).
4. Без суда: почему российским предпринимателям трудно договариваться. URL : <https://www.forbes.ru/mneniya/539424-bez-suda-pocemu-rossijskim-predprinimatelam-trudno-dogovarivat-sa> (дата обращения 22.12.2025).
5. Дорофеева Т.А. Причины, препятствующие развитию института медиации в России // Развитие общественных наук российскими студентами: сборник научных трудов. Вып. IV. Краснодар : Ассоциация молодых ученых, 2017. С. 100–102. EDN: XMYRYL
6. Досудебное урегулирование споров в публичном праве / С.М. Зырянов [и др.] // Журнал российского права. 2011. № 11(179). С. 21–33. EDN: OIKOVH
7. Калинин В.Н. К вопросу о развитии альтернативных несудебных способов разрешения правовых конфликтов // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 75–80. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-5-75-80 EDN: EKYHOY
8. Каргапольцева Н.И. Особенности медиации как юридической процедуры урегулирования споров / Н.И. Каргапольцева, Л.В. Ханахмедова // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4(40). С. 117–121. EDN: BOTBYW
9. Липка Д.В. Медиация в зарубежных странах // Право и управление. 2023. № 6. С. 88–93. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-6-88-93 EDN: GWTPTM

10. Саркисян В.Г. Преимущества применения процедуры медиации для урегулирования спора // Современные векторы развития науки: сборник статей по материалам ежегодной научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2023 год, Краснодар, 06 февраля 2024 года. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2024. С. 786–788. EDN: NZFXNX
11. Царев М.А. Перспективы применения альтернативного разрешения споров в Российской Федерации // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 2(19). С. 94–102. DOI: 10.34076/2658_512X_2022_2_94 EDN: USKMLA

References:

1. The Civil Procedure Code of the Russian Federation № 138-FZ dated 11/14/2002 (as amended on 07/31/2025). Access from the help.-the legal system «ConsultantPlus». Access mode: by subscription (date of application 12/22/2025).
2. Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 № 195-FZ (as amended on 11/04/2025). Access from the help.-the legal system «ConsultantPlus». Access mode: by subscription (date of application 12/22/2025).
3. Federal Law № 193-FZ of 27.07.2010 (as amended on 26.07.2019) «On an alternative dispute Settlement procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure)». Access from the help.-the legal system «ConsultantPlus». Access mode: by subscription (date of application 12/22/2025).
4. Without trial: why it is difficult for Russian entrepreneurs to negotiate. URL : <https://www.forbes.ru/mneniya/539424-bez-suda-pocemu-rossijskim-predprinimatelam-trudno-dogovarivat-sa> (date of application 12/22/2025).
5. Dorofeeva T.A. Reasons hindering the development of the Institute of mediation in Russia // Development of social sciences by Russian students: a collection of scientific papers. Vol. IV. Krasnodar : Association of Young Scientists, 2017. P. 100–102. EDN: XMYRYL
6. Pre-trial dispute resolution in public law / S.M. Zyryanov [et al.] // Journal of Russian Law. 2011. № 11(179). P. 21–33. EDN: OIKOVH
7. Kalinin V.N. On the issue of the development of alternative non-judicial methods of resolving legal conflicts // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 5. P. 75-80. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-5-75-80 EDN: EKYHOY
8. Kargapoltseva N.I. Features of mediation as a legal dispute settlement procedure / N.I. Kargapoltseva, L.V. Khanakhmedova // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (40). P. 117–121. EDN: BOTBYW
9. Lipka D.V. Mediation in foreign countries // Law and management. 2023. № 6. P. 88–93. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-6-88-93 EDN: GWTPTM
10. Sargsyan, V. G. Advantages of using mediation procedure for dispute resolution // Modern vectors of science development: a collection of articles based on the materials of the annual scientific and practical conference of teachers on the results of research for 2023, Krasnodar, February 06, 2024. Krasnodar : I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, 2024. P. 786–788. EDN: NZFXNX
11. Tsarev M.A. Prospects for the application of alternative dispute resolution in the Russian Federation // Ural Journal of Legal Research. 2022. № 2(19). P. 94–102. DOI: 10.34076/2658_512X_2022_2_94 EDN: USKMLA

Информация об авторах

Кутаева Мария Васильевна

студентка,
Муромский институт (филиал)
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
kytaevamary@yandex.ru

Лончакова Юлия Андреевна

кандидат юридических наук,
доцент,
Муромский институт (филиал)
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Info@rt-p.ru

Maria V. Kutaeva

Student,
Murom Institute (branch) of Vladimir State University
named After Alexander Grigorievich
and Nikolai Grigorievich Stoletov
kytaevamary@yandex.ru

Yulia A. Lonchakova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Murom Institute (branch) of Vladimir State University
named After Alexander Grigorievich
and Nikolai Grigorievich Stoletov
Info@rt-p.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.01.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.02.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-22>

УДК 343.14



Attribution

cc by

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ФИЛЬТР ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Петрова О.А., Руденко А.В.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье анализируется допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве через призму процессуальных принципов, закрепляющих основные права и свободы человека. Обосновывается положение о том, что соблюдение принципов уголовного судопроизводства выступает ключевым критерием законности и допустимости доказательств, а нарушение таких принципов при их получении влечёт признание доказательств недопустимыми независимо от их фактической доказательственной ценности. Особое внимание уделяется раскрытию содержания принципов законности, осуществления правосудия только судом, уважения чести и достоинства личности, охраны прав и свобод человека и гражданина, неприкосновенности жилища, личности и частной жизни, обеспечения права на защиту, а также принципа языка судопроизводства в контексте процесса доказывания. На основе анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, кассационных судов общей юрисдикции и Европейского суда по правам человека делается вывод о формировании устойчивого правоприменительного подхода, согласно которому способ получения доказательства имеет приоритетное значение по отношению к его содержанию. Делаются выводы о том, что правило получения доказательств с соблюдением процессуальных принципов выполняет функцию процессуального фильтра, обеспечивающего законность, справедливость и объективность уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, доказательства, допустимость доказательств, процессуальные принципы, права и свободы человека, недопустимые доказательства, судебная практика, Верховный Суд Российской Федерации.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEEDINGS AS A PROCEDURAL FILTER FOR THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE

Olga A. Petrova, Alexander V. Rudenko

Kuban State University

Abstract. The article examines the admissibility of evidence in criminal proceedings through the prism of procedural principles that safeguard fundamental human rights and freedoms. It substantiates the position that compliance with the principles of criminal procedure constitutes a key criterion for the legality and admissibility of evidence, while violations of such principles during the collection of evidence result in its inadmissibility regardless of its factual probative value. Particular attention is paid to the analysis of the principles of legality, administration of justice exclusively by courts, respect for human dignity, protection of human and civil rights and freedoms, inviolability of the home, personal liberty and private life, the right to defence, and the language of criminal proceedings in the context of the evidentiary process. Based on the analysis of the case law of the Supreme Court of the Russian Federation, cassation courts of general jurisdiction, and the European Court of Human Rights, the article concludes that a stable law enforcement approach has been formed, according to which the method of obtaining evidence prevails over its substantive content. It is concluded that the rule requiring evidence to be obtained in compliance with procedural principles functions as a procedural filter ensuring the legality, fairness, and objectivity of criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, proof, evidence, admissibility of evidence, procedural principles, human rights and freedoms, inadmissible evidence, judicial practice, Supreme Court of the Russian Federation.

Funding: Independent work.

Введение.

В настоящее время в современном уголовном судопроизводстве проблема получения доказательств с соблюдением основных прав и свобод человека становится всё более актуальной. Это обусловлено, прежде всего, ростом сложности преступлений, развитием информационных технологий и необходимостью соблюдения и защиты конституционных прав граждан, однако, стоит отметить, что не все принципы, закреплённые в законе, закрепляют основополагающие начала доказывания и деятельности, связанной с собиранием доказательств».

Среди принципов уголовного судопроизводства, нарушение которых ведёт к признанию доказательств недопустимыми, следует отнести:

- 1) законность;
- 2) осуществление правосудия только судом;
- 3) уважение чести и достоинства;
- 4) охрану прав и свобод человека и гражданина;
- 5) неприкосновенность жилища;
- 6) неприкосновенность личности;
- 7) неприкосновенность частной жизни;
- 8) обеспечение подозреваемому (обвиняемому) право на защиту;
- 9) язык судопроизводства.

Обсуждение. Результаты.

Принцип законности имеет большое значение в уголовно-процессуальной деятельности; прежде всего, принцип законности (ст. 15 Конституции, ст. 7 УПК РФ) требует, чтобы все доказательства были получены исключительно в порядке, установленном законом. Так, принцип законности является одним из критериев допустимости доказательств, собранных сторонами, а нарушение норм УПК РФ судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечёт за собой признание недопустимыми полученных таким способом доказательств [1].

Грубое нарушение принципа законности можно проследить в Кассационном определении Верховного Суда РФ от 29.01.2010 № 19-О10-6СП [2], в котором Верховный Суд справедливо отметил, что суд первой инстанции ошибочно указал в приговоре на фактические обстоятельства и нарушения закона, что, в свою очередь, повлекло нарушение принципов законности и обоснованности судебного решения. В приговоре неверно изложено обстоятельство совершения преступления – ссылки суда на события и факты, приведённые как доказательства, имели процессуальные ошибки и существенные проти-

воречия, что, в свою очередь, поставило под сомнение правильность установления фактов и законность вывода суда о виновности обвиняемого.

Суд указал на ошибку в формулировке приговора и использование недостоверных формулировок, что, несомненно, прямо нарушает принцип законности и обоснованности судебных решений.

Как уже было ранее рассмотрено, принцип законности требует, чтобы любое судебное решение основывалось на законе и объективно обосновывало выводы суда о фактах и норме права; то есть, суд обязан правильно установить фактические обстоятельства, доказанные в ходе процесса, суд также обязан применить нормы материального и процессуального права строго в рамках закона, формулировки приговора не могут содержать ошибочных логических выводов или произвольных предположений, ошибочная формулировка событий, как было указано ВС РФ в конкретном случае, нарушает принцип законности и объективности судебного разбирательства, так как этот приговор может быть основан на неверном понимании фактов.

Таким образом, Верховный Суд РФ в кассации вынес определение по приговору, где явно была ошибка в формулировке фактов, а это является нарушением принципа законности (ст. 7 УПК РФ) и может повлечь основания для отмены или пересмотра дела.

Исходя из всего вышесказанного, приговор должен отражать именно те факты и квалификацию, которые были официально предъявлены подсудимому в обвинительном заключении, суд не вправе добавлять в приговор дополнительные обстоятельства, превышающие рамки обвинения, так как это нарушает принцип *nullum crimen sine lege* («нет преступления без закона»).

Далее, рассмотрим принцип осуществления правосудия только судом. Применительно к процессу доказывания, данный принцип выражается в том, что только суд уполномочен признавать факты установленными либо неустановленными и положить их в основу судебного решения [3].

Принцип закреплён в ст. 118 Конституции РФ – правосудие осуществляется только судом, в ст. 8 УПК РФ – осуществление правосудия только судом; в ст. 17 УПК РФ – свобода оценки доказательств, в ст. 73 УПК РФ – обстоятельства, подлежащие доказыванию; в ст. 88 УПК РФ – правила оценки доказательств.

Исключительная компетенция суда по оценке доказательств в уголовном процессе означает, что следователь, дознаватель и прокурор собирают и проверяют доказательства, однако, окончательную оценку доказательств осуществляет только суд; также ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы и не признаётся достаточным вне судебного разбиратель-

ства, поэтому, даже обвинительное заключение выражает позицию стороны обвинения, а не акт правосудия.

В контексте суда как единственного субъекта установления виновности, данный принцип означает, что признание лица виновным возможно исключительно приговором суда; выводы органов предварительного расследования не имеют преюдициального значения для суда, также суд самостоятельно устанавливает фактические обстоятельства дела на основе исследованных доказательств, что напрямую связано с презумпцией невиновности (ст. 14 УПК РФ).

Центральной стадией доказывания является, конечно, судебное следствие, где доказывание достигает своей полноты при непосредственном исследовании доказательств судом, суд не только исследует вещественные доказательства, но и оценивает заключения экспертов, а также допрашивает свидетелей.

Рассматривая принцип осуществления правосудия только судом, следует сказать о том, что не исключается участие иных субъектов, но чётко разграничиваются их функции; например, следователь и дознаватель собирают и проверяют доказательства, прокурор поддерживает обвинение и оценивает доказательства с позиции обвинения, защитник опровергает обвинение и представляет доказательства защиты, а суд, в свою очередь, как было отмечено ранее, оценивает доказательства и принимает окончательное решение, таким образом, ни один орган предварительного расследования не осуществляет правосудие.

Данный принцип, несомненно, имеет большое значение для уголовного процесса и обеспечивает защиту прав и свобод личности, недопустимость подмены судебной оценки доказательств следственными выводами, объективность и независимость установления фактических обстоятельств, и реализацию таких принципов, как состязательности, презумпции невиновности и независимости суда.

В итоге, можно сделать вывод о том, что применительно к уголовному процессу, принцип осуществления правосудия только судом означает, что только суд вправе на основе всестороннего, полного и объективного исследования доказательств признать лицо виновным либо невиновным, а деятельность органов предварительного расследования носит вспомогательный, подготовительный характер и не подменяет судебное доказывание.

Принцип уважения чести и достоинства граждан, применительно к доказыванию в уголовном судопроизводстве, означает, что все доказательства должны быть получены исключительно законными и гуманными способами; недопустимо получение доказательств путём унижения человеческого достоинства, также запрещены любые формы психологического или физического да-

вления на участников процесса; нормативно этот принцип закреплён в ст. 21 Конституции РФ, а в уголовном процессе конкретизирован в ст. 9 УПК РФ [4].

На стадии собирания доказательств, при производстве следственных действий (допрос, очная ставка, обыск, освидетельствование и т.д.), запрещается использовать угрозы, принуждение, шантаж, обещания незаконных выгод, также недопустимы унижающие вопросы, оскорбительные формулировки; должны соблюдаться правила такта, корректного обращения и процессуальной формы; что же касается личной и семейной тайны, то они также подлежат защите, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Нарушение этих требований влечёт признание доказательств недопустимыми (ст. 75 УПК РФ), поэтому принцип уважения чести и достоинства граждан является неотъемлемым условием допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве; его соблюдение гарантирует не только защиту прав личности, но и законность, объективность и справедливость процесса доказывания [5]. Так, Определением Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 25.12.2018 № 46-УД18-19 были признаны недопустимыми показания, полученные в условиях психологического давления и нарушения человеческого достоинства [6].

По делу о тяжком преступлении обвинение, в значительной степени, основывалось на показаниях обвиняемого, данных им на стадии предварительного расследования; в дальнейшем обвиняемый от этих показаний отказался, заявив, что они были получены в условиях психологического давления со стороны сотрудников правоохранительных органов, при нарушении его человеческого достоинства и без реального обеспечения права на защиту. Суды первой и апелляционной инстанции признали эти показания допустимыми и положили их в основу обвинительного приговора. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ не согласилась с выводами нижестоящих судов и указала на существенные нарушения уголовно-процессуального закона.

О недопустимости психологического давления ВС РФ подчеркнул, что психологическое давление (угрозы, запугивание, создание обстановки безысходности, давление на психику) приравнивается по своей правовой природе к недозволенным методам воздействия; такие методы, по мнению ВС РФ, несовместимы с принципом уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ, ст. 21 Конституции РФ). Далее, о нарушении человеческого достоинства, ВС РФ отметил, что даже при отсутствии физического насилия, унижение личности, грубое обращение, давление на волю допрашиваемого уже само по себе означает нарушение человеческого достоинства и государство не вправе добиваться признаний «любой ценой».

О допустимости доказательств ВС РФ прямо указал на то, что «показания, полученные в условиях психологического давления и нарушения человеческого достоинства, являются недопустимыми доказательствами независимо от их содержания»; т.е. не имеет значения, подтверждаются ли они другими доказательствами – способ их получения уже делает их юридически ничтожными (ст. 75 УПК РФ).

В чём же заключались ошибки нижестоящих инстанций? По мнению ВС РФ, суды формально оценили доводы защиты, не дали надлежащей оценки условиям получения показаний, а также необоснованно проигнорировали отказ обвиняемого от признательных показаний и фактически допустили обвинительный уклон. Итоговое решение ВС РФ выразалось в отмене судебных решений нижестоящих судов, указании на необходимость исключения недопустимых доказательств и направлении дела на новое рассмотрение с учётом изложенной правовой позиции.

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина закреплён в ст. 2 и ст. 18 Конституции РФ, а в уголовном судопроизводстве – в ст. 11 УПК РФ. Он обязывает суд, прокурора, следователя и дознавателя уважать и защищать права и свободы участников процесса, обеспечивать возможность их реального осуществления и незамедлительно пресекать любые нарушения прав личности. Так как допустимость доказательств – это их соответствие требованиям закона по форме и способу получения, принцип охраны прав и свобод личности выступает критерием законности доказывания; т.е. доказательство допустимо только тогда, когда оно получено без нарушения прав и свобод человека. Эта идея имеет прямое закрепление в ст. 75 УПК РФ, согласно которой доказательства, полученные с нарушением закона, признаются недопустимыми.

Как же реализуется данный принцип на стадии собирания доказательств? Принцип охраны прав и свобод обеспечивает допустимость доказательств через соблюдение права на защиту (участие защитника при допросе подозреваемого и обвиняемого), реализацию права не свидетельствовать против себя и близких (ст. 51 Конституции РФ), запрет принуждения к даче показаний и соблюдение права на неприкосновенность личности, жилища и частной жизни. Если эти права нарушены, полученные доказательства автоматически теряют допустимость.

Принцип неприкосновенности жилища закреплён в ст. 25 Конституции РФ и конкретизирован в ст. 12 УПК РФ, он устанавливает законные пределы собирания доказательств, запрещая получение доказательственной информации из жилища с нарушением прав человека, говоря иначе, данный принцип определяет допустимые способы получения доказательств. Если осмотр жилища проводится без согласия проживающих лиц и без судебного решения, то он осуществля-

ется с нарушением принципа неприкосновенности жилища, в результате чего протокол осмотра жилища признаётся недопустимым доказательством, все сведения, зафиксированные в таком протоколе, исключаются из системы доказательств, и, соответственно, предметы, документы и иные данные, полученные в ходе такого осмотра, не могут быть использованы при доказывании вины. Обыск и выемка являются активными способами собирания доказательств, направленными на обнаружение и изъятие предметов, документов и ценностей, имеющих значение для уголовного дела. Если обыск или выемка в жилище проведены без судебного решения либо с нарушением установленного порядка, то нарушается принцип неприкосновенности жилища, а также и рассмотренный выше принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, и все полученные доказательства утрачивают юридическую силу.

Связь принципа с доказыванием проявляется через санкцию недопустимости, а именно, доказательства, полученные с нарушением неприкосновенности жилища, признаются недопустимыми на основании ст. 75 УПК РФ; суд обязан исключить такие доказательства независимо от их доказательственной значимости, и они не подлежат проверке и оценке, так как изначально получены незаконно. В приговоре Копейского городского суда Челябинской области от 25 мая 2020 г. по делу № 1-33/2020 [7] суд установил, что осмотр жилища был проведён с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона: без согласия проживающих лиц и без судебного решения, а также в ночное время без обстоятельств, не терпящих отлагательств, тем самым нарушены ст. 25 Конституции РФ, ст. 12 УПК РФ, ч. 5 ст. 177 УПК РФ и ст. 164 УПК РФ. В связи с этим, суд признал протокол осмотра места происшествия недопустимым доказательством, а все сведения и предметы, полученные в ходе данного следственного действия, исключил из системы доказывания на основании ст. 75 УПК РФ.

Данное дело наглядно демонстрирует, что нарушение принципа неприкосновенности жилища непосредственно влияет на доказывание; т.е. доказательства, полученные с нарушением конституционных прав, не могут использоваться для установления обстоятельств дела, независимо от их фактической доказательственной ценности.

Принцип неприкосновенности личности закреплён в ст. 22 Конституции и конкретизирован в ст. 10 УПК РФ и означает, что ограничение свободы человека, применение мер принуждения и иные формы воздействия допускаются только на основании закона и в установленном процессуальном порядке. Что касается доказывания, принцип неприкосновенности личности напрямую влияет на допустимость доказательств, поскольку устанавливает пределы допустимого процессуального принуждения при их получении.

На стадии собирания доказательств, принцип неприкосновенности личности запрещает незаконное задержание, необоснованное ограничение свободы, принуждение к даче показаний и физическое или психологическое воздействие. Если показания или иные доказательства получены в результате незаконного лишения свободы либо давления, они признаются недопустимыми в силу ст. 75 УПК РФ. Как указал Европейский Суд по правам человека в постановлении по делу «Михеев против России» (жалоба № 77617/01, постановление от 26 января 2006 г.), заявитель был фактически лишён свободы сотрудниками милиции без надлежащего процессуального оформления задержания.

В период незаконного удержания к нему применялись физическое и психологическое давление с целью получения признательных показаний; эти признания использовались в рамках уголовного преследования. ЕСПЧ установил нарушение ст. 3 Конвенции (запрет пыток и бесчеловечного обращения) из-за применения насилия и давления и ст. 5 Конвенции (право на свободу и личную неприкосновенность) из-за незаконного лишения свободы. Суд подчеркнул, что государство несёт позитивную обязанность не только воздерживаться от жестокого обращения, но и обеспечить эффективное расследование заявлений о таком обращении. ЕСПЧ отметил, что признательные показания, полученные в условиях незаконного лишения свободы и давления, не являются добровольными и это, в свою очередь, подрывает их доказательственную ценность.

Использование признаний, полученных путём насилия или угроз, делает уголовное разбирательство несправедливым в целом, следовательно, такие показания (и «производные» от них сведения) не могут служить основанием доказывания вины. Подход ЕСПЧ корреспондирует, как было уже ранее отмечено, с положениями национального права (в РФ – ст. 21–22 Конституции РФ, ст. 10 УПК РФ, ст. 75 УПК РФ), из чего можно сделать вывод о том, что способ получения доказательств столь же важен, как и его содержание, нарушение личной свободы при собирании доказательств влечёт их исключение из системы доказывания.

Исходя из вышесказанного, в постановлении ЕСПЧ по делу «Михеев против России» было указано на то, что получение признательных показаний в условиях незаконного лишения свободы и давления нарушает право на неприкосновенность личности и делает такие доказательства недопустимыми, а использование подобных доказательств подрывает справедливость уголовного судопроизводства и исключает их применение при доказывании вины.

Принцип неприкосновенности частной жизни закреплён в ст. 23–24 Конституции РФ и конкретизирован в уголовном судопроизводстве (в том числе через нормы о тайне переписки, телефон-

ных переговоров, почтовых отправлений, персональных данных). Он означает запрет на произвольное вмешательство государства в сферу личной и семейной жизни человека без законных оснований и надлежащей процессуальной формы.

Доказывание в уголовном процессе включает собирание, проверку и оценку доказательств.

Принцип неприкосновенности частной жизни устанавливает пределы допустимого вмешательства при получении доказательственной информации и тем самым прямо влияет на допустимость доказательств, таким образом, доказательства, затрагивающие частную жизнь, допустимы только при строгом соблюдении закона и процессуальных гарантий.

Принцип неприкосновенности частной жизни проявляется, прежде всего, при производстве следственных или иных процессуальных действий, связанных с получением конфиденциальной информации, а именно, в ходе контроля и записи телефонных переговоров, получением сведений о соединениях между абонентами, выемке и осмотре электронных носителей информации, доступе к персональным данным, медицинской тайне, тайне переписки, использованием аудио- и видеозаписей частного характера и т.д.

Перечисленные действия допустимы только при наличии законных оснований, как правило, на основании судебного решения и с соблюдением установленного процессуального порядка. Нарушение принципа напрямую связано с допустимостью доказательств; так, если сведения о частной жизни получены без судебного решения с выходом за пределы разрешённого объёма, с нарушением процессуальной формы, то соответствующие материалы признаются недопустимыми доказательствами и подлежат исключению из системы доказывания в силу ст. 75 УПК РФ. Важно отметить, что достоверность таких сведений не имеет значения, ключевым здесь является способ их получения, а не содержание. При оценке доказательств суд обязан учитывать, затрагивалась ли частная жизнь лица, было ли вмешательство соразмерным и необходимым, соблюдены ли процессуальные гарантии защиты частной жизни? Даже фактически подтверждённые обстоятельства не могут быть положены в основу обвинения, если они установлены путём незаконного вмешательства в частную жизнь [8].

Таким образом, принцип неприкосновенности частной жизни защищает личную автономию участника процесса, препятствует обвинительному уклону, обеспечивает баланс между интересами расследования и правами человека и служит гарантией законности и справедливости доказывания.

Интересный пример можно привести из практики Верховного Суда РФ (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2022 г.

№ 53-УД22-16-А5) [9]; по уголовному делу защита обжаловала приговор, указывая на то, что в основу обвинения были положены доказательства, полученные с вмешательством в частную жизнь обвиняемых, а именно – сведения о телефонных соединениях между абонентами, данные извлечённые из мобильных телефонов и производные доказательства, основанные на этих сведениях. По мнению стороны защиты, указанные сведения были получены без надлежащего судебного решения либо с нарушением порядка, установленного ст. 186.1 УПК РФ и ст. 165 УПК РФ, что, как указывалось в жалобе, нарушает конституционное право на неприкосновенность частной жизни и тайну связи. Защита ссылалась на следующие обстоятельства: следственными органами были получены детализированные сведения о телефонных соединениях (биллинг), позволяющие установить круг общения и восстановить хронологию контактов, чтобы подтвердить координацию действий обвиняемых; эти сведения напрямую затрагивают тайну телефонных переговоров и частную жизнь лица, поскольку раскрывают социальные связи и поведение. Защита также утверждала, что отсутствовало надлежащее судебное решение, либо следственные действия были проведены с выходом за пределы разрешённого объёма. ВС РФ указал на то, что сведения о телефонных соединениях, действительно, относятся к сфере охраняемой частной жизни и тайны связи; однако материалы дела подтверждают наличие судебных решений, санкционирующих их получение; соответственно, процессуальный порядок был соблюден, поэтому доводы о незаконности вмешательства документально не подтверждены.

Само по себе, вмешательство в частную жизнь не влечёт недопустимость доказательств; решающее значение имеет законность способа их получения, т.е. наличие судебного разрешения и соблюдение требований УПК РФ, оснований для применения ст. 75 УПК РФ суд не установил.

Данное дело является интересным для доказывания, поскольку демонстрирует, что принцип неприкосновенности частной жизни действует как процессуальный фильтр допустимости доказательств, а не как абсолютный запрет на их получение. Принцип неприкосновенности частной жизни непосредственно связан с уголовно-процессуальным доказыванием, поскольку определяет допустимые пределы получения доказательственной информации; нарушение принципа при собирании доказательств влечёт признание соответствующих сведений недопустимыми и исключение их из системы доказывания, независимо от их фактической значимости [10].

Принцип обеспечения подозреваемому (обвиняемому) права на защиту закреплён в ст. 48 Конституции РФ и ст. 16 УПК РФ и означает, что подозреваемый или обвиняемый имеют реальную возможность защищаться от обвинения всеми не запрещёнными законом способами, лично и с помощью защитника, на всех стадиях уголовного

процесса. Применительно к уголовно-процессуальному доказыванию, соблюдение данного принципа означает, что доказательства, полученные с участием подозреваемого (обвиняемого), но без участия защитника, когда его участие обязательно, либо при фактическом ограничении возможности пользоваться помощью адвоката, а также с нарушением права отказаться от дачи показаний, подлежат признанию недопустимыми в силу ст. 75 УПК РФ.

В рамках доказывания, принцип обеспечивает возможность стороны защиты оспаривать доказательства обвинения, проверять их источник, способ получения, содержание и ставить вопрос об исключении доказательств из дела. Суд, оценивая доказательства, обязан учитывать, были ли соблюдены права на защиту при их получении, иначе нарушается принцип справедливого судебного разбирательства. Так, в Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2021 г. по делу № 77-493/2021 указывается на то, что в приговор были положены сведения, полученные от обвиняемого на ранней стадии расследования (в том числе «пояснения» и фактические признательные сообщения), которые были даны без участия защитника и использовались затем через показания сотрудников полиции и иные производные доказательства.

Защита отмечала, что таким образом следствие и суд обошли процессуальные гарантии права на защиту. БКСОЮ исходил из того, что право на защиту возникает с момента фактического придания лицу статуса подозреваемого, а не формального оформления, сведения, по своей сути, являющиеся показаниями обвиняемого не могут быть получены и использованы вне установленной процессуальной формы; также недопустимо «восстанавливать» такие сведения путём допроса сотрудников полиции и иных лиц. Таким образом, Кассационный суд указал на то, что использование подобных сведений нарушает ст. 16 УПК РФ, и такие доказательства подлежат исключению в силу ст. 75 УПК РФ, поскольку получены с существенным нарушением процессуальных прав обвиняемого. Суть заключается в том, что нельзя компенсировать отсутствие защитника на стадии получения информации последующим «оформлением» этих сведений через иных участников процесса.

Данное определение чётко связывает право на защиту с допустимостью доказательств и показывает, что нарушение права на защиту искажает сам процесс формирования доказательственной базы; т.е. форма и условия получения информации важнее её фактической достоверности.

Принцип языка судопроизводства закреплён в ст. 68 Конституции РФ и ст. 18 УПК РФ. Он означает, что уголовное судопроизводство ведётся на государственном языке Российской Федерации, при этом лицам, не владеющим языком су-

допроизводства, гарантируется право пользоваться родным языком или языком, которым они владеют, а также право на переводчика. Данный принцип направлен на обеспечение реального, а не формального участия лица в процессе.

Доказывание в уголовном процессе предполагает получение сведений от участников процесса, осознание ими существа процессуальных действий и возможность давать объяснения, показания, возражения [11]. Реализуется принцип языка судопроизводства при допросах подозреваемого, обвиняемого, свидетелей, проведении очных ставок, ознакомлении с протоколами следственных действий, разъяснении процессуальных прав и обязанностей, если же лицо не владеет языком судопроизводства, участие переводчика является обязательной процессуальной гарантией. Так, в Определении 1-го кассационного суда общей юрисдикции от 20.10.2020 г. № 77-2033/2020 указано, что проведение следственного действия с обвиняемым, не владеющим языком судопроизводства, в отсутствие переводчика нарушает принцип языка судопроизводства и право на защиту, в связи с чем полученные доказательства признаются недопустимыми в силу ст. 75 УПК РФ.

Заключение.

Анализ материалов показывает, что допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве напрямую обусловлена соблюдением системы процессуальных принципов, закрепляющих основные права и свободы человека.

Судебная практика Верховного Суда РФ, кассационных судов общей юрисдикции и Европейского суда по правам человека последовательно исходит из того, что нарушение любого из указанных принципов при собирании доказательств влечёт их недопустимость, независимо от фактической доказательственной ценности полученных сведений. Ключевым критерием является законность способа получения доказательства, а не его содержание или подверженность иными материалами дела.

Таким образом, правило получения доказательств с соблюдением принципов, обеспечивающих основные права и свободы человека, выполняет функцию процессуального фильтра, обеспечивающего законность, справедливость и объективность доказывания, а также предотвращающего обвинительный уклон и использование доказательств, добытых путём нарушения прав личности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства России: понятие, система, перспективы развития в условиях современных вызовов и угроз : монография. М. : «ИНФРА-М», 2025. 360 с. DOI: 10.12737/2233669 ISBN: 978-5-16-021659-1 EDN: IGSQMY
2. Кассационное определение Верховного суда от 29 января 2010 г. № 19-О10-6СП // ПНС «Закон РФ». URL : <https://www.zakonrf.info/suddoc/5e3cabfbfc1009cca652abd1fe128e39>
3. Афонин Е.Г. Независимость судей и невмешательство в судебную деятельность как основа формирования правовой государственности // Вестник государственного и муниципального управления. 2018. Т. 7. № 2. С. 94–101. EDN: YPGXLV
4. Барыгина А.А. Доказывание в уголовном процессе: допустимость доказательств : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2025. 194 с.
5. Химичева О.В. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных ориентиров российского общества // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 1. С. 5–16. DOI: 10.61205/jrp.2025.1.1 EDN: ITUZYA
6. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 от 25 декабря 2018 г. URL : <https://www.vsrfl.ru/files/27527>
7. Приговор Копейского городского суда Челябинской области от 25 мая 2020 г. по делу № 1-33/2020. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/p0nZx0caKqbj>
8. Сидорова Н.А. Применение стандартов доказывания при вынесении процессуальных решений по уголовным делам / Н.А. Сидорова, И.А. Васильев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. № 3. С. 705–721. DOI: 10.21638/spbu14.2025.307 EDN: YXEFKP
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2022 г. № 53-УД22-16-А5. URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnymdelam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07072022-n-53-ud22-16-a5>

10. Лозовский Д.Н. Дискуссионные вопросы, возникающие в ходе отмены постановления о возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа / Д.Н. Лозовский, С.В. Фидельский // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4(26). С. 80–82. EDN: TCUBNJ
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / Под общ. ред. А.В. Гриненко. М. : Проспект, 2021. 1288 с.

References:

1. Vilkova T.Y. Principles of criminal justice in Russia: concept, system, development prospects in the context of modern challenges and threats: monograph. M. : INFRA-M, 2025. 360 p. DOI: 10.12737/2233669 ISBN: 978-5-16-021659-1 EDN: IGSQMY
2. Cassation ruling of the Supreme Court of January 29, 2010 № 19-О10-6SP // PNS «Law of the Russian Federation». URL : <https://www.zakonrf.info/suddoc/5e3cabfbfc1009cca652abd1fe128e39> .
3. Afonin E.G. Independence of judges and non-interference in judicial activity as a basis for the formation of legal statehood // Bulletin of State and Municipal Administration. 2018. Vol. 7. № 2. P. 94–101. EDN: YPGXLV
4. Barygina A.A. Proving in criminal proceedings: the admissibility of evidence : textbook for universities. M. : Yurait, 2025. 194 p.
5. Khimicheva O.V. Principles of criminal justice as the embodiment of the moral guidelines of Russian society. URL : Journal of Russian Law. 2025. Vol. 29. № 1. P. 5–16. DOI: 10.61205/jrp.2025.1.1 EDN: ITUZYA
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 46 dated December 25, 2018. URL : <https://www.vsrf.ru/files/27527>
7. The verdict of the Kopeysky City Court of the Chelyabinsk region dated May 25, 2020 in case № 1-33/2020. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/p0nZx0caKqbj>
8. Sidorova N.A. Application of standards of evidence in making procedural decisions in criminal cases / N.A. Sidorova, I.A. Vasiliev // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2025. Vol. 16. № 3. P. 705–721. DOI: 10.21638/spbu14.2025.307 EDN: YXEFKP
9. Definition of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.07.2022 № 53-UD22-16-A5. URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07072022-n-53-ud22-16-a5>
10. Lozovsky D.N. Controversial issues arising during the cancellation of the decision to institute a criminal case by the head of the investigative body / D.N. Lozovsky, S.V. Fidelsky // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 4(26). P. 80–82. EDN: TCUBNJ
11. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: a scientific and practical commentary / Under the general editorship of A.V. Grinenko. M. : Prospekt, 2021. 1288 p.

Информация об авторах

Петрова Ольга Александровна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
oljapetrova@mail.ru

Olga A. Petrova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminalistics and Legal Informatics,
Kuban State University
oljapetrova@mail.ru

Руденко Александр Викторович

доктор юридических наук,
профессор,
заведующий кафедрой криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
rudenkoalex@mail.ru

Alexander V. Rudenko

Doctor of Law,
Professor,
Head of the Department of Criminology
and Legal Informatics,
Kuban State University
rudenkoalex@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.01.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-14>

УДК 343.3



Attribution

cc by

ГЕНЕЗИС УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ, СБОРОВ И (ИЛИ) СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ

Хайруллин И.Ф.

Севастопольский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу генезиса уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов. В современном мире проблема уклонения от уплаты налогов обостряется в связи с распространением новых цифровых технологий, которые, с одной стороны, в определенной степени способствуют фискальному нигилизму, а с другой стороны, предоставляют дополнительные возможности для выявления преступлений в исследуемой области. В настоящее время распространение электронных форм расчетов и использование цифровых активов требует принципиально новых методологических подходов при выявлении и расследовании уклонения от уплаты налогов и страховых взносов.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уклонение от уплаты, налоги, страховые взносы, объект налогового преступления, криминализация, налоговое преступление, ретроспективный анализ, закономерности.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE GENESIS OF CRIMINAL LIABILITY FOR TAX EVASION, FEES AND (OR) INSURANCE PREMIUMS

Ildar F. Khairullin

Sevastopol State University

Abstract. The article is devoted to the analysis of the genesis of criminal liability for tax evasion, fees and (or) insurance premiums. The article is devoted to the analysis of the genesis of criminal liability for tax evasion, fees and (or) insurance premiums. In the modern world, the problem of tax evasion is becoming more acute due to the spread of new digital technologies, which, on the one hand, contribute to fiscal nihilism to a certain extent, and on the other hand, provide additional opportunities for detecting crimes in the field under study. Currently, the proliferation of electronic forms of payments and the use of digital assets require fundamentally new methodological approaches in the identification and investigation of tax evasion and insurance premiums.

Keywords: criminal liability, tax evasion, taxes, insurance premiums, the object of a tax crime, criminalization, tax crime, retrospective analysis, patterns.

Funding: Independent work.

Введение

Криминализация деяний, сопряженных с игнорированием обязанностей по уплате налогов, обусловлена особой социально-экономической ролью фискальной политики любого государства на каждом этапе его развития.

Несмотря на обманчивую безвредность налоговых преступлений, в макро-масштабе они способны принести значительно более серьезный вред интересам всего общества, поскольку ущерб от их совершения носит персонифицированный характер [1; 2].

Концепция уголовной ответственности за преступления, связанные с обязанностью платить налоги и иные обязательные платежи, лежит в основе механизма противодействия налоговым преступлениям и ведёт к закономерной дискуссии о целесообразности, оправданности столь строгого вида юридической ответственности к «безобидным деяниям», которыми многие видят исследуемые правонарушения.

Исторические корни ответственности за попытку облегчить своё налоговое бремя уходит вглубь веков и обнаруживается в ранних источниках русского права.

Цель данного исследования заключается в осуществлении комплексного анализа генезиса уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов.

Для достижения заявленной цели использован исторический подход, применение которого позволило выделить ключевые этапы становления института уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и обязательных сборов.

Практическая значимость исследования связана с теми выводами, к которым приходит автор в части выяснения ключевых закономерностей становления криминализации налогового правонарушения, что позволяет установить перспективные тенденции развития института уголовной ответственности за налоговые преступления в современных условиях.

Научная новизна исследования выражается в сформулированном авторском подходе к проблеме периодизации генезиса уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов.

Результаты.

В 947 году княгиней Ольгой была произведена налоговая реформа, благодаря которой упорядочивается порядок взыскания дани и налогов, регламентируются сроки и размеры сборов, вводится должность княжеского представителя – тиуна, наделенного полномочием собирать дань.

Предпосылками реформы явились серия восстаний, одно из которых особо отмечается в исторической литературе – мятеж древлян, воспротивившихся произволу поборщиков при сборе дани, во время которого погибает князь Игорь, муж княгини Ольги.

Княгиня устанавливает уроки; то есть, обязанности и учреждает специальные места сбора дани и оброка – погосты. Теперь не князь ездит по селам собирая дань, а на погост свозятся установленные платежи, что кардинальным образом меняло сложившуюся в ту эпоху систему налогового взыскания [13, с. 86].

Как известно, один из крупнейших комплексных нормативных актов на Руси – Русская Правда, охватил значительный объем сфер общественной жизни.

Нашлось место в древнерусском правовом акте и налоговому аспекту. Система налогообложения подвергается заметной корректировке. В частности, при сохранении должности княжеского приказчика (тиуна) и погостной системы, меняется порядок расчёта размера налога, прямо пропорционального количеству дворов в соответствующем населенном пункте.

Тем самым, налоговая обязанность в то время носила коллективный характер и распространялась на весь населенный пункт, а не на конкретного субъекта и хозяйства.

Положительной оценки заслуживают введенные князем Владимиром Мономахом, организационные меры, предусматривающие предварительное информирование о величине и сроке уплаты, что имело превентивный эффект против произвола мздоимцов, попросту, грабивших села.

Следует подчеркнуть, что норм об уголовной ответственности древнерусские правовые источники не содержали. Данное обстоятельство обусловлено тем, что, в основном, исполнение податной обязанности обеспечивалось силой государственного (княжеского) принуждения. В тот период распространены были княжеские взыскатели. По большому счету, уклониться от уплаты налогов, вир и податей означало встать в прямую конфронтацию князю, что позволить себе мог далеко не каждый.

Анализ представленных выше источников древнерусского права позволяет прийти к выводу о том, что князья не только устанавливали налоговые уроки (древнерусск. – обязанность), но и вводили систему государственных гарантий от нарушений со стороны должностных лиц, собиравших налоги и подати.

Более поздний период – период феодальной раздробленности может быть охарактеризован как этап дальнейшего формирования податного и налогового законодательства, в рамках которого особого внимания заслуживает Устав Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных» [12, с.14]. Раздробленность, опосредованно повлиявшая на ослабление Руси и повлекшая распространение татаро-монгольской оккупации, привела к налоговой стагнации и заморозке фискальных отношений на русских территориях.

В ретроспективно-генезисном аспекте вопрос становления налогового законодательства связывается с отдельными сводами русского права, а именно: Судебником 1497 года и последовавшим за ним Судебником 1550 года, которые развивают положения налогового права. Значительный интерес представляет введенный Судебником 1550 года прямой запрет выдавать документы-грамоты, которые освобождали от уплаты налогов. Представляется, что в указанный период государство начало более пристально отслеживать финансово-фискальные поступления и устанавливать причины недоимок.

Исключительная важность придается Соборному уложению 1649 года, представлявшему собой кодифицированный акт комплексного характера. Здесь обнаруживаются нормы об ответственности за распространенные в тот период нарушения, связанные с противодействием государственным пошлинам и сборам, среди которых термин «налог» еще не встречается. Однако же, в главе 9 «О мытах и о перевозех, и о мостах» Соборного Уложения регламентируются такие виды государственных пошлин: мыты, перевозки и мостовщина, представляющие собой плату за

соответствующие государственные услуги. При этом пункт 1 указанного раздела содержал основания освобождения от уплаты провозных пошлин для лиц, посланных для исполнения «государевых дел». Дополнительно была предусмотрена ответственность за объезд мостов и переправ, на которых производилось взимание платы в бюджет. Наказание за уклонение от внесения провозных плат также указывалось: уличенные таклм правонарушение должны были быть «биты кнутом, и пеню имати» [3].

Значительные изменения в налоговом законодательстве произведены в эпоху Петровских реформ. Среди значимых законов налоговой направленности следует указать указ от 18 декабря 1706 года «Об учреждении губерний и о расписании с ним городов», а также указ от 17 марта 1714 года «О должности фискалов». Согласно первому именному указу учреждались 8 губерний, за которыми закреплялись определенные города, а начальствующим губерний велено было контролировать порядок взимания денежных сборов []. Вторым упомянутый указ вводил должности обер-фискала, провинциал-фискалов и обычных фискалов, наделенных полномочиями «проведывать» преступления соответствующей направленности (в том числе кражу казны и пр.).

Исследовательский интерес представляет деятельность Коммерц-коллегии, учрежденной 31 января 1724 года и выступавшей в качестве высшего органа государственного управления в сфере взимания транспортных и таможенных пошлин. Несмотря на то, что и в указах Петра, и законах последующих русских царей достаточно внимания уделено фискальному законодательству, в сформированном виде уголовное законодательство возможно обнаружить лишь с 1845 года, когда было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, представлявшее собой первый кодифицированный свод в сфере уголовно-правового регулирования. Закон, принятый 15 августа 1845 года, своё фактическое действие исчисляет с 01 мая 1846 года [14].

Несмотря на то, что данный закон уже систематизирует виды преступлений и проступков, отдельной главы, посвященной уклонению от исполнения налоговых обязательств, в нём не содержится. Вместе с тем, самостоятельные составы в нём всё же обнаруживаются. К примеру, обратимся к статье 550, содержащейся в разделе 7 «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» и указывающей на правонарушение, объективная сторона которого выражена в следующих действиях: «всякий ущерб, причиненный имуществу или доходам казны, чрез похищение, утайку или растрату». Санкция статьи 550 предусматривала наказание в виде возмещения похищенных, растроченных и утаенных сумм, а в случае финансовой несостоятельности виновного лица его приговаривали либо к временному заключению, срок которого определялся в зависимости от величины

ущерба, либо же «отдачь въ общественныя работы». В равной степени, интерес представляет, и статья 598 Уложения, где установлена ответственность за заведомо ложное изложение в книгах записи подлежащих горной подати ископаемых, что влекло для виновного лишения всех присвоенных прав и преимуществ и передаче в исправительные арестанские отделения на срок от четырех до пяти лет [14].

На смену просуществовавшему более пятидесяти пяти лет и неоднократно трансформируемому Уложению 1845 года, пришло Уголовное уложение 1903 года [4], которое, в части преступлений, принимает более привычный вид, приближающий кодифицированный акт к современному подобию к технико-юридическому контексте. Однако системы налоговых преступлений не обнаруживается и здесь.

Статья 326 предусматривает ответственность для учредителей торговых или промышленных общества за «неведение шнуровых книг», в которых в то время должен был производиться учет акций, паёв и величины, поступающих по ним платежей.

Статья 327 Уголовного уложения 1903 года предусматривает, что «Виновные в помещении в заявлениях, подаваемых в раскладочные по промысловому налогу присутствия, склоняющихся к уменьшению сего налога или освобождения от него заведомо ложных сведений об оборотах и прибылях торговых или промышленных предприятий, наказываются: арестом на срок не свыше трех месяцев или денежной пеней не свыше трехсот рублей». Согласно статье 328 уголовного закона, также установлена возможность привлечения к ответственности за предоставление ложной информации о деятельности публичных организаций с целью уменьшения или освобождения от промыслового налога. В данном деянии усматривалась большая общественная опасность, потому и наказание было более строгим по сравнению с предыдущим преступлением, а именно заключение в тюрьму на срок не свыше шести месяцев или денежной пени не свыше тысячи рублей. Виновными лицами в этих преступлениях, как правило, являются руководители организаций, их бухгалтеры и любые иные лица, подписавшие неверные отчеты, бухгалтерские балансы. Как видно из извлечения, данные уголовные проступки представляют собой классическую вариацию уклонения от уплаты налогов.

В результате анализа источников дореволюционного права, был сделан вывод об отсутствии структурированной системы уголовной ответственности за совершения преступлений в области взимания податей, пошлин и иных платежей налогового характера, а имеющиеся составы в актах того периода демонстрировали отрывочность и казуистичный подход при их установлении. При этом, что интересно, было бы ошибкой утверждать, что абсолютно всё законодатель-

ство было не упорядоченным и хаотичным. И Уложение 1845 года, и пришедшее ему на смену Уголовное уложение 1903 года отличались достаточной степенью систематизации и упорядоченности, выделяя группы преступлений различной направленности. Однако именно налоговые преступления не были представлены в самостоятельном сегменте, так как это сделано с иными группами преступлений.

В советский период налоговое законодательство приобретает совершенно новое значение, и уже 30 ноября 1917 года принимается Декрет СНК, получивший наименование «О взимании прямых налогов» [5]. Декрет не только устанавливал сроки уплаты государственного подоходного налога, временного налога на прирост прибылей (не позднее 15 декабря 1917 года) и отменял всякие отсрочки и рассрочки, но и регламентировал привлечение к уголовной ответственности неплательщиков налогов, определив им наказания вплоть до конфискации имущества и тюремного заключения сроков до пяти лет.

В научной литературе традиционно обращается внимание на то, что даже в советский период пенитенциарный аспект налоговых правонарушений проработан очень слабо, уголовной ответственности уделяется недостаточно внимания.

Обсуждение.

Д.И. Токарев и И.А. Ефимов выделяют три этапа периодизации отечественной истории уголовной ответственности, сопряженной с отступлением от налоговых норм, а именно досоветский, советский и современный [10, с. 148]. Несмотря на применение устоявшегося подхода периодизации генезиса становления правовых институтов и отраслей, исходя из общественных трансформаций указанными авторами, полагаем, что более удачной является вычленение сегментированных этапов в зависимости от уровня нормативно-правового сформированности исследуемой области.

Первый этап предлагается обозначить как зачаточный, поскольку первые нормы, которые возможно обнаружить в древнерусском праве, вряд ли можно считать полноценной правовой основой для налогового регулирования.

Однако же, и в первых, дошедших до нашего времени памятниках русского права уже фиксируются обязанности по уплате податей публично-правового характера. Вопреки устоявшемуся мнению о Русской Правде как первом законодательном акте, содержащем налоговое регулирование, исторические источники свидетельствуют о наличии более ранних актов [8, с. 338]. Такими актами является Велесова Книга, датированная примерно 880 годом.

В.В. Орехов и Н.А. Надиров приводят извлечение из этого источника, где закреплялось обязательство отдавать десятую часть дохода на об-

щие нужды старейшинам рода [11, с. 160]. Указанные авторы убедительно доказывают, что нормы о налогообложении обнаруживаются в годы, предшествовавшие появлению Повести временных лет. В исторической литературе нередко встречаются позиции, где утверждается, что именно Повесть временных лет следует брать в качестве точки отсчета налогового регулирования. Не вдаваясь в дискуссию, которая лежит в плоскости исторических, а не правовых поисков, обратим внимание на уголовно-правовой вектор ответственности за саботирование налоговых и податных обязанностей.

В частности, Е.Л. Власова подчеркивает, что значение налогов нивелировано в связи с утратой их экономического значения и внедрения других инструментов пополнения государственных ресурсов [9, с. 7].

Весомые для уголовно-правовой науки выводы представлены в диссертации на соискание степени доктора юридических наук Ирины Михайловны Середы, где анализу подвергнуты преступления против налоговой системы. В автореферате автор акцентирует исследовательский фокус на том, что генезисно-ретроспективные аспекты охватывают временной промежуток более тысячи лет, с чем следует согласиться. Действительно, начиная с летописных памятников (к примеру, приводимая ранее Велесова книга), фиксируются установления - прообразы норм налогового регулирования.

Советскими властями в 1922 году принимается Уголовный кодекс, в особенной части которого обнаруживается статья 79, диспозиция которой раскрывает объективную сторону правонарушения в области налогообложения [6]. Примечательно, что первый абзац указанной статьи фиксирует деяние (неплатеж или отказ от платежа налогов), которое влечет административную ответственность. И только повторность или упорство при совершении указанного деяния влечет более строгие меры, включающие альтернативные наказания, применяемые на усмотрение суда:

- а) лишение свободы или принудительные работы на срок не менее полугода;
- б) конфискация всего или части имущества;
- в) имущественное взыскание (штраф) мене ниже двойного размера сумм налогов и платежей.

Статья 80 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года установила ответственность за организованную деятельность по сокрытию или предоставлению ложных сведений о количестве товаров, продуктов, подлежащих обложению, а статья 83 – за агитацию и пропаганду подобной деятельности, с целью учинения вреда государственной власти и советскому народу.

В отличие от Уголовного уложения 1903 года, здесь отмечается прямая налоговая направлен-

ность и различающийся пенитенциарный принцип, который предусматривает нижнюю границу санкции, а не верхнюю, как это было реализовано в дореволюционном уголовном законе.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года, просуществовавшем вплоть до отмены его вступившим в силу 01 января 1961 года, следующего уголовного кодифицированного акта, также отсутствует раздел, посвященный исключительно налоговым преступлениям [7]. Налоговый состав можно обнаружить в статье 59.6, где рассматривается в качестве преступного деяния отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или выполнения повинностей. Ввиду того, что данное преступление причислялось к особо опасным преступлениям против порядка управления, то и санкция статьи была более строгой, в частности, при отягчающих обстоятельствах могла повлечь высшую меру наказания – расстрел [7]. Однако же, в главе 2 «Иные преступления против порядка управления» представлен результат усилий по систематизированному изложению составов, где в статьях 60–62 обнаруживаются налоговые составы. Особый интерес, безусловно, представляет статья 60, которая объективную сторону деяния формулирует более привычным образом для восприятия современного правоприменителя, а уровень юридической техники находится, очевидно, на более высоком уровне по сравнению с предыдущими уголовными законами. Базовые противоправные действия заключаются в неплатеже налогов и сборов, установленных в то вре-

мя в системе окладного страхования, при условии первичности влекли исключительно штрафы. Повторность деяния ужесточала санкцию до исправительно-трудовых работ на протяжении до шести месяцев. Квалифицированный состав включал те же неплатежи, но совершаемые группой лиц либо лицами, уличенными в принадлежности к кулацкому хозяйству, мог привести к осуждению и лишению свободы до года. Согласно статье 60_1 предусматривалась уголовная ответственность за неуплату военного налога. Статья 62 рассматривала случаи сокрытия имущества для целей обложения, к примеру речь шла об источниках дохода по единому сельскохозяйственному налогу.

Заключение

Анализ представленных исторических источников свидетельствует о том, что уголовный закон, в части привлечения к уголовной ответственности по налоговым составам, вначале не был столь динамичным и лишь в 20-х годах двадцатого века отмечается уверенная трансформацию исследуемой группы отношений.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо резюмировать, что как в царской России, так и в советский период существования нашего государства со стороны граждан отмечались попытки сохранить имущество и минимизировать суммы, передаваемые в счет исполнения налоговых или податных платежей. Однако государство во все времена пыталось противодействовать налоговому нигилизму.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2025 г. № 534-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 15 октября 2025 г. № 373-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 12.10.2025).
3. Соборное уложение от 29 января 1649 года Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. I.
4. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: = Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Неофиц. изд. СПб. : кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. 253 с.
5. Декрет Советов народных комиссаров от 30 ноября 1917 года «О взимании прямых налогов» (утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 5. Ст. 71.
6. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 26 мая 1922 года (утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
7. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 22 ноября 1926 года (утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
8. Азизов А.А. Налогообложение в Древней Руси / А.А. Азизов, А.С. Хорошилов // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 338–346. EDN: IRACMW
9. Власова Е.Л. Налоговые преступления: исторический и социальный аспекты // ГлаголЪ правосудия. 2022. № 4(30). С. 5–10. EDN: OPZCBF

10. Ефимов И.А. Об истории становления норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение налоговых преступлений / И.А. Ефимов, Д.С. Токарев // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3. С. 141–147. EDN: UMIFNB
11. Орехов В.В. К вопросу о ранних свидетельствах налоговых отношений на Руси / В.В. Орехов, Н.А. Насонов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2005. № 3. С. 159–164. EDN: HQUJXJ
12. Середа И.М. Преступления против налоговой системы: характеристика, ответственность, стратегии борьбы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Иркутск, 2006. 47 с. EDN: ZNQSEN
13. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Том 1. Книга 1. М. : Голос, 1993. 763 с.
14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. : тип. Второго отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. III. 592. XIV. 37 с.

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of June 13, 1996 (as amended dated December 25, 2025, № 534-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
2. The Tax Code of the Russian Federation (Part one) dated July 31, 1998, № 146-FZ (as amended and supplemented dated October 15, 2025, № 373-FZ) // Official Internet portal of legal information. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (date of application 12.10.2025).
3. The Cathedral Code of January 29, 1649, the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. SPb., 1830. Vol. I.
4. New Criminal Code, highly approved on March 22, 1903: = New criminal Code, highly approved on March 22, 1903 – Neofits. ed. SPb. : book of mag. V.P. Anisimova, 1903. 253 p.
5. Decree of the Soviets of People's Commissars of November 30, 1917 «On the collection of direct taxes» (abrogated) // Collection of laws of the RSFSR. 1917. № 5. Art.71.
6. Criminal Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic of May 26, 1922 (abrogated) // Collection of Laws of the RSFSR. 1922. № 15. Art. 153.
7. The Criminal Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic of November 22, 1926 (expired) // Collection of laws of the RSFSR. 1926. № 80. Art. 600.
8. Azizov A.A. Taxation in Ancient Russia / A.A. Azizov, A.S. Khoroshilov // Issues of Russian justice. 2020. № 8. P. 33–346. EDN: IRACMW
9. Vlasova E.L. Tax crimes: historical and social aspects // Verb of justice. 2022. № 4(30). P. 5–10. EDN: OPZCBF
10. Efimov I.A. On the history of the formation of norms providing for criminal liability for tax crimes / I.A. Efimov, D.S. Tokarev // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3. P. 141–147. EDN: UMIFNB
11. Orekhov V.V. On the issue of early evidence of tax relations in Russia / V.V. Orekhov, N.A. Nasonov // Bulletin of the Udmurt University. The series «Economics and Law». 2005. № 3. P. 159–164. EDN: HQUJXJ
12. Sereda I.M. Crimes against the tax system: characteristics, responsibility, strategies of struggle : abstract of dis. ... of Doctor of Law: 12.00.08. Irkutsk, 2006. 47 p. EDN: ZNQSEN
13. Solovyov S.M. The history of Russia since ancient times. Vol. 1. Book 1. M. : Golos, 1993. 763 p.
14. The Code of Criminal and Correctional Punishments. SPb. : type. The second department of His own E. I. the Great Chancellery, 1845. III. 592. XIV. 37 p.

Информация об авторе

Хайруллин Ильдар Фанихович
аспирант,
Севастопольский государственный университет
Wave85@list.ru

Ildar F. Khairullin
Graduate Student,
Sevastopol State University
Wave85@list.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.02.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-23>
УДК 343.2/.7(075.8)



Attribution
cc by

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ХИЩЕНИЯМ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Ходусов А.А.

Международный юридический институт

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование особенностей уголовного реагирования на преступления, совершаемые путем хищения бюджетных средств, выделяемых на реализацию государственных мер социальной поддержки. Проведен детальный анализ существующего правового регулирования и выявлены факторы, способствующие росту числа преступных посягательств на государственные финансы, предназначенные для поддержания социальной стабильности и защиты уязвимых категорий граждан. Особое внимание уделено классификации хищений бюджетных средств в зависимости от объектов противоправного воздействия, мотивов преступников и используемых ими методов совершения деяний. Рассмотрены современные подходы к формированию системы превентивных мероприятий и мер оперативно-розыскного и процессуального контроля, направленных на предупреждение рассматриваемых видов преступлений с применением информационно-коммуникационных технологий. Предложены научно обоснованные изменения действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, позволяющие повысить эффективность борьбы с данным видом общественно опасных деяний и укрепить механизмы антикоррупционной профилактики в социальной сфере. Результаты проведенного анализа имеют важное прикладное значение для дальнейшего развития отечественного уголовного законодательства и практики его применения правоохранительными органами.

Ключевые слова: противодействие, хищения бюджетных средств, киберпреступность, уголовный закон, мошенничество, социальная защита, ИТ-технологии, информационно-телекоммуникационные технологии.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

COMBATING THE EMBEZZLEMENT OF BUDGET FUNDS IN THE SOCIAL SPHERE USING IT TECHNOLOGIES

Alexey A. Khodusov

International Law Institute

Abstract. This article presents a comprehensive study of the criminal response to crimes committed through the embezzlement of budget funds allocated for the implementation of state social support measures. A detailed analysis of existing legal regulations is conducted, identifying factors contributing to the increase in criminal attacks on public finances intended to maintain social stability and protect vulnerable categories of citizens. Particular attention is paid to the classification of budget embezzlement based on the objects of illegal influence, the motives of the perpetrators, and the methods they use to commit the crimes. Modern approaches to the development of a system of preventive measures and measures of operational-investigative and procedural control aimed at preventing these types of crimes using information and communication technologies are considered. Scientifically substantiated amendments to the current Criminal Code of the Russian Federation are proposed, which will improve the effectiveness of the fight against this type of socially dangerous act and strengthen anti-corruption prevention mechanisms in the social sphere. The results of the analysis have important practical implications for the further development of domestic criminal legislation and its application by law enforcement agencies.

Keywords: counteraction, embezzlement of budget funds, cybercrime, criminal law, fraud, social protection, IT technologies, information and telecommunication technologies.

Financing: initiative work.

Введение.

Анализ отечественной нормативно-правовой базы позволяет выявить многообразие форм криминальных проявлений, относящихся к категории хищений бюджетных средств, направляемых на осуществление социальной политики государства. К таким деяниям относятся преступления, отличающиеся определенными признаками: ключевым составом согласно действующему законодательству, среди квалифицированных признаков выделяется специальная норма – мошенничество при получении выплат (статья 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации). Сущностью посягательства: Преступники реализуют схемы прямого изъятия бюджетных ресурсов посредством манипуляций, основанных на обмане либо злоупотреблении оказанным обществом доверием. Такие случаи охватывают средства федерального бюджета, региональных бюджетов, местных бюджетов, а также целевые фонды обязательного медицинского страхования, пенсионного фонда и иных специализированных финансовых институтов. Конкретными проявлениями: получение компенсаций и пособий по безработице гражданами, скрывающими факт наличия постоянного места работы. Незаконное оформление документов для начисления социальных льгот лицам, временно утратившим трудоспособность (фиктивное предоставление медицинских справок, удостоверяющих временную нетрудоспособность). Фиктивная выдача сертификатов на право получения пенсионных выплат или выплат по инвалидизации, подделка подтверждающих статус инвалидности документов. Использование фиктивных сделок купли-продажи жилья для незаконного перевода средств материнского капитала в наличные деньги. Иными ключевыми составами: дополнительно предусмотрена квалификация преступлений по статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за неправомерное распоряжение государственными ресурсами (например, нецелевое расходование бюджетных средств – статья 285.1 УК РФ) и злоупотребление служебными полномочиями (статья 285 УК РФ). Другие конкретные проявления: нарушение целевого назначения финансов, предназначенных для приобретения продовольственных товаров социально незащищенным категориям населения. Подкуп должностных лиц и принятие необоснованных решений относительно порядка формирования списков претендентов на жилищные субсидии, выражающееся в предоставлении преимуществ отдельным гражданам, вопреки установленным нормам закона. Коррупцированные действия сотрудников учреждений медицинской экспертизы, проявляющиеся в выдаче справок об установлении инвалидности заведомо ложного содержания. Таким образом, приведенный перечень примеров демонстрирует широкий спектр криминальных схем, характерных именно для бюджетной среды социальной сферы, подчеркивая необходимость разработки действенного механизма уголовно-правового противодействия подобным правонарушениям.

Обсуждение.

Общественная опасность преступлений в рассматриваемой сфере проявляется в трех аспектах:

1) экономический: хищения бюджетных средств приводят к значительным экономическим потерям для государства и непосредственно нарушают нормальное функционирование финансовой системы. Прямой ущерб выражается в уменьшении объема финансирования социальных программ, дефиците ресурсов для реализации жизненно важных проектов и повышении нагрузки на государственный бюджет. Эти процессы снижают общий уровень благосостояния населения и затрудняют достижение целей устойчивого экономического роста;

2) социальный: преступления, совершаемые в социальной сфере, существенно подрывают принципы социальной справедливости и равноправия. Они создают условия для возникновения несправедливого перераспределения общественных благ, искажают доступ граждан к социальным услугам и гарантированным государством мерам социальной поддержки. Таким образом, снижается качество жизни наиболее уязвимых слоев населения, усиливаются социальные конфликты и напряженность в обществе;

3) институциональный: рассматриваемые преступления наносят серьезный удар по легитимности и эффективности государственных институтов. Недоверие к органам власти, ответственным за распределение и контроль над средствами социальной помощи, усиливается, что снижает доверие населения к государству в целом. Это способствует возникновению недоверия к политическим структурам и вызывает снижение общественного согласия с проводимой властью социальной политикой [1, с. 80–89].

Также на основе комплексного анализа законодательства учеными выделяются следующие системные группы преступлений:

1. По субъектному составу: индивидуальные преступления (граждане): получение выплат по подложным документам, сокрытие доходов; должностные преступления: использование служебного положения для хищения или нецелевого расходования; организованная преступность: создание схем для системного хищения бюджетных средств.

2. По способу совершения: путем обмана: представление заведомо ложных сведений; путем злоупотребления доверием: использование служебных полномочий; путем бездействия: умолчание о фактах, влекущих прекращение выплат.

3. По объекту посягательства: пенсионные средства (наиболее распространены); пособия по безработице и нетрудоспособности; компенсационные выплаты (ЖКУ, транспорт и др.); целевые субвенции (образование, здравоохранение).

4. По степени общественной опасности: преступления небольшой тяжести: ущерб до 10000 руб.; средней тяжести: ущерб до 1 млн руб.; тяжкие преступления: ущерб свыше 1 млн руб.; особо тяжкие: организованные группы, ущерб свыше 6 млн руб.

Для противодействия хищениям бюджетных средств в социальной сфере с использованием IT-технологий необходимо выстроить целую пирамиду нормативных актов, нарушение которых придает деянию общественно опасный характер. Наиболее часто применяемыми являются:

– статья 159 УК РФ (Мошенничество). Наиболее частая норма для квалификации действий по получению выплат, пособий, льгот или услуг обманным путем или путем злоупотребления доверием. Квалифицирующим признаком здесь является совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения (п. «в» ч. 2 ст. 159 УК РФ). Это характерно для должностных лиц органов социальной защиты;

– статья 160 УК РФ (Присвоение или растрата). Применяется, если имущество (денежные средства) уже было вверено виновному, – например, кассиру или бухгалтеру, ответственным за выдачу пособий, - и он обращает его в свою пользу;

– статья 285 УК РФ (Злоупотребление должностными полномочиями). Статья используется, когда действия должностного лица (хотя и не связаны с прямым хищением) причиняют существенный вред правам и законным интересам граждан или государства. Например, незаконный отказ в назначении пособия;

– статья 292 УК РФ (Служебный подлог). Квалифицируется внесение должностным лицом заведомо ложных сведений в официальные документы (справки, ведомости). Это часто является способом совершения мошенничества;

– статья 327 УК РФ (Подделка документов). Данная статья касается действий «соисполнителей» – граждан, изготавливающих поддельные справки, печати и бланки.

Противодействие хищениям бюджетных средств в социальной сфере невозможно без тщательного анализа отраслевого законодательства: Федеральных законов «О государственной социальной помощи», «О страховых пенсиях», «О социальной защите инвалидов в РФ». Именно эти акты определяют: кто имеет право на помощь, в каком размере и при каких условиях. Нарушение этих правил и образует противоправность деяния, без которой нет состава преступления [2, с. 75–87].

Результаты.

Для совершенствования подходов к квалификации преступлений в сфере социальной защиты, можно предложить следующие рекомендации.

1. Введение нового базового состава: «Злоупотребление полномочиями в сфере социальной защиты» (ст. 285.7 УК РФ).

Создание специальной юридической нормы, охватывающей не только традиционные формы злоупотреблений, осуществляемых лицами, наделёнными публичными функциями, но и уникальные виды действий (или бездействия), характерные исключительно для сфер социального обеспечения, представляется необходимым элементом реформирования уголовного законодательства. Такая мера позволит учесть специфику социальной инфраструктуры, разнообразие её организационных структур и повышенную степень риска для уязвимых групп населения.

При формировании указанной нормы важно учитывать совокупность обстоятельств, ещё не приведших к наступлению серьёзных негативных последствий, однако создающих реальную угрозу их появления. Например, отсутствие должного контроля за своевременностью перечисления средств или некорректное применение критериев нуждаемости может повлечь возникновение ситуаций социальной нестабильности, угрожающих общественной безопасности и благополучию граждан. Необходимо внедрить понятие юридического состава преступления, основанного на опасности ситуации («создание угрозы»), а не только на факте реального ущерба, что позволит своевременно пресечь возможные негативные последствия и минимизировать риск нарушений прав граждан на социальную поддержку [3, с. 495–505].

Научно обоснованное конструирование подобной нормы должно включать детальное изучение криминологической статистики, выявление факторов, влияющих на вероятность преступных посягательств в данной сфере, а также оценку возможных подходов к квалификации правонарушений, позволяющую обеспечить справедливость и эффективность уголовного преследования. Такой подход повысит предупредительную роль уголовного права и усилит защитные функции государства в обеспечении прав граждан на достойный уровень жизни и доступность социальной помощи.

Предлагаемые квалифицирующие признаки:

– совершение действий в отношении социально уязвимых категорий граждан (пенсионеры, безработные, инвалиды, дети-сироты);

– нарушение установленных сроков предоставления социальных выплат или услуг;

– умышленное создание искусственных бюрократических препятствий (например, многократные необоснованные требования дополнительных документов от лица с ограниченными возможностями);

– умышленное некорректное программирование или настройка информационных систем со-

циального назначения, приведшее к массовому невыплате пособий.

2. Формирование квалифицирующего признака «Социальная беспомощность потерпевшего». Считаем, что необходимо включение этого признака в уже существующие составы глав против собственности (мошенничество – ст. 159 УК РФ, присвоение или растрата – ст. 160 УК РФ); преступления против государственной власти (к примеру, злоупотребление полномочиями – ст. 285 УК РФ).

Применение указанного признака окажет существенное влияние на дифференциацию оценочных характеристик состава преступления, поскольку придаёт особое юридическое значение состоянию потерпевшего, находящемуся в объективно сложной жизненной ситуации, ограничивающей его способность самостоятельно защитить собственные законные интересы. Речь идёт о лице, которое находится в положении социальной беспомощности, вызванной различными факторами: возрастными особенностями (дети или пожилые граждане), состоянием здоровья (лица с ограниченными возможностями), зависимостью от предоставляемых государством социальных услуг, недостаточностью владения языком официальной коммуникации, низким уровнем образования или отсутствием необходимой правовой грамотности. [4, с. 64–67].

Подобные характеристики делают жертв особо уязвимыми для различного рода преступных посягательств, будь то корыстные действия третьих лиц или недобросовестное поведение уполномоченных представителей. Примером может служить ситуация, когда преступление совершается против ребёнка-инвалида, имеющего особые потребности, зависящего от специализированной поддержки государства, или престарелого гражданина, живущего на пенсию и неспособного полноценно защищать себя юридическими методами ввиду преклонного возраста и ухудшения когнитивной способности.

3. Создание специального состава: «фабрикация дел о мнимой утрате права на социальные выплаты». Считаем, что сегодня необходимо выделить в отдельный состав умышленные действия должностных лиц по составлению заведомо ложных документов, на основании которых гражданин незаконно признаётся утратившим право на льготу, пенсию или пособие. Сейчас такие действия часто квалифицируются как служебный подлог (ст. 292 УК РФ) или злоупотребление полномочиями. Но это не в полной мере отражает их специфику.

4. Квалификация по последствиям, связанным с ухудшением качества жизни. Считаем, что назрела необходимость смещения акцента с только материального ущерба (сумма похищенного) на качественные последствия для потерпевшего.

Следует, по нашему мнению, указать и на ряд последствий, которые должны быть признаны тяжкими:

а) потеря жилья из-за невозможности оплатить ЖКУ в результате незаконного прекращения субсидий;

б) причинение вреда здоровью средней тяжести (например, обострение хронического заболевания из-за стресса, вызванного незаконным лишением лекарственного обеспечения);

в) социальная эксклюзия – доведение лица до состояния, когда оно из-за отсутствия средств и поддержки вынуждено отказаться от социальных контактов. [5, с. 530–534].

Заключение.

Как представляется, предложенные квалифицирующие признаки преступлений в сфере социальной защиты имеют следующие преимущества, т.е. способствуют:

1. Повышенной защите. Уголовный закон начинает точно защищать наиболее уязвимые категории граждан.

2. Адекватной квалификации. Специальные составы лучше отражают суть и механизм преступлений в социальной сфере, чем «общие» нормы.

3. Профилактическому эффекту. Четкое описание запрещенных деяний (например, создание искусственных барьеров) будет сдерживать чиновников от подобных действий.

4. Учету нематериального вреда. Квалификация по качественным последствиям позволяет правосудию увидеть реальный вред, причиненный жизни и здоровью человека (а не только бюджету).

Вместе с тем, данные предложения требуют детальной проработки и интеграции в существующую структуру Уголовного кодекса. Считаем, что они способны кардинально повысить эффективность борьбы с преступлениями, посягающими на конституционное право граждан на социальное обеспечение. [6, с. 83–92].

В качестве вариантов совершенствования УК РФ можно предложить:

Введение новых статей:

– статья 159.1 «Мошенничество с использованием искусственного интеллекта и иных передовых цифровых технологий» (для специфических способов обмана, не полностью охватываемых текущей редакцией ст. 159 УК РФ);

– статья 136.1 «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина, совершенное с использованием алгоритмических систем» (для целевого противодействия алгоритмической дискриминации).

Введение дополнения к примечаниям к статьям:

– ст. 159 УК РФ «Мошенничество» добавить примечание, разъясняющее, что «Под обманом в настоящей статье понимается также умышленное введение в заблуждение с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая применение технологий искусственного интеллекта для имитации голоса, изображения или создания иных ложных цифровых представлений, направленных на выдачу себя за представителя власти, банка или иной организации»;

– к ст. 140 УК РФ «Отказ в предоставлении гражданину информации» добавить положение о том, что «Отказ, произведенный алгоритмической системой на основании дискриминационных признаков (пол, раса, возраст, место жительства,

доход и т.д.), приравнивается к отказу, совершенному должностным лицом».

– к ст. 160 УК РФ «Присвоение или растрата» добавить примечание, разъясняющее усиление ответственности с использованием IT-технологий, равно как и к ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», к ст. 292 УК РФ «Служебный подлог» и к ст. 327 УК РФ «Подделка документов».

Реализация предложенных мер позволит заложить основы для опережающего правового регулирования, обеспечивающего эффективную защиту социального государства.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Иванов П.И. Внедрение метода риск-ориентированного подхода в деятельность по оперативно-розыскному противодействию экономическим и коррупционным преступлениям (в порядке постановки проблемы) // Юристы-Правоведы. 2023. № 1(104). С. 80–89. EDN: BHAOHS
2. Рудых С.Н. Прокурорский надзор за исполнением законодательством в части, касающейся своевременной оплаты заказчиками обязательств по исполненным государственным и муниципальным контрактам // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2(105). С. 75–87. DOI: 10.55001/2312-3184.2023.26.18.007 EDN: NNNYGI
3. Макашина О.В. Систематизация методологических основ формирования государственной финансовой политики в постковидной экономике // Управленческий учет. 2022. № 12-2. С. 495–505. DOI: 10.25806/uu12-22022495-505 EDN: TIMLTJ
4. Иванов П.И. Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровой реальности: ее научное обеспечение // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2(68). С. 64–67. EDN: FMKXHW
5. Халилев Р.А. Проблемы проведения оперативно-розыскных мероприятий при расследовании уголовных дел, связанных с хищением бюджетных средств // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9(75). № 3. Р. 530–534. EDN: WKFNXP
6. Иванов П.И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям: точка зрения // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4(64). С. 83–92. DOI: 10.24412/2072-9391-2022-464-83-92 EDN: MIJXXA

References:

1. Ivanov P.I. The introduction of the risk-based approach method in the activities of operational investigative counteraction to economic and corruption crimes (in the order of the problem statement) // Lawyer-Jurist. 2023. № 1(104). P. 80–89. EDN: BHAOHS
2. Rudykh S.N. Prosecutorial supervision of the implementation of legislation in terms of timely payment by customers of obligations under executed state and municipal contracts // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2(105). P. 75–87. DOI: 10.55001/2312-3184.2023.26.18.007 EDN: NNNYGI
3. Makashina O.V. Systematization of the methodological foundations of the formation of state financial policy in the post-covid economy // Managerial accounting. 2022. № 12-2. P. 495–505. DOI: 10.25806/uu12-22022495-505 EDN: TIMLTJ
4. Ivanov P.I. Operational investigative activity in the conditions of digital reality: its scientific support // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (68). P. 64–67. EDN: FMKXHW

© Ходусов А.А.

5. Khalilev R.A. Problems of conducting operational investigative measures in the investigation of criminal cases related to embezzlement of budget funds // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2023. Vol. 9(75). № 3. P. 530–534. EDN: WKFNPX
6. Ivanov P.I. Operational investigative counteraction to cybercrimes: a point of view // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4(64). P. 83–92. DOI: 10.24412/2072-9391-2022-464-83-92 EDN: MIJKXA

Информация об авторе

Ходусов Алексей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин,
Международный юридический институт
ORCID: 0000-0001-6968-0989
yustas-73@mail.ru

Alexey A. Khodusov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Criminal Law Disciplines,
International Law Institute
ORCID: 0000-0001-6968-0989
yustas-73@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.01.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-15>
УДК 342.9



Attribution

cc by

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ОБЪЕКТ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Шилов Ю.М.

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности предпринимательской деятельности с точки зрения публично-правового регулирования. Аргументировано, что как объект публично-правового регулирования, предпринимательство характеризуется тесной связью с закрепленными в документах стратегического планирования целями социально-экономического развития государства. В результате исследования соотношения таких категорий, как публично-правовое регулирование и стратегическое планирование сформулирован вывод о том, что придание публичным интересам в области предпринимательской деятельности правовой формы в качестве целей социально-экономического развития в отрыве от системы традиционных ценностей и деловых качеств делает такие цели заведомо ложными. Автором предложены ключевые аксиологемы, отражающие гармонию между традиционными и приобретёнными ценностями для российского предпринимательства, которые должны найти отражение в документах стратегического планирования.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, стратегическое планирование, экономическая деятельность, публично-правовое регулирование, поддержка предпринимательства, публичный интерес, частный интерес, цели социально-экономического развития.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ENTREPRENEURSHIP AS AN OBJECT OF PUBLIC LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT GOALS

Yuri M. Shilov

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation*

Abstract. The article examines the peculiarities of entrepreneurial activity from the point of view of public law regulation. It is argued that as an object of public legal regulation, entrepreneurship is characterized by close connection with the goals of the socio-economic development of the state enshrined in strategic planning documents. As a result of a study of the correlation of categories such as public law regulation and strategic planning, it was concluded that giving public interests in the field of entrepreneurial activity a legal form as goals of socio-economic development in isolation from the system of traditional values and business qualities makes such goals knowingly false. The author proposed key axiologists that reflect the harmony between traditional and acquired values for Russian entrepreneurship, which should be reflected in strategic planning documents.

Keywords: entrepreneurial activity, strategic planning, economic activities, public legal regulation, supporting entrepreneurship, public interest, private interest, social and economic development goals.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях обострения геополитической ситуации и ведения против России гибридной войны (предполагающей, в частности, применения эконо-

номических и идеологических средств воздействия) происходит трансформация взглядов на многие социальные явления, в том числе на предпринимательство как на один из ключевых драйверов социально-экономического развития.

Сегодня российское общество и государство заинтересованы в поиске путей гармонизации многочисленных и весьма разнообразных частных экономических интересов со стратегическими целями социально-экономического развития. В Послании Федеральному Собранию РФ 21 февраля 2023 г. Президент РФ В.В. Путин обратил внимание на то, что «именно частный бизнес на фоне внешних попыток сдержать Россию доказал, что умеет адаптироваться к быстро меняющейся конъюнктуре, в непростых условиях обеспечивать рост экономики. Поэтому каждая деловая инициатива, направленная на пользу стране, должна получить поддержку».

С начала 2000-х годов в России акцент государственного управления в области предпринимательской деятельности ставился на поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства (далее также – МСП, субъекты МСП). Принят Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», а также комплекс документов стратегического планирования, задающих ориентиры публичного управления в рассматриваемой области отношений.

К числу ключевых документов стратегического планирования, отражающих перспективу развития предпринимательства в контексте приоритетных социально-экономических целей и задач, следует, в частности, отнести:

- Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»;
- Стратегию развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года;
- Концепцию развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года»;
- Концепцию технологического развития на период до 2030 года» и др.

Так, Стратегия экономической безопасности в качестве целей государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности, в частности, определяет:

- укрепление экономического суверенитета Российской Федерации;
- обеспечение экономического роста;
- поддержание научно-технического потенциала развития экономики на мировом уровне и повышение ее конкурентоспособности;
- повышение уровня и улучшение качества жизни населения. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в качестве стратегической цели ставит развитие сферы малого

и среднего предпринимательства как одного из факторов, с одной стороны, инновационного развития и улучшения отраслевой структуры экономики, а с другой стороны, – социального развития и обеспечения стабильно высокого уровня занятости.

Тем не менее, доля малых и средних предприятий в экономике в целом, хотя и перестала снижаться, в 2024 году составила 21,7 % [9]. Для сравнения, в 2014 г. на фоне также продолжающегося снижения доля субъектов МСП в экономике составляла 32,4 % [6].

Приведённая статистика демонстрирует, что продолжающейся на определенном этапе социально-экономического развития рост доли субъектов МСП в экономике сам по себе не говорит о социально-экономическом прогрессе.

Полагаем, что на современном этапе развития российского государства и общества всё в большей степени становится важным не столько доля граждан, вовлеченных в предпринимательскую деятельность, сколько содержание такой деятельности: её инновационность, потенциал к масштабированию, конструктивность по вкладу в общественное благосостояние и ориентированность на цели социально-экономического развития.

Предпринимательство теснейшим образом связано с широким спектром публичных интересов общества и государства, что обуславливает актуальность исследования проблем публично-правового регулирования предпринимательской деятельности.

Обсуждение.

Предпринимательская деятельность в качестве ключевой цели предполагает извлечение прибыли, в связи с чем, по своему содержанию она не всегда соответствует целям социально-экономического развития.

В этой связи, одним из условий достижения указанных целей является участие государства в регулировании отношений в области предпринимательской деятельности. Согласимся, что метод правового регулирования предпринимательской деятельности характеризуется не «альтернативой, а сочетанием диспозитивных и императивных начал», [13, с. 11], которое проявляется в самых разных областях экономической (в частности, – предпринимательской деятельности).

При этом роль публично-правового регулирования состоит в обеспечении реализации, прежде всего, публичных интересов (хотя и в гармонии с интересами частными).

Согласны с Ю.А. Тихомировым, который к числу ключевых признаков публичного права относит, в частности, публичный интерес, «который в качестве концентрированного выражения общесо-

циальных потребностей и стремлений выступает системообразующим явлением» [11, с. 4].

О публичном интересе, как объективной основе публично правового регулирования, пишет и В.М. Сырых: «Объективными основами публичного права выступают «социально-правовые явления, как публичный интерес, публичное целеполагание, публично-правовая политика, публично-правовая деятельность (практика) и общие блага как конечный результат деятельности и критерий степени реализуемости, достижения обществом публичного интереса» [10, с. 38].

В основе публичного управления и публично-правового регулирования предпринимательства должны лежать интересы государства и общества, объективированные в целях социально-экономического развития государства. Такие цели определяются в результате стратегического планирования, под которым в научной литературе понимается форма логического преобразования с позиций права прогнозов, планов, программ, проектов, иных документов в государственную политику, обеспечивающую поступательное развитие социальных отношений [4, с. 13].

Как отмечает А.Г. Допкин, государственное стратегическое планирование представляет собой управленческую деятельность, ориентированную на формирование системы институциональных и организационно-правовых механизмов определения и достижения наиболее значимых долгосрочных целей и задач, стоящих перед государством [3, с. 10].

Рассуждая о связи публично-правового регулирования предпринимательской деятельности и стратегического планирования, отметим, что документы стратегического планирования приобретают юридическую силу в результате их утверждения административно-правовым актом. Вследствие этого, документ стратегического планирования становится обязательным для исполнения органами публичной власти.

Цели социально-экономического развития, закреплённые в документах стратегического планирования, призваны сформировать единое целеполагание, в том числе в контексте применения уполномоченными органами и должностными лицами тех или иных средств публично-правового регулирования предпринимательской деятельности.

Согласимся с Н.Г. Жаворонковой и Ю.Г. Шпаковским, которые отмечают связь стратегического планирования с государственным регулированием экономики [5, с. 173].

В рамках стратегического планирования, государство в лице системы органов публичной власти, исходя из конституционно-закреплённых ценностей и экономических основ, определяет пропорцию между рыночными и плановыми механизмами социально-экономического регулирования.

Отметим, что соотношение плановых и рыночных механизмов регулирования предпринимательства тесно связано с соотношением публичных и частных интересов. В различных социально-исторических условиях такое соотношение приобретает те или иные пропорции, ввиду чего убеждены, что гармония частных и публичных интересов в области предпринимательства требует учёта ментального отношения к предпринимательству, как общественному явлению.

Придание публичным интересам в области предпринимательской деятельности правовой формы в качестве целей социально-экономического развития, в отрыве от системы традиционных ценностей и деловых качеств, делает такие цели заведомо ложными.

В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даль определял «предпринимательство» как готовность «затевать, решаться исполнить какое-либо новое дело» [2, с. 445], т.е. подчеркивал новаторскую роль предпринимательства. Признак «готовность затевать» указывает на понимание предпринимательства, как совокупности качеств человека, характеризующих его предпринимательский потенциал, а не как конкретную предпринимательскую деятельность.

В рассматриваемом определении нет указания на цель в виде извлечения прибыли, а также риски осуществления предпринимательской деятельности. Такой подход, на наш взгляд, объясняется ментальным отличием эволюции предпринимательства в России от капиталистического пути Западной Европы. В массовом сознании населения России на всех этапах исторического развития сохранялось существенное влияние традиционных для русского социума аксиологических ориентиров, среди которых извлечение прибыли никогда не занимало центрального места.

Рассматривая значение историко-аксиологических детерминант экономического поведения современного российского предпринимателя, О.В. Токаренко выделяет ряд характерных для отечественного предпринимателя ценностей, опосредующих деловой успех. Среди них автор выделяет: «преобладание духовно-нравственных приоритетов жизни над материальными, культ бережливости, коллективизма, правдолюбия, нестяжательство, развитие самобытных коллективных форм хозяйства и демократии» [12, с. 6].

По мнению учёного, предпринимательство в России характеризуется самобытностью организации труда, ориентацией не только на рыночную экспансию, сколько на самодостаточность и коллективную хозяйственную деятельность. Эти качества представляют собой альтернативу жесткой конкуренции, которую, вопреки распространённому мнению, не следует воспринимать в качестве абсолютного экономического блага, влекущего лишь позитивные эффекты.

На наш взгляд, традиционные ценностные ориентиры, свойственные предпринимательству в

России, в определенной степени, сохраняются и сегодня, хотя они, в значительной степени, оказались размыты грубым внедрением западной предпринимательской идеологии, возводящей извлечение прибыли во главу угла.

Бережливость, коллективизм, умеренность при постановке целей предпринимательской деятельности и другие вышеперечисленные качества содержат в себе существенный потенциал с точки зрения организации предпринимательского сообщества в контексте достижения целей социально-экономического развития. Не случайно, в абзаце первом Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» отмечено, что такие цели основываются, в частности, на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, принципах социальной справедливости и равенства возможностей. При этом среди ценностных ориентиров, закрепленных в этом же абзаце, фигурирует «экономическое развитие, основанное на честной конкуренции, предпринимательстве и частной инициативе».

Следует отметить, что аксиологическая основа и целевые ориентиры предпринимательства переживают трансформацию не только в России, но и в мире в целом.

Справедлив в своих суждениях В.С. Белых, подчеркивающий, что ориентация на достижение коммерческого успеха не является самоцелью в современном бизнесе. Наряду с извлечением прибыли для субъектов предпринимательской деятельности принципиальное значение приобретает вопрос создания собственного дела...» [1, с. 4].

Предпринимательство, зачастую, – это форма самореализации личности, средство удовлетворения потребностей вторичного уровня. В этом смысле, многими предпринимателями движет не только стремление к прибыли, но и значимость результатов предпринимательской деятельности для социума в целом.

Содержание предпринимательской деятельности находится в прямой зависимости с созданием социального блага [8, с. 27]. Цели предпринимательской деятельности очень точно определены в рамках философско-правовой концепции общего блага [7, с. 70]. В свете сказанного, аксиологическая основа публично-правового регулирования предпринимательства лежит в плоскости гармонизации отечественного хозяйственно-экономического менталитета и приобретенных (в результате заимствования, прежде всего, у стран Запада) ценностей.

Результаты.

Нет сомнений, что цели социально-экономического развития должны быть гармонизированы с традиционными для отечественного предпринимательства ценностями. Несмотря на

то, что стратегическое планирование — это деятельность органов публичной власти, документы стратегического планирования, на наш взгляд, должны служить ценностным ориентиром и для предпринимателя.

Полностью поддерживаем А.Г. Допкина, который в качестве направления совершенствования стратегического планирования выделяет «стимулирование хозяйствующих субъектов к добровольному принятию обязательств по участию в достижении стратегических целей и задач государства с задействованием инструментария государственно-частного партнёрства и долгосрочных соглашений о защите и поощрении капиталовложений» [3, с. 61].

Полагаем, что вместе с социально-правовым значением предпринимательской деятельности трансформируется и роль государства в лице органов публичного управления в предпринимательской сфере. Трансформации подлежат целевая и содержательная составляющая публично-правового регулирования. Фокус регулирования следует сместить в сторону создания условий для консолидации разрозненных находящихся в состоянии конкуренции субъектов предпринимательской деятельности, массового формирования административно-хозяйственных отношений, участники которых объединены едиными публичными интересами, нашедшими юридическое оформление в документах стратегического планирования.

В свете сказанного, предлагаем выделить ценностно-ориентирующую и мотивационно-интегрирующую задачи стратегического планирования в области предпринимательской деятельности.

Первая состоит в вовлечении талантливых и инициативных людей в наиболее значимые для государства и общества направления и виды предпринимательской деятельности, и воспитании социальной ответственности предпринимателей.

Вторая задача заключается в организации объединения усилий потенциальных предпринимателей на основе общих осознанных предпринимательским сообществом целей и задач социально-экономического развития.

Заключение.

Таким образом, на сегодняшний день одна из задач публично-правовых наук заключается в выработке современного подхода к пониманию предпринимательства, как объекта публично-правового регулирования, в контексте гармонии многообразных частных экономических интересов с целями социально-экономического развития государства.

Важнейшим аспектом, в этом смысле, является гармонизация отечественного предпринимательского менталитета и приобретенных (в результа-

те заимствования, прежде всего, у стран Запада) ценностей.

Ключевыми аксиологемами, отражающими гармонию между традиционными и приобретёнными ценностями для российского предпринимательства выступают:

- с одной стороны – коллективизм, ответственность перед окружающими, уважение к правде;
- с другой – способность к разумному риску, умение накапливать капитал.

Важно отразить указанные традиционные ценности в виде объединяющих современных предпринимателей целей, и объективировать такие цели в документах стратегического планирования. В роли таких интегрирующих ориентиров выступают закреплённые в документах государственного стратегического планирования цели и задачи социально-экономического развития.

Цели социально-экономического развития должны быть гармонизированы с традицион-

ными для отечественного предпринимательства ценностями.

Предлагается выделить ценностно-ориентирующую и мотивационно-интегрирующую задачи стратегического планирования в области предпринимательской деятельности.

Первая состоит в вовлечении талантливых и инициативных людей в наиболее значимые для государства и общества направления и виды предпринимательской деятельности, и воспитании социальной ответственности предпринимателей.

Вторая задача состоит в организации объединения усилий потенциальных предпринимателей на основе общих осознанных предпринимательским сообществом целей и задач.

Выделенные задачи должны найти своё отражение в действующем законодательстве о стратегическом планировании.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Белых В.С. Категория «жизненный цикл продукции» в понятийном аппарате науки предпринимательского (хозяйственного) права / В.С. Белых, О.А. Герасимов // Предпринимательское право. 2020. № 1. С. 4–5. EDN: DUBPWC
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2: О. М. : РИПОЛ классик, 2006. 779 с.
3. Добкин А.Г. Стратегическое планирование как функция органов исполнительной власти : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 200 с.
4. Еремин Э.В. Правовое регулирование стратегического планирования правоохранительной деятельности в системе МВД России : автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 5.1.2. М., 2023. 27 с. EDN: RZXZFB
5. Жаворонкова Н.Г. Экологическая безопасность в системе стратегического планирования Российской Федерации / Н.Г. Жаворонкова, Ю.Г. Шпаковский // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 6(115). С. 170–183. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.115.6.170-183 EDN: WYMHYP
6. Информация Министерства экономического развития. URL : https://www.economy.gov.ru/material/news/vklad_msp_v_ekonomiku_rossii_prevysil_345_trln_rublej.html (дата обращения 05.01.2026).
7. Нерсисянц В. С. Философия права: учеб. для вузов по юрид. специальностям. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2006. - 848 с.
8. Познер Р.А. Рубежи теории права / Р.А. Познер; Пер. с англ. И.В. Кушнारेвой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 240 с.
9. Раздел II Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 24. Ст. 3549.
10. Сырых В.М. Объективные основы публичного права // Lex Russica. 2016. № 5. С. 37–79. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.114.5.037-080 EDN: WJXCPX
11. Тихомиров Ю.А. Проблемы регулирования: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 3–12. EDN: QYUJJB
12. Токаренко О.В. Ценностные ориентации русского предпринимательства: экономико-социологический анализ : автореф. дис. ... канд. эконом. наук: 22.00.03 / Ин-т социально-политических исследований. М., 1998. 26 с. EDN: NLJYCZ

13. Шувалов И.И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика) : дис. ... на соискание ученой степени доктора юридических наук: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право». 2022. 401 с. EDN: CYFTGF

References:

1. Belykh V.S. The category «product life cycle» in the conceptual framework of the science of entrepreneurial (economic) law / V.S. Belykh, O.A. Gerasimov. 2020. № 1. P. 4–5. EDN: DUBPWC
2. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language : in 4 vol. Vol. 2: O. M. : RIPOL classic, 2006. 779 p.
3. Dobkin A.G. Strategic planning as a function of executive authorities : dis. ... cand. jurid. sciences'. M., 2025. 200 p.
4. Eremin E.V. Legal regulation of strategic planning of law enforcement activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia : abstract of dis. ... Candidate of Law Sciences: 5.1.2. M., 2023. 27 p. EDN: RZXZFB
5. Zhavoronkova N. G., Shpakovsky Yu. G. Environmental safety in the strategic planning system of the Russian Federation // Lex Russica (Russian Law). 2016. № 6(115). P. 170–183. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.115.6.170-183 EDN: WYMHYP
6. Information from the Ministry of Economic Development. URL : https://www.economy.gov.ru/material/news/vklad_msp_v_ekonomiku_rossii_prevysil_345_trln_rublej.html (date of application 05.01.2026).
7. Nersesyants V. S. Philosophy of law: textbook. for law schools. Specialties. 2nd ed., revised and add. M. : Norma, 2006. 848 p.
8. Pozner R.A. Frontiers of the theory of law / R.A. Pozner; Transl. from English by I.V. Kushnareva. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2017. 240 p.
9. Section II of the Strategy for the Development of Small and Medium-sized Enterprises in the Russian Federation for the period up to 2030, approved by By Order of the Government of the Russian Federation dated 06/02/2016 № 1083-r (as amended on 30.03.2018) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 24. Art. 3549.
10. Syrykh V.M. Objective foundations of public law // Lex Russica. 2016. № 5. P. 37–79. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.114.5.037-080 EDN: WJXCPX
11. Tikhomirov Yu.A. Problems of regulation Dynamics of spheres and methods // Journal of Russian Law. 2001. № 5. P. 3–12. EDN: QYUJJB
12. Tokarenko O.V. Value orientations of Russian entrepreneurship: an economic and sociological analysis : abstract of the dissertation. ... Candidate of Economics. Sciences: 22.00.03 / Institute of Socio-Political Research. M., 1998. 26 p. EDN: NLJYCZ
13. Shuvalov I.I. Legal regulation of entrepreneurial activity during the socio-economic crisis (theory and practice) : dis. ... for the degree of Doctor of Law: specialty 12.00.03 «Civil law; business law; family law; private international law». 2022. 401 p. EDN: CYFTGF

Информация об авторе

Шилов Юрий Михайлович

кандидат экономических наук,
докторант,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
ORCID: 0009-0007-2423-6009
shilov.science@gmail.com

Yuri M. Shilov

Candidate of Economic Sciences,
Doctoral Student,
Moscow State Institute of International Relations
(University) Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
ORCID: 0009-0007-2423-6009
shilov.science@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.01.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-16>

УДК 34



Attribution

cc by

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ

Якуньков В.В.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Целью работы является комплексный анализ теоретических подходов к определению правосубъектности искусственного интеллекта (ИИ) в сфере охраны здоровья в контексте существующих правовых вызовов. В ходе исследования применялись методы анализа, синтеза и обобщения научных источников, а также сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Результаты: в статье представлен анализ трёх основных подходов к определению правового статуса ИИ в сфере охраны здоровья: рассмотрение ИИ как объекта права, признание за ним ограниченной правосубъектности и создание специального промежуточного правового режима. Выявлены ключевые проблемы: сложность распределения ответственности между разработчиками, операторами, медицинскими организациями и медицинскими работниками, противоречие между необходимостью обработки больших массивов, данных и обеспечением конфиденциальности медицинских данных, «непрозрачность» алгоритмов, затрудняющая установление причинно-следственной связи при причинении вреда. Выводы: на основании проведенного исследования обоснована необходимость внедрения специального правового режима для медицинских ИИ-систем, разработки механизмов распределения ответственности и обеспечения алгоритмической прозрачности. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании законодательства и разработки этических стандартов в рассматриваемой области.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, охрана здоровья, теория государства и права, юридическая ответственность, медицинские ИИ-системы, конфиденциальность медицинских данных, автономность искусственного интеллекта, алгоритмическая прозрачность, цифровизация здравоохранения.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THEORETICAL APPROACHES TO DETERMINING LEGAL SUBJECTIVITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIELD OF HEALTH PROTECTION

Valeriy V. Yakunkov

Kuban State University

Abstract. The purpose of the work is a comprehensive analysis of theoretical approaches to determining the legal personality of artificial intelligence (AI) in the field of health protection in the context of existing legal challenges. The research used methods of analysis, synthesis and generalization of scientific sources, as well as comparative legal and formal legal methods. Results: the article presents an analysis of three main approaches to determining the legal status of AI in the field of health protection: consideration of AI as an object of law, recognition of its limited legal personality and the creation of a special interim legal regime. Key problems have been identified: the complexity of the distribution of responsibility between developers, operators, medical organizations and medical professionals, the contradiction between the need to process large amounts of data and ensure the confidentiality of medical data, the «opacity» of algorithms, which makes it difficult to establish a causal relationship when harm is caused. Conclusions: based on the conducted research, the necessity of introducing a special legal regime for medical AI systems, developing mechanisms for allocating responsibility and ensuring algorithmic transparency is substantiated. The results of the research can be used to improve legislation and develop ethical standards in the field under consideration.

Keywords: artificial intelligence, legal personality, health protection, theory of state and law, legal responsibility, medical AI systems, confidentiality of medical data, autonomy of artificial intelligence, algorithmic transparency, digitalization of healthcare.

Funding: Independent work.

Введение.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и их активное внедрение в систему здравоохранения актуализируют вопрос о правовом статусе ИИ-систем и возможности признания за ними правосубъектности.

Применение искусственного интеллекта в медицине охватывает широкий спектр задач – от диагностики заболеваний до проведения научных исследований.

По мере усложнения ИИ-систем, роста их автономности и способности к самообучению возрастает необходимость определения их места в системе правовых отношений и установления субъектов ответственности за действия искусственного интеллекта.

Традиционная теория права исходит из того, что субъектами права могут быть только физические и юридические лица, обладающие волей и способностью нести ответственность за свои действия.

Искусственный интеллект, будучи технологией, не укладывается в классические категории правосубъектности, что порождает проблему: может ли ИИ рассматриваться как самостоятельный субъект права или должен оставаться объектом правоотношений, а ответственность за его действия должна возлагаться на создателей, операторов или пользователей системы.

Проблема правосубъектности искусственного интеллекта приобретает особую остроту в сфере охраны здоровья, где ошибки могут приводить к причинению вреда жизни и здоровью пациентов.

К.О. Рычкова констатирует, что основная позиция в современной медицине заключается в том, что модели и инструменты искусственного интеллекта существенно улучшают работу человека, но не должны и не могут заменить работу врачей и медицинского персонала [10, с. 53].

При этом следует отметить, что даже при сохранении за человеком финального решения, возникают вопросы распределения ответственности в ситуациях, когда врач следует рекомендациям ИИ-системы, которые оказываются ошибочными.

Искусственный интеллект не подпадает под категории физических или юридических лиц в их традиционной трактовке.

Как указывает Е.Д. Борулева, вопросы правового статуса и ответственности ИИ до сих пор не имеют решения в юридической практике, поскольку ни научные исследования, ни норматив-

но-правовая база не содержат четкого определения правосубъектности искусственного интеллекта [3, с. 23].

Автор указывает на то, что трудности в определении правосубъектности ИИ связаны с тем, что хотя системы искусственного интеллекта способны изучать законодательные нормы в процессе машинного обучения, существующие технологии не позволяют достоверно установить наличие у них сознания и определить степень его соответствия человеческому мышлению [3, с. 23].

Отсутствие у искусственного интеллекта сознания, воли и способности к осознанному целеполаганию является ключевым аргументом против признания за ним правосубъектности. Искусственный интеллект, даже обладая способностью к обучению и адаптации, действует на основе заложенных алгоритмов и обрабатываемых данных, не обладая собственными интересами, потребностями или желаниями.

Вместе с тем, развитие технологий искусственного интеллекта ставит под сомнение устойчивость традиционных правовых категорий.

А.Н. Сухарев акцентирует внимание на том, что центральной проблемой в использовании ИИ является невозможность логически обосновать, как он пришел к тому или иному выводу, а тем самым оценить его верность [12, с. 14]. Эта «непрозрачность» процесса принятия решений ИИ-системами создает уникальную ситуацию: система принимает решения, которые могут быть эффективными, но логика которых остается неясной даже для их создателей.

Обсуждение.

В теории права существует несколько подходов к решению проблемы правового статуса искусственного интеллекта. Первый подход предполагает отказ от признания правосубъектности ИИ и рассмотрение его исключительно как объекта права, инструмента в руках человека.

По мнению А.А. Шутовой, предоставление правосубъектности технологиям искусственного интеллекта в медицинской сфере на современном этапе является юридически необоснованным [15, с. 95].

М.А. Лапина разделяет данную точку зрения, отмечая, что интеллектуальные системы следует рассматривать не в качестве субъектов правоотношений, а как технические средства, относящиеся к категории «источников повышенной опасности»; при этом принятие окончательных

решений и несение ответственности должно оставаться за человеком, за правовыми субъектами [8, с. 170].

Представляется, что рассмотрение искусственного интеллекта как источника повышенной опасности является юридически обоснованным, поскольку применение норм о повышенной опасности не требует доказывания вины причинителя вреда и обеспечивает более надежную защиту интересов пострадавших, однако этот подход не решает всех проблем, поскольку оставляет открытым вопрос о том, кто именно должен нести ответственность как владелец источника повышенной опасности.

Второй подход предполагает признание за искусственным интеллектом ограниченной правосубъектности, однако реализация этого подхода сталкивается с серьезными трудностями. Традиционные виды юридической ответственности – штрафы, лишение свободы, компенсация ущерба – не применимы к ИИ-системам, не обладающим имуществом, свободой передвижения или способностью испытывать страдания.

Третий подход предполагает создание специального правового режима для искусственного интеллекта, занимающего промежуточное положение между объектом и субъектом права.

И.В. Понкин выделяет проблему неопределённости субъекта несения ответственности за технический сбой, ошибку или иной дефект действий юнита ИИ медицинского назначения, повлекший за собой причинение вреда здоровью пациента или его смерть [9, с. 64–65].

Особенности использования искусственного интеллекта в рассматриваемой области определяются исключительной значимостью охраняемых ценностей – человеческой жизни и здоровья.

А.Д. Им и А.А. Гуров указывают на то, что центральной проблемой внедрения ИИ в здравоохранение выступает определение субъекта ответственности за действия искусственного интеллекта, повлекшие неблагоприятные последствия, причём ответственность может распределяться между различными участвующими сторонами [6, с. 193]. Одновременно авторы подчёркивают, что, несмотря на интеграцию технологий ИИ, в медицинской практике сохраняются существенные риски, так как сбой в работе системы искусственного интеллекта или её ошибка в ходе хирургического вмешательства могут повлечь тяжёлые осложнения или летальный исход пациента [6, с. 193].

А.П. Иванова обращает внимание на сложность применения традиционных норм деликтной ответственности для установления вины медицинского работника, допустившего ошибку при работе с технологиями ИИ, так как алгоритмы искусственного интеллекта демонстрируют более высокую точность диагностики по сравнению с врачами [5, с. 155], и подчёркивает, что поскольку

функционирование развитого ИИ характеризуется непредсказуемостью и формируется в результате взаимодействия множества человеческих и нечеловеческих факторов, установление причинной связи между нанесённым вредом и действиями определённого физического или юридического лица представляется затруднительным [5, с. 156].

Это создает парадоксальную ситуацию: если ИИ-система принимает правильное решение, которое врач проигнорировал, это может рассматриваться как медицинская ошибка врача; если же врач следует ошибочным рекомендациям ИИ, он также может быть признан виновным. Поэтому необходима разработка специальных стандартов взаимодействия медицинского персонала с ИИ-системами, определяющих пределы обязанности врача следовать рекомендациям искусственного интеллекта.

А.В. Басова обращает внимание на то, что ключевой проблемой использования ИИ в медицинской практике выступает его автономность и способность к самообучению, что влечёт модификацию исходных программных параметров и возникновение сбоя [2, с. 110].

Е.Е. Черных отмечает, что уголовное законодательство демонстрирует замедленную реакцию на научно-технический прогресс, в частности, сфера искусственного интеллекта и робототехники практически не получила правовой регламентации [13, с. 129], и подчёркивает, что ключевым критерием для установления норм ответственности за преступления с применением систем ИИ является целевое назначение системы, поскольку оно не может предполагать причинение ущерба [13, с. 130].

А.А. Шутова относит к числу проблем правового регулирования использования ИИ в медицине необходимость создания правового режима безопасного обращения медицинских устройств, функционирующих на основе технологий искусственного интеллекта [15, с. 98], и справедливо отмечает, что модернизация нормативного регулирования неизбежно потребует разработки и законодательного закрепления дефиниции понятия искусственный интеллект [15, с. 98–99].

Вопрос определения понятия «искусственный интеллект» представляет собой базовую проблему для формирования его правового статуса.

И.Ф. Колонтаевская подчёркивает сохраняющуюся терминологическую неясность самого понятия «искусственный интеллект», что порождает определённые трудности и риски неблагоприятных последствий [7, с. 1153].

Д.А. Чернышева в своем исследовании указывает на отсутствие законодательного закрепления таких терминов, как «искусственный интеллект», «технологии искусственного интеллекта», «интеллектуальная система поддержки принятия решений» [14, с. 378].

Следует отметить, что в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, то есть на уровне подзаконного нормативного акта, определения понятий «искусственный интеллект», «технологии искусственного интеллекта» представлены, но дальнейшего законодательного оформления не получили.

К.М. Иванов отмечает, что на законодательном уровне зафиксированы преимущества применения технологий ИИ, к которым относятся автоматизация процессов, повышение эффективности человеческой деятельности, минимизация рисков [4, с. 5], и указывает на то, что законодатель обозначил существующие сложности: недостаточный объём размеченных массивов данных, невозможность в ряде ситуаций объяснить причины принятия искусственным интеллектом определённого решения [4, с. 6].

А.Н. Сухарев обоснованно, по нашему мнению, утверждает, что результаты решений, принимаемых искусственным интеллектом, должны соответствовать этическим нормам и требуют правового регулирования [12, с. 14].

И.В. Понкин обращает внимание на проблему обеспечения действительной конфиденциальности и защиты персональных данных, сохранения врачебной тайны [9, с. 66].

А.П. Иванова констатирует, что для результативного функционирования ИИ необходимо непрерывное получение качественных массивов данных, что неизбежно затрагивает конфиденциальность личных данных пациентов, при этом ключевым условием успешной работы ИИ является максимизация объёма данных, а не их ограничение [5, с. 157].

И.Ф. Колонтаевская подчеркивает, что потенциальную угрозу содержат юридические риски, связанные с предоставлением алгоритму ИИ доступа к личной медицинской информации пациентов, включая их биометрические, генетические, медицинские данные [7, с. 1160].

А.В. Афанасьевская акцентирует внимание на том, что прозрачность и подотчетность систем искусственного интеллекта являются важнейшими задачами в системе здравоохранения, поскольку процессы принятия решений могут быть неясными [1, с. 105]. По мнению автора, внедрение искусственного интеллекта представляет собой переход к новой парадигме оказания медицинской помощи [1, с. 107].

Вместе с тем, И.В. Понкин считает излишне скоропалительным и преждевременным массовое внедрение технологий искусственного интеллекта в здравоохранении без поиска ответов на существующие проблемы [9, с. 66].

А.В. Сигал и М.А. Бакуменко утверждают, что ИИ не должен заменять врача, т.е. он не должен иметь возможности принятия врачебных решений, а должен использоваться в качестве инструментария [11, с. 183].

Результаты.

Проведенный анализ теоретических подходов позволяет констатировать, что медицинские ИИ-системы не могут быть наделены правосубъектностью в ее классическом понимании.

Следует согласиться с авторами, которые указывают на то, что искусственный интеллект не обладает сознанием и волей, необходимыми для статуса субъекта права, при этом рассмотрение его только как объекта права или источника повышенной опасности оказывается юридически недостаточным. Так называемая «непрозрачность» алгоритмов не позволяет установить причинно-следственную связь между действиями искусственного интеллекта и причинённым вредом, что затрудняет применение традиционных механизмов ответственности.

Данная ситуация создаёт комплекс взаимосвязанных рисков: неопределённость субъекта ответственности, противоречие между необходимостью обработки больших массивов данных и обеспечением конфиденциальности медицинских данных, а также сложность оценки правомерности действия медицинского работника, следующего рекомендациям ИИ.

В связи с тем, что искусственный интеллект, в частности в сфере охраны здоровья, постоянно совершенствуется, то подход к определению его правосубъектности должен быть поэтапным в виду непрерывного технологического развития.

Заключение

Таким образом, анализ существующих теоретических подходов к определению правосубъектности искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья позволяет сделать несколько принципиальных выводов. Современный уровень развития ИИ-технологий и степень их автономности не позволяют говорить о полноценной правосубъектности искусственного интеллекта по аналогии с физическими или юридическими лицами. Искусственный интеллект остается инструментом, не обладающим сознанием, волей и способностью нести ответственность за свои действия.

Рассмотрение искусственного интеллекта исключительно как объекта права и возложение всей ответственности за его действия на человека также является недостаточным подходом, поскольку не учитывает специфику ИИ-систем, их способность к самообучению и непредсказуемость поведения.

Необходима разработка специальных правовых механизмов распределения ответственности между различными субъектами, участвующими в жизненном цикле ИИ-системы: разработчиками алгоритмов, операторами, медицинскими организациями и медицинскими работниками.

Правовое регулирование применения искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья должно исходить из приоритета защиты жизни и здоровья пациентов, обеспечения конфиденциальности медицинской информации, уважения достоинства личности. Это требует создания специального правового режима для медицинских ИИ-систем, учитывающего особую ценность защищаемых благ. Необходимо закрепление основных понятий, связанных с ИИ, в Федеральном законе от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ, а также определение критериев отнесения технологий к ИИ-системам, установление требований к разработке и внедрению медицинских ИИ-систем.

Ключевое значение имеет разработка этических принципов применения искусственного интеллекта в медицине, обеспечение прозрачности и подотчетности ИИ-систем, создание механизмов контроля за их функционированием.

Развитие правового регулирования в этой сфере должно осуществляться с учетом международного опыта и в тесном взаимодействии с медицинским и техническим сообществом, что позволит создать сбалансированную систему, стимулирующую инновации в медицине при одновременном обеспечении надежной защиты прав и интересов пациентов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Афанасьевская А.В. Применение искусственного интеллекта в системе здравоохранения: вопросы ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 3(158). DOI: 10.24412/2227-7315-2024-3-103-107 EDN: PKQAZC
2. Афанасьевская А.В. Применение искусственного интеллекта в системе здравоохранения: вопросы ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 3. С. 103–107. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-3-103-107 EDN: PKQAZC
3. Басова А.В. Применение искусственного интеллекта в медицине: правовые риски и перспективы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 3(158). С. 108–113. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-3-108-113 EDN: ILAEEV
4. Борулева Е.Д. Роль искусственного интеллекта в искусственной репродукции и возможность правового регулирования: вопросы медицинского права // Уральский журнал правовых исследований. 2022. DOI: 10.34076/2658_512X_2022_2_20 EDN: LGEKGT
5. Борулёва Е.Д. Роль искусственного интеллекта в искусственной репродукции и возможность правового регулирования: вопросы медицинского права // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 2(19). С. 20–28. DOI: 10.34076/2658_512X_2022_2_20 EDN: LGEKGT
6. Иванов, К.М. Современное состояние правового регулирования использования искусственного интеллекта // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 2(51). С. 5–10. EDN: WCFFBA
7. Иванова А.П. Правовые проблемы использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 1. С. 151–159. DOI: 10.31249/rgpravo/2021.01.16 EDN: QDECBN
8. Им А.Д. Применение искусственного интеллекта в области здравоохранения / А.Д. Им, А.А. Гуров // XVII итоговая студенческая научная конференция: сборник статей, Санкт-Петербург, 02 апреля 2025 г. СПб. : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. С. 191–195. EDN: VFMJJW
9. Колонтаевская И.Ф. Правовое обеспечение искусственного интеллекта в контексте устойчивого развития здравоохранения в России // Искусственный и естественный интеллект: алгоритмы, мышление и образовательные технологии: материалы XXI Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых, Москва, 27–28 марта 2025 г. М. : Московский университет им. С.Ю. Витте, 2025. С. 1151–1163. EDN BNGKUU.
10. Лапина М.А. Организационно-правовые и финансовые аспекты цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта в области здравоохранения // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. № 3. С. 169–185. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-169-185 EDN: PWITLG
11. Понкин И.В. Искусственный интеллект в сфере здравоохранения: понятие, проблемы, правовые аспекты // Бизнес, менеджмент и право. 2025. № 2(66). С. 62–67. EDN: WDQPQS
12. Рычкова К.О. Проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения // Аграрное и земельное право. 2024. № 6(234). С. 53–55. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_6_53 EDN: QWSBLC

13. Сигал А.В. Возможные негативные последствия внедрения технологий искусственного интеллекта в здравоохранение / А.В. Сигал, М.А. Бакуменко // Управление, экономика и право: проблемы, исследования, результаты: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 28–29 августа 2024 г. Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2024. С. 178–184. EDN: MRDUHI
14. Сухарев А.Н. О перспективах правового регулирования использования искусственного интеллекта в Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 13–21. DOI: 10.26456/vtpravo/2021.3.013 EDN: UJNNIK
15. Черных Е.Е. Искусственный интеллект в здравоохранении России: современное состояние и уголовно-правовые риски // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4(88). С. 127–131. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-4-127-131 EDN: FXTWTX
16. Чернышева Д.А. Вопросы применения искусственного интеллекта в системе здравоохранения России: к постановке проблемы / Д.А. Чернышева; Под ред. В.Д. Гридасова // Международный форум «Медицинское право»: материалы Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 20 апреля 2021 г. Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», 2021. С. 373–381. EDN: LMWSSD
17. Шутова А.А. Применение технологий искусственного интеллекта в сфере здравоохранения: уголовно-правовые девиации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3(38). С. 92–100. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-38-3-92-100 EDN: RKMSGE

References:

1. Afanasyevskaya A.V. Application of artificial intelligence in the healthcare system: issues of responsibility // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. № 3(158). DOI: 10.24412/2227-7315-2024-3-103-107 EDN: PKQAZC
2. Afanasyevskaya A.V. Application of artificial intelligence in the healthcare system: issues of liability // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. № 3. P. 103–107. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-3-103-107 EDN: PKQAZC
3. Basova A.V. The use of artificial intelligence in medicine: legal risks and prospects // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. № 3(158). P. 108–113. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-3-108-113 EDN: ILAEEV
4. Boruleva E.D. The role of artificial intelligence in artificial reproduction and the possibility of legal regulation: issues of medical law // Ural Journal of Legal Research. 2022. DOI: 10.34076/2658_512X_2022_2_20 EDN: LGEKGT
5. Boruleva E.D. The role of artificial intelligence in artificial reproduction and the possibility of legal regulation: issues of medical law // Ural Journal of Legal Research. 2022. № 2(19). P. 20–28. DOI: 10.34076/2658_512X_2022_2_20 EDN: LGEKGT
6. Ivanov K.M. The current state of legal regulation of the use of artificial intelligence // Law. Safety. Emergency situations. 2021. № 2(51). P. 5–10. EDN: WCFFBA
7. Ivanova A.P. Legal problems of the use of artificial intelligence in the field of healthcare // Social sciences and humanities. Russian and foreign literature. Series 4: State and Law. 2021. № 1. P. 151–159. DOI: 10.31249/rgravo/2021.01.16 EDN: QDECBH
8. IM A.D. Application of artificial intelligence in the field of healthcare / A.D. IM, A.A. Gurov // XVII final student scientific conference: collection of articles, St. Petersburg, April 02, 2025. SPb. : VGU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2025. P. 191–195. EDN: VFMJJW
9. Kolontaevskaya I.F. Legal support of artificial intelligence in the context of sustainable healthcare development in Russia // Artificial and natural intelligence: algorithms, thinking and educational technologies : proceedings of the XXI International Congress with elements of a scientific school for young scientists, Moscow, March 27–28, 2025. M. : Moscow University named after S.Y. Witte, 2025. P. 1151–1163. EDN: BNGKUU
10. Lapina M.A. Organizational, legal and financial aspects of digitalization and the introduction of artificial intelligence technologies in the field of healthcare // Finance: theory and practice. 2022. Vol. 26. № 3. P. 169–185. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-169-185 EDN: PWITLG
11. Ponkin I.V. Artificial intelligence in healthcare: concept, problems, legal aspects // Business, management and law. 2025. № 2(66). P. 62–67. EDN: WDQPQS
12. Rychkova K.O. Problems of legal regulation of the use of artificial intelligence in the field of healthcare // Agrarian and land law. 2024. № 6(234). P. 53–55. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_6_53 EDN: QWSBLC
13. Sigal A.V. Possible negative consequences of the introduction of artificial intelligence technologies in healthcare / A.V. Sigal, M.A. Bakumenko // Management, economics and law: problems, research, results: collection of articles of the IV International Scientific and Practical Conference, Penza, August 28–29, 2024. Penza : Penza State Agrarian University, 2024. P. 178–184. EDN: MRDUHI
14. Sukharev A.N. On the prospects of legal regulation of the use of artificial intelligence in the Russian Federation // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2021. № 3(67). P. 13–21. DOI: 10.26456/vtpravo/2021.3.013 EDN: UJNNIK
15. Chernykh E.E. Artificial intelligence in Russian healthcare: the current state and criminal law risks // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4(88). P. 127–131. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-4-127-131 EDN: FXTWTX

16. Chernysheva D.A. Issues of the use of artificial intelligence in the Russian healthcare system: towards the formulation of the problem / D.A. Chernysheva; Edited by V.D. Gridasov // International Forum «Medical Law»: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, April 20, 2021. Yekaterinburg : Ural State University of Law, 2021. P. 373–381. EDN: LMWSSD
17. Shutova A.A. Application of artificial intelligence technologies in the field of healthcare: criminal law deviations // Law and order: history, theory, practice. 2023. № 3(38). P. 92–100. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-38-3-92-100 EDN: RKMSGE

Информация об авторе

Якуньков Валерий Вячеславович

аспирант кафедры теории
и истории государства и права,
юридический факультет им. А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
RCID: 0009-0007-3694-5283
valerii.yakunkov1905@mail.ru

Valeriy V. Yakunkov

Postgraduate Student in the Department
of Theory and History of State and Law,
A.A. Khmyrov Law Faculty,
Kuban State University
RCID: 0009-0007-3694-5283
valerii.yakunkov1905@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.01.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-8>

УДК 338.23



Attribution

cc by

РОЛЬ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСИЛЕНИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ЭКОНОМИКИ

Лакин А.А.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация. В статье рассматривается текущее состояние отечественной экономики, и в частности, инновационной деятельности. Производится анализ эффективности инновационной деятельности, рассматривается динамика ключевых показателей эффективности, в том числе анализ развития производства высокотехнологичной продукции и научной активности. Анализируется влияние инновационной деятельности на усиление технологической независимости, рассматриваются текущие положительные эффекты, существующие в российской экономике, и главные драйверы развития инновационной деятельности. В статье были рассмотрены и проанализированы существующие негативные эффекты, оказывающие влияние на отечественную экономику, а также описаны причины, которые их вызывают. Рассматривается зарубежный опыт преодоления внешних негативных факторов, оказывающих влияние на экономику. В результате исследования определены существующие проблемы и пути решения в рамках усиления технологической независимости.

Ключевые слова: технологическая независимость, инновации, инновационная деятельность, импортозамещение, высокотехнологичное производство, конкурентоспособность, импортозамещение.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE ROLE OF INNOVATION IN STRENGTHENING TECHNOLOGICAL INDEPENDENCE OF THE ECONOMY

Alexander A. Lakin

Patrice Lumumba Russian University of Friendship of Peoples

Abstract. The article examines the current state of the domestic economy, and in particular, innovative activities. It analyzes the effectiveness of innovative activities, examines the dynamics of key performance indicators, including the development of high-tech production and scientific activity. The article analyzes the impact of innovative activities on strengthening technological independence, examines the current positive effects in the Russian economy, and identifies the main drivers of innovative activity development. The article also examines and analyzes the existing negative effects on the domestic economy, and describes the causes that contribute to them. The article also examines foreign experiences in overcoming external negative factors that affect the economy. The study identified existing problems and solutions for strengthening technological independence.

Keywords: Technological independence, innovation, innovative activity, import substitution, high-tech production, competitiveness, import substitution.

Funding: Independent work.

Введение.

Инновационная деятельность на сегодняшний день представляет собой важнейший аспект успешного развития экономики и усиления её технологической независимости.

Текущая экономическая ситуация, а также внешнее давление на экономику, выражающееся в виде санкций и ограничений, введенных в отношении Российской Федерации, в качестве основных задач ставят развитие инновационной деятельности и обеспечение развития высокотехнологичных и наукоемких предприятий.

© Лакин А.А.

Отечественная экономика обладает значительным научно-техническим и производственным потенциалом, однако, уровень современных вызовов (санкционное давление, COVID-19, затраты на оборону), пожалуй, впервые за современную историю страны достиг такого высокого значения. Данные события оказывают значительное влияние на развитие отечественной инновационной деятельности.

Основной целью проведенного исследования является анализ текущего уровня эффективности инновационной деятельности, как ключевого фактора технологической независимости экономики, а также определение путей её дальнейшего развития в сложившихся условиях.

Материалы и методы исследования.

Теоретико-методологическую основу исследования составили научные статьи и монографии, преимущественно, отечественных авторов, данные Росстата, программы, реализующиеся государством.

При проведении исследования были использованы общенаучные методы познания, а именно: наблюдение и диалектическая логика, анализ и синтез, познание объективной действительности, приемы обобщения и сравнительного анализа. Обработка данных и их систематизация применялись с применением графического метода.

Проблема развития инновационной деятельности и развития технологической независимости экономики, особенно в условиях ужесточения санкционной политики и пути ее решения получили весьма широкое освещение в научной литературе. Рассмотрены различные подходы реализации, в том числе, основанные на анализе зарубежного опыта.

Следует обратить внимание на тот факт, что на протяжении последних лет сила внешнего давления только увеличивается, что ставит перед государством новые задачи по преодолению негативных эффектов. В то же время, проанализированные данные показывают, что инновационная деятельность в отечественной экономике развивается недостаточно быстро, чтобы выйти на инновационный путь развития экономики, что сказывается на уровне технологической независимости. Это во многом определяет предложенные в исследовании пути решения существующих проблем.

Результаты.

Проведенное исследование позволило получить следующие конкретные результаты.

Определены ключевые показатели инновационной деятельности в России на текущий момент, в том числе на основании официальных статистических данных.

Определены главные драйверы развития инновационной деятельности: стартапы, малый и средний бизнес, инновационная инфраструктура.

Рассмотрены существующие позитивные (развитие инновационной инфраструктуры, государственная поддержка, реализация государственных программ, направленных на развитие инновационной деятельности, цифровизация) и негативные (низкий уровень инвестиционной активности, затрудненный экспорт продукции, санкционное давление, дефицит высококвалифицированных специалистов) факторы, оказывающие влияние на состояние инновационной деятельности.

Рассмотрен зарубежный опыт (КНДР, Иран) преодоления внешних ограничений в рамках развития инновационной деятельности и усиления технологической независимости.

На основании анализа актуального состояния инновационной среды, позитивных и негативных факторов, а также зарубежного опыта предложены пути по развитию инновационной деятельности и усилению технологической независимости: развитие, подготовка и переподготовка высококвалифицированных кадров; использование в инновационной деятельности современных цифровых технологий; улучшение инвестиционного климата; модернизация производственной базы предприятий, занятых в инновационной деятельности; стимулирование инновационной активности; развитие экономических взаимоотношений с дружественными странами.

Обсуждение.

В современных условиях инновационная деятельность выступает в качестве ключевого фактора экономического роста и социально-экономического развития. В условиях жесткой международной конкуренции, глобализации и цифровой трансформации способность стран разрабатывать и производить высокотехнологичные продукты, а также успешно их реализовывать становится определяющим фактором конкурентоспособности экономики.

На текущий момент, отечественная экономика столкнулась с рядом трудностей, которые включает и пандемию COVID-19, и сильнейшее санкционное давление.

Обладая значительным научно-техническим потенциалом и широким запасом природных ресурсов, Россия стремится преодолеть возникшие вызовы в том числе за счет выхода на лидирующие позиции в области инноваций [7].

Для реализации данного процесса было реализовано и реализуется на текущий момент множество мероприятий, в том числе цифровизация, импортозамещение, формирования новых технологических кластеров и создание инновационной инфраструктуры.

Создание условий для осуществления эффективной инновационной деятельности является одним из ключевых для усиления технологической независимости и развития импортозамещения в отечественной экономике.

Под технологической независимостью понимается способность государства обеспечить с помощью отечественных организаций разработку и использование в производстве технологий, обеспечивающих обороноспособность и безопасность государства, нормальное функционирование экономики и общества и перспективное экономическое развитие [15].

Для дальнейшего исследования роли инновационной деятельности в усилении технологической независимости экономики следует проанализировать текущие показатели эффективности инновационной деятельности.

Внутренние затраты на научные исследования и разработки в процентах к валовому внутреннему продукту эти один из ключевых показателей, по которому сравнивают инновационную активность экономик стран. Росстат даёт следующую статистику относительно российской экономики (рис. 1).



Рисунок 1 – Внутренние затраты на научные исследования и разработки в процентах к валовому внутреннему продукту
(составлено автором на основе данных [16])

Можно отметить, что за последние 10 лет данный показатель изменялся незначительно и держался примерно на уровне, 1 % несмотря на различные меры поддержки наукоемких и высокотехнологичных производств со стороны государства. В то же время, данный показатель остается по-прежнему значительно ниже среднемировых значений (2,5 %) и значительно уступает лидерам в данной области (Южная Корея (4,6 %), Израиль (5,4 %), Швеция (3,5 %)) [7].

Тем не менее, следует оценить вклад высокотехнологичных отраслей промышленности в валовый внутренний продукт страны. Данный показатель позволит оценить эффективность инвестиций в научные исследования и разработки (рис. 2).

Таким образом, можно заметить, что, несмотря на то, что уровень инвестиций в научные иссле-

дования не изменялся либо слабо изменялся на протяжении длительного периода времени, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП постепенно росла, что свидетельствует о расширении и повышении эффективности инновационной деятельности.

Также некоторые исследователи в рамках оценки эффективности инновационной деятельности рассматривают уровень экспорта высокотехнологичной продукции.

В.А. Красавина и Б.Л. Скрынченко отмечают повышение уровня данного типа экспорта с 7 % до 9 % в период 2020–2024 годов [7]. С одной стороны, это является положительной тенденцией. Однако результаты могли быть и выше, но отечественный экспорт высокотехнологичной продукции сталкивается с определенными сложностями, в том числе и внешнего характера.

**Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП
(в процентах)**

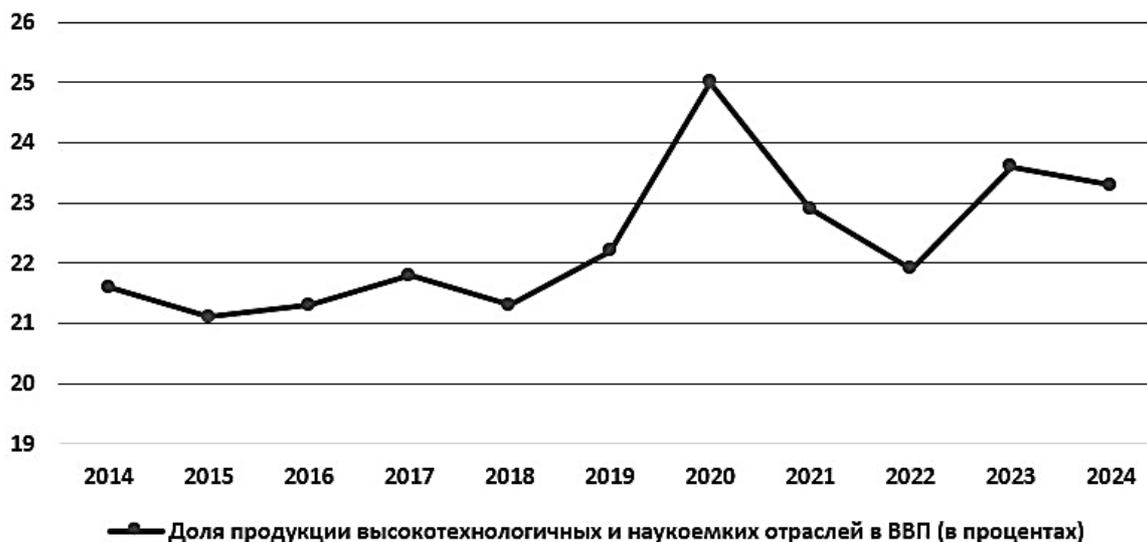


Рисунок 2 – Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП (в процентах)
(составлено автором на основе данных [7]).

Проблемы высокотехнологичного экспорта включают:

- Затруднение осуществления внешнеторговой деятельности по причине введения ряда санкционных ограничений, усложняющих доступ к международным рынкам. Данное затруднение носит искусственный характер и относится скорее к политическому полю, нежели к уровню конкурентоспособности и качества отечественной продукции;
- Недостаточный уровень конкурентоспособности отечественной продукции в сравнении с зарубежными аналогами. Западные и европейские аналоги высокотехнологичной продукции имеют зачастую более высокое качество по сравнению с отечественными образцами;
- Отсутствие у отечественных компаний-производителей высокотехнологичной продукции сформулированной маркетинговой политики по продвижению продукции на международных рынках.

Таким образом, можно отметить, что на текущий момент в российской экономике наметилась положительная динамика в отношении инновационной деятельности, однако нельзя сказать, что текущая ситуация является удовлетворительной и не требует проведения дальнейших мероприятий по её совершенствованию.

В то же время, в рамках развития инновационной деятельности, на сегодняшний день реализуется программа импортозамещения, которая непосредственно ее затрагивает.

Импортозамещение косвенно подразумевает переход отечественной экономики на инновационный путь развития [14], в связи с чем, появляется необходимость по стимулированию иннова-

ционной активности отечественных предприятий. Это приводит к определенным результатам – доля компаний, которые осуществляют технологические инновации постепенно увеличивается, однако это по-прежнему является низким показателем по сравнению с иностранными конкурентами (рис. 3) [14].

Соответственно, можно отметить, что поставленные цели в рамках программы импортозамещения ещё не достигнуты, что непосредственно сказывается на уровне развития инновационной деятельности. Это означает, что текущие стратегия и направления деятельности по развитию инновационной деятельности должны быть скорректированы с учетом текущих реалий.

Ряд исследователей подчеркивают важность привлечения субъектов малого и среднего бизнеса к инновационной деятельности [5], а также реализацию стартапов [6], которые оказываются более устойчивыми к внешним вызовам, чем традиционные предприятия [10]. Рассматриваются вопросы стимулирования инновационного развития как ключевого фактора успешного противостояния внешним экономическим вызовам и ограничениям, а соответственно, и усиления технологической независимости отечественной экономики.

В соответствии с исследованиями, можно сделать вывод о том, что стартапы, которые фокусируют свою деятельность на разработке инновационных продуктов и технологий, показывают лучшие показатели выручки и процент успешных проектов. По состоянию на 2024 год средний процент успешных проектов составляет 35 % [6], что является довольно высоким показателем с учетом высокого уровня неопределенности, который характерен для технологических стартапов.

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, по Российской Федерации, по видам экономической деятельности



Рисунок 3 – Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации (в процентах)
(составлено автором на основе данных [17])

Н.Е. Егорова и С.П. Бушанский рассматривают малый и средний бизнес как ключевой драйвер в реализации импортозамещающей стратегии развития российской экономики, в том числе за счет развития высокотехнологичного производства [5]. По их мнению, малый и средний бизнес способен выступать в роли инновационно ориентированных фирм, которые готовы принимать на себя риски научных разработок и внедрения инноваций.

Помимо этого, предприятия среднего бизнеса обладают более высоким уровнем технологического и технического оснащения, что позволяет им, в свою очередь, с учетом достаточного количества высококвалифицированных специалистов внедрять инновации и реализовывать инновационные проекты с приемлемым уровнем эффективности, при этом гибко реагируя на внешние воздействия [3].

Помимо этого, некоторые исследователи среди драйверов развития инновационной деятельности и усиления технологической независимости выделяют определенные элементы инновационной инфраструктуры, в частности технопарки [12].

Развитие инновационной инфраструктуры, в данном случае, выступает в роли важного направления, способствующего преодолению зависимости от импортной продукции и формированию технологического суверенитета. Данная инновационная инфраструктура включает в себя не только технопарки, но также и особые экономические зоны, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, различные венчурные и инвестиционные фонды, образовательные учреждения по подготовке и переподготовке кадров и др.

На текущий момент, в России создана обширная и разносторонняя инновационная инфраструктура, которая включает в себя множество пред-

приятий, осуществляющих и поддерживающих осуществление инновационной деятельности.

Ключевыми задачами являются реализация инновационных проектов и технологий, в том числе в целях импортозамещения.

Также следует рассмотреть текущие условия, в которых осуществляется инновационная деятельность, её положительные и отрицательные эффекты, а также текущее состояние инновационной среды.

На сегодняшний день в России осуществляется множество мероприятий и реализуется множество программ, способствующих развитию инновационной деятельности в отечественной экономике.

Пожалуй, главным положительным фактором, оказывающим положительное влияние на инновационную деятельность, можно назвать всестороннюю государственную поддержку. Она заключается в осуществлении программы импортозамещения, которая была актуализирована с учетом жесткой санкционной политики, проводимой в отношении России. Данный факт позволил обратить существенное внимание на проблемные отрасли, среди которых можно выделить IT-сектор, фармацевтику, электронику и микроэлектронику, авиастроение и другие отрасли, занятые в производстве высокотехнологичной продукции.

Помимо этого, продолжается вложение значительных ресурсов в совершенствование инновационной инфраструктуры, в том числе в создание современных технопарков, инновационных кластеров и особых экономических зон. «Сколково», «Иннополис», «Сибирский наукополис» и многие другие кластеры и технопарки концентрируют на своей территории значительные научные и производственные ресурсы, что способствует развитию инновационной деятельности на данных территориях.

В то же время, данные площадки предоставляют льготное налогообложение, доступ к венчурным фондам и инфраструктурной поддержки для малых предприятий, что положительно сказывается на уровне их эффективности.

Также реализуется ряд программ, способствующих как развитию инновационной инфраструктуры, так и человеческого капитала, что в последствии позволяет повысить конкурентоспособность отечественной науки. Среди данных программ можно выделить такие, как «Цифровая экономика» и «Наука и университеты».

Также в России был дан сильный толчок цифровизации, которая поспособствовала широкому внедрению цифровых технологий и решений на отечественных предприятиях.

Помимо этого, на текущий момент продолжают развиваться отечественные разработки в области кибербезопасности, искусственного интеллекта, цифрового банкинга и многие другие.

Однако не следует забывать и о негативных факторах, оказывающих негативное влияние на инновационную деятельность. В первую очередь, следует выделить сильнейшее негативное влияние введенных санкций. Несмотря на то, что данный фактор послужил стимулом для начала более глубокой работы в сфере импортозамещения, тем не менее он оказывает крайне негативное влияние на отечественную экономику. В частности, доступ к технологиям стал крайне затруднен. Резкое ограничение поставок иностранного оборудования, компонентов и оборудования привело к серьезному нарушению в деятельности многих предприятий и реализации инновационных проектов. Появилась резкая необходимость замещения западного оборудо-

вания и комплектующих на отечественные аналоги или аналоги дружественных стран. Данный факт отразился на затруднении развития и деятельности многих отраслей.

Помимо этого, затруднился выход российской продукции, в том числе высокотехнологичной, на международные рынки. Сократилось международное сотрудничество в целом, стало затруднено научное сотрудничество и обмен технологиями и знаниями с мировыми лидерами в области науки и технологий.

Среди внутренних проблем следует выделить низкий уровень инвестиционной активности. Осуществление инновационной деятельности требует значительных затрат финансовых ресурсов. Соответственно, недостаток инвестиций приводит к значительному усложнению осуществления данной деятельности. Финансирование проектов осуществляется преимущественно из бюджетных фондов, что создает повышенную конкуренцию между проектами и организациями ещё на стадии распределения ресурсов, что негативно сказывается на инновационной активности.

Помимо этого, на текущий момент существует серьезный дефицит высококвалифицированных специалистов, которые необходимы для осуществления инновационной деятельности. Если обратить внимание на количество патентов на изобретение или полезную модель, которые регистрируются в России за период с 2019 по 2023 год, то можно увидеть, что с 2019 года их количество сократилось с 33054 до 30205 в 2023 году, что, в свою очередь, говорит о постепенном сокращении полезных моделей и разработок (рис. 4).

Динамика выдачи патентов

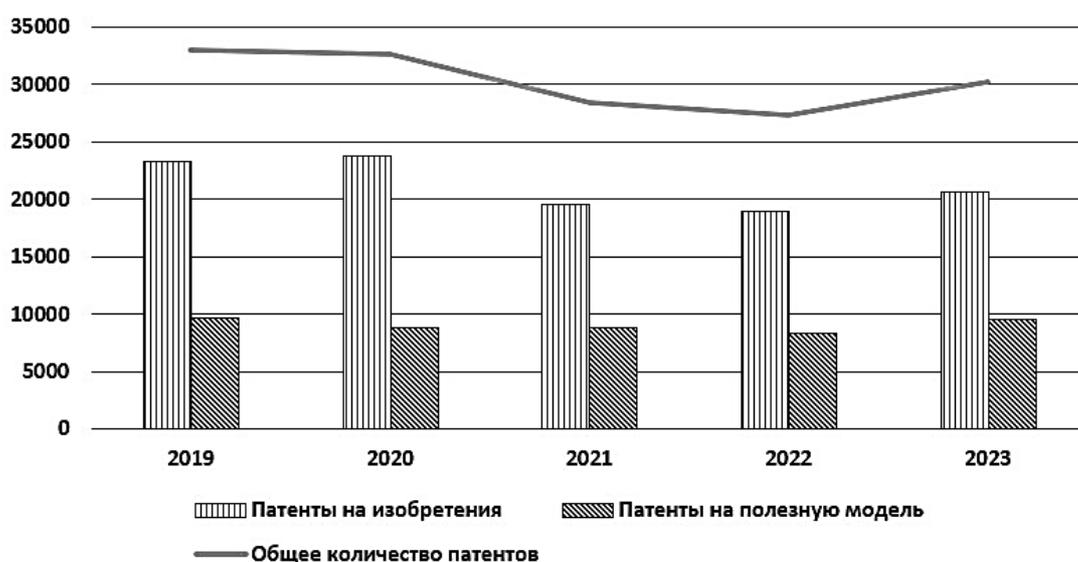


Рисунок 4 – Динамика выдачи патентов
(составлено автором на основе данных [1])

Чтобы избежать негативных последствий, государство должно стимулировать отечественных производителей и осуществлять в их отношении меры поддержки, которые будут способствовать активизации инновационной деятельности, а также повышению качества и конкурентоспособности производимой продукции [4].

При условии ужесточения санкционной политики, затрат значительной части бюджетных ресурсов на расходы в сфере обороны, а также серьезного давления на отечественную экономику в рамках экспорта природных ресурсов со стороны недружественных стран через давление на весь международный рынок полезных ископаемых, сейчас следует разрабатывать и готовить новые меры, которые позволят смягчить и преодолеть возможный негативный эффект от возможных грядущих проблем, связанных с технологической независимостью.

Необходимо в рамках данного процесса рассмотреть зарубежный опыт, в особенности тех стран, которые находились или находятся под аналогичным внешним санкционным давлением. В данном случае, наиболее подходящими странами выступают КНДР и Иран.

КНДР на протяжении нескольких десятилетий сталкивается со внешними ограничениями, которые не позволяют экономике нормально функционировать. Изначально довольно серьезную экономическую помощь оказывал СССР, но после его распада страна начала испытывать значительные трудности. Введение санкций в 2017 году ещё сильнее осложнило ситуацию – более 90 % традиционного экспорта КНДР было запрещено, а внешняя торговля сократилась на 15 % [13]. В рамках адаптации к новым условиям, большую роль сыграло развитие отношений с Китаем, с которым ещё в 2014 году объем торговли достигал 90% от общего объема. Помимо этого, с 2022 года стали более активно развиваться экономические отношения с Россией.

В рамках развития данных отношений КНДР запустила политику по созданию свободных экономических зон, где предоставлялись особые условия для ведения бизнеса иностранцами. Данные экономические зоны предоставляли ряд преимуществ, в том числе налоговые льготы, для иностранного бизнеса, что позволило обеспечить приток инвестиций в страну и развитие бизнеса на своей территории.

Помимо этого, для обхода санкций, касающихся запрета экспорта из КНДР ряда товаров, страна начала вести торговлю со странами, которые были готовы приобретать подсанкционные товары со скидкой, а также активное использование интернет-торговли для определенных групп товаров.

Что касается подготовки научных кадров, то здесь КНДР использует стратегию повышения квалификации своих специалистов в западных университетах с последующей стажировкой. Это

позволяет готовить высококачественных специалистов, которые в последствии обеспечивают в стране организацию и совершенствование высокотехнологичных производств. Об этом можно судить по реализации ракетно-ядерного проекта, несмотря на санкции, которые вводились СБ ООН [2].

Опыт Ирана в сфере противодействия так же довольно богат и требует анализа и рассмотрения. Страна так же, как и КНДР долгое время находится под санкционным давлением, однако, экономика страны продолжает функционировать, а определенные отрасли экономики успешно развиваются. Одной из таких отраслей является металлургия, которую Иран рассматривает в качестве приоритетной в рамках развития национальной экономики, поскольку в стране имеются обширные запасы руды различных металлов.

Курс на развитие металлургии изначально был ориентирован на организацию передовых производств, а к середине 2000-х годов данный сектор стал одним из ведущих в мире. Данного результата удалось достичь за счет форсированного импортозамещения, усиления связей с азиатскими партнерами и интеграции в региональные цепочки поставок.

Несмотря на введение новых санкций и ограничений 2020 и 2021 годах, негативные эффекты удалось преодолеть за счет реализации программы модернизации металлургической промышленности, предусматривавшей замещение импортных производств и развитие внутреннего рынка, а также приватизации действующих заводов и привлечения частных и иностранных инвесторов, что в последствии привело к тому, что в 2021 году Иран производил более четверти совокупного производства железа прямого восстановления во всем мире [9].

Что касается других отраслей, то здесь Иран ориентируется на импортозамещение отечественного производства, в том числе в таких отраслях, как нефтехимия, автомобильная промышленность, а также информационно-коммуникационные технологии, которые требуют развития в стране экономики знаний, над чем сейчас активно работает правительство страны. Иран на текущий момент вкладывает значительные средства в развитие человеческого капитала и повышение научного потенциала страны.

Несмотря на сильное экономическое давление со стороны других государств, КНДР и Иран находят способы для развития экономик и активно повышают технологическую независимость. Этот процесс занимает довольно длительный период, однако имеет значительные положительные эффекты, в том числе отражающиеся на размере ВВП.

Анализ существующих проблем, векторов и драйверов развития отечественной инновационной деятельности, как ключевого фактора усиления технологической независимости, а также

анализ зарубежного опыта позволяет обозначить пути по преодолению возникающих перед отечественной экономикой трудностей.

В первую очередь, для минимизации негативных эффектов необходимо совершенствовать работу по обучению и развитию кадров. Зарубежный опыт показывает, что данный фактор является одним из ключевых для формирования технологической независимости страны и перехода экономики на инновационный путь. Необходимо разрабатывать образовательные программы, которые будут адаптированы под современные реалии, а также механизмы, которые будут стимулировать молодых специалистов развиваться в научной области [8].

Во-вторых, необходимо стимулировать использование в инновационной деятельности предприятий современных цифровых технологий, в том числе ИИ и цифровые двойники. На текущий момент, работа по данному направлению уже ведется, однако, внедрение данных технологий может требовать дополнительного стимулирования со стороны государства, в том числе за счет предоставления субсидий или внедрения определенных льгот.

В-третьих, на протяжении уже долгого времени важной проблемой для решения является недостаточный уровень развития инвестиционного климата.

Примеры зарубежного опыта показывают, что данный вопрос является необходимым для решения, т.к., зачастую, собственных средств предприятий и государства не хватает для решения вопросов, связанных с инновационной деятельностью. Соответственно, должны быть разработаны меры по улучшению инвестиционного климата.

В-четвертых, на текущий момент многим предприятиям необходимо модернизировать свою производственную базу и обновить свои основные фонды, по причине их устаревания. Это непосредственно сказывается на эффективности инновационной деятельности предприятий. В то же время реализации данных мер должны опираться по возможности на оборудование, произведенное отечественными производителями, что позволит уменьшить зависимость от зарубежных поставщиков.

Также, опыт зарубежных стран показывает, что частично санкционное давление возможно преодолеть за счет активизации экономических взаимоотношений с дружественными странами. Улучшение экономических отношений с дружественными странами будет способствовать развитию экспорта, а также позволит в случае необходимости импортировать необходимые для экономики ресурсы и товары.

Помимо этого, необходимо стимулировать инновационную активность предприятий, что будет способствовать повышению эффективности

производства и финансовых результатов деятельности организаций. Данные мероприятия также будут способствовать ресурсному обеспечению инновационной деятельности, в том числе проведению фундаментальных и прикладных исследований [11].

Все вышеперечисленные меры позволят подготовить, стимулировать отечественную инновационную деятельность, а также подготовить экономику к возможному усилению негативных эффектов в будущем, а соответственно позволят усилить технологическую независимость.

Однако следует помнить о том, что в современных условиях достичь полной технологической независимости невозможно. Ни одно государство в мире не имеет достаточного количества ресурсов для её обеспечения. Соответственно, на текущий момент следует сосредоточиться на ключевых направлениях, которые являются необходимыми для нормального функционирования экономики и общества.

Заключение.

Таким образом, существующие условия ставят перед государством новые вызовы в области экономики. В частности, все более актуальным становится вопрос развития инновационной деятельности, результаты которой могут обеспечить приемлемый уровень технологической независимости государства.

На текущий момент существует ряд проблем, которые требуют непосредственного внимания со стороны государства, касающиеся, в первую очередь, осложнения выхода на международные рынки отечественной высокотехнологичной продукции, недостатка высококвалифицированных кадров для осуществления инновационной деятельности, а также недостаточное развитие инвестиционного климата, что отражается на достаточности финансирования инновационной деятельности.

В соответствии с проведенным исследованием предложены пути решения существующих проблем, а также возможных будущих негативных эффектов, в том числе на основании анализа зарубежного опыта преодоления внешних ограничений.

В рамках развития инновационной деятельности предлагается совершенствовать работу по подготовке и переподготовке кадров, стимулировать использование современных технологий в производстве, провести работу по совершенствованию инвестиционного климата, модернизировать производственную базу предприятий, улучшать экономические отношения с дружественными странами, а также стимулировать инновационную активность предприятий. Данные мероприятия могут способствовать в преодолении возможных негативных эффектов, повышению эффективности инновационной деятельности и как следствие усилению технологической независимости экономики.

Конфликт интересов Не указан Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Conflict of Interest None declared Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.
--	---

Литература:

1. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2023: коэффициент изобретательской активности в субъектах Российской Федерации / А.В. Александрова [и др.]. М. : Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2024. 60 с.
2. Бойкова А. В., Волкова С. Н. Международный опыт отдельных стран адаптации к санкциям // Journal of monetary economics and management. 2025. № 8. С. 207–214. DOI: 10.26118/2782-4586.2025.97.90.076 EDN: ELKOMK
3. Виленский А.В. Некрупное предпринимательство в условиях кризиса: пространственный аспект безопасности // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 3. С. 871–890. DOI: 10.18334/ecsec.5.3.114897 EDN: KJPVLJ
4. Демидова А.М. Современные особенности реализации стратегии импортозамещения в Российской Федерации / А.М. Демидова, А.В. Кондратьев, Б.А. Лазарев // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 1. URL : <https://esj.today/PDF/96FAVN123.pdf>. EDN: YZMIDY
5. Егорова Н.Е. Роль малого бизнеса в импортозамещающей стратегии развития российской экономики / Н.Е. Егорова, С.П. Бушанский // Экономический журнал ВШЭ. 2024. № 28(2). С. 302–328. DOI: 10.17323/1813-8691-2024-28-2-302-328 EDN: RHUXUK
6. Косушкина Ю.Р. Импортозамещение в российских стартапах: оценка экономической эффективности бизнес-моделей в условиях санкционного давления // Бизнес и дизайн ревю. 2025. № 1(37). С. 12–21. EDN: YFLBLS
7. Красавина В.А. Анализ эффективности инновационной деятельности в России в 2020–2024 годах / В.А. Красавина, Б.Л. Скрынченко // Экономические системы. 2025. Т. 18. № 2. С. 202–212. DOI: 10.29030/2309-2076-2025-18-2-202-212 EDN: LNYGFO
8. Ляченков М.И. Роль инновационных центров импортозамещения в усилении технологической независимости и стимулировании инноваций в производстве автомобильных компонентов // Вестник университета. 2025. № 4. С. 42–49. DOI: 10.26425/1816-4277-2025-4-42-49 EDN: QMTDUW
9. Морева Е.Л. Управление развитием металлургической отрасли в условиях санкций: анализ опыта Ирана и КНДР / Е.Л. Морева, О.М. Абросимова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2023. № 3. Т. 2. С. 105–114. DOI: 10.51965/2076-7919_2023_2_3_105 EDN: IQWFHW
10. Нестерова К.С. Разработка бизнес-модели стартапа // Интернаука. 2021. № 22-3(198). С. 61–62. EDN: DRVTFF
11. Пономаренко Н.Ш. Инновационные доминанты формирования и реализации стратегии импортозамещения на предприятиях пищевой промышленности / Н.Ш. Пономаренко, А.И. Балдынюк // Прогрессивная экономика. 2023. № 9. С. 5–30. DOI: 10.54861/27131211_2023_9_5 EDN: HSTBQP
12. Скорниченко Н.Н. Роль технопарков в развитии инновационной деятельности и укреплении технологического суверенитета России / Н.Н. Скорниченко, Н.В. Стрелкова // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023. Т. 14. № 2. С. 114–124. DOI: 10.18287/2542-0461-2023-14-2-114-124 EDN: POPYRG
13. Тимофеев И.Н. Почему санкции терпят неудачу? Опыт международных и односторонних санкций в отношении КНДР // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 1. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-07 EDN: LZVZLS
14. Туманян Ю.Р. Импортозамещение как фактор инновационного развития экономики России / Ю.Р. Туманян, М.А. Индустриев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. № Т. 22. Вып. 4. С. 396–405. DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-4-396-405 EDN: LFNUSZ
15. Файков Д.Ю. Технологическая независимость, технологический суверенитет, технологическое лидерство: особенности стратегического выбора / Д.Ю. Файков, Д.Ю. Байдаров // Научные труды ВЭО России. 2025. № 253. С. 265–275. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-253-3-265-275 EDN: ONWLQE
16. Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL : <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения 29.01.2026).
17. Технологическое развитие отраслей экономики // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (дата обращения 29.01.2026).

References:

1. Analytical research in the field of intellectual property 2023: coefficient of inventive activity in the subjects of the Russian Federation / A.V. Alexandrova [et al.]. M. : Federal Institute of Industrial Property (FIPS), 2024. 60 p.

2. Boikova A.V. The international experience of individual countries in adapting to sanctions / A.V. Boikova, S.N. Volkova // Journal of monetary economics and management. 2025. № 8. P. 207–214. DOI: 10.26118/2782-4586.2025.97.90.076 EDN: ELKOMK
3. Vilensky A.V. Small-scale entrepreneurship in a crisis: the spatial aspect of security // Economic security. 2022. Vol. 5. № 3. P. 871–890. DOI: 10.18334/ecsec.5.3.114897 EDN: KJPVLJ
4. Demidova A.M. Modern features of the implementation of the import substitution strategy in the Russian Federation / A.M. Demidova, A.V. Kondratiev, B.A. Lazarev // Bulletin of Eurasian Science. 2023. Vol. 15. № s1. URL : <https://esj.today/PDF/96FAVN123.pdf> EDN: YZMIDY
5. Egorova N.E. The role of small business in the import-substituting strategy for the development of the Russian economy / N.E. Egorova, S.P. Bushansky // Economic Journal of the Higher School of Economics. 2024. № 28(2). P. 302–328. DOI: 10.17323/1813-8691-2024-28-2-302-328 EDN: RHUXUK
6. Kosushkina Yu.R. Import substitution in Russian startups: assessing the economic effectiveness of business models under sanctions pressure // Business and Design Review. 2025. № 1(37). P. 12–21. EDN: YFLBLS
7. Krasavina V.A. Analysis of the effectiveness of innovation activity in Russia in 2020–2024 / V.A. Krasavina, B.L. Skrynchenko // Economic systems. 2025. Vol. 18. № 2. P. 202–212. DOI: 10.29030/2309-2076-2025-18-2-202-212 EDN: LNYGFQ
8. Lyachenkov M.I. The role of import substitution innovation centers in strengthening technological independence and stimulating innovation in the production of automotive components // Bulletin of the University. 2025. № 4. P. 42–49. DOI: 10.26425/1816-4277-2025-4-42-49 EDN: QMTDUW
9. Moreva E.L. Managing the development of the metallurgical industry under sanctions: an analysis of the experience of Iran and the DPRK / E.L. Moreva, O.M. Abrosimova // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University. 2023. № 3. Vol. 2. P. 105–114. DOI: 10.51965/2076-7919_2023_2_3_105 EDN: IQWFHW
10. Nesterova K.S. Development of a startup business model // Internauka. 2021. № 22-3(198). P. 61–62. EDN: DRVTFE
11. Ponomarenko N.S. Innovative dominants of the formation and implementation of import substitution strategies at food industry enterprises / N.S. Ponomarenko, A.I. Baldynyuk // Progressive Economics. 2023. № 9. P. 5–30. DOI: 10.54861/27131211_2023_9_5 EDN: HSTBQP
12. Skornichenko N.N. The role of technoparks in the development of innovation and strengthening technological sovereignty of Russia / N.N. Skornichenko, N.V. Strelkova // Bulletin of Samara University. Economics and management. 2023. Vol. 14. № 2. P. 114–124. DOI: 10.18287/2542-0461-2023-14-2-114-124 EDN: POPYRG
13. Timofeev I.N. Why are sanctions failing? The experience of international and unilateral sanctions against the DPRK // Bulletin of International Organizations. 2025. Vol. 20. № 1. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-07 EDN: LZVZLS
14. Tumanyan Yu.R. Import substitution as a factor of innovative development of the Russian economy / Yu.R. Tumanyan, M.A. Industriev // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right. 2022. Vol. 22. Iss. 4. P. 396–405. DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-4-396-405 EDN: LFNUSZ
15. Faykov D.Yu. Technological independence, technological sovereignty, technological leadership: features of strategic choice / D.Yu. Faykov, D.Yu. Baydarov // Scientific papers of the VEO of Russia. 2025. № 253. Vol. P. 265–275. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-253-3-265-275 EDN: ONWLQE
16. Science, innovations and technologies // Federal State Statistics Service: [website]. URL : <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/science> (date of application 29.01.2026).
17. Technological development of economic sectors // Federal State Statistics Service: [website]. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (date of application 29.01.2026).

Информация об авторе

Лакин Александр Андреевич

аспирант кафедры прикладной экономики,
факультет – Высшая школа управления,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, г. Москва
ORCID: 0009-0000-4706-5926
alex99.lakin@yandex.ru

Alexander A. Lakin

Postgraduate Student
of the Department of Applied Economics,
Faculty – Higher School of Management,
Patrice Lumumba Russian University
of Friendship of Peoples, Moscow
ORCID: 0009-0000-4706-5926
alex99.lakin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.02.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-9>
УДК 338.46



Attribution
cc by

МЕДИЦИНСКИЙ ТУРИЗМ КАК МНОГОУРОВНЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Мальцева Ю.А.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена сохраняющимися в научном дискурсе теоретической гетерогенностью трактовок сущности и границ медицинского туризма, отсутствием методологически согласованного подхода к его анализу как виду экономической деятельности, затрудняющим оценку его воспроизводственных и институциональных эффектов. Цель исследования – теоретическое осмысление медицинского туризма как многоуровневой организационно-экономической системы, структурированной вокруг комплексной услуги. Работа базируется на методах сопоставления, логического структурирования, дедукции, выводы опираются на результаты обобщения отечественных и зарубежных эмпирических исследований, аналитических данных, представленных в открытых источниках. В работе на основе систематизации доминирующих трактовок уточнен характер межотраслевых связей медицинского туризма: симбиотической со здравоохранением и интегративной с санаторно-курортной, туристской и финансовой отраслями национальной экономики. Предложена уровневая логика его анализа (онтологический, гносеологический и аксиологический уровни), позволяющая разграничить его сущностные характеристики, экономические и финансовые механизмы и результаты функционирования. Полученные результаты формируют методологические основания для анализа медицинского туризма в контексте согласования отраслевых приоритетов и разработки управленческих решений в сфере услуг.

Ключевые слова: медицинский туризм, сфера услуг, вид экономической деятельности, организационно-экономическая система, комплексная услуга, медицинская услуга, межотраслевые связи, здравоохранение.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

MEDICAL TOURISM AS A MULTI-LEVEL ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC SYSTEM

Yulia A. Maltseva

Ural Federal University named After the First President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract. The relevance of the study is due to the continuing theoretical heterogeneity of interpretations of the essence and boundaries of medical tourism in scientific discourse, the lack of a methodologically consistent approach to its analysis as a type of economic activity, making it difficult to assess its reproductive and institutional effects. The purpose of the study is a theoretical understanding of medical tourism as a multilevel organizational and economic system structured around a comprehensive service. The work is based on methods of comparison, logical structuring, deduction, conclusions are based on the results of generalization of domestic and foreign empirical studies, analytical data presented in open sources. Based on the systematization of the dominant interpretations, the paper clarifies the nature of the intersectoral links of medical tourism: symbiotic with healthcare and integrative with the sanatorium, tourism and financial sectors of the national economy. A layered logic of its analysis (ontological, epistemological and axiological levels) is proposed, which makes it possible to distinguish between its essential characteristics, economic and financial mechanisms and the results of its functioning. The results obtained form the methodological basis for analyzing medical tourism in the context of coordinating industry priorities and developing management solutions in the service sector.

Keywords: medical tourism, service sector, type of economic activity, organizational and economic system, complex service, medical service, intersectoral relations, healthcare.

Funding: Independent work.

© Мальцева Ю.А.

Введение.

Целевые государственные ориентиры на сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия¹, переход к персонализированной, предиктивной и профилактической медицине², развитие системы медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения³, устойчивый экономический рост регионов, в том числе за счет специализации и сокращения «пространственных» разрывов⁴, определяя новые траектории развития страны в целом, актуализируют необходимость анализа медицинского туризма как формы экономической деятельности, затрагивающей несколько отраслей экономики.

Подобная актуализация обусловлена, с одной стороны, ускоренным развитием национальной сферы услуг и практическими результатами осуществления деятельности, связанной с медицинским туризмом. Итоги реализации федерального проекта⁵, свидетельствуют о возрастающем значении и стратегическом потенциале медицинского туризма и как сегмента национальной экономики, и как действенного механизма развития здравоохранения и санаторно-курортной отрасли. Однако данное явление, несмотря на глубокие исторические корни и растущий спрос⁶ до настоящего времени не получило завершеного институционального оформления. Отсутствие институционализации (представление титульного закона к обсуждению планирова-

лось в декабре 2025 года⁷ связано с закономерностями развития медицинского туризма в РФ, к числу наиболее существенных из которых отнесем расширение понятия индустрии туризма, охарактеризованное в работе Ю.С. Путрика [1], изменение «взаимоотношений медицины и туризма», раскрываемые в монографическом исследовании Н.Н. Седовой и Г.Ю. Щекина [2], модернизацию степени участия государства, отмечаемому В.Г. Климиным и соавторами [3]. Причины указанных особенностей, соотносятся, как правило:

– со спецификой организации деятельности в сфере здравоохранения, анализируемой в работах российских экспертов – Д.И. Маркова [4], С.В. Русских и коллег [5], В.Г. Климина и соавторов [6];

– особенностями «наследственности» и направленностью развития, современной отечественной санаторно-курортной отрасли, отмечаемыми в исследованиях Т.Д. Басниной и соавторов [7], А.Д. Фесюна [8], Н.В. Грохотовой и соавторов [9], и ее взаимосвязью с лечебно-оздоровительным туризмом, рассматриваемой в работах авторских коллективов А.М. Ветитнева [10], Л.С. Агаларовой [11], Д.И. Бурлова [12];

– воздействием социокультурных, экономических, технологических и геополитических изменений, охарактеризованным в работах М.А. Морозова и Н.С. Морозовой [13], П.И. Ананченковой [14].

Еще одной детерминантой актуализации представляется продолжающаяся трансформация концептуальных основ определения медицинского туризма, раскрываемая в исследованиях А.С. Соколова и соавторов [15], Б.А. Ермакова и Т.Б. Каташиной [16], Н.А. Савельевой и коллег [17], М.С. Оборина [18], П.И. Ананченковой [19]. Подтверждают данный тезис результаты библиометрического анализа публикаций за период 1963–2024 гг., представленные в работе А. Lukose и соавторов [20].

Подчеркивая многогранность тематического ландшафта, отметим его обусловленность междисциплинарной, многоуровневой природой медицинского туризма, характеризующейся многообразием участников и институциональных норм, нелинейностью, многофакторностью процессов, разворачивающихся в нескольких сопряженных отраслях экономики. И, вместе с тем, недостаточную, несмотря на увеличивающиеся многоаспектность и интегративный характер задач национального экономического развития, разработанность комплексного подхода к медицинскому туризму как многоуровневой организационно-экономической системе, что обусловило цель исследования – теоретическое осмысление

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991 (дата обращения 03.10.2025).

² Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470973/491d0aad1a57443c712cfd119c49c7d5291eab8 (дата обращения 03.10.2025).

³ Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» / Правительство России [сайт]. URL : <http://government.ru/rugovclassifier/917/about> (дата обращения 03.10.2025); Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2018 № 2581-р «Об утверждении Стратегии развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации» URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72013422/?ysclid=mgezwlgl1g39464321> (дата обращения 03.10.2025).

⁴ Распоряжение правительства РФ от 28.12.2024 №4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567 (дата обращения 03.10.2025).

⁵ Информация о реализации федерального проекта «Развитие экспорта медицинских услуг» национально-го проекта «Здравоохранение» за период 2019–2024 годов / Министерство здравоохранения [сайт]. URL : https://minzdrav.gov.ru/ministry/natsproektzdravoohraneni_e/medturizm (дата обращения 03.10.2025).

⁶ Анализ рынка медицинского туризма в России в 2020–2024 гг., прогноз на 2025–2029 гг. / BusinessStat. 21.04.2025. URL : <https://marketing.rbc.ru/research/52079> (дата обращения 05.10.2025).

⁷ Закон о медицинском туризме появится в России. Почему это важно для развития отрасли / Российская газета. 02.06.2025. URL : <https://rg.ru/2025/06/02/v-rossii-budet-razrabotan-zakon-o-medicinskom-turizme.html> (дата обращения 05.10.2025).

медицинского туризма как многоуровневой организационно-экономической системы, структурированной вокруг комплексной услуги.

Материалы и методы.

Исследование опирается на общенаучные методы – сопоставления, применяемого при типизации трактовок медицинского туризма, логического структурирования, используемого для формирования его структуры, дедуктивной логики, примененной для обоснования ядерной роли медицинской услуги в структуре комплексной. Выводы базируются на результатах обобщения отечественных и зарубежных эмпирических исследований, аналитических данных, представленных в открытых источниках.

Обсуждение.

Подчеркнем, что несмотря на увеличивающееся количество публикаций, посвященных медицинскому туризму, сохраняются теоретическая гетерогенность в трактовке его сущности и границ (так, в исследовании 2025 года К.И. Омаровой и коллег указываются пять вариантов сущностных элементов, включаемых в содержание понятия [21]), необходимость уточнения которых обусловлена, по разделяемому нами мнению Э.В. Тарасенко, «многообразным воздействием на экономику, инфраструктуру и социальную сферу» [22, с. 103]. Отметим и сохраняющиеся фрагментарность исследований, отмечаемую еще в работе, опубликованной в 2014 г. N. Lunt, R. Smith и соавторами [23], и отсутствие согласованного подхода к его анализу как целостной организационно-экономической системе.

Методологически значимым представляется положение о том, что в основе медицинского туризма как вида экономической деятельности, лежит комплексная услуга. Отметим, что необходимость комплексности в той или иной форме обсуждалась в рамках Национальных конгрессов экспорта медицинских услуг, конгрессов по Мед-туризму в 2020–2025 гг., имплицитно присутствует в работе В.Г. Климина и коллег [6], однако, ее

суть в ракурсе медицинского туризма как вида экономической деятельности оставалась недостаточно раскрытой.

В данном исследовании комплексная услуга рассматривается как аналитическая категория, позволяющая структурировать воспроизводство медицинского туризма как вида экономической деятельности. В этом ракурсе, медицинская услуга формирует ключевую ценность (в логике мультиатрибутивной модели) комплексной услуги, а трансфер, проживание, компоненты дестинации и сопутствующие сервисы (туристская или культурная программа), организационные механизмы (платформенная запись, координационное сопровождение, услуги перевода) являются характеристиками – основными или ожидаемыми дополнительными соответственно. Такое понимание позволяет уточнить характер межотраслевых связей медицинского туризма – со здравоохранением она симбиотическая, поскольку именно оно (здравоохранение) отвечает за сущностное ядро данной деятельности, а взаимодействие с туристской, санаторно-курортной и финансовой отраслями – интегративная и направлена на обеспечение реализации медицинской услуги. Данное разграничение представляется методологически значимым для анализа медицинского туризма в контексте приоритетов социально-экономического развития.

Результаты.

Сопоставительный анализ дефиниций медицинского туризма, подчеркивая сложность и многоуровневость данного явления, позволяет выделить нескольких смысловых групп его трактовок (табл. 1), оговорившись, что ряд определенных содержит несколько текстовых референтов и носит сочетанный характер; в ряде трактовок фиксируется нормативная неоднозначность используемых категорий «лечение» и «оздоровление», «медицинская услуга» и «медицинская помощь», что обуславливает контекстную зависимость, влияет на строгость границ типизации, и требует дальнейшей верификации.

Таблица 1

Типизация трактовок дефиниции «медицинский туризм»

Тип трактовки	Сущность	Ключевой для типизации вопрос	Авторы
1	2	3	4
Вид туризма	разновидность / форма туризма, включающая лечебный / оздоровительный компонент; явление как форма путешествия / опыта	в чем специфика медицинского туризма как вида туризма по сравнению с иными его видами	Е.Р. Сафина, М.Г. Москвичева [26]; П.И. Ананченкова [19]; Н.Н. Новоселова, С.Х. Батчаева, А.Х. Батчаева [по 20]
Продукт / услуга	приоритезация организации, пакетирования и посредничества; предложение лечения и отдыха – объект потребления	что является и каковы характеристики предлагаемого товара/услуги в медицинском туризме	А.С. Соколов и соавт. [15]; Европейская ассоциация экспертов в области туризма (AIEST) [по 15]; О.О. Гринева, Э.Г. Чурлей [по 19]; Н.В. Горощко, С.В. Пацала [25]
Экономическая деятельность (отрасль)	элемент экономической структуры; межотраслевая активность, создающая добавленную стоимость	какие вопросы порождает медицинский туризм как сектор / отрасль экономики	В.Г. Климин и соавт. [3]; В.В. Галкин (определение в широком смысле) (<i>Галкин В.В. Медицинский туризм как сфера бизнеса. Vadim-galkin.ru URL : https://vadim-galkin.ru/articles/medical-business/medical-tourism/?ysclid=mbv1lhtpj354837865</i>)

1	2	3	4
Социальная практика	паттерны и практики социального поведения в сферах здравоохранения и туризма; социальный конструкт смыслов, норм, ценностей	каковы характеристики научного и социального дискурса медицинского туризма, в т.ч. этические проблемы и культурные последствия	Н.А. Савельева и соавт. [17]; Р.О. Восканян, А.Ю. Чупрова [24]; Б.А. Ермаков, Б.Б. Каташина [16]; Н.Н. Седова, Г.Ю. Щекин [2]; Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) (<i>Medical Tourism: Treatments, Markets and Health System Implications: A scoping review / OECD Directorate for Employment, Labour and Social Affairs & 2012. URL : https://www.globalwellnesssummit.com/wp-content/uploads/Industry-Research/Global/2012-oecd-medical-tourism.pdf</i> (дата обращения 01.10.2025)

Источник: составлено автором.

Представленная типизация показывает, что доминирующие трактовки медицинского туризма либо фиксируют внешние проявления, либо фокусируются на «продуктовых» характеристиках, не раскрывая механизмы его воспроизводства как вида экономической деятельности.

Указанное подтверждает необходимость выхода за рамки продуктовых и отраслевых интерпретаций при анализе медицинского туризма за счет интеграции разрозненных подходов в единую аналитическую рамку, возможной в случае рассмотрения его как формы экономической деятельности, структурированной вокруг комплексной услуги.

Мы полагаем, что медицинский туризм является примером интегративности (данный термин используется в логике, предложенной В.С. Бочко [27]) в экономической деятельности в сфере услуг (объединение в рамках создания и реализации комплексной услуги медицинской, туристской, рекреационной и сервисной компонент), осуществляющейся на пересечении таких отраслей экономики как здравоохранение, санаторно-курортная и финансовая. Подчеркнем, сущностный характер связи медицинского туризма и здравоохранения, которое в отличие от других отраслей формирует основной производимый продукт – медицинскую услугу. Результаты межстранового исследования Н. Gholipour, K. Esfandiari показывают, что доходы от медицинского туризма, интерпретируемого авторами как канал коммерциализации медицинской помощи, оказывают положительное влияние на добавленную стоимость отрасли здравоохранения [28].

В российских исследованиях, посвященных экспорту медицинских услуг, несмотря на терминологическую разнородность (понятия «медицинский туризм» и «экспорт медицинских услуг» используются как синонимичные, либо разделяются [4] либо последнее признается более широким [5], а медицинский туризм трактуется как его основа [29]), обнаруживаются схожие выводы в части привлечения дополнительных источ-

ников финансирования. Отметим, что целевые показатели «количество пролеченных иностранных граждан» и «увеличение объема экспорта медицинских услуг» завершившегося федерального проекта «Развитие экспорта медицинских услуг»¹, входившего в состав национального проекта «Здравоохранение», подтверждают институциональное закрепление симбиотической связи медицинского туризма и здравоохранения. Акцентируем, признаваемую исследователями, взаимную обусловленность медицинского туризма и здравоохранения – развитие здравоохранения является базисом для развития медицинского туризма, который, в свою очередь, выступает источником дополнительных финансовых ресурсов и стимулов модернизации медицинских организаций, повышения качества и безопасности медицинских услуг и становится, на наш взгляд, одним из факторов «мягкой силы» государства.

Санаторно-курортная отрасль нашей страны, участвуя в формировании предложения, в настоящий момент не создает ядро медицинского туризма, в том числе в силу фиксируемых исследователями разрывов между спецификой целеполагания восстановительной медицины и устоявшейся практикой [7], необходимости реализации персонифицированных программ медицинской реабилитации [8] и региональных различий в уровне ее (санаторно-курортной отрасли) развития, несмотря на совершенствование механизмов государственной поддержки и наличие национальных бенчмарков [30].

Указанное обуславливает дополняющую в настоящее время роль санаторно-курортной отрасли, что эмпирически проявляется в структуре доли расходов медицинских туристов именно на медицинские услуги как в России, так и в мире (*Медицинский туризм / ZDRAV.EXPERT Med-tex портал URL : <https://zdrav.expert/index>*.

¹ Информация о реализации федерального проекта «Развитие экспорта медицинских услуг» национально-го проекта «Здравоохранение» за период 2019–2024 годов / Министерство здравоохранения [сайт] URL : <https://minzdrav.gov.ru/ministry/natsproektzdravoohraneni e/medturizm> (дата обращения 04.02.2026).

php/Статья:Медицинский_туризм?ysclid=ml96tifa9w96785230 (дата обращения 04.02.2026).

Связь медицинского туризма с туристской отраслью также имеет интегративный характер и реализуется через необходимые для реализации медицинской услуги, но не определяющие ее содержание, основные и сопутствующие туристские услуги. Так, в российских и зарубежных аналитических обзорах, и статьях фиксируется, что расходы медицинских туристов существенно превышают расходы туристов с иными целями [29], что позволяет интерпретировать возникновение туристских расходов как следствия получения медицинской услуги. Отметим, что основные показатели развития туризма в РФ (*Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2119 р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года»*. URL : <http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPAshEulYxmWSpB4lrM.pdf> (дата обращения 04.02.2026)) не были тождественны показателям федерального проекта «Развитие экспорта медицинских услуг».

Финансовый сектор связан с медицинским туризмом как инфраструктурный элемент, обеспечивающий воспроизводство экономической деятельности, «ядром» которой остается медицинская услуга. В исследованиях финансовый сектор рассматривается как часть институциональной среды, поддерживающей данную деятельность через механизмы расчетов и страхования (*Валютный аспект развития медицинского туризма в 2026 году: курсы, расчеты и финансовые механизмы – Ассоциация медицинского и академического туризма*. URL : <https://med-edu.org/валютный-аспект-развития-медицинско/?ysclid=ml9gjf359c846501520> (дата обращения 05.02.2026)), «инновационных бизнес-моделей, возникших в результате пересечения здравоохранения и туризма: краудфандинговые платформы, сберегательные счета здравоохранения и пр.» (*Финансирование медицинских поездок: предпринимательские возможности в индустрии финансирования медицинских поездок – FasterCapital*. URL : <https://fastercapital.com/ru/content/Финансирование-медицинских-поездок--предпринимательские-возможности-в-индустрии-финансирования-медицинских-поездок.html> (дата обращения 05.02.2026)).

Представленные данные позволяют подтвердить выдвинутый тезис о том, что медицинский ту-

ризм представляет собой вид экономической деятельности, структурированной вокруг комплексной услуги как «компромиссно созданного согласованного продукта» [27, с. 49]. Являясь, таким образом, сложной межотраслевой системой, он порождает специфические общественные отношения, финансовые механизмы, форматы ресурсной кооперации и трансграничные рынки. Опираясь на идею структурирования явления, отражающего «совокупность общественных отношений, рынков, механизмов, систем и ресурсов», предложенную в работе М.П. Логинова [31, с. 110] представим характеристику структуры медицинского туризма:

- группы участников – пациенты и сопровождающие их лица, медицинские работники, медицинские, страховые, туристские организации, региональные и федеральные органы исполнительной власти в сфере здравоохранения и пр.;
- общественные отношения – политические, правовые, экономические, социальные;
- ресурсы – материальные, трудовые, информационные, нематериальные, природные;
- рынки – медицинских услуг, туристских услуг, рекреационных услуг, страхования, MedTech;
- экономический инструментарий – конкурентные механизмы (аккредитации качества (JCI и пр.), дифференциация), ценообразование;
- финансовый инструментарий – прямые платежи пациентов, добровольное медицинское страхование, государственное субсидирование и софинансирование.

Подчеркнем, что многоуровневость и институциональная неоднородность медицинского туризма обуславливает необходимость выделения уровней его анализа, исходя из функциональной структуры и характера воспроизводства комплексной услуги. В этой связи, целесообразно применение логики, позволяющей структурировать его сущностные характеристики, экономические и финансовые механизмы, а также цели и результаты функционирования. Релевантной представляется укрупненная и адаптированная логика уровней научного познания – онтологического, гносеологического и аксиологического, позволяющих выявить *что* есть объект, как он функционирует, *зачем* или *для чего* функционирует (табл. 2).

Таблица 2

Уровни анализа медицинского туризма как формы реализации комплексной услуги

Уровень познания	Фокус анализа	Сущностная характеристика медицинского туризма	Характеристики комплексной услуги
Онтологический	Сущность вида экономической деятельности	Форма организации и потребления комплексной услуги вне места постоянного проживания	Медицинская услуга – ядро; трансфер, проживание, платформенная запись и т.д. - характеристики
Гносеологический	Экономические и финансовые механизмы	Медицинский туризм как объект экономического анализа	Экономические, пространственные, организационные характеристики воспроизводства комплексной услуги
Аксиологический	Цели и эффекты	Медицинский туризм как инструмент социально-экономического развития	Социальные и экономические эффекты реализации комплексной услуги

Источник: составлено автором.

Представленная логика выделения онтологического, гносеологического и аксиологического уровней анализа позволяет избежать смещения сущностных характеристик медицинского туризма и обеспечивает методологическую основу для системного анализа воспроизводства комплексной услуги.

Заключение.

Типизация подходов к определению медицинского туризма показала, что его интерпретации как разновидности туризма, продукта/услуги или социальной практики, фиксируют отдельные аспекты явления, но не обеспечивают целостного представления о механизмах воспроизводства и его институциональных особенностях как вида экономической деятельности.

Результаты исследования позволили уточнить, что связь медицинского туризма со здравоохранением имеет симбиотическую природу, поскольку здравоохранение определяет сущностное ядро данной деятельности, а связь с санаторно-курортной, туристской и финансовой отраслями носит интегративный характер в силу направленности участия данных отраслей на обеспечение условий реализации медицинской услуги вне постоянного места проживания пациента; и обосновать рассмотрение медицинского туризма как формы реализации комплексной услуги.

Представление медицинского туризма как многоуровневой организационно-экономической системы позволило выделить ключевые элементы его структуры – группы участников, общественные отношения, рынки, ресурсы, экономические и финансовые инструменты. Предложенная логика анализа, основанная на разграничении онтологического, гносеологического и аксиологического уровней, позволяет избежать смещения аналитических фокусов и обеспечить непротиворечивость и целостность исследования.

Полученные результаты формируют методологические основания для комплексного анализа институциональных механизмов развития медицинского туризма в контексте согласования отраслевых приоритетов, оценки его роли в достижении национальных целей и разработки управленческих решений в сферах здравоохранения, туризма и регионального развития.

К числу ограничений, обусловленных концептуальным характером работы, отнесем отсутствие дифференциации региональных особенностей реализации медицинского туризма, что определяет дальнейшее направление исследований, связанное с уточнением институциональных механизмов и анализом практик его развития.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Путрик Ю.С. Исторические пути и традиции развития медицинского туризма в России // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. 2020. № 1(5). С. 13–17. DOI: 10.18572/2686-858X-2020-5-1-13-17 EDN: GDMOON
2. Седова Н.Н. Медицинский туризм: история, теория, практика : монография / Н.Н. Седова, Г.Ю. Щепкин; Науч. ред. В.В. Деларю. М. : ООО «Издательская группа «Юрист», 2014. 276 с. ISBN: 978-5-94103-412-3 EDN: UIAYCZ
3. Климин В.Г. Медицинский туризм. Концепция создания системы оказания медицинских услуг иностранным гражданам в медицинских учреждениях Российской Федерации : монография / В.Г. Климин, А.Н. Дайхес, А.П. Коваль. М. : Комментарий, 2018. 56 с.
4. Марков Д.И. Экспорт медицинских услуг: как повысить конкурентоспособность организаций российского здравоохранения // Здоровье мегаполиса. 2021. Т. 2. № 2. С. 6–14. DOI: 10.47619/2713-2617.zm. 2021.v.2i2;6-14 EDN: OZAMCH
5. Современные возможности экспорта медицинских услуг в России / С.В. Русских [и др.] // ФАРМАКО-ЭКОНОМИКА. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2022. Т. 15. № 2. С. 259–266. DOI: 10.17749/2070-4909/farmakoeconomika.2022.119 EDN: EONKEV
6. Экосистема медицинского туризма: контекст и управленческие практики / В.Г. Климин [и др.]. М. : Комментарий, 2023. 126 с. ISBN: 978-5-94822-152-6 EDN: KRQFLI
7. Баснина Т.Д. Управление российским санаторно-курортным комплексом: основные проблемы и тенденции развития / Т.Д. Баснина, Л.А. Валитова, М.Ю. Шерешева // Управленец. 2021. Т. 12. № 1. С. 62–77. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-1-5 EDN: KIBSWG

8. Фесюн А.Д. Современное состояние и перспективы развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации // Вестник восстановительной медицины. 2023. Т. 22. № 1. С. 8–15. DOI: 10.38025/2078-1962-2023-22-1-8-15 EDN: DCIMNF
9. Грохотова Н.В. Экономическое состояние санаторно-курортной сферы услуг в РФ: проблемы и перспективы развития / Н.В., Грохотова Л.А. Каверзина, М.И. Черутова // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2023. № 1. С. 17–23. DOI: 10.18324/2224-1833-2023-1-17-23 EDN: FGVGJL
10. Ветитнев А.М. Лечебно-оздоровительный туризм: вопросы терминологии и типологии / А.М. Ветитнев, А.В. Дзюбина, А.А. Торгашева // Вестник СГУТиКД. 2012. № 2(20). С. 50–56. EDN: OZHTPJ
11. Проблемы развития лечебно-оздоровительного туризма в современных условиях / Л.С. Агаларова [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. № 31(1). С. 44–50. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-1-44-50 EDN: LIJRKQ
12. Исследование путей развития и трансформации спа и санаторно-курортного лечения и отдыха: региональные особенности / Д.И. Бурлов [и др.] // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 334–341. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-334-341 EDN: FNYLSS
13. Морозов М.А. Цифровое обеспечение медицинского и оздоровительного туризма в условиях новой реальности / М.А. Морозов, Н.С. Морозова // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. 2021. № 3(11). С. 14–20. DOI: 10.18572/2686-858X-2021-11-3-14-20 EDN: RMQMKZ
14. Ананченкова П.И. Развитие медицинского туризма в условиях глобализации здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. № 31(4). С. 555–561. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-4-555-561 EDN: UPRQYA
15. Соколов А.С. Теоретико-методологические аспекты медицинского туризма / А.С. Соколов, Н.П. Манько, В.Г. Гуляев // Вестник РМАТ. 2017. № 3. С. 105–111. EDN: YXIAMC
16. Ермаков Б.А. Медицинский туризм: компонент системы здравоохранения или сегмент туристской сферы? / Б.А. Ермаков, Т.Б. Каташина // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. 2020. № 1(5). С. 4–12. DOI: 10.18572/2686-858X-2020-5-1-4-12 EDN: VDBWUL
17. Савельева Н.А. Медицинский туризм: вопросы терминологии / Н.А. Савельева, Р.В. Колесников, Т.В. Шмелева // Вестник Евразийской науки. 2020. № 2. URL : <https://esj.today/PDF/64ECVN220.pdf> (доступ свободный). EDN: MMIVBL
18. Оборин М.С. Медицинский туризм как специальный вид услуг // Сервис в России и за рубежом. 2022. Т. 16. № 1. С. 179–187. DOI: 10.24412/1995-042X-2022-1-179-187 EDN: KHAJDH
19. Ананченкова П.И. Подходы к определению понятия «медицинский туризм» и проблема дефинитивной креолизации // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2025. № 33(1). С. 85–89. X-2025-33-1-85-89. DOI: 10.32687/0869-866 EDN: HXQHOY
20. Exploring the Frontiers of Health Tourism: A Bibliometric Analysis of Research Themes and Trends. Cureus / A. Lukose [et al.]. 2024. № 16(8):e66832. 10.7759/cureus.66832. PMID: 39280492; PMCID: PMC11393725. DOI: 10.7759/cureus.66832.;PMCID EDN: JJRYVO
21. Омарова К.А. Лечебно-оздоровительный и медицинский виды туризма: общие и отличительные виды особенности / К.А. Омарова, К.П. Мусина, К.Б. Тукибаева // Экономическая серия бюллетеня Л.Н. Гумилев ЭНУ, (1). С. 257–275. DOI: 10.32523/2789-4320-2025-1-257-275 EDN: QCLQXO
22. Тарасенко Э.В. Многоаспектный анализ медицинского и оздоровительного туризма как отрасли экономики народного хозяйства: проблемы и перспективы развития // Мир новой экономики. 2025. Т. 19. № 4. С. 101–113. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-4-101-113 EDN: GZJDXC
23. Implications for the NHS of inward and outward medical tourism: a policy and economic analysis using literature review and mixed-methods approaches / N. Lunt [et al.] // Southampton (UK): NIHR Journals Library; 2014 Jan. (Health Services and Delivery Research, № 2.2.) Chapter 3, Systematic review: what do we know about medical tourism? URL : https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK263164/?utm_source=chatgpt.com#s4-4
24. Восканян Р.О. Потенциал Российской Федерации в сфере медицинского туризма / Р.О. Восканян, А.Ю. Чупрова // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 4. С. 74–78. EDN: NOBDUF
25. Горошко Н.В. Россия на мировом рынке медицинского туризма / Н.В. Горошко, С.В. Пацала // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. № 1(12) январь-март. URL : <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/1/00493.pdf>
26. Сафина Е.Р. Вопросы и проблемы организации медицинского туризма в России и за рубежом / Е.Р. Сафина, М.Г. Москвичева // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2025. Т. 11. № 1. С. 41–52. DOI: 10.33029/2411-8621-2025-11-1-41-52 EDN: GQLOTT
27. Бочко В.С. Интегративная экономика - экономика скоординированного и социально ориентированного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 5(23). С. 48–59. EDN: PFCCTV
28. Gholipour H.F. Does medial tourism promote growth in healthcare sector? / H.F. Gholipour, K. Esfandiar // Eur J Health Econ. 2025. № 26(2). P. 233–241. DOI: 10.1007/s10198-024-01700-3 EDN: MRRWWD
29. Чернышев Е.В. Медицинский туризм в контексте социально-экономического развития субъектов РФ / Е.В. Чернышев, О.А. Зайкова, И.В. Аракелова // Региональная экономика. Юг России. 2024. Т. 12. № 4. С. 87–98. DOI: 10.15688/re.volsu.2024.4.9 EDN: UUTYMF
30. Мальцева Ю.А. Лечебно-оздоровительный туризм: оценка проблем развития санаторно-курортного комплекса поставщиками услуг / Ю.А. Мальцева, В.Г. Климин // Экономические и гуманитарные науки. 2025. № 8(403). С. 28–39 DOI: 10.33979/2073-7224-2025-403-8-28-39 EDN: COYEOR

31. Логинов М.П. Стратегия развития национальной ипотеки: Научное издание. Екатеринбург : УрАГС, 2011. 360 с. ISBN: 978-5-8056-0228-4 EDN: QUYJBT

References:

1. Putrika Yu. Historical ways and traditions of medical tourism development in Russia // Professorial Journal. Series: Recreation and Tourism. 2020. № 1(5). P. 13–17. DOI: 10.18572/2686-858X-2020-5-1-13-17 EDN: GDMOON
2. Sedova N.N. Medical tourism: history, theory, practice: a monograph / N.N. Sedova, G.Yu. Shchepkin; Scientific Editor: V.V. Delaryu. M. : Lawyer Publishing Group LLC, 2014. 276 p. ISBN: 978-5-94103-412-3 EDN: UIAYCZ
3. Klimina V. Medical tourism. The concept of creating a system for providing medical services to foreign citizens in medical institutions of the Russian Federation : monograph / V.G. Klimin, A.N. Daikhes, A.P. Koval. M. : Commentary, 2018. 56 p.
4. Markov D.I. Export of medical services: how to increase the competitiveness of Russian healthcare organizations // Health of the metropolis. 2021. Vol. 2. № 2. P. 6–14. DOI: 10.47619/2713-2617.zm. 2021.v.2i2;6-14 EDN: OZAMCH
5. Modern opportunities for the export of medical services in Russia / S.V. Russkikh [et al.] // PHARMACO-ECONOMICS. Modern pharmacoconomics and pharmacoepidemiology. 2022. Vol. 15. № 2. P. 259–266. DOI: 10.17749/2070-4909/farmakoeconomika.2022.119 EDN: EOHKEV
6. Medical Tourism Ecosystem: Context and Management Practices / V.G. Klimin [et al.]. M. : Commentary, 2023. 126 p. ISBN: 978-5-94822-152-6 EDN: KRQFLI
7. Basnina T.D. Management of the Russian health resort complex: main problems and development trends / T.D. Basnina, L.A. Valitova, M.Yu. Sheresheva // Manager. 2021. Vol. 12. № 1. P. 62–77. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-1-5 EDN: KIBSWG
8. Fesyun A.D. Current state and development prospects of the health resort complex of the Russian Federation // Bulletin of Restorative Medicine. 2023. Vol. 22. № 1. P. 8–15. DOI: 10.38025/2078-1962-2023-22-1-8-15 EDN: DCIMNF
9. Grokhotova N.V. Economic state of the health resort services sector in the Russian Federation: problems and development prospects / N.V., Grokhotova L.A. Kaverzina, M.I. Cherutova // Problems of socio-economic development of Siberia. 2023. № 1. P. 17–23. DOI: 10.18324/2224-1833-2023-1-17-23 EDN: FGVGJL
10. Vetitnev, A.M. Medical and health tourism: issues of terminology and typology / A.M. Vetitnev, A.V. Dzyubina, A.A. Torgasheva // Bulletin of SSUTiKD. 2012. № 2(20). P. 50–56. EDN: OZHTPJ
11. Problems of development of medical and health tourism in modern conditions / L.S. Agalarova [et al.] // Problems of social hygiene, health care and history of medicine. 2023. № 31(1). P. 44–50. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-1-44-50 EDN: LIJRKQ
12. Study of ways of development and transformation of spa and health resort treatment and recreation: regional features / D.I. Burlov [et al.] // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2024. № 4. P. 334–341. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-334-341 EDN: FNYLSS
13. Morozov M.A. Digital Support for Medical and Health Tourism in the New Reality / M.A. Morozov, N.S. Morozova // Professor's Journal. Series: Recreation and Tourism. 2021. No. 3(11). P. 14–20. DOI: 10.18572/2686-858X-2021-11-3-14-20 EDN: RMQMKZ
14. Ananchenkova P.I. Development of medical tourism in the context of healthcare globalization // Problems of social hygiene, healthcare and history of medicine. 2023. № 31(4). P. 555–561. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-4-555-561 EDN: UPRQYA
15. Sokolov A.S. Theoretical and methodological aspects of medical tourism / A.S. Sokolov, N.P. Manko, V.G. Gulyaev // Bulletin of the Russian Medical Academy. 2017. № 3. P. 105–111. EDN: YXIAMC
16. Ermakov B.A. Medical tourism: a component of the healthcare system or a segment of the tourism sphere? / B.A. Ermakov, T.B. Katashina // Professor's Journal. Series: Recreation and Tourism. 2020. № 1(5). P. 4–12. DOI: 10.18572/2686-858X-2020-5-1-4-12 EDN: VDBWUL
17. Savelyeva N.A. Medical Tourism: Terminology Issues / N.A. Savelyeva, R.V. Kolesnikov, T.V. Shmeleva // Bulletin of Eurasian Science. 2020. № 2. URL : <https://esj.today/PDF/64ECVN220.pdf> (free access). EDN: MMIVBL
18. Oborin M.S. Medical tourism as a special type of service // Service in Russia and abroad. 2022. Vol. 16. № 1. P. 179–187. DOI: 10.24412/1995-042X-2022-1-179-187 EDN: KHAJDH
19. Ananchenkova P.I. Approaches to defining the concept of «medical tourism» and the problem of definitional creolization // Problems of social hygiene, health care and history of medicine. 2025. № 33(1). P. 85–89. X-2025-33-1-85-89. DOI: 10.32687/0869-866 EDN: HXQHOY
20. Exploring the Frontiers of Health Tourism: A Bibliometric Analysis of Research Themes and Trends. Cureus / A. Lukose [et al.]. 2024. № 16(8):e66832. 10.7759/cureus.66832. PMID: 39280492; PMCID: PMC11393725. DOI: 10.7759/cureus.66832.;PMCID EDN: JJRYVO
21. Omarova K.A. Health and medical tourism: common and distinctive features / K.A. Omarova, K.P. Musina, K.B. Tukibaeva // Economic series of the bulletin L.N. Gumilov ENU, (1). P. 257–275. DOI: 10.32523/2789-4320-2025-1-257-275 EDN: QCLQXO
22. Tarasenko E.V. Multidimensional analysis of medical and health tourism as a sector of the national economy: problems and development prospects // The World of the New Economy. 2025. Vol. 19. № 4. P. 101–113. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-4-101-113 EDN: GZJDXC

23. Implications for the NHS of inward and outward medical tourism: a policy and economic analysis using literature review and mixed-methods approaches / N. Lunt [et al.] // Southampton (UK): NIHR Journals Library; 2014 Jan. (Health Services and Delivery Research, № 2.2.) Chapter 3, Systematic review: what do we know about medical tourism? URL : https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK263164/?utm_source=chatgpt.com#s4-4
24. Voskanyan R.O. Potential of the Russian Federation in the Sphere of Medical Tourism / R.O. Voskanyan, A.Yu. Chuprova // Problems of Economics and Legal Practice. 2020. Vol. 16. № 4. P. 74–78. EDN: NOBDUF
25. Goroshko N.V. Russia in the global medical tourism market / N.V. Goroshko, S.V. Patsala // Electronic scientific and methodological journal of Omsk State Agrarian University. 2018. № 1(12) January-March. URL : <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/1/00493.pdf>
26. Safina E.R. Issues and problems of organizing medical tourism in Russia and abroad / E.R. Safina, M.G. Moskvicheva // ORGZDRAV: news, opinions, training. Bulletin of the Higher School of Public Health. 2025. Vol. 11. № 1. P. 41–52. DOI: 10.33029/2411-8621-2025-11-1-41-52 EDN: GQLOTT
27. Bochko V.S. Integrative Economy – Economy of Coordinated and Socially Oriented Development // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2012. № 5(23). P. 48–59. EDN: PFCCTV
28. Gholipour H.F. Does medial tourism promote growth in healthcare sector? / H.F. Gholipour, K. Esfandiar // Eur J Health Econ. 2025. № 26(2). P. 233–241. DOI: 10.1007/s10198-024-01700-3 EDN: MRRWWD
29. Chernyshev E.V. Medical tourism in the context of socio-economic development of the constituent entities of the Russian Federation / E.V. Chernyshev, O.A. Zaykova, I.V. Arakelova // Regional Economy. South of Russia. 2024. Vol. 12. № 4. P. 87–98. DOI: 10.15688/re.volsu.2024.4.9 EDN: UUTYMF
30. Maltseva Yu.A. Health and wellness tourism: assessment of the problems of development of the health resort complex by service providers / Yu.A. Maltseva, V.G. Klimin // Economic and Humanitarian Sciences. 2025. № 8(403). P. 28–39 DOI: 10.33979/2073-7224-2025-403-8-28-39 EDN: COYEOR
31. Loginov M.P. National Mortgage Development Strategy: Scientific Publication. Yekaterinburg : UrAGS, 2011. 360 p. ISBN: 978-5-8056-0228-4 EDN: QUYJBT

Информация об авторе

Мальцева Юлия Анатольевна

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры менеджмента
Института экономики и управления,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
ORCID: 0000-0002-1121-8748
i.a.maltceva@urfu.ru

Yulia A. Maltseva

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor; Department of Management
Institute of Economics and Management,
Ural Federal University
named After the First President of Russia B.N. Yeltsin
ORCID: 0000-0002-1121-8748
i.a.maltceva@urfu.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.02.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-12>

УДК 338



Attribution

cc by

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АПК РОССИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

Терещенко О.В., Гринь М.В.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация. Исследования в настоящей работе посвящены современным перспективным направлениям развития российского агропромышленного комплекса (АПК), проблемным вопросам и вызовам в данной области. Авторами сделан акцент на дефиците квалифицированных кадров, ограниченном финансировании научных разработок, затруднениях внедрения инновационных технологий на практике, неразвитости аграрной инфраструктуры. Проанализированы меры существующей государственной и фондовой поддержки аграрного сектора экономики. Акцентируется внимание на эффективной интеграции цифровых, устойчивых агропромышленных и биотехнологий в сельхозпроизводство. Авторы обращают внимание на то, что генномодифицированные культуры, несмотря на свою дискуссионность, могут способствовать при осматрительности значимым технологическим достижениям. Также представлены сценарии последующего развития АПК. Методология исследования включает в себя системный анализ существующих вызовов, сравнительный анализ данных о мерах поддержки, а также качественные (контент-анализ отчетов) и количественные методы (статистико-аналитические) для оценки влияния на производственные показатели и устойчивость АПК. Полученные результаты можно использовать для оптимизации кадровой политики в аграрной сфере, что будет способствовать увеличению продуктивности; для разработки государственных и частных инициатив, направленных на поддержку сельского хозяйства, что окажет содействие в повышении его устойчивого развития и последующей трансформации агропромышленного сектора.

Ключевые слова: кадровая политика, агропромышленный комплекс, цифровизация, инновации, биотехнологии, устойчивое развитие, инвестиции.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES (PART TWO)

Olesya V. Tereshchenko, Maksim V. Grin

Kuban State Agrarian University named After I.T. Trubilin

Abstract. The research in this paper is devoted to modern promising areas of development of the Russian agro-industrial complex (AIC), problematic issues and challenges in this area. The authors focus on the shortage of qualified personnel, limited funding for scientific research, difficulties in the implementation of innovative technologies in practice, and underdeveloped agricultural infrastructure. The measures of existing state and fund support for the agricultural sector of the economy are analyzed. Emphasis is placed on the effective integration of digital, sustainable agro-industrial and biotechnologies into agricultural production. The authors draw attention to the fact that genetically modified crops, despite their controversial nature, can contribute to significant technological advances if used prudently. Scenarios for the subsequent development of the AIC are also presented. The research methodology includes a systemic analysis of existing challenges, a comparative analysis of data on support measures, as well as qualitative (content analysis of reports) and quantitative (statistical and analytical) methods for assessing the impact on production indicators and the sustainability of the AIC. The results obtained can be used: to optimize personnel policy in the agricultural sector, which will contribute to increased productivity; to develop public and private initiatives aimed at supporting agriculture, which will contribute to increasing its sustainable development and the subsequent transformation of the agro-industrial sector.

Keywords: human resources policy, agro-industrial complex, digitalization, innovation, biotechnology, sustainable development, investments.

Funding: Independent work.

Введение.

Трансформация российского агропромышленного комплекса (АПК) в эпоху повсеместной цифровизации и автоматизации помимо внедрения инновационных технологий затрагивает и кадровую сферу. Такие глобальные вызовы, как технологическая зависимость от западных стран, продовольственная безопасность, демографическое давление и внешнеэкономические ограничения, способствуют поиску ответов и разработке национальных и региональных мер для обеспечения эффективного и устойчивого сельскохозяйственного производства.

Принимая во внимание российскую ресурсную базу, включающую существенный земельный и лесной фонд, водные объекты, биоразнообразие и различные климатические условия, тем не менее, следует учитывать то, что страна имеет ряд внутренних барьеров, препятствующих технологической трансформации аграрной отрасли. Актуальность темы определяется требованиями к созданию высокотехнологичной, сферы сельского хозяйства, имеющей профессиональные квалифицированные кадры, способной конкурировать на мировом уровне, но в то же время быть и экологически стабильной. Основная цель данной работы – проанализировать ключевые вызовы и перспективные стратегии кадровой, технологической и инвестиционной трансформации аграрного сектора экономики России и разработать эффективные рекомендательные меры по оптимизации и поддержке. Для достижения поставленной цели необходимо провести анализ текущих проблем, в том числе дефицита квалифицированного персонала, ограниченного инвестирования и недостаточного количества научных разработок для определения их воздействия на развитие АПК. В задачи входит также исследование мер государственной и частной поддержки сельхозпроизводства для оценки их практической полезности и возможности улучшения. В том числе, предполагается проанализировать влияние цифровых, агро- и биотехнологий на производительность и устойчивость агропромышленного комплекса. Необходимо исследовать сценарии последующего развития АПК с учетом современных вызовов для определения наиболее оптимального.

Обсуждение.

В предыдущем исследовании О.В. Терещенко, Л.В. Кавун, М.С. Климова и В.М. Косых затрагивались перспективные векторы совершенствования российских технологий в агропромышленном комплексе [1]. Были рассмотрены инновационные решения в области сельского хозяйства, формы цифровизации, а также автоматизация агропроизводственных процессов для обеспече-

ния устойчивого сельхозпроизводства и укрепления экономики.

В настоящее время агропромышленный комплекс России сталкивается с серьезной проблемой дефицита квалифицированных специалистов на всех уровнях – от рабочих профессий до управленческого и научного звена.

Эта ситуация обусловлена целым рядом взаимосвязанных факторов [2].

Одной из ключевых причин является отток молодежи из сельских районов в города и другие регионы с более развитой инфраструктурой и, как представляется молодым людям, более широкими перспективами карьерного роста и качества жизни. Недостаточная развитость социальной инфраструктуры на селе, ограниченные возможности для досуга и самореализации, а также, зачастую, более низкий уровень заработной платы по сравнению с городскими профессиями делают сельскохозяйственный сектор менее привлекательным для молодых специалистов.

Кроме того, наблюдается недостаточная привлекательность профессий в аграрной сфере в целом. Распространенные стереотипы о тяжелом и непрестижном труде в сельском хозяйстве, недостаточная информированность о современных технологиях и возможностях карьерного роста в АПК, а также не всегда конкурентоспособный уровень оплаты труда способствуют тому, что выпускники учебных заведений не стремятся связывать свою жизнь с аграрным сектором.

Еще одной важной проблемой является недостаток научного сопровождения функционирования агропромышленного комплекса.

Недостаточное количество квалифицированных научных кадров, слабая связь между научными исследованиями и практическим применением их результатов в производстве, а также ограниченное финансирование научных разработок затрудняют внедрение инновационных технологий и передовых методов производства.

Отсутствие эффективной системы трансфера знаний и технологий от науки к практике замедляет технологическое развитие отрасли.

Усугубляет эти проблемы отсутствие эффективной кадровой политики и стратегии управления персоналом в агропромышленном комплексе. Недостаточное внимание уделяется вопросам профессиональной подготовки и переподготовки кадров, развитию системы наставничества, созданию привлекательных условий труда и карьерного роста, а также мотивации и удержанию квалифицированных специалистов.

Развитие агропромышленного комплекса в России сталкивается с рядом серьезных экономических и инфраструктурных ограничений.

Одним из ключевых факторов, сдерживающих рост отрасли, является недостаточное финансирование. Ограниченные объемы инвестиций как со стороны государства, так и частного сектора, не позволяют в полной мере осуществлять модернизацию технической базы, внедрять передовые технологии и развивать инфраструктуру [3]. Проблема усугубляется высоким уровнем инфляции и удорожанием кредитных ресурсов. Рост цен на материально-технические ресурсы (ГСМ, удобрения, СЗР, запчасти), а также высокие процентные ставки по кредитам делают инвестиции в развитие АПК менее привлекательными и увеличивают себестоимость сельскохозяйственной продукции, снижая ее конкурентоспособность [4].

Снижение государственного финансирования отдельных программ поддержки аграрного сектора также оказывает негативное влияние на отрасль, ограничивая возможности для стимулирования инноваций, модернизации и компенсации части затрат сельхозпроизводителей.

Одновременно, снижение покупательской способности потребителей сельскохозяйственной продукции может привести к уменьшению спроса и, как следствие, к снижению доходов сельскохозяйственных предприятий, что еще больше ограничивает их инвестиционные возможности.

Помимо финансовых ограничений, серьезными препятствиями для эффективного функционирования АПК являются проблемы развития инфраструктуры. Недостаточная транспортная доступность многих сельских территорий затрудняет доставку ресурсов и вывоз готовой продукции, увеличивая логистические издержки и снижая оперативность поставок. Отсутствие современных логистических центров, оснащенных необходимым оборудованием для хранения, переработки и распределения сельскохозяйственной продукции, приводит к потерям урожая, снижению его качества и неэффективному управлению товарными потоками [5].

Тем не менее, Минсельхоз России активно проводит комплексную работу по поддержке и развитию агропромышленного комплекса страны, реализуя целый ряд целевых программ (например, государственную программу РФ «Комплексное развитие сельских территорий», госпрограмму развития сельского хозяйства и др.) [6].

Среди ключевых мер государственной поддержки следует выделить предоставление субсидий сельскохозяйственным товаропроизводителям на создание и модернизацию производственных объектов, что позволяет обновлять материально-техническую базу и повышать эффективность производства. Важным инструментом является льготное кредитование, обеспечивающее доступ аграриев к финансовым ресурсам на более вы-

годных условиях для пополнения оборотных средств, приобретения техники и осуществления инвестиционных проектов.

Кроме того, государство оказывает поддержку развитию сельскохозяйственного страхования, что позволяет снизить финансовые риски аграриев, связанные с неблагоприятными погодными условиями и другими страховыми случаями, обеспечивая стабильность их деятельности.

Отдельное внимание уделяется технологическому развитию отрасли в рамках программы «Цифровое сельское хозяйство». Эта инициатива направлена на активное внедрение современных информационных технологий в аграрный сектор, предоставляя сельскохозяйственным предприятиям необходимые инструменты и решения для цифровизации ключевых производственных и управленческих процессов, что в конечном итоге способствует повышению производительности, оптимизации затрат и росту конкурентоспособности отечественного АПК [7].

Россельхозбанк играет значимую роль в поддержке инноваций в АПК, активно инвестируя в агротехнологические стартапы через свою развивающуюся экосистему. Банк предоставляет не только прямое финансирование перспективных проектов, но и обеспечивает возможности для тестирования как зрелых, так и находящихся на стадии гипотез технологических решений на реальных сельскохозяйственных площадках. Такой подход позволяет стартапам не только получать необходимые финансовые ресурсы, но и апробировать свои разработки в практических условиях, что существенно повышает их инвестиционную привлекательность и шансы на успешное масштабирование [8].

Помимо Россельхозбанка, в России функционирует ряд венчурных фондов, которые также проявляют интерес к сфере агротехнологий и оказывают поддержку инновационным компаниям на различных стадиях их развития. Среди них можно выделить такие фонды, как Maxfield Capital и Skolkovo Ventures. Эти фонды предоставляют стартапам не только финансовую поддержку в виде грантов и инвестиций, но и обеспечивают доступ к экспертной и исследовательской инфраструктуре, а также могут предоставлять налоговые льготы резидентам особых экономических зон, таких как «Сколково».

Такая многосторонняя поддержка со стороны как государственных, так и частных институтов способствует формированию благоприятной среды для развития и внедрения передовых агротехнологий в российском АПК [9].

Общий объем финансирования по основным направлениям государственной поддержки АПК в 2024 г. составил 49,37 млрд рублей (рис. 1) [10]. Данные средства направлены на стимулирование ключевых отраслей сельского хозяйства, поддержку фермерских хозяйств и развитие смежных направлений, способствуя общему росту и устойчивости агропромышленного комплекса страны.

Основные направления государственной поддержки АПК в 2024 г., (млрд руб.)

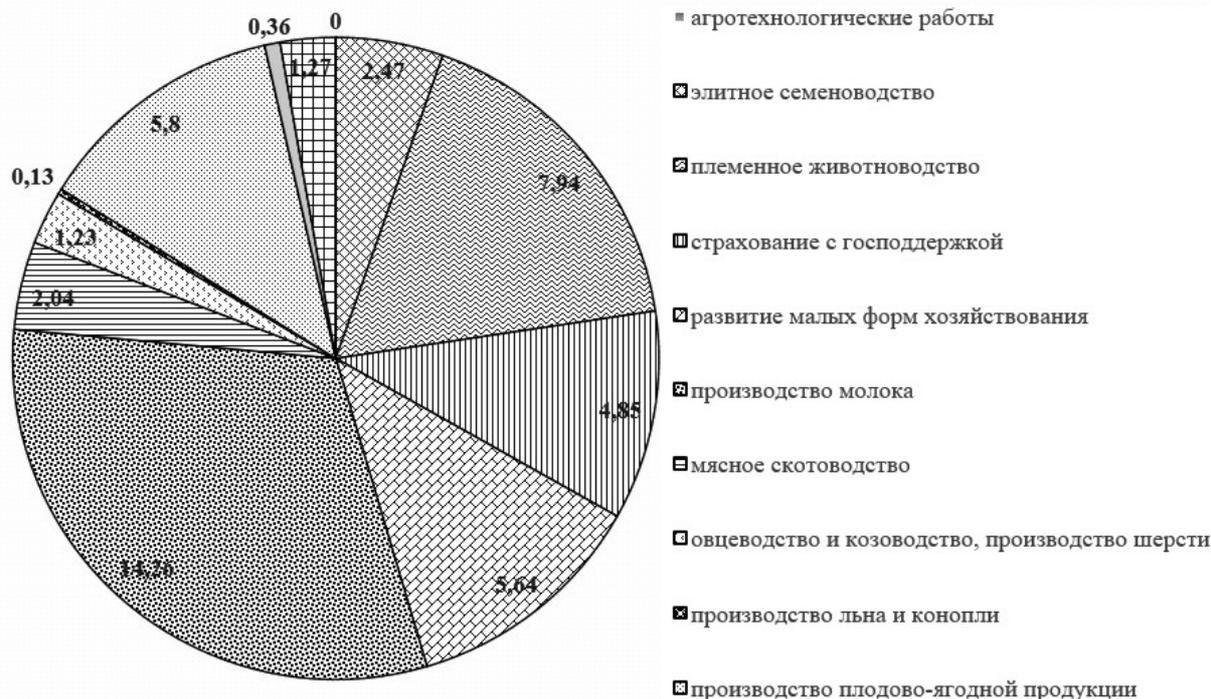


Рисунок 1 – Распределение видов государственной поддержки в АПК России в 2024 г.

Основными направлениями поддержки являются:

- производство молока (14,26 млрд руб.) – это указывает на высокую важность молочной продукции для экономической стабильности и продовольственной безопасности страны;
- племенное животноводство (7,94 млрд руб.) – способствует улучшению генетического потенциала животных, что, в свою очередь, может повысить продуктивность и устойчивость сельскохозяйственного сектора;
- производство плодово-ягодной продукции (5,8 млрд руб.) – может привести к увеличению разнообразия сельхозпродукции и удовлетворению потребительского спроса, а также к улучшению состояния окружающей среды;
- развитие малых форм хозяйствования (5,64 млрд руб.) – содействует созданию рабочих мест и улучшает региональные экономики, а также способствует устойчивому развитию сельских территорий;
- страхование с господдержкой (4,85 млрд руб.) – создает дополнительные гарантии для

производителей, снижая риски и позволяя им сосредоточиться на развитии своего бизнеса.

Фондовая поддержка также имеет существенное значение. Такие фонды, как «Биопроцесс Кэпитал Венчурс», могут специализироваться на конкретных направлениях, например, биотехнологиях, применимых в сельском хозяйстве, что позволяет им глубоко понимать специфику проектов в данной области. Другие же – «Лидер-инновации», могут иметь более широкий инвестиционный фокус, охватывая различные технологические секторы, включая агротех. Особое место занимает «Венчурный Фонд Сколково – Агротехнологический I», который является частью инновационной экосистемы «Сколково» и предоставляет стартапам не только финансирование, но и доступ к уникальной инфраструктуре, налоговым льготам и экспертной поддержке. Фонды, ориентированные на развитие конкретных регионов, например, «Дальневосточный фонд развития и внедрения высоких технологий», нацелены на поддержку проектов, способствующих развитию агропромышленного комплекса в этих областях и предлагающие более значительные объемы инвестиций в перспективные региональные инициативы (табл. 1).

Таблица 1

Венчурные фонды, поддерживающие агротехнологические стартапы в России

Название фонда	Объем инвестиций (млрд руб.)
ЗПИФ ОР(В)И «Биопроцесс Кэпитал Венчурс»	3
ЗПИФ ОР(В)И «Лидер-инновации»	3
ДИТ «Венчурный Фонд Сколково – Агротехнологический I»	до 3
ДИТ «Дальневосточный фонд развития и внедрения высоких технологий»	до 10

Научные учреждения Российской Федерации являются одним из краеугольных камней прогресса в агропромышленном комплексе, осуществляя фундаментальные и прикладные исследования, результаты которых становятся основой для разработки и внедрения передовых технологий. Примером такого центра компетенций является Национальный центр мирового уровня «Агротехнологии будущего», который ведет активную исследовательскую деятельность в ряде ключевых направлений, включая инновационные подходы в селекции растений, разработку и совершенствование систем точного земледелия, а также изучение и практическое внедрение технологий искусственного интеллекта в различные аспекты аграрного производства. Работа таких центров направлена на создание научно-технологического задела для повышения эффективности, устойчивости и конкурентоспособности отечественного сельского хозяйства [11].

Для системной поддержки инновационного развития отрасли реализуется Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства. Эта масштабная программа охватывает весь инновационный цикл, начиная от проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, разработки новых технологий и технических средств, до их апробации, трансфера и широкого внедрения в реальный сектор экономики. Программа призвана обеспечить координацию усилий научных учреждений, образовательных организаций и предприятий АПК, стимулировать разработку и коммерциализацию перспективных агротехнологий, а также способствовать подготовке высококвалифицированных кадров для инновационного развития отрасли.

Прогнозируя развитие агропромышленного комплекса России на период до 2030 г., эксперты выделяют два основных сценария: «технологическую адаптацию» и «технологический прорыв».

Сценарий «технологическая адаптация» предполагает более консервативный путь развития, основанный на постепенном и последовательном внедрении уже существующих и апробированных технологий в сельскохозяйственное производство. В этом случае, ожидается умеренный рост производительности труда и объемов производства, обусловленный плановой модернизацией технической базы и оптимизацией традиционных агротехнических приемов [12].

Второй сценарий, «технологический прорыв», предполагает более интенсивное и масштабное внедрение передовых и инновационных решений в аграрный сектор. Ключевыми элементами этого сценария являются активное распространение технологий точного земледелия, широкое применение биотехнологий в растениеводстве и животноводстве, а также глубокая автоматизация производственных процессов, включая роботизацию.

Реализация сценария технологического прорыва должна привести к значительному увеличению эффективности использования ресурсов, снижению себестоимости продукции и существенному повышению конкурентоспособности российского АПК на внутреннем и внешнем рынках. Прогнозируется, что в случае успешной реализации сценария технологического прорыва к 2030 г. производство ключевых сельскохозяйственных культур, таких как зерновые и масличные культуры, а также овощи и картофель, может продемонстрировать значительный рост, оцениваемый в пределах 20–30 %.

Достижение такого уровня роста потребует скоординированных усилий со стороны государства, бизнеса и научного сообщества, направленных на стимулирование инноваций, привлечение инвестиций и создание благоприятных условий для технологической модернизации отрасли.

Россия демонстрирует устойчивое стремление к укреплению своих позиций на мировом рынке агротехнологий и сельскохозяйственной продукции в целом. Амбициозная цель, поставленная на 2025 г., предусматривает увеличение объема экспорта сельскохозяйственной продукции до 45 млрд. долл. Достижение этого показателя свидетельствует о растущем значении страны как ключевого игрока на глобальном продовольственном рынке. Традиционно сильными экспортными позициями России являются поставки зерна, масличных культур и удобрений, которые пользуются стабильным спросом за рубежом. Вместе с тем, страна активно развивает и новые перспективные направления, такие как органическое земледелие, продукция которого становится все более востребованной на мировом рынке, а также поддержку и продвижение агротехнологических стартапов, предлагающих инновационные решения для повышения эффективности сельского хозяйства. Эти усилия направлены на диверсификацию экспортной корзины и закрепление за Россией статуса надежного и современного поставщика сельскохозяйственной продукции и агротехнологий на мировой арене [13; 14].

Технологические инновации представляют собой многогранный и динамично развивающийся комплекс знаний, методов и инструментов, которые оказывают фундаментальное влияние на способность человечества обеспечивать себя продовольствием в условиях постоянно меняющегося мира. Их роль в обеспечении продовольственной безопасности страны является не просто важной, а критически необходимой, охватывая все этапы сельскохозяйственного производства, от селекции и выращивания культур до хранения, переработки и доставки готовой продукции потребителю.

Генетически модифицированные культуры (ГМО) являются одним из наиболее дискуссионных, но при этом весьма значимых технологических достижений. Посредством направленного измене-

ния генетического материала растений ученые создают сорта, обладающие рядом ценных характеристик. Это может включать повышенную урожайность за счет более эффективного фотосинтеза или устойчивости к неблагоприятным факторам окружающей среды, таким как засуха, засоление почв или экстремальные температуры.

Кроме того, ГМО могут быть разработаны с целью формирования у сельскохозяйственных культур устойчивости к определенным вредителям, что позволяет снизить потребность в химических инсектицидах, или с улучшением питательных составов, например, с повышенным содержанием витаминов или незаменимых аминокислот, что способствует борьбе с микронутриентной недостаточностью.

Несмотря на опасения, связанные с их потенциальным воздействием на здоровье человека и окружающую среду, ГМО при строгом контроле и научном обосновании могут внести существенный вклад в увеличение объемов производства продовольствия и повышение его качества.

Методы улучшения плодородия почвы представляют собой широкий спектр агротехнических и биологических подходов, направленных на поддержание и восстановление здоровья почвенных экосистем. Такие традиционные способы, как внесение органических удобрений (компоста, навоза), использование сидератов (зеленых удобрений) и соблюдение севооборотов, способствуют улучшению структуры почвы, повышению ее влагоудерживающей способности и обогащению питательными веществами.

Современные биотехнологические подходы включают использование микробиологических препаратов, которые активизируют полезную почвенную микрофлору, улучшают доступность питательных элементов для растений и подавляют развитие патогенных микроорганизмов.

Технологии минимальной или нулевой обработки почвы позволяют снизить эрозию, сохранить органическое вещество и влагу в почве, что особенно важно в условиях засушливого климата. Комплексное применение этих методов позволяет не только повысить урожайность сельскохозяйственных культур, но и обеспечить долгосрочную устойчивость почвенных ресурсов, предотвращая их деградацию.

Современные технологии орошения играют ключевую роль в обеспечении стабильных урожаев, особенно в регионах, подверженных дефициту водных ресурсов. Традиционные методы поверхностного полива часто характеризуются значительными потерями воды из-за испарения и неэффективного распределения. Напротив, передовые системы, такие как капельное орошение, при котором вода дозированно подается непосредственно в корневую зону растений, и системы точного полива, использующие датчики влажности почвы и метеорологические данные

для оптимизации графика и объема полива, позволяют существенно повысить эффективность использования водных ресурсов, снизить водопотребление и предотвратить засоление почв.

В условиях изменения климата, которое приводит к увеличению частоты и продолжительности засух, внедрение этих водосберегающих технологий становится критически важным для поддержания стабильности сельскохозяйственного производства и обеспечения продовольственной безопасности в засушливых и полусушливых регионах [15].

Таким образом, технологические инновации во всех аспектах сельскохозяйственного производства являются неотъемлемым условием для обеспечения продовольственной безопасности в условиях глобальных вызовов, таких как изменение климата и рост населения. Дальнейшее развитие, адаптация и широкое внедрение этих и новых передовых технологий позволят увеличить доступность и качество продовольствия, сделать сельское хозяйство более устойчивым и способствовать решению одной из важнейших задач человечества – обеспечению всех людей достаточным количеством безопасной и питательной пищи.

Заключение.

Аграрный сектор экономики России имеет значительный потенциал для технологического прогресса. Это обеспечивается укреплением кадрового потенциала АПК путем модернизации системы аграрного образования и разработки специализированных образовательных программ, ориентированных на подготовку высококвалифицированных специалистов в перспективных областях, таких как цифровое сельское хозяйство и агроинженерия.

Необходимо обеспечить интеграцию современных информационных технологий и передовых агротехнических решений в учебные планы образовательных организаций, организовать практическое обучение на базе ведущих агропредприятий и научно-исследовательских центров, а также создать условия для повышения квалификации и переподготовки уже работающих специалистов.

Для активизации инновационной деятельности необходимо стимулировать инновационные стартапы в сфере агротехнологий посредством создания благоприятной экосистемы, включающей предоставление грантов на ранних стадиях развития, введения налоговых льгот для инновационных компаний и инвесторов, а также создания привлекательной инвестиционной среды, способствующей привлечению частных инвестиций в разработку и внедрение передовых агротехнологий. Поддержка стартапов должна включать не только финансовые меры, но и обеспечение доступа к менторской поддержке, экспертным консультациям и возможностям для апробации разработанных решений на практике.

Наконец, стратегически важным направлением является снижение зависимости от импорта ключевых ресурсов для агропромышленного комплекса, прежде всего, путем активного развития отечественного производства сельскохозяйственной техники и средств производства, таких как удобрения, средства защиты растений, семена и племенной материал.

Государственная поддержка отечественных производителей, стимулирование локализации производства зарубежных компаний, а также созда-

ние условий для разработки и выпуска конкурентоспособной отечественной продукции, позволят укрепить технологическую независимость АПК и обеспечить его устойчивое развитие в долгосрочной перспективе.

Реализация этих комплексных мер позволит ускорить технологическое развитие агропромышленного комплекса России, повысить его эффективность и конкурентоспособность, а также обеспечить продовольственную безопасность страны.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Технологическая трансформация агропромышленного комплекса России: вызовы и возможности (часть первая) / О.В. Терещенко [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 5. С. 242–248. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-5-33 EDN: EDVBEC
2. Рувиль В.С. Кадровая политика и стратегия управления персоналом в АПК Крайнего Севера: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»: дис. ... на соискание ученой степени кандидата экономических наук. 2003. 117 с. EDN: NMFOEV
3. Актуальные проблемы бюджетного федерализма в современной России / А.А. Храменко [и др.] // Вестник Академии знаний. 2022. № 49(2). С. 397–403. EDN: MZQVHM
4. Современное состояние и проблемы развития АПК России. URL : https://agro-archive.ru/apk/2035-sovremennoe-sostoyanie-i-problemy-razvitiya-apk-rossii.html?utm_source (дата обращения 22.04.2025).
5. Фрейдина И.А. Проблемы финансирования инфраструктурных проектов в России // Российское предпринимательство. 2015. № 22. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-finansirovaniya-infrastruktur-proektov-v-rossii> (дата обращения 22.04.2025). DOI: 10.18334/rp.16.22.2075 EDN: VJYYCT
6. Государственные программы. URL : <https://mcs.gov.ru/activity/state-support/programs> (дата обращения 22.04.2025).
7. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: официальное издание. М. : ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. 48 с.
8. Поддержка стартапов в агроиндустрии. Россельхозбанк. URL : https://www.rshb.ru/about/agrotech-projects?utm_source (дата обращения 22.04.2025).
9. Государственные программы поддержки стартапов в России: Как получить финансирование. URL : https://xn-7sbaciauml4cnazmp.xn-p1ai/blog/gosudarstvennye-programmy-podderzhki-startapov-v-rossii-kak-poluchit-finansirovanie/?utm_source (дата обращения 22.04.2025).
10. Хомяков, Д. М. Господдержка АПК: почему опять по-новому? URL : <https://iarex.ru/articles/124175.html> (дата обращения 22.04.2025).
11. НЦМУ «Агротехнологии будущего» – в фокусе внимания зарубежных и российских СМИ. URL : https://www.timacad.ru/news/ntsmu-agrotekhnologii-budushchego-v-fokuse-vnimaniia-zarubezhnykh-i-rossiiskikh-smi?utm_source (дата обращения 22.04.2025).
12. Тамбиянц Ю.Г. Проект «устойчивого развития» как источник формирования «ответов» на «вызовы» современности (часть вторая) / Ю.Г. Тамбиянц, О.В. Терещенко, М.В. Гринь // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2. С. 55–58. DOI: 10.23672/SAE.2023.17.49.001 EDN: AZQXNW
13. Цао Тяньсин. Развитие китайско-российского сотрудничества в области продовольственной безопасности на основе повышения устойчивости цепей поставок / Цао Тяньсин, О.В. Терещенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 260–263. DOI: 10.23672/SAE.2024.4.4.033 EDN: SKQIXW
14. Ли Ч. Актуальные вопросы роста мировой экономики: тенденции и перспективы / Ч. Ли, О.В. Терещенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 189–192. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-9-27 EDN: KOTXXB

© Терещенко О.В., Гринь М.В.

15. Роль науки, технологий и инноваций в обеспечении продовольственной безопасности к 2030 году. ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) // https://unctad.org/publication/role-science-technology-and-innovation-ensuring-food-security-2030?utm_source (дата обращения 22.04.2025).

References:

1. Technological transformation of the Russian agro-industrial complex: Challenges and opportunities (part one) / O.V. Tereshchenko [et al.] // Humanities, socio-economic and social sciences. 2025. № 5. P. 242–248. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-5-33 EDN: EDVBEC
2. Rouville V.S. Personnel policy and personnel management strategy in the agro-industrial complex of the Far North: specialty 08.00.05 «Economics and management of the national economy» : dis. ... for the degree of Candidate of Economic Sciences. 2003. 117 p. EDN: NMFOEV
3. Actual problems of budgetary federalism in modern Russia / A.A. Khranchenko [et al.] // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2022. № 49(2). P. 397–403. EDN: MZQVHM
4. The current state and problems of the development of the agro-industrial complex of Russia. URL : https://agro-archive.ru/apk/2035-sovremennoe-sostoyanie-i-problemy-razvitiya-apk-rossii.html?utm_source (date of application 04/22/2025).
5. Freydina I.A. Problems of financing infrastructure projects in Russia // Russian entrepreneurship. 2015. № 22. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-finansirovaniya-infrastrukturnyh-proektov-v-rossii> (date of application 04/22/2025). DOI: 10.18334/rp.16.22.2075 EDN: VJYYCT
6. Government programs. URL : <https://mcx.gov.ru/activity/state-support/programs> (date of application 04/22/2025).
7. Departmental project «Digital Agriculture»: official publication. M. : Rosinformagrotech, 2019. 48 p.
8. Support for startups in the agricultural industry. Rosselkhozadzor // https://www.rshb.ru/about/agrotech-projects?utm_source (date of application 04/22/2025).
9. Government Startup Support Programs in Russia: How to get financing. URL : https://xn-7sbaciauml4cnazmp.xn-p1ai/blog/gosudarstvenny-programmy-podderzhki-startapov-v-rossii-kak-poluchit-finansirovanie/?utm_source (date of application 04/22/2025).
10. Khomyakov D.M. State support of the agroindustrial complex: why again in a new way? URL : <https://iarex.ru/articles/124175.html> (date of application 04/22/2025).
11. NCMU «Agrotechnologies of the future» – in the focus of attention of foreign and Russian media. URL : https://www.timacad.ru/news/ntsmu-agrotekhnologii-budushchego-v-fokuse-vnimanii-zarubezhnykh-i-rossiiskikh-smi?utm_source (date of application 04/22/2025).
12. Tambiyants Yu.G. The project of «Sustainable development» as a source of formation of «answers» to the «challenges» of modernity (part two) / Yu.G. Tambiyants, O.V. Tereshchenko, M.V. Grin // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. № 2. P. 55–58. DOI: 10.23672/SAE.2023.17.49.001 EDN: AZQXNW
13. Cao Tianxing. The development of Sino-Russian cooperation in the field of food security based on increasing the sustainability of supply chains / Cao Tianxing, O.V. Tereshchenko // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. № 4. P. 260–263. DOI: 10.23672/SAE.2024.4.4.033 EDN: CKQIXW
14. Li, Ch. Actual issues of global economic growth: trends and prospects / Ch. Li, O.V. Tereshchenko // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. № 9. P. 189–192. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-9-27 EDN: KOTXXB
15. The role of science, technology and innovation in ensuring food security by 2030. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). URL : https://unctad.org/publication/role-science-technology-and-innovation-ensuring-food-security-2030?utm_source (date of application 04/22/2025).

Информация об авторах

Терещенко Олеся Валерьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и политологии,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
olesya.tereschenko@yandex.ru

Olesya V. Tereshchenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History and Political Science,
Kuban State Agrarian University
named After I.T. Trubilin
olesya.tereschenko@yandex.ru

Гринь Максим Валентинович

доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
grin.m@kubsau.ru

Maksim V. Grin

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department Sociology
and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named After I.T. Trubilin
grin.m@kubsau.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.01.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 2 от 25.02.2026

Выходит 12 раз в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
академик Российской академии наук, д-р социол. наук,
д-р с.-х наук, профессор
Харитонов Евгений Михайлович

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
канд. филос. наук, доц.
Бугаенко Юлия Юрьевна

ШЕФ-РЕДАКТОР
д-р соц. наук, проф.
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ
Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 23.02.2026
Подписано к публикации 25.02.2026

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e-mail: id-yug@id-yug.com